

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED  
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ  
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ALUSTATUD 1898. a.

VIHİK

217

ВЫПУСК

ОСНОВАНЫ в 1893 г.

ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ  
ФИЛОЛОГИИ  
XIII

ГОРЬКОВСКИЙ СБОРНИК



TARTU 1968

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED  
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ  
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА  
TRANSACTIONS OF THE TARTU STATE UNIVERSITY  
ALUSTATUD 1893. a. VIINIK 217 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893 г.

---

# ТРУДЫ ПО РУССКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ

## ХІІІ

### ГОРЬКОВСКИЙ СБОРНИК

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ (1868—1968)

ТАРТУ 1968

Редакционная коллегия: В. И. Беззубов, С. Г. Исаков,  
З. Г. Мицц (ответственный редактор), П. С. Рейфман.

О ПОПЫТКЕ М. ГОРЬКОГО И В. БРЮСОВА ИЗДАТЬ  
В 1916—1917 ГГ. СБОРНИК ЭСТОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. Г. Исаков

Цель данного сообщения — познакомить русских читателей с некоторыми эстонскими материалами, посвященными попытке М. Горького и В. Брюсова в 1916—1917 гг. организовать выпуск в свет антологии эстонской литературы в той же серии издательства «Парус», где были опубликованы в этот период сборники армянской, латышской и финской литератур. Эстонским исследователям эти материалы большей частью уже давно известны, и они использовались в трудах литературоведов, опубликованных в эстонской печати.<sup>1</sup> К сожалению, русские исследователи до сих пор были с ними незнакомы. Эти материалы не нашли отражения ни в обобщающих трудах, посвященных связям М. Горького с литературами нашей страны,<sup>2</sup> ни в «Летописи жизни и творчества А. М. Горького», выпущенной в 1958—1960 гг. Институтом мировой литературы в Москве. Вообще о попытке М. Горького и В. Брюсова издать в 1916—1917 гг. сборник эстонской литературы в работах русских литературоведов до сих пор сколько-нибудь подробно не сообщалось.

\*

\* \* \*

М. Горький рано проявил интерес к эстонцам, к их литературе и фольклору. Проживая в конце 1904 — начале 1905 гг. в Латвии — в Риге и на Рижском взморье,<sup>3</sup> М. Горький мог

<sup>1</sup> См., напр., превосходную статью: Nigol Andresen, Maksim Gorki ja Eesti, «Looming», 1959, Nr. 7, 1961, Nr. 8.

<sup>2</sup> См., напр.: Н. К. Пиксанов, Горький и национальные литературы, М., Гослитиздат, 1946; М. Юнович, М. Горький в борьбе за равенство и дружбу народов, М., «Советский писатель», 1957.

<sup>3</sup> Пребыванию М. Горького в Латвии посвящено большое количество статей в латышской печати, они перечислены в библиографии: Связи латышской и русской литературы. Библиографический указатель. Составил Я. Озол. Рига, 1959. См. также: А. Гронский, Горький в Прибалтике (по материалам Госархива ЭССР), газ. «Советская Эстония», 18/VI 1946, № 137.

близко наблюдать революционное движение прибалтийских народов. В марте 1905 г. он писал Е. П. Пешковой: «Здесь творятся дела в высокой степени значительные — всюду крестьянские беспорядки.

Латыши, эсты, литовцы — удивительно интересный и разумный народ, — нужно видеть, что они делают, чтобы поверить, как они серьезно и стойко добиваются своей цели».<sup>4</sup>

Общеизвестен интерес М. Горького к фольклору народов России. Внимание писателя привлек и эстонский национальный эпос «Калевипоэг». 2. X 1908 г. М. Горький писал литературоведу В. А. Келтуяле: «Вы цитируете «Калевипоэг», — скажите, переведена ли она на русский язык? Если переведена — не достанете ли Вы для меня экземпляр?»<sup>5</sup> По-видимому, В. А. Келтуяла не смог достать русский перевод эпоса, но, вероятно, сообщил М. Горькому библиографические данные о том, где он был опубликован. Свидетельством этого является любопытное письмо М. Горького в книжный магазин Ф. Клуге в Ревеле (Таллине), посланное им с острова Капри в январе 1909 г. (в письме не указана дата его написания, но на конверте стоит почтовый штамп Капри — 12. I 1909).<sup>6</sup>

«Книжному магазину

Франца Клуге  
в Ревеле

Милостивые Государи!

Позвольте мне почтительно просить Вас о следующей услуге, за которую буду горячо благодарен:

в «Ревельских Известиях» за 1893 и 94 года была напечатана работа Алексеева «Сын Калева». №№ издания, в которых была помещена работа эта за 93-й год — 87-8, 95-7, 104-7, 137, 145, 235, 237, 244.

<sup>4</sup> М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 28, М., Гослитиздат, 1954, стр. 363 (в дальнейшем все ссылки на это издание даются прямо в тексте с указанием тома и страницы).

<sup>5</sup> «Русская литература», 1966, № 4, стр. 189. В. А. Келтуяла говорит о Калевипоэге в следующих своих работах: Курс истории русской литературы, ч. I, кн. 1, СПб., 1906, стр. 398—400; Краткий курс истории русской литературы, ч. I, вып. 1, СПб., 1908, стр. 313—314. По-видимому, соображения В. А. Келтуялы о Калевипоэге, сопоставление героя эстонского национального эпоса со Святогором, оказали влияние на формирование несколько необычной концепции Калевипоэга у М. Горького (о ней ниже).

<sup>6</sup> Письмо было обнаружено в конце 1949 г. в библиотеке АН ЭССР, и тогда же в газетах появились сообщения об этом, в которых в эстонском переводе приводился почти полностью текст письма (M. Gorki kiri Tallinna arhiivis, «Rahva Hääl», 10. XII 1949, Nr. 290; «Edasi», 11. XII 1949, Nr. 291). Фотокопии письма вместе с эстонским переводом его также были дважды опубликованы, см.: E. Aule, M. Gorki sidemetest Tallinna raamatukauplusega, «Polügrafist», 1965, Nr. 2, lk. 10—11; V. P i n o, M. Gorki huvist «Kalevipoja» vastu, «Keel ja Kirjandus», 1966, Nr. 4, lk. 241—243.

За 94-й год: 70, 71, 78, 214, 217, 278, 280.

Если нет отдельного издания этой работы, я покорно просил бы Вас собрать эти №№-а и прислать их мне. Все расходы будут не медля уплочены мною с великой благодарностью.

Затем: покорно прошу выслать мне книгу:

Юр. Трусман. Калева. Древне эстонская поэма.<sup>7</sup>

1-й выпуск 1886 г. Ревель.

2-й -,-, 1889 г. -,-

То и другое, если возможно, высылайте наложенным платежом.

М. Горький.

Адрес: Италия. Капри. М. Горькому.

Capri, presso Napoli. M. Gorki». <sup>8</sup>

Из этого следует, что М. Горький хотел ближе познакомиться с крупнейшим произведением эстонской национальной литературы, вобравшим в себя и все богатство эстонского фольклора, — эпосом Фр. Р. Крейцвальда «Калевипоэг». При этом, несмотря на наличие некоторых библиографических неточностей в письме,<sup>9</sup> ясно, что он был уже осведомлен в какой-то мере как о самом эпосе, так и о его переводах на русский язык.<sup>10</sup>

Нам неизвестно, выслал ли книжный магазин Ф. Клуге М. Горькому русские переводы «Калевипоэга». Но, по крайней мере, М. Горький был знаком с героем эстонского национального эпоса, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания его имени в статьях и выступлениях писателя. Так, например, в статье «О темах» (1933) он упоминает «Калеви — героя эстонской «Калевипоэг»» (XXVII, 105) в качестве богоборца, для доказательства древнейших мотивов богоборчества. В таком же, несколько неожиданном, аспекте упоминается герой эстонского эпоса и в докладе на первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 г. «Советская литература»: «Но чем более мощным и властным становился рабовладелец, — тем выше в небеса поднимались боги, а в массе явилось богоборчество, воплощенное в образе Прометея, эстонского Калеви и других героев, которые видели в боге враждебного им владыку владык» (XXVII, 301).

<sup>7</sup> Название книги приведено М. Горьким не вполне точно, должно бы быть: Калевич (Kalewi roeg). Древняя эстонская сага в двадцати песнях.

<sup>8</sup> Письмо печатается здесь по фотокопиям, опубликованным в вышецитированных работах Э. Аула и В. Пино (оригинал письма в Архиве М. Горького в Москве).

<sup>9</sup> Они отмечены в статье: V. Pino, ук. соч., стр. 242—243.

<sup>10</sup> Об этих переводах см.: P. Ariste, «Kalevipoja» tõlgetest, «TRÜ Toimetised», v. 53, Tartu, 1957.

Мы оставляем в стороне вопрос о своеобразии рецепции М. Горьким образа Калевипоэга (или Калева), о том, что герой эстонского национального эпоса в его представлении далеко не совпадал с известным нам по произведению Фр. Р. Крейцвальда персонажем, с, так сказать, реальным Калевипоэгом (или Калевом). Для нас, в данном случае, важно другое: сам факт интереса великого писателя к эстонскому фольклору.

Между прочим, у М. Горького довольно рано установились и непосредственные связи с эстонцами. Как раз во время пребывания писателя в Риге, 10 октября 1904 г., рижское Эстонское общество трезвости с большим успехом поставило его пьесу «На дне». На премьеру был приглашен и автор. М. Горький прислал обществу письмо, в котором благодарил его за внимание и выражал искреннее сожаление по поводу того, что не сможет лично присутствовать на спектакле из-за отъезда из Риги.<sup>11</sup>

Не лишен любопытства и такой факт: после освобождения М. Горького из заключения в феврале 1905 г. в Эстонии пронесся слух, что писатель, которому запрещено жительство в столице, поселится в Таллине. Эстонские газеты даже сообщали, что он находится на пути сюда и будет присутствовать 25 февраля на спектакле «Дачники» в таллинском Городском театре в исполнении труппы С. А. Трефилова.<sup>12</sup> Эти слухи не подтвердились, не ясен и их источник, но они хорошо характеризуют большой интерес к личности М. Горького в Эстонии.

В эстонскую печать проникли сведения о том, что М. Горький присутствовал на одном вечере в Хельсинки, весь доход с которого шел на нужды революции. На нем выступила Майла Тальвио, которая в своем докладе коснулась положения в Прибалтике и рассказала о тяжелой доле эстонцев и латышей. М. Горький и М. Андреева, будто бы, были тронуты до слез этим рассказом.<sup>13</sup>

Некоторые сведения об эстонском народе и его культуре М. Горький мог получить и от самих эстонцев при личных встречах с ними. В 1906 г. он встречался с эстонским деятелем, правда, несколько сомнительной репутации Яаном Сибуль-Народным. Последний нередко любил прихвастнуть, но все же, по-видимому, можно доверять его утверждению в письме к Л. Н. Толстому от 10 июля 1909 г. о том, что из Финляндии в

---

<sup>11</sup> Письмо М. Горького, «Рижский вестник», 15/X 1904, № 229. См. также: Maksim Gorki näitemäng «Põhjas» Eesti näitelawal Riias, «Uudised», 15. X 1904, Nr. 90.

<sup>12</sup> «Ревельские известия», 19/II 1905, № 40; «Teataja», 23. II 1905, Nr. 41, lk. 3; «Saarlane», 1. III 1905, nr. 9, lk. 3. Дополнительную «остроту» этим сообщениям придавало и то, что «Дачники» только что были запрещены властями к представлению в театре Комиссаржевской в Петербурге.

<sup>13</sup> Soomemaalit, «Kodumaal», 6. II 1906, Nr. 4, lk. 4.

Нью-Йорк он ехал вместе с М. Горьким и был свидетелем всех его американских злоключений.<sup>14</sup> В 1912 г. на Капри и в 1917 г. в Петрограде к нему заходил художник Н. Роот.<sup>15</sup> Замечательный эстонский композитор и музыкальный деятель Михкель Людиг до революции вращался в Петербурге в кругу демократической русской интеллигенции и, в частности, общался с М. Горьким.<sup>16</sup> С писателем был знаком знаменитый эстонский художник Я. Коорт. Уже после революции, в 1922 г. в Берлине, М. Горький несколько раз встречался с финской писательницей Хэллой Вуолийоки, эстонкой по национальности, хорошей знакомой жены писателя М. Ф. Андреевой.<sup>17</sup>

Довольно тесные связи с М. Горьким установились у известного эстонского скрипача и революционера Э. Сырмуса. Еще в 1908 г. он гостил у М. Горького на Капри. Сохранились письма Э. Сырмуса к М. Горькому, относящиеся, правда, уже к 1931—1932 гг.<sup>18</sup> Без сомнения, этим не ограничивался круг знакомств М. Горького с эстонцами.

Всех их мы сейчас уже не можем восстановить. Они могли быть самыми неожиданными и не ограничиваться лишь кругом интеллигенции. Сошлемся в этой связи хотя бы на письмо И. П. Ладыжникову от 30. VI 1916 г., помеченное «Байдары», где в ту пору отдыхал М. Горький: «Общество крайне интернациональное <...> прислуга — латыши, эсты».<sup>19</sup>

Но для нас, естественно, особый интерес представляет попытка М. Горького и В. Брюсова организовать издание антологии эстонской литературы в 1916—1917 гг. Как известно, замысел издания сборников национальных литератур народов России возник у М. Горького еще в самом начале XX в. Уже 31. I — 1. II 1902 г. М. Горький писал К. П. Пятницкому о своих планах издания альманахов еврейской, финской, грузинской и армянской литератур.<sup>20</sup> И в дальнейшем он многократно предпринимал попытки выпуска в свет подобного рода сборников — и в издательстве «Знание», и в возглавляемом В. В. Ве-

---

<sup>14</sup> См. A. Annist, T. Volkova, Leo Tolstoi kirjavahetus eestlastega, «Keel ja Kirjandus», 1964, № 6, lk. 326.

<sup>15</sup> Н. Роот, Мои встречи с Горьким, газ. «Советская Эстония», 18/VI 1946, № 141.

<sup>16</sup> См. С. Гинзбург, Из истории музыкальных взаимосвязей народов России в конце XIX — начале XX века, сб.: Русская музыка на рубеже XX века. Статьи, сообщения, публикации, М.—Л., Изд. «Музыка», 1966, стр. 25.

<sup>17</sup> См. H. Wuolijoki, Yliopistovuodet Helsingissä, Helsinki, 1945, lk. 180 и след.

<sup>18</sup> См. Р. Брайнина, Письма эстонского скрипача-революционера, «Советская Эстония», 28/III 1968, № 73.

<sup>19</sup> Архив А. М. Горького, т. VII, М., Гослитиздат, 1959, стр. 163.

<sup>20</sup> Архив А. М. Горького, т. IV, М., Гослитиздат, 1954, стр. 76.



ресаевым «Книгоиздательстве писателей в Москве» и т. д.<sup>21</sup> Его усилия в этом направлении были поистине титаническими.

Но лишь после организации в 1915 г. совместно с И. П. Ладыхниковым и А. Н. Тихоновым издательства «Парус» эти планы М. Горького начали претворяться в жизнь. В 1916 г. выходит «Сборник армянской литературы», а в следующем году — аналогичные альманахи латышской и финской литературы. Близка была к завершению, насколько можно судить по материалам конторы издательства «Парус»<sup>22</sup> и переписки А. Н. Тихонова с В. Я. Брюсовым,<sup>23</sup> работа над двухтомными антологиями украинской и еврейской литературы.<sup>24</sup> Была проделана очень большая работа по подготовке сборника литовской литературы.<sup>25</sup> Проектировалось также издание сборников грузинской, татарской и некоторых других литератур.<sup>26</sup>

Работа над этими сборниками протекала по определенному плану. Для составления сборника обычно создавалось как бы две редакции — русская и национальная. В русскую редакцию входили М. Горький, В. Брюсов и иногда А. Н. Тихонов, очень загруженный организационной работой в издательстве «Парус». Отдел прозы должен был редактировать М. Горький (иногда вместе с А. Н. Тихоновым), а редакцию стихотворных переводов брал на себя В. Брюсов. Одновременно создавалась и национальная редакция или комитет. В предисловии к «Сборнику армянской литературы» отмечалось: «Редакционная работа по составлению каждого сборника находится в руках Комитета из представителей той национальности, литературе и жизни которой посвящен сборник. Эти комитеты создают план книги и выбирают из общей массы родной своей литературы те ее произведения, которые они признают наиболее характерными».<sup>27</sup> В задачу национального комитета входила также организация переводов прозы и добывание подстрочников поэтических произведений. Последние, как правило, переводились русскими поэтами, причем М. Горький и В. Брюсов привлекли к этому делу

---

<sup>21</sup> Об этом см.: Н. К. Пиксанов, Горький и национальные литературы, стр. 109—116.

<sup>22</sup> Ленинградский областной исторический архив, ф. 1136, оп. 2, ед. хр. 10.

<sup>23</sup> РО ГБЛ, ф. 386, карт. 105, ед. хр. 2, лл. 5, 25—25 об., 34; ф. 386, карт. 105, ед. хр. 3, л. 20 об.

<sup>24</sup> В письме к В. Я. Брюсову от 12/XI 1916 г. А. Н. Тихонов выражал даже надежду, что сборники украинской и еврейской литературы смогут выйти в свет уже зимой 1916/17 гг. (РО ГБЛ, ф. 386, карт. 105, ед. хр. 2, лл. 25—25 об.).

<sup>25</sup> См. об этом: Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2, М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 514, 534.

<sup>26</sup> Летом 1916 г., обещая выслать К. А. Тимирязеву «Сборник армянской литературы», М. Горький писал ему: «Засим выйдут сборники литературы латышской, финской, грузинской, татарской и т. д.» (XXIX, 362).

<sup>27</sup> Сборник армянской литературы, П., 1916, стр. IV.

виднейших представителей русской поэзии тех дней, в частности А. А. Блока.

Сборники национальных литератур, кроме переводов (при этом произведения крупных жанров давались обычно в отрывках), должны были включать и две вступительные статьи (иногда они, как в латышском сборнике, объединялись в одну) — первая посвящалась истории и современному состоянию, общественно-политическим проблемам определенной нации, вторая — собственно ее литературе, точнее, словесности. В результате читатель должен был получить довольно полное представление о народе, с литературой которого он намеревался познакомиться.

У М. Горького возник план издать в той же серии издательства «Парус» и сборник эстонской литературы. В переписке М. Горького и В. Брюсова, по-видимому, почти никаких следов этого замысла не сохранилось. Но о нем мы узнаем из воспоминаний эстонского литератора Б. Линде и из переписки с ним крупнейшего эстонского поэта XX в. Густава Суйтса.

Несколько слов о Б. Линде. Бернхард Линде (1886—1954) — эстонский литератор буржуазного толка. Он родился в Харьюмаа в крестьянской семье, в 1902 г. поступил в Пярнускую гимназию, которую вынужден был покинуть через полгода за участие в деятельности тайной ученической организации. В 1903—1908 гг. Б. Линде учился в частной гимназии Х. Треффнера в Тарту, по окончании которой поступил в Тартуский университет, где изучал сначала право, а затем филологию (специализировался по славистике). Он принимал активное участие в деятельности литературной организации «Ноор-Ээсти» («Молодая Эстония»), позже руководил одноименным издательством и был секретарем редакции журнала «Ноор-Ээсти». Война 1914 г. застала Б. Линде в Германии. Возвратившись через Швецию на родину, он, чтобы не быть мобилизованным в армию, несколько позже стал работать при военно-инженерном складе в Белоруссии (затем был его начальником). По делам службы он много разъезжал по России, часто бывал в Москве и Петрограде, где и смог установить контакт с М. Горьким и В. Брюсовым. В годы Гражданской войны Б. Линде оказался в Сибири, откуда экзотическим путем, впоследствии подробно описанным в его воспоминаниях, — через Дальний Восток, Китай и другие страны Азии, — вернулся на родину. В Эстонии Б. Линде руководил издательством «Варрак», а позже стал профессиональным писателем.

Б. Линде был хорошо знаком со всеми виднейшими эстонскими писателями XX в., со многими из них, в частности с Э. Вильде, Г. Суйтсом и Фр. Тугласом, он находился в переписке.

Чрезвычайно плодовитый писатель, Б. Линде выступал в самых различных жанрах, главным образом как критик, очеркист,

публицист и переводчик. Не обладая сколько-нибудь крупным литературным талантом, он, однако, много и небезуспешно переводил со славянских языков — с чешского («Похождения бравого солдата Швейка» и другие произведения Я. Гашека), с польского («Мужики» Б. Реймонта) и других. Перу Б. Линде принадлежит также ряд путевых очерков, театральных обзоров и рецензий, сборник эссе «Свои и чужие» (1927), несколько литературоведческих книг и т. д.

К истории попытки издания М. Горьким и В. Брюсовым сборника эстонской литературы на русском языке, в которой Б. Линде играл важную роль, он обращался в своих мемуарных или полумемуарных произведениях неоднократно. К сожалению, приводимые им сведения порою расходятся между собой, что заставляет с известным недоверием относиться к его воспоминаниям. Так, в своих воспоминаниях о «Ноор-Ээсти», в которых, по имеющимся у нас данным, Б. Линде впервые упомянул о попытке издания сборника эстонской литературы, он утверждает, что предложение стать во главе эстонской редакции было сделано М. Горьким именно ему, и уже после этого он решил привлечь к предполагаемому изданию своих друзей-соратников по «Ноор-Ээсти», в частности Г. Суйтса.<sup>28</sup> Из более же поздних и самых полных воспоминаний — «Встречи с русскими писателями» — выясняется, что предложение организовать издание сборника эстонской литературы первоначально было сделано М. Горьким Г. Суйтсу, через проживавшего в Гельсингфорсе Смирнова.<sup>29</sup> В другом варианте своих воспоминаний Б. Линде пишет, что дважды встречался с М. Горьким и при второй встрече с ним узнал, что В. Брюсов согласился быть редактором поэтического отдела антологии.<sup>30</sup> Между тем, в окончательном варианте мемуаров Б. Линде утверждает, что лишь один раз встречался с М. Горьким.<sup>31</sup>

Но все-таки эти расхождения носят в целом частный характер и, видимо, объясняются обычными в воспоминаниях ошибками памяти мемуариста. В главном же и основном достоверность мемуаров Б. Линде все же сомнению не подлежит, тем более, что некоторые из приводимых им фактов находят подтверждение и в неопубликованной переписке современников, а также в одном газетном сообщении тех дней. По-видимому, многое нам мог бы дополнительно раскрыть богатейший личный архив Б. Линде. К сожалению, он полностью погиб уже в после-

<sup>28</sup> B. Linde, Mälestusi Noor-Eesti võitluste sisemiselt rindelt. Äärmärkusi Gustav Suitsu kirjadele, «Olion», 1930, Nr. 12, lk. 37.

<sup>29</sup> B. Linde, Kohtamisi vene kirjanikega, «Looming», 1940, Nr. 8, lk. 866.

<sup>30</sup> Bernhard Linde, Rännakuid keeristes. Matkamälestusi Saksast, Rootsist ja Venest maailmasõja eel ja ajal, Tln., 1936, lk. 123.

<sup>31</sup> «Looming», 1940, Nr. 8, lk. 869.

военные годы. Вероятно, не мало дал бы нам и архив Г. Суйтса, но он, к несчастью, сторел (за малым исключением) в начале войны.

История попытки М. Горького и В. Брюсова организовать издание сборника эстонской литературы по воспоминаниям Б. Линде и по некоторым иным источникам предстает перед нами в следующем виде. В начале 1916 г.<sup>32</sup> М. Горький через своего старого знакомого В. М. Смирнова обратился к проживавшему в ту пору в Гельсингфорсе эстонскому поэту Г. Суйтсу с предложением начать работу по составлению сборника эстонской литературы.

Лектор русского языка и библиотекарь Гельсингфорского университета Владимир Мартынович Смирнов (1876—1950) не случайно оказался связующим звеном в общении Горького с эстонскими деятелями. В. М. Смирнов был активным членом РСДРП, оказывал большую помощь партии в транспортировке революционной литературы через Финляндию в Россию. У него неоднократно останавливался В. И. Ленин во время своего пребывания в Финляндии. В. М. Смирнов же организовал в 1907 г. конспиративный отъезд Ленина в Швецию. Очень важную роль сыграл он в деле установления тесных связей между РСДРП и Социал-демократической партией Финляндии. Уже после революции В. М. Смирнов работал советским представителем в Швеции. Он был автором ряда интересных работ по истории революционного движения Финляндии.<sup>33</sup>

Еще во время своего первого пребывания в Финляндии в 1904 г. М. Горький познакомился с В. М. Смирновым и, по-видимому, они сблизились. На квартире В. М. Смирнова состоялась встреча М. Горького с В. И. Лениным в феврале 1906 г.<sup>34</sup> Смирнов ввел Горького в финские гельсингфорские круги. С его помощью М. Горький хотел организовать издание особого финского сборника.<sup>35</sup> М. Горький и позже (напр., в 1914 г.) встречался с В. М. Смирновым, беседовал с ним о Стриндберге,<sup>36</sup>

---

<sup>32</sup> Точная дата неизвестна. Мы датируем обращение М. Горького началом 1916 г. на основе следующего косвенного свидетельства. Первое точно датированное известие об организации издания сборника эстонской литературы относится к середине мая 1916 г. (см. о нем ниже), но характер известия заставляет предполагать, что к этому времени была уже проведена некоторая подготовительная работа: составлена эстонская редакция сборника и т. д., — потребовавшая, по крайней мере, нескольких месяцев.

<sup>33</sup> См., напр.: В. М. Смирнов, Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг., Л., 1933.

<sup>34</sup> В. М. Смирнов, Встречи с Лениным в Финляндии, сб.: Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. I, М., Госполитиздат, 1956, стр. 346.

<sup>35</sup> См. письмо М. Горького к К. П. Пятницкому, относящееся к середине января 1906 г., Архив А. М. Горького, т. IV, стр. 195.

<sup>36</sup> См. Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 2, М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 421—422.

на дочери которого, кстати, был женат Смирнов, переписывался с последним.<sup>37</sup>

В. М. Смирнов же, в свою очередь, был связан с эстонскими кругами, обосновавшимися в Гельсингфорсе. В ту пору, особенно после первой русской революции, в столице Финляндии проживало несколько сот эстонцев, у которых были свои объединения. Это были частью эмигранты, спасавшиеся здесь от репрессий царских властей, частью студенты местного университета. В Гельсингфорсе жили или учились многие крупные деятели эстонской культуры: Г. Суйтс, В. Грюнталь (Ридала), Й. Аавик, Ю. Тильк, временами Э. Вильде и Фр. Туглас и др. К ним можно добавить и упоминавшуюся уже выше Хэллу Вуолийоки (Муррик). У эстонской интеллигенции установились тесные связи с местной общественностью. В 1906 г. эстонскими и финскими студентами и частью профессуры Гельсингфорского университета был основан «Финско-эстонский союз», целью которого было расширение культурных связей между Эстонией и Финляндией.

Русское отделение библиотеки Гельсингфорского университета, где работал В. М. Смирнов, было главным местом встреч эстонских эмигрантов и студентов, как и вообще политических эмигрантов из России. Полиция сюда не заглядывала. Здесь они могли спокойно поговорить о политике и литературе, обсудить положение на родине, почитать новые журналы и книги, порою и нелегальные. Фр. Туглас вспоминает, что именно благодаря русскому отделению библиотеки он в годы эмиграции в Финляндии значительно расширил свой литературный и политический кругозор. Здесь эстонцы общались с русскими и латышскими деятелями, вынужденными покинуть родину.<sup>38</sup>

В той же самой библиотеке университета, где служил В. М. Смирнов, некоторое время, в 1911—1913 гг., работал библиотекарем и Густав Суйтс, а позже его супруга — Aino Thaurón-Suits. Без всякого сомнения, они были знакомы. Иногда В. М. Смирнову и Г. Суйтсу, по-видимому, приходилось заниматься одним и тем же далеко не безопасным делом: они тайно переправляли русских революционеров через Финляндию за границу, в Швецию. Более чем вероятно, что Смирнов установил связь и с другими гельсингфорскими эстонцами. У нас даже есть несколько фактов, указывающих на это. «Правлением СДПФ при активном участии В. Смирнова, — пишет современный исследователь, — в 1906 г. в Хельсинки был создан Комитет помощи русским политическим эмигрантам, при котором работал ряд комиссий, в том числе комиссия по оказанию помощи эстонским политэмигрантам. На

<sup>37</sup> См. там же, стр. 435.

<sup>38</sup> См. об этом: Friedebert Tuglas, Mälestused, Tln., 1960, lk. 288.

устраиваемых Комитетом платных концертах выступал эстонский скрипач Эд. Сырмус<sup>39</sup> и певица Мария Мийлер, которая пела и революционные песни. При этом характерно, что Эстонское Благотворительное Общество (основное объединение эстонцев в Гельсингфорсе — *С. И.*), как легальная организация, брало на себя ответственность за устройство вечеров и получало у полиции соответствующее разрешение». <sup>40</sup> В. М. Смирнов, по-видимому, и ближе познакомился с Эд. Сырмусом. По крайней мере, в своей книге он упоминает о том, что Сырмус неоднократно бывал у него. <sup>41</sup> Другая нить ведет нас от В. М. Смирнова к семейству Вуолийоки: в своей книге он указывает, что в предреволюционные годы был связан с социал-демократом Вуолийоки, позже финским посланником в Берлине. <sup>42</sup> Это старший брат мужа Хэллы Вуолийоки.

Всё это делает понятным, почему М. Горький именно через В. М. Смирнова обратился к эстонским деятелям. Г. Суйтс, получив предложение М. Горького, решил, во-первых, привлечь к участию в подготовке сборника своего старого хорошего знакомого и собрата по «Ноор-Ээсти» Б. Линде. Выбор Г. Суйтса опять же не был случаен. Б. Линде уже зарекомендовал себя, в качестве руководителя издательства «Ноор-Ээсти» и секретаря редакции одноименного журнала, как хороший организатор. К тому же Г. Суйтс был связан постоянной работой, в то время как Б. Линде по своей должности служащего военно-дорожного ведомства много разъезжал и имел возможность посещать Москву и Петроград и устанавливать личные связи с М. Горьким, В. Брюсовым и издательством «Парус».

Г. Суйтс, по-видимому, решил привлечь к сотрудничеству и других младоэстонцев, в частности Фр. Тугласа<sup>43</sup> и П. Руубеля.<sup>44</sup> Можно предполагать, что Г. Суйтс, оставаясь главным редактором сборника с эстонской стороны, должен был взять на себя, в первую очередь, его составление, на долю же Б. Линде выпала организационная работа по его изданию (в особенности, связь с русской редакцией).

В середине мая 1916 г. в эстонской печати появилось и первое сообщение о предполагаемом издании: «В молодых литера-

<sup>39</sup> На это указывает и В. М. Смирнов в своей книге «Из революционной истории Финляндии», стр. 61.

<sup>40</sup> Г. И. Мосберг, О связях эстонских и финских трудящихся в 1900—1918 гг., «Скандинавский сборник», V, Таллин, 1962, стр. 147.

<sup>41</sup> В. М. Смирнов, Из революционной истории Финляндии, стр. 54 и 59.

<sup>42</sup> Там же, стр. 56.

<sup>43</sup> Фридеберт Туглас (р. 1886) — видный эстонский писатель, один из основоположников и руководителей литературной группы «Ноор-Ээсти».

<sup>44</sup> Пезтер Руубель (1885—1957) — эстонский юрист и политический деятель, автор нескольких книг публицистического характера и ряда статей на общественно-политические и, реже, культурные темы, участвовал в деятельности «Ноор-Ээсти».

турных кругах возникло намерение издать Эстонский альманах на русском языке. Это был бы непериодический и чисто-литературный сборник из наших лучших поэтических и прозаических произведений; в книге нашли бы себе место и соответствующие обзоры литературы. В редакционную коллегию, составляющую книгу, входят с эстонской стороны Густав Суйтс, Фридеберт Туглас и Бернхард Линде и с русской стороны Максим Горький и Валерий Брюсов.

Как слышно, редколлегия намерена обратиться к нашим писателям и поэтам, чтобы они сами решили, какие из своих работ они желают поместить в сборник. Альманах выйдет в одном русском издательстве, с которым связан Максим Горький». <sup>45</sup>

Б. Линде, судя по всему, весьма энергично принялся за дело. Началась переписка между участниками предполагаемого мероприятия. Некоторое представление об этой работе дает сохранившееся в копии письмо Густава Суйтса Б. Линде от 28 (15) июля 1916 г.:

«Интереснее всего, конечно, мне было читать о твоих шагах в Петрограде по части эстонского альманаха. Очень хорошо! Теперь только необходимо — насколько это позволяют связанные войной время и силы! — приступить к выполнению принятого плана. Если уж Г<орький> хочет иметь вступительную статью с общественным уклоном, то, вероятно, лучше всех из нас ее способен написать Руубель. Туглас мог бы написать о фольклоре и искусственной лирике (*kunstlöörika*). <sup>46</sup> На долю Линде остался бы общий обзор развития эстонской литературы, как мы и намечали, в первую очередь рассказа и драмы. Мне же да будет, быть может, позволено сравнение всех этих статей и приведение их в соответствие друг с другом.

В мою обязанность, кажется, входило и составление списка включаемых в сборник авторов и их произведений. Должен признать, что я до сих пор еще этого не сделал; помимо всего прочего, я хотел дождаться и возвращения из Хельсинки Видрика. <sup>47</sup> Список составим вместе на этих днях.» <sup>48</sup>

Фр. Туглас также принялся за работу. Об этом мы можем судить по его открытке Б. Линде от 12/VIII 1916: «Я уже около двух недель в Тарту. <...> Собирал здесь материалы для моей статьи об эстонской лирике. Во всяком случае ее-то я напишу,

<sup>45</sup> Eesti almanak Wene keeles, «Postimees», 14. V 1916, Nr. 109, lk. 3.

<sup>46</sup> Так в эстонском литературоведении принято называть ранние поэтические опыты на эстонском языке, принадлежащие обычно перу немецких авторов и очень искусственные по форме и содержанию.

<sup>47</sup> Одно из прозвищ Ф. Тугласа в эмиграции.

<sup>48</sup> Рукописный отдел Литературного музея им. Ф. Р. Крейцвальда АН ЭССР, ф. 209, М. 1 : 6, лл. 24—25. Этот отрывок был напечатан и в вышецит. статье Б. Линде («Olion», 1930, Nr. 12, lk. 37).

выйдет ли что-нибудь с изданием «Эстонского альманаха» или нет». <sup>49</sup>

Как явствует из воспоминаний Б. Линде, в процессе подготовки сборника оказалась проделанной большая работа: в основном, был завершен отбор произведений и даже сделан уже ряд переводов, в том числе заготовлены подстрочные переводы стихов. К сожалению, Б. Линде не сообщает, чьи и какие именно произведения эстонских авторов решено было включить в сборник. О составе сборника мы ничего не знаем.

После того как значительная часть переводов произведений, отобранных эстонской редакцией для сборника, была готова и передана Б. Линде, тот решил отвезти их М. Горькому в Петроград. В публикуемых ниже воспоминаниях Б. Линде подробно описана эта встреча. К сожалению, из текста воспоминаний не ясно, когда она могла состояться. Можно лишь предполагать, что она, вероятнее всего, имела место в конце 1916 или в начале 1917 года. По крайней мере, встреча эта не могла произойти ранее августа 1916 г., поскольку, как явствует из цитированного выше письма Г. Суйтса, к 28 (15) июля 1916 г. еще не были отобраны произведения для предполагаемого сборника, — и в то же время не могла быть позже конца февраля 1917 г., поскольку Б. Линде вспоминает в своих мемуарах, что после Февральской революции он неоднократно бывал в Петрограде, но никак не мог застать М. Горького. <sup>50</sup>

Вслед за тем, уже в конце 1917 г., если верить датировке Б. Линде, <sup>51</sup> он отвез и В. Я. Брюсову, как редактору поэтического отдела, подстрочные переводы некоторых стихотворений, отобранных эстонской редакцией для сборника. Брюсов находился уже в курсе дела, у него даже была переписка со «Знанием» (по всей вероятности, с издательством «Парус» — об этом ниже) относительно подготовки антологии эстонской литературы.

Однако события революционных лет, гражданская война прервали работу над антологией. Издательство «Парус» отказалось от своих былых намерений. Целый ряд переводов так и не был осуществлен. Подстрочные переводы, переданные Б. Линде В. Брюсову, также не были обработаны поэтом. Сборник эстонской литературы, задуманный М. Горьким и В. Брюсовым, в свет не вышел. Такой, в изложении Б. Линде, предстает перед нами вкратце история попытки издания антологии эстонской литературы. Подробнее об этом — в печатаемом ниже русском переводе воспоминаний Б. Линде «Встречи с русскими писателями».

<sup>49</sup> Там же, М. 1: 7, 17/21. Приносим искреннюю благодарность Н. Андрезену, любезно указавшему нам на этот документ.

<sup>50</sup> «Looming», 1940, Nr. 3, lk. 869.

<sup>51</sup> Там же.



Многое в этой истории до сих пор остается неясным. Казалось бы, если Б. Линде передал рукописи переводов эстонских авторов М. Горькому и В. Брюсову, то в архивах последних должны были бы сохраниться хоть какие-либо их следы. Однако этого нет. Ни в Архиве М. Горького в Москве, ни в архиве В. Я. Брюсова, хранящемся в РО ГБЛ, никаких материалов для предполагаемого сборника нам найти не удалось, точно так же, как и каких-либо указаний на это в переписке (в частности, в очень важных и интересных, до сих пор не опубликованных письмах одного из руководителей издательства «Парус» А. Н. Тихонова к В. Я. Брюсову<sup>52</sup>).

Эти факты вновь заставляют усомниться в полной достоверности воспоминаний Б. Линде и, в частности, усомниться в том, действительно ли работа над антологией зашла так далеко, как пишет он в своих мемуарах. Не ограничилось ли дело лишь предварительным обсуждением вопроса о предполагаемом сборнике? Однако ответить на этот вопрос сейчас невозможно; открытым остается и целый ряд других: каков должен был быть состав сборника? Какие именно переводы были уже сделаны? Кто был их переводчиком? Кто еще реально участвовал в подготовке сборника? На каком этапе приостановилась работа над ним? Вот лишь самые первые вопросы, которые встают перед исследователем этого интересного эпизода русско-эстонских литературных связей. Ответ на них могут дать только находки новых архивных, а в какой-то мере, возможно, и печатных материалов.<sup>53</sup>

Но на один из этих вопросов с известной долей гипотетичности можно попытаться и ответить. В наших руках есть ряд фактов, позволяющих косвенно реконструировать возможный состав предполагаемого сборника. Дело в том, что как раз в это же время ответственный редактор эстонской антологии Г. Суйтс, которому, по-видимому, должна была принадлежать руководящая роль в отборе авторов и их произведений для сборника, занимался составлением и другой хрестоматии эстонской литературы. Речь идет о «Eesti Lugemiseraamat»<sup>54</sup> («Эстонская книга для чтения»). Эта хрестоматия по эстонской литературе была составлена в 1910-е гг. Г. Суйтсом по просьбе Финского литературного общества для облегчения финнам изучения эстонского языка и литературы. Как отмечалось в предисловии, книга должна была включать все лучшие в эстетическом и об-

<sup>52</sup> См. РО ГБЛ, ф. 386, карт. 105, ед. хр. 2 и 3.

<sup>53</sup> Постраничный просмотр всех эстонских и финских периодических изданий 1916—1917 гг., возможно, позволил бы выявить и кое-какую новую информацию о попытке издания альманаха эстонской литературы.

<sup>54</sup> Eesti Lugemiseraamat. Valitud lugemisepalad eesti kirjanduse arenemise teelt. Kirjanduseajalooliste teadete ja keelaliste märkustega välja annud Gustav Suits. Esimene osa, Helsingi, 1916. Teine osa, Helsingi, 1919.

щественном отношении произведения эстонских писателей и дать по возможности полное представление об истории эстонской литературы и о ее современном состоянии. Вместе с тем, отобранные для хрестоматии произведения должны были достаточно полно осветить и историю эстонского народа, его общественно-политическое развитие, эстонскую культуру вообще, эстонский быт, склад жизни, этнографию и т. д., поэтому в книгу включались не только чисто-художественные произведения, но и работы публицистического, даже политического типа.

Материал в хрестоматии Г. Суйтса был расположен в хронологическом порядке. Подборка произведений или отрывков из произведений определенного писателя предварялась небольшой биографической справкой о нем. Г. Суйтс, как он отмечал во введении, стремился к тому же отобрать из творчества каждого писателя такие произведения, которые характеризовали бы его творческую индивидуальность, его своеобразие.

Составитель надеялся, что его хрестоматия могла бы служить и учебным пособием для самих эстонцев, для учащихся старших классов средних учебных заведений, поскольку учебных хрестоматий эстонской литературы в ту пору не было.

Хрестоматия задумывалась как трехтомная, но, к сожалению, в свет вышли лишь два тома. Третий же том, посвященный современной эстонской литературе и, по-видимому, почти подготовленный, издан не был.

Замысел «Eesti Lugesiseraamat» в основных чертах явно близок к замыслу сборника эстонской литературы, планировавшегося М. Горьким и В. Брюсовым в серии антологий национальных литератур издательства «Парус». Бросается в глаза близость их целей: и то, и другое издания должны были состоять из лучших произведений эстонской литературы, дающих сравнительно полное представление о пути ее развития и вместе с тем об истории эстонского народа и его особенностях вообще. По крайней мере, именно таков план сборников армянской, латышской и финской литератур, вышедших в 1916—1917 гг. Это заставляет предполагать, что и состав проектируемого сборника эстонской литературы не должен был принципиально отличаться от состава «Eesti Lugesiseraamat».

Конечно, не может идти и речи о полной идентичности этих сборников хотя бы уже в силу их разного объема — «Eesti Lugesiseraamat» должно было быть трехтомным, а русскоязычная антология — однотомной. Без сомнения, Г. Суйтс учитывал специфические запросы и вкусы русского читателя. Да и, вообще, одно дело — построенная на строгих научных основаниях учебная хрестоматия, а другое — сборник, рассчитанный на широкого читателя. Тем не менее, состав авторов этих двух изданий вряд ли мог бы особенно различаться да, вероятно, и

произведения, отобранные для сборников, в значительной мере, могли совпадать.

Сказанное тем более вероятно, что в тех кругах, которые как раз имели прямое отношение к составлению русского сборника, принципы отбора авторов и произведений для первого тома хрестоматии «Eesti Lugeemiseraamat», насколько можно судить по появившимся рецензиям,<sup>55</sup> особых возражений не вызвали.

Вряд ли Г. Суйтс включил бы в русскоязычную антологию, ввиду ее специфических задач и сравнительно небольшого объема, произведения немецких авторов, писавших по-эстонски: таких, как Фр. Г. Арвелиус, Фр. В. Вильман, Й. В. Л. Луце и др. Но в сборник, вероятно, могли бы войти произведения Фр. Р. Фэльмана, Фр. Р. Крейцвальда (отрывки из «Калевипозга»), Й. В. Янзена (видимо, «Mu isamaa, mu õnn ja rõõm . . .»), Л. Койдула (ряд лирических стихов и, возможно, отрывок из пьесы «Этакый мульк . . .»), К. Р. Якобсона (отрывки из первой «Патриотической речи» и из пьесы «Артур и Анна»), Фр. Кульбарса, М. Веске, Ю. Кундера, Э. Борнхёэ (отрывки из «Мстителя» и «Таллинских шутов»), Я. Тамма, А. Китцберга (первое действие «Оборотня»), К. Э. Сёёта, Я. Лийва, Ю. Лийва (отрывок из повести «Завеса» и ряд стихотворений), А. Хаава, Э. Вильде (отрывки из романов «В суровый край» и «Пророк Мальцвет», а также пьесы «Домовой»), Э. Петерсона-Сяргва («История одного быка»), и, возможно, некоторых других. По крайней мере, в «Eesti Lugeemiseraamat» эти авторы представлены наиболее полно.

Сложнее реконструировать возможный состав, быть может, самого важного раздела русскоязычного сборника, посвященного современной эстонской литературе, поскольку третий том «Eesti Lugeemiseraamat» в свет не вышел. Без сомнения, здесь наиболее полно было бы представлено творчество младоэстонцев, т. е. поэзия Г. Суйтса, В. Грюнталья-Ридала, Э. Энно, проза Фр. Тугласа и др., так как составителями сборника были представители «Ноор-Ээсти». Более чем вероятно, что в сборник были бы включены и произведения А. Х. Таммсааре, которые Г. Суйтс ценил очень высоко. Можно предположить, что сюда вошли бы и рассказы Я. Мяндретса, Я. Линтропа, О. Лутса, стихотворения М. Хейберг и другие произведения. Ограничимся этими именами, поскольку в наших руках нет каких-либо определенных свидетельств на этот счет.

\*

\* \*

---

<sup>55</sup> См. рецензии Йох. Аавика («Vaba Sõna», 1916, № 3, lk. 85—88), Фр. Тугласа («Päevaleht», 30. III 1916, Nr. 68) и В. Грюнталь-Ридала («Postimees», 14. IV 1916, Nr. 83).

В виде приложения мы публикуем ниже в русском переводе воспоминания Б. Линде, поскольку они представляют безусловный интерес для русских читателей и исследователей. Воспоминания печатаются по тексту их последней и наиболее полной публикации: Bernhard Linde, Kohtamisi vene kirjanikega, «Looming», 1940 Nr. 8, стр. 866—877.

Мы решили не ограничиваться переводом лишь тех разделов мемуаров, которые имеют непосредственное отношение к теме данного сообщения, т. е. посвящены встречам Б. Линде с М. Горьким и В. Брюсовым. В следующую ниже публикацию включены и воспоминания Б. Линде о встречах с В. В. Маяковским и К. Д. Бальмонтом. Они, правда, носят более частный характер, но, думается, также смогут представить известный интерес для читателя.

Перевод воспоминаний на русский язык и примечания к ним принадлежат автору этих строк.

При чтении воспоминаний нужно учесть, что в них встречаются отдельные неточности и позднейшие наслоения. Так, пересказывая разговор с В. Я. Брюсовым в апреле 1918 г., Б. Линде утверждает: «Он (В. Я. Брюсов — С. И.) говорил о Хлебникове, братьях Бурлюках и других, которые поначалу сумели привлечь к себе внимание некоторых сравнительно мелких по рангу советских деятелей. Однако и последние вскоре осознали фразерство футуристов и отстранились от них. Вначале к футуристам принадлежал и Владимир Маяковский, самый сильный и талантливый поэт нового поколения, но теперь он разошелся со своими бывшими сотоварищами».<sup>56</sup> Между тем, футуристов поддерживали не только «мелкие по рангу» советские деятели, но и нарком просвещения А. В. Луначарский, и эта поддержка отнюдь не прекратилась к апрелю 1918 г. Также В. Я. Брюсов не мог еще в апреле 1918 г. говорить Б. Линде, что Маяковский «теперь разошелся со своими бывшими сотоварищами». Здесь Б. Линде повторяет суждения более поздней поры. Есть в мемуарах и другие неточности.

---

<sup>56</sup> «Looming», 1940, Nr. 8, lk. 872.

## ВСТРЕЧИ С РУССКИМИ ПИСАТЕЛЯМИ

Б. Линде

### 1. Максим Горький.

В годы первой мировой войны находившееся в Петрограде издательство «Знание»<sup>1</sup>, вокруг которого сплотилась наиболее революционная часть русских писателей и идейным вождем которого да, вероятно, и влиятельнейшим пайщиком был Максим Горький, задумало выпускать антологии литератур отдельных национальных меньшинств, входивших в состав царской России. Согласно этому замыслу, должны были быть изданы сборники литератур всех развитых в культурном отношении национальных меньшинств тогдашней России. Они включали бы повествовательную прозу и поэзию соответствующих народов. Редактирование отдела прозы взял на себя Максим Горький, а руководство поэтическими переводами и их обработку должен был осуществлять Валерий Брюсов. Из широко задуманного плана было реализовано издание лишь трех антологий — финской, латышской и армянской литератур.

В Гельсингфорсе через лектора русского языка тамошнего университета Смирнова<sup>2</sup> Густаву Суйтсу<sup>3</sup> было сделано предложение составить и сборник эстонской литературы. Редакторами русского текста также были Горький и Брюсов. С эстонской стороны главным редактором стал Суйтс, который избрал меня своим помощником. В задачу эстонской редакции входил отбор произведений для перевода и подготовка подстрочников. Отбор был почти завершен, и моей задачей оставалось, главным образом, изыскание переводчиков, а затем — сопоставление переводов с оригиналом. Вскоре довольно многочисленные плоды наших трудов были собраны воедино: проза в русских переводах и стихи, многие вместе с подстрочниками, оказались в моих руках. Теперь я должен был передать собранный материал в Петрограде М. Горькому, а оригиналы стихотворений с их подстрочными переводами — в Москве Валерию Брюсову. Сделать это мне было тем более легко, что, находясь в ту пору на русской военной службе<sup>4</sup>, я, вообще, довольно часто посещал эти города.

Вот так и возникла необходимость лично навестить Максима Горького.

<sup>1</sup> Явная ошибка Б. Линде, неоднократно повторяющаяся в мемуарах. Совершенно очевидно, что речь идет об издательстве «Парус».

<sup>2</sup> О В. М. Смирнове, см. выше, стр. 11—13 наст. изд.

<sup>3</sup> Густав Суйтс (1883—1956) — виднейший эстонский поэт XX в., живший в это время в Финляндии.

<sup>4</sup> Б. Линде в 1916—1917 гг. служил начальником инженерного склада военно-дорожного ведомства в Белоруссии.

Прежде всего я отправился в издательство «Знание», где меня принял его директор Ладыжников<sup>5</sup>, который, однако, сразу же сказал, что по этому вопросу я все-таки должен вступить в личные переговоры с Максимом Горьким. Ладыжников позвонил Горькому, который оказался больным, но выразил надежду, что все же сможет меня принять. Вместе с Ладыжниковым мы и отправились на квартиру к Горькому. В большой, богатой, но, как и полагается человеку из мира искусства, со вкусом убранной квартире, в которой доминирующую роль играли книги, нас встретила артистка Андреева, жена Горького<sup>6</sup>. Она извинилась перед нами за то, что супруг ее принужден принять нас в постели, поскольку врачи еще не позволяли ему вставать.

Ладыжникову необходимо было коротко переговорить с писателем о каких-то издательских делах, и поэтому вначале он один отправился в большой зал-кабинет Горького, куда была перенесена кровать писателя. Несколько минут я беседовал с хозяйкой-артисткой, которую случайно видел предыдущим вечером на сцене. Наша беседа и вращалась вокруг исполнявшейся пьесы и ее постановки.

Тут вышел из кабинета Ладыжников и попросил меня зайти, чтобы представить Горькому. После этого Ладыжников поспешил назад в контору «Знания», оставив меня наедине с великим писателем.

Конечно, наш разговор вначале вращался вокруг редактирования эстонской антологии, но затем перешел к эстонской литературе, к нашему народу и культуре вообще. Больше всего я хотел бы быть слушателем, но волей-неволей мне пришлось выступить в роли информатора, поскольку Горький хотел с моей помощью получить общее представление о положении нашего народа и его культуре. Только после сделанного мною беглого обзора я получил возможность и сам задать вопрос: надеется ли писатель, что эти антологии литератур национальных меньшинств смогут возбудить какой-либо интерес у русских читателей? Горький откровенно признался, что на этот вопрос трудно ответить — как утвердительно, так и отрицательно. Но дело даже не в этом. За этим замыслом стоит нечто иное: желание установить контакт с литературными кругами национальных меньшинств царской России. Они выражают, конечно, передовые и наиболее культурные устремления своего народа, и хотелось бы ознакомиться с ними левые круги русского общества, из которых, в основном, состоит читатель изданий, выпускаемых «Знанием». Тогда можно будет создать единый фронт прогрессивных сил всех народов России.

Вначале Горький беседовал со мной с некоторым недоверием, как бы присматриваясь ко мне, однако, это недоверие рассеивалось по мере того, как я ему рассказывал о страданиях маленького эстонского народа, преследуемого русской националистической реакцией и бюрократией. Возможно, недоверие первых минут было вызвано тем, что я носил русский военный мундир, и потому я счел необходимым подчеркнуть: лишь мировая война принудила славянского филолога надеть этот мундир.

Поскольку беседа с лежащим в постели Горьким затянулась дольше, чем можно было предполагать, я несколько раз порывался уйти, говоря, что не могу позволить себе так долго занимать писателя. Но Горький попросил меня остаться, если мне некуда особенно спешить. Чувствовалось, что он действительно серьезно интересуется положением нашего маленького народа и хочет еще больше услышать об этом от меня. Так я и остался и продолжал опять отвечать на вопросы Горького, одновременно присматриваясь и к внешнему облику великого писателя и к проявлениям его интеллекта.

<sup>5</sup> Иван Петрович Ладыжников (1874—1945) — известный издательский работник, в 1915—1918 гг. один из руководителей издательства «Парус».

<sup>6</sup> Мария Федоровна Андреева (1868—1953) — актриса, с 1903 г. гражданская жена М. Горького. В 1898—1905 гг. играла на сцене МХТ, в 1915—1917 гг. в театре К. Н. Незлобина.

В этом крепкого сложения, костистом существе было нечто выдававшее, что его художественный опыт приобретался в тяжелом физическом труде и лишь позже был подкреплен чтением книг, которых так много стояло в квартире Горького. Даже и не зная столь богатой жизненным опытом биографии Горького, наблюдатель мог бы догадаться о ней по всему облику писателя. В этом угловатом лице, которое, без сомнения, нельзя было назвать красивым, но зато очень выразительным, было бесконечно много интеллектуальности, которую, однако, нужно было уметь почувствовать. Обаяние его личности становилось для меня все ошутимее в процессе нашей беседы, и в конце разговора я чувствовал себя совершенно покоренным им. Беседа становилась все более и более откровенной, и в облике Горького в полной мере раскрылась органически присущая ему интеллектуальность, которая, однако, проявлялась с какой-то серьезностью человека труда, несколько тяжеловато и с редкой для русского медлительностью. Это казалось мне поначалу даже немного странным: я только что случайно побывал в среде русской богемы, где на меня отталкивающе подействовали легкомыслие, жеманность и пустая театральность кое-кого из очень известных поэтов. Как непохожа на все это была спокойная серьезность Горького, словно излучавшаяся всем его существом! Как симпатична и притягательна была его суровая серьезность, его вдумчивое, основательное желание углубиться во все, с чем он сталкивался.

Мне все никак не удавалось переключить беседу с Горьким на темы, связанные с его литературной деятельностью, и дать ему возможность самому интерпретировать собственное творчество в целом или какое-либо произведение в отдельности. Однако Горький сразу же переводил разговор на другие предметы. А ведь почти все другие русские писатели, с которыми меня до сих пор сталкивал случай, были так любезно словоохотливы, когда их спрашивали о них самих! Ко времени нашей встречи Горький уже опубликовал большую часть своих художественно зрелых произведений, главными героями которых были не только неудачники и босяки, но и борцы за новую и лучшую жизнь, собиравшие те камни, из которых два-три года спустя начали воздвигать фундамент социалистического строя. Как будущему литературоведу, мне больше всего хотелось услышать из уст самого автора анализ его произведений, но это оказалось невозможным. На вопросы, касавшиеся его творчества, Горький отвечал лишь несколькими незначительными словами и опять переводил разговор на более общие темы. Между прочим, он обратил внимание на то, сколь важно и необходимо, чтобы народы России могли основывать свое сотрудничество в распространении революционных идей на уже предшествующем близком знакомстве друг с другом. Для этого он и начал выпуск в свет антологий национальных литератур, хотя официальное руководство издательства относилось к доходности задуманного предприятия более чем скептически.

— Но ведь мы, писатели, не должны же все мерить доходностью, не так ли? — заметил Горький.

Наш разговор длился уже немного больше часа. В кабинет вошла супруга писателя и сказала, что она должна на короткое время отправиться в театр. Я поднялся, чтобы уйти и оставить супругов одних, но актриса уговорила меня остаться, заметив, что муж ее и так утомлен вызванным болезнью лежанием в постели без работы и рад каждому новому человеку. Писатель добавил:

— К тому же я услышал от Вас столько для меня нового. Если у Вас есть время, то посидите еще немного со мной.

М. Андреева ушла, а я остался. Теперь наш разговор, по-прежнему направляемый Горьким, перешел к настроениям фронтовиков. Он спрашивал меня о положении на фронте. Я рассказал ему о вызванном войной отупении, об усталости в ближайшем к фронту тыле и о подобном лавине росте революционных настроений, обусловленном всеобщим развалом.

— Да, это так долго продолжаться не может, — задумчиво сказал Горький. — Все, кто приходят оттуда, подтверждают это.

Я вновь перевел разговор на вопросы, связанные с эстонской антологией, осведомившись у Горького, что мне делать с подстрочными переводами стихотворений: оставить их в издательстве «Знание» или самому передать Валерию Брюсову, поскольку мне все равно придется поехать в Москву.

— Отвезите уж сами. Тогда познакомитесь и с Валерием Яковлевичем, — посоветовал Горький.

Так как прошло уже два часа, я окончательно решил распрощаться. Горький позвонил прислуге и сказал мне, приподнявшись в кровати:

— Но если по пути с фронта Вы опять попадете в Петербург, то не забудьте навестить меня. Вероятно, к этому времени у Вас будут уже и новые переводы, и мы сможем продолжить наши редакционные переговоры. К этому времени, быть может, Вы доведете до конца и свой обзор эстонской литературы и дадите мне его почитать. Но в любом случае навестите меня, даже если у Вас еще не будет рукописей.

Так мы расстались.

Началась революция, оторвавшая людей от письменных столов. Мало у кого сохранялось желание усидчиво заниматься литературной деятельностью. Так было в России, так же было и в Эстонии. Нет ничего удивительного в том, что рукописи переводов для нашей антологии лежали без движения. Наступившая в 1917 году революция поставила перед всеми массу новых задач и вновь разбросала успешных было найти друг друга людей из мира литературы. Хотя в последовавшие за мартовской революцией<sup>7</sup> месяцы я несколько раз бывал в Петрограде, мне не посчастливилось застать Горького. Он постоянно был где-то в отъезде и каждый раз возвращение его предполагалось только через несколько дней. Однако у меня не было возможности остаться в Петрограде на такой срок. К тому же в издательстве «Знание» я слышал, что новая эпоха выдвинула новые задачи, которые оттеснили на задний план издание антологий национальных литератур.

Издание эстонской антологии так и не осуществилось, и моя первая встреча с Горьким, к сожалению, осталась последней: Октябрьская революция связала меня сначала с постоянной работой в Могилеве, а затем забросила в находившуюся далеко от места жительства великого писателя Самару.

## 2. Валерий Брюсов

Как уже упоминалось, замысел издания эстонской антологии свел меня и с другой русской литературной знаменитостью — с Валерием Брюсовым. Это произошло после того, как я навестил Максима Горького, — уже в конце 1917 года, после Октябрьской революции. Мне пришлось поехать в Москву в какую-то служебную командировку. Для меня такие поездки всегда были желанными, поскольку давали возможность не только посещать Московский Художественный театр, но и встречаться с теми артистами этого театра, с которыми, в одной группе военных беженцев, я еще в 1914 году, в течение дней 10-ти, через Скандинавию пробырался в Петроград<sup>8</sup>.

Если в лице Горького я имел возможность наблюдать человека, исключительно богатого приобретенным им разносторонним жизненным опытом, из которого он черпал и мог до бесконечности черпать в будущем материал для своего творчества, человека, которого, в первую очередь,

<sup>7</sup> Имеется в виду Февральская революция 1917 г.

<sup>8</sup> Группу актеров МХТ'а (в их числе В. В. Лужского) I Мировая война застала в 1914 г. в Дании. Не без труда им удалось через Швецию и Финляндию вернуться на родину. В эшелоне беженцев Б. Линде и сблизился с артистами МХТ'а. Подробнее об этом см. в других его воспоминаниях: Bernhard Linde, Rännakuud keeristes. Matkamälestusi Saksast, Rootsist ja Venest maailmasõja eel ja ajal, Tln., 1936, lk. 29, 37.



интересовала окружавшая его, бывшая ключом жизнь, то Валерий Брюсов представлял собой полную противоположность Горькому.

Правда, дом, в котором жил в Москве Брюсов, был такой же жуткой казармой большого города, как и жилище Горького в Петрограде. Но, уже вступая в квартиру Брюсова, я чувствовал эту противоположность, понял, что пришел к человеку, для которого книга заменила жизнь, и этот заместитель оказался столь бездонным источником, что он, казалось, окончательно утонул в нем.

Повсюду — только книги, книги в образцовом порядке, по-видимому, размещенные так, чтобы поэт мог бы их всегда иметь под рукой, и в строгой системе, выработанной годами. Книжные шкафы встречались уже в прихожей, они же — и книжные полки — занимали всё место в большой комнате, превращенной из зала в библиотеку. Пройдя первое большое помещение, я добрался до второй такой же величины комнаты, которая, по всей вероятности, была рабочим кабинетом поэта.

Здесь меня и принял высокий, стройный поэт, всем своим видом напоминавший ученого. Я сообщил ему о причине своего прихода, о которой он был, однако, уже осведомлен издательством «Знание». Я отдал ему как оригиналы, так и подстрочные русские переводы эстонских стихотворений, отобранных для предполагавшейся антологии. Брюсов тотчас нашел среди своих досье переписку со «Знанием», касавшуюся эстонской антологии, отделил эту часть писем от других и поместил их в новую папку, куда положил и принесенные мною переводы; на обложке же папки надписал «Эстонская антология» и положил ее в число других туда, где уже раньше находились подобные папки-досье, по-видимому, ожидавшие своей очереди.

Впервые я видел у писателя такой порядок, такую систематичность и не мог ей не подивиться.

Наш разговор обратился к эстонской литературе в целом, и Брюсов, прежде всего, спросил меня, что и где появилось на русском или каком-либо другом языке о нашей литературе. Я перечислил все то немногое, что в ту пору было доступно, и Брюсов сделал пометки на листе бумаги.

Затем поэт спросил меня, не переводилось ли что-либо из его произведений на эстонский язык. Я мог назвать только две-три вещи, в частности переводы Фр. Тугласа, одновременно обратив внимание Брюсова на то, какого мастерства требует перевод его строго отточенных по форме стихотворений. В ответ на это поэт заметил:

— Но для меня самого форма моих стихотворений далеко не столь определена. Если Вы обращали внимание на различные издания моих стихотворных сборников, то, конечно, заметили, как рознятся одни и те же стихотворения по своей внешней форме в первом и последующих изданиях.

Я это знал и раньше и лишь удивлялся безмерному духу беспокойства и колоссальной работоспособности Брюсова, заставлявших его перерабатывать произведения при каждом новом издании, соответственно каждой новой степени развития поэта. Но не рациональнее ли было бы использовать это время для претворения в жизнь новых творческих замыслов? Это сомнение я и выразил теперь Брюсову. Но он тоном спокойного безразличия возразил на мой вопрос новым вопросом:

— Но не важнее ли, чтобы одно стихотворение приобрело такой совершенный вид, какой автор в состоянии ему придать на соответствующей стадии своего развития, чем чтобы этот же автор написал с десяток неотделанных стихотворений, которые даже в совокупности своей не в состоянии предложить в отношении формы те ценности, что дает одно единственное до конца отделанное произведение?

Тогда я попытался поколебать это возражение новым вопросом: а не может ли случиться так, что новая форма, соответствуя новой степени развития автора, все же уменьшит свежесть и эмоциональность первоначального облика стихотворения и не только не повысит ценность произведения, но, напротив, даже повредит ему? Брюсов продолжал на это с прежним спокойствием, хотя, казалось, и несколько живее:

— Но если мы верим в постоянную эволюцию духовного развития, если предполагаем, что ни один высокообразованный человек-творец не даст ослабнуть своему духовному потенциалу, не окаменеет и не превратится в рутинера, в клише, но что его интеллект постоянно и непрерывно развивается по восходящей линии и что только при таких условиях он может продолжать свою творческую работу, — то, в таком случае, нечего бояться и подобного вреда.

Мне не оставалось ничего другого, как ответить на этот довод, что самооценку автора далеко не всегда стоит считать безошибочной и то, что автор иногда считает самым зрелым, может и не показаться таковым в глазах будущих поколений, но, напротив, легко может впоследствии счестся за более слабое.

— Это уже вопрос развития вкуса будущего поколения. У меня есть некоторые стихотворения, которые я переделывал, изменял, исправлял по 13 раз. Пусть литературоведы когда-нибудь сравнят их и вынесут свой приговор. В этом и заключается их задача и долг. Что мне до этого?

Теперь наш разговор обратился к общелитературным темам. Здесь Брюсов проявил свою исключительную эрудицию в области латинской и средневековой литературы.

Поскольку беседа продолжалась около часа, я не хотел больше тратить драгоценного времени столь занятого человека и решил распрощаться. При расставании Брюсов спросил меня, когда я надеюсь принести ему последнюю часть рукописей. Я выразил надежду, что, вероятно, смогу это сделать через несколько месяцев. Брюсов пообещал к этому времени перевести и только что полученные им стихотворения.

— Итак, до свидания! — сказал великий мастер русского стиха того времени, протягивая мне руку.

Однако время, насыщенное событиями, летело быстрее, чем мы могли тогда предвидеть. И этот поток событий оставлял мало времени для литературной работы. Так и не получил я стихотворений и их подстрочных переводов, которые уже давно были обещаны. В промежутке я, правда, бывал в Москве, но мне не хотелось без рукописей навещать Брюсова, так как неловко было без веской причины беспокоить дорожившего своим временем поэта.

Так прошло примерно полгода. Когда я вновь попал в Москву, был апрель 1918 г. К этому времени уже стало ясно, что планы издательства «Знания» вряд ли будут осуществлены. Несмотря на это, я решился навещать Брюсова в те дни, когда по-новому и энергично разворачивалась организационная деятельность советской власти. Я уже слышал, что он не присоединился к тем писателям, которые отрицательно отнеслись к приходу коммунистов к власти, а, напротив, был совершенно лоялен по отношению к новому строю.

На этот раз Брюсов встретил меня улыбкой как знакомого и, когда я попытался напомнить ему причины своего первого посещения, он прервал мои объяснения:

— Помню, помню.

Опять в том же кабинете, среди книг, начали мы свою беседу, после того как я извинился, что на этот раз не принес с собой ни одной рукописи, в которых, причем, теперь, видимо, нет необходимости.

— Да, я и с принесенными в прошлый раз рукописями ничего не сделал, так как в промежутке Горький информировал меня, что «Знание», по-видимому, не осуществит своих намерений.

Брюсов за это время как будто больше ушел в себя; его речь стала отрывочнее. Позже, однако, он опять разговорился, но теперь предмет его рассуждений был ближе к жизни — повседневней. Он говорил о жизненных заботах и невзгодах писателей, особенно писателей старшего поколения, рассказал мне о тех чудачествах, которыми русские футуристы стремились привлечь к себе массы и вызвать интерес к своему еще ученически-прими-

тивному по содержанию и форме творчеству. Он говорил о Хлебникове<sup>9</sup>, о братьях Бурлюках<sup>10</sup> и других, которые поначалу сумели привлечь к себе внимание некоторых сравнительно мелких по рангу советских деятелей. Однако и последние вскоре осознали фразерство футуристов и отстранились от них. Вначале к футуристам принадлежал и Владимир Маяковский, самый сильный и талантливый поэт нового поколения, но теперь он разошелся со своими бывшими сотоварищами.

Бегло ознакомив меня с тогдашней литературной жизнью Москвы, Брюсов добавил, когда я спросил поэта о его собственном творчестве:

— Сам же я занимался переводом латинских поэтов. Не удивляйтесь, что эти переводы, соответственно нашим сегодняшним литературным вольностям, главным образом эротические. При нынешних тяжелых материальных условиях каждому приходится приносить что-то в жертву духу времени.

И Брюсов вынул из книжного шкафа сборник избранных эротических песен латинских поэтов. В сборнике рядом с оригиналом каждой песни находился ее русский перевод, сделанный Брюсовым, хотя и анонимно. Книга носила название «*Erotopaegnia*»; на титульном листе было указано издательство — «Альциона» — и год выпуска — 1917.<sup>11</sup> Крупноформатное издание украшали также иллюстрации произведений латинских поэтов. В продаже этой книги, вышедшей крайне ограниченным тиражом, не было, что и отмечалось на титульном листе. Теперь я смог получить эту библиофильскую редкость из рук самого переводчика.

Я услышал от Брюсова, что в 1918 г. весьма часто стали выходить подобные в частном порядке отпечатанные издания, которые не поступали в продажу, а распространялись в кругах знакомых автора и издателя. Да и, вообще, теперь авторы нередко сами продают свои произведения, многие этим и живут.

— Вот сколь стесненным и тяжелым стало материальное положение писателей после мировой войны! — сказал Брюсов, как бы извиняясь. — Но, впрочем, в такого рода прямом контакте с читателями есть и свои положительные стороны, — добавил он в продолжение своих извинений.

Настало время прощаться. К тому же я намеревался посетить Брюсова примерно через месяц-полтора, о чем и попросил разрешения при прощании, получив в ответ искреннее приглашение. К сожалению, больше я в Москву не попал, и мое второе посещение Брюсова осталось последним.

### 3. Владимир Маяковский

В апреле того же 1918 года я, по вызову тогдашнего военного комиссара, прибыл из Самары в Москву. Прежнее ведомство при штабе Верховного главнокомандующего было уже почти ликвидировано, и на повестке дня стояло мое назначение на новый служебный пост, для чего я и получил распоряжение явиться пред очи начальства. Вместе с тем, пребывание в Москве давало мне каждый раз, как я уже упоминал выше, возможность для переживания ярких эстетических эмоций. Я проводил все свои московские вечера в театрах или же в местах тогдашних литературных сборищ.

Однажды вечером я попал в литературное кафе «Музыкальная табакерка», о котором знал лишь то, что в нем выступают писатели младшего поколения (из коих многие лишь стали позже выдающимися представителями так называемой формальной школы в русском литературоведении).<sup>\*</sup> В ту пору,

<sup>9</sup> Велемир Владимирович Хлебников (1885—1922) — известный русский поэт, примыкавший в эти годы к футуристам.

<sup>10</sup> Давид Давидович (р. 1882) и Николай Давидович (1890—1920), Бурлюки — поэты и художники, видные деятели группы футуристов.

<sup>11</sup> *Erotopaegnia*, М., Книгоиздательство «Альциона», 1917. В сборник вошли стихи Овидия, Петрония, Сенеки, Приапеевы, Марциала, Пентадия, Авсония, Клавдиала, Луксория в переводе размерами подлинника.

однако, все они были лишь молодыми любителями литературы, которые искали контакта с читателями и признания своего творчества. Самым известным из них в ту пору считался Владимир Ходасевич<sup>12</sup>. В своих выступлениях эти литературные юнцы были несколько сдержаннее футуристов — таких, как Хлебников, братья Бурлюки и другие, которых можно было встретить разгуливающими по улицам со всевозможными пестрыми рисунками на лице, с пестро разрисованной деревянной ложкой, вместо цветка, в петлице. Футуристы то и дело останавливались на различных возвышениях и декламировали свои бессмысленные по содержанию, крайне убогие по форме и более чем сомнительные по своей оригинальности стихи или же выступали с речами такой же ценности.

Итак, я попал в «Музыкальную табакерку», где в тот вечер должны были читать молодые писатели-формалисты, некоторых из них я уже знал по появившимся тут и там стихотворениям, новеллам или статьям.

В маленьком интимно-уютном кафе собралось не очень много — хотя и не очень мало — посетителей, которые с вниманием слушали стихотворения Ходасевича в исполнении автора и новеллы, также исполнявшиеся их автором, фамилии которого я уже не помню. Публика делила между ними свое одобрение с достаточным усердием, но без столь свойственного русским темперамента, не говоря уже о воодушевлении. Третий автор как раз собирался начать свое выступление, как вдруг у входа в кафе возникли какой-то шум и переполох. Вслед за этим в зал ворвался отлично сложенный очень высокий молодой человек в кепке с каким-то завернутым в бумагу пакетиком подмышкой.

— Ну, чего там, я ведь все равно прошел, — бросил ворвавшийся через плечо продавцу билетов, сидевшему около двери на краю стола.

— Они не хотели пускать меня, Владимира Владимировича Маяковского, — обратился он затем к публике и добавил: — Добрый вечер! Уже по вашим лицам вижу, что вы отупели от бреда этих юнцов. Они же усыпят вас чтением своих стихов и новелл!

Затем Маяковский оглядел зал, а после этого зашагал к стоявшему в углу пианино, рядом с которым случайно находился мой столик.

— Позвольте мне поставить к Вам свой багаж, — обратился он ко мне и положил свой пакет на стол. — Ну, а теперь попробуем немного оживить эту «Музыкальную табакерку!» — захохотал он своим могучим голосом, обращаясь к публике.

Маяковский расположился у пианино и начал речь, резко направленную, прежде всего, против той группки поэтов и прозаиков, которая была организатором сегодняшнего вечера и не хотела даже пускать Маяковского в кафе, так как он и раньше приходил мешать их идиллическому бытию<sup>13</sup>.

— Но разве вымирающая, игривая и мечтательная поэзия и бредовая проза созвучны сегодняшней, повсюду бурлящей и могуче устремляющейся в будущее жизни? Разве она отражает хотя бы сотую долю того, что мы видим сейчас вокруг себя? Того нового распускающегося и прорастающего героизма, который охватывает нас повсюду, ходим ли мы по улицам или хотя бы смотрим из форточки на то, что рождается вокруг нас? — так вопрошал Маяковский в своей стремительной речи, которая мало-помалу все больше электризовала и захватывала слушателей.

Хотя в сказанном не было ничего такого, чего до сих пор не приходилось бы слышать, все это было выражено с таким воодушевлением и с такой стремительностью, что всем стало ясно: за словами стоит живой, сильный человек, который сам верит во все, что говорит нам. В его речи не было ничего, что звучало бы искусственно, как громкая, но пустая фраза.

<sup>12</sup> Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — русский поэт и литературовед.

<sup>13</sup> В марте—апреле 1918 г. В. В. Маяковский неоднократно выступал в кафе «Музыкальная табакерка» — см.: В. Катанян, Маяковский. Литературная хроника, М., Гослитиздат, 1956, стр. 103 и 429.

Затем Маяковский стал читать свои стихи. Делал он это действительно мастерски. Его выступление было предельно сильным, и интерпретировал он свои произведения так, что они становились как бы намного шире и значительнее, чем при их первом чтении. Общеизвестно, что авторы редко умеют хорошо читать собственные стихи, но Маяковский был как раз самым талантливым исполнителем-интерпретатором своего творчества. Он умел, именно когда выступал сам, как-то по-особому раскрыть стихи перед слушателями, сделать их как бы более говорящими.

Закончив чтение, Маяковский взял со столика завернутый в бумагу пакет, в котором оказались экземпляры его двух произведений: «Я» и «Облако в штанах».

— А теперь покупайте мои книги. Покупайте, потому что они заслуживают этого.

Предложение нашло хороший отклик. Я тоже купил обе книги. Лишь несколько человек ответили, что у них эти издания уже есть — приобретены лишь несколько дней тому назад у самого автора. Одному из тех, кто дал подобный ответ, Маяковский заметил:

— У Вас и физиономия-то не такая, чтобы купить мою книжку. Опять-таки я знаю в лицо всех тех, кто покупал у меня. Пусть так, ну, что с вами сделаешь. Лакайте на здоровье дальше свой чай!

Когда Маяковский закончил распродажу своих книг, я позвонил ему к своему столу и здесь попросил поставить автографы на книгах. Он радушно согласился. Я пригласил его еще посидеть за столом, но от этого он отказался, показав на оставшиеся книги.

— Их я хочу распродать еще сегодня вечером в другом месте, а то бы охотно посидел с Вами. Такова уж ныне наша судьба. Но, может быть, мы с Вами встретимся в другой раз в какой-либо литературной чайной. Тогда уж наверняка пойдем куда-нибудь перекусить.

Но следующие вечера я посвятил московским театрам, а после спектаклей жизнь в кафе уже замирала. К тому же вскоре мне пришлось уехать из Москвы и, на этот раз, надолго. Так и осталась эта первая встреча с Маяковским, к сожалению, и последней. <...>

#### 4. Константин Бальмонт

К весне того же 1918 г. относится и встреча с К. Бальмонтом в Москве, — встреча, столь отличная от трех вышеописанных, что даже очень хочет входить с ними в общую рамку. Впрочем, именно благодаря ее комичности, мне, быть может, позволено будет, в качестве *sargisio*<sup>14</sup>, включить в конец этой маленькой серии воспоминаний описание еще одного эпизода — тем более, что в последние годы существования режима, только что навсегда отошедшего в прошлое<sup>15</sup>, делались попытки всячески восхвалять и приподнимать в наших глазах эмигрантского поэта, о котором пойдет речь.

Однажды мы вместе с одной знакомой москвичкой пошли обедать в какой-то респектабельный ресторан, само название которого я теперь уже забыл. Мы выбрали себе место в тихом уголке большого зала. Но покой наш был недолгим: рядом села компания из 4 человек — две дамы и два господина. Компания оказалась весьма шумливой, и я хмуро посматривал на нее.

— Обратите внимание, — сказала мне спутница, — там же восседает Бальмонт — вот тот, с эспаньолкой. А теперь я могу дать пищу вашему

<sup>14</sup> *Sargisio* (итальянск.) — каприз, прихоть; произведение в свободной форме.

<sup>15</sup> Речь идет о режиме диктатуры буржуазии в Эстонии, свергнутом в июне 1940 г., незадолго до опубликования воспоминаний.

чувству юмора, — добавила моя спутница, чувствовавшая себя в московских художественных кругах как дома. — Следите только внимательно за тем, что будет!

Сидевшие рядом с Бальмонтом дамы ничем не выделялись, и в той мере, в какой до нас долетали обрывки разговора за соседним столом, беседа там не блистала особым остроумием. Поэт уже успел бросить несколько взглядов на наш столик, так как его, по-видимому, пленила красота моей спутницы. Она же, со своей стороны, отвечала на эти его поглядывания обнадеживающим взглядом. Этого было достаточно, чтобы Бальмонт буквально загорелся. Он вертелся на своем стуле — его беседа с соседями по столу почти прекратилась. Поэт все время поглядывал в нашу сторону и намеревался, по-видимому, перейти к нам, подыскивая лишь подходящий предлог, который мог бы показаться хоть сколько-нибудь правдоподобным для его соседей по столу. Весь он кипел и клокотал. Это заметили уже и его спутники: они стали внимательно разглядывать нас.

— Ах, извините, я был столь невнимателен к моим старым хорошим знакомым, что не приветствовал их, — вдруг громко произнес Бальмонт, вскочил и подбежал к нашему столу.

— Здравствуйте, Мария Карловна, я Вас в первый момент даже не узнал, приношу тысячу извинений! И это, конечно, ваш ...

Моя спутница не дала Бальмонту закончить фразы, поняв, что поэт хочет выступить в роли и моего знакомого, но не знает, за кого меня принять. Она перебила поэта:

— Мой брат — Константин Дмитриевич.

Если бы я не знал совершенно твердо, что происходит, то, может быть, в первый момент даже поверил бы, что мою спутницу действительно зовут «Марией Карловной». Теперь же, однако, в качестве брата неизвестной мне Марии Карловны, я, как старый знакомый, принял деланно-сердечное рукопожатие поэта Бальмонта.

— Помню, как же не помнить. Мы ведь были с Вами ...

Бальмонт не окончил фразы, и я так и не узнал, где же мы с ним были. Знал лишь одно: на этом свете мы с Бальмонтом никогда не встречались.

И я превратился в молчаливого слушателя и очевидца того, как моя спутница играла на тщеславии поэта и как она до предела разожгла его самовлюбленное кокетство, солгав, будто я совсем недавно вернулся в Москву из Англии через Швецию и только что рассказывал, насколько популярен Бальмонт в Англии в качестве переводчика Шелли. Мне же при этом вспомнились слова К. Чуковского, сказанные им по поводу упомянутых переводов: в них 10% Шелли и 90% отсебятины<sup>16</sup>. Но обращенные ко мне слова Бальмонта не дали мне продолжить и этих размышлений.

— Вы непременно должны об этом написать в какой-нибудь московской газете, непременно. Хотите, я поговорю с редактором какой-либо газеты относительно публикации Вашей статьи? — обратился Бальмонт теперь уже только ко мне.

Мне не оставалось ничего другого, как в знак согласия кивнуть головой и поблагодарить любезного «содействователя» за помощь в публикации будущей статьи. Да будут эти строки одновременно моим прошением об амнистии за то, что я до сих пор не написал этой обещанной для московских газет статьи, точно так же, как и за то, что в Англии я ничего не слышал о популярности Бальмонта.

---

<sup>16</sup> Чрезвычайно резкую отрицательную оценку переводов К. Д. Бальмонта из Шелли К. Чуковский дал в статье: «В защиту Шелли», «Весь», 1907, № 3, стр. 61—68 (впоследствии перепечатывалась). Впрочем, данная фраза в статье отсутствует.

Но с «Марии Карловны» вдруг сошла вся ее прежняя лучезарно-обольстительная любезность, и она заметила совсем холодно, как бы призывая к порядку:

— Ну а теперь, Константин Дмитриевич, вы должны, хотите ль — не хотите ль, возвратиться к своему столу. Ваши дамы своими ревнивыми взглядами хотят пронзить меня на смерть! Ах вы, вечный сердеед!

«Мария Карловна» протянула Бальмонту руку, и поэт, несколько раз поцеловав ее, покинул наш столик, повертевшись еще перед нами с десяток раз в своем переливающимся через край и безграничном самолюбовании.

— Вы давно его знаете? — спросил я свою спутницу.

— Только что с ним познакомилась, — ответила «Мария Карловна».

— Как так?!

— Он видел, что за ним наблюдает женщина и, поскольку моя внешность его не особенно отпугивала, он и прибежал к нашему столику, то ли действительно приняв меня за какую-то «Марию Карловну», то ли, — вероятнее всего, — разыграв все это знакомство. Вот так — я и вы, мой «брат», — и познакомились с ним. Я же обещала преподнести нечто вашему чувству юмора! Вот я и сделала это, зная уже заранее, как ветренен Бальмонт.

Наш обед прошел в обоюдо-приятном расположении духа, и я был от души благодарен моей «однообеднишной» «сестре» за то, что она дала возможность мне познакомиться с Бальмонтом хоть на короткое время (чего для меня было более чем достаточно). В дальнейшем я с Бальмонтом больше не сталкивался прямо, но встречал его в обществе и убеждался на его примере, а позже и на примере многих других, что и мужчины, подобно театральным звездам, умеют быть кокетливыми и жеманными.

## О ПОСТАНОВКАХ ПЬЕСЫ М. ГОРЬКОГО «НА ДНЕ» НА ЭСТОНСКОЙ СЦЕНЕ (ДО 1940 ГОДА)

Х. Пуллеритс

Сценическая судьба пьес М. Горького в Эстонии уже привлекала внимание исследователей. Ее рассматривали Прийт Пыльдроос в обширной статье «О первых постановках «На дне» Максима Горького в Эстонии»,<sup>1</sup> а также Нигол Андресен в статье «Максим Горький и Эстония»<sup>2</sup> и Расмус Кангро-Пооль в до сих пор не опубликованном исследовании о постановках русских драматических произведений на эстонской сцене<sup>3</sup>.

В своей статье о «На дне» П. Пыльдроос уделяет особое внимание анализу переводов Вольдемара Лидиха и Харри Рудольфа, приводя и тексты цензурных изъятий. Поэтому автор настоящей работы не считал необходимым подробнее останавливаться на этих вопросах.

К сожалению, анализы переводов и постановок пьесы остаются в статье П. Пыльдрооса мало связанными друг с другом. В статье же Н. Андресена постановки пьесы анализируются, в первую очередь, с точки зрения их идейной направленности. В настоящей работе мы стремимся рассматривать отдельные постановки, исходя из всего комплекса имеющихся в нашем распоряжении материалов, в том числе переводов, использованных для каждой постановки «На дне».

Появление пьесы М. Горького «На дне» на эстонской сцене спустя всего 9 месяцев после ее премьеры в МХАТ — явление вполне закономерное в истории эстонского театра. Это как бы последний сигнал бедствия с гибнущего корабля — так называемого «старого театра Вийры» в «Ванемуйне» — и воспевание босяцкой поэзии в театре «Эстония», где романтические тенденции в ту пору были еще очень сильны.

Постановки «На дне» как в «Ванемуйне», так и в «Эстонии» являются прямым отражением тех перемен, которые происходили или только еще намечались в общественной жизни

<sup>1</sup> «Eesti nõukogude teater», III, Tln., 1957.

<sup>2</sup> «Looming», 1959, Nr. 7; 1961, Nr. 8.

<sup>3</sup> Рукопись хранится в музее театра и музыки ЭССР в Таллине.



эпохи. Яан Кярнер в своей статье «История развития театра «Эстония»» приходит к вполне оправданному выводу: «Чем ближе революция, тем больше появляется в репертуаре высокохудожественных злободневных пьес, начиная с «Родины» Г. Зудермана и кончая «Привидениями» и «Столпами общества» Г. Ибсена. Наибольшим успехом среди них пользовалась пьеса Максима Горького «На дне», которая в сезон 1903/1904 гг. ставилась 8 раз, а в два последующих сезона — еще пять раз». <sup>4</sup> Однако, анализируя репертуар театров сезона 1908/1909 гг., тот же автор вынужден был констатировать: «Серая атмосфера периода реакции накладывает свой отпечаток: серьезные вещи на злобу дня интересуют театр значительно меньше, чем год-два назад». <sup>5</sup>

Впервые пьеса «На дне» была поставлена на эстонской сцене театром «Эстония» 21 сентября 1903 г. Пауль Пинна писал об этой премьере в своих воспоминаниях: «В этих изменившихся условиях впервые в 1903 г. в «Эстонии» была поставлена пьеса Максима Горького «На дне», которая недавно всколыхнула московские сцены и русское общество вообще <...> Я получил эту пьесу из Петербурга в переводе банковского служащего Мяги. Перевод был скверный. Для наших условий, вероятно, считалось как бы необходимым «упрощать» текст. Думали, видимо, что у нас и так сойдет. Исправив текст, я принялся ставить пьесу по снимкам постановки МХТ <...> Премьера состоялась в 1903 г. и стала событием для всего эстонского общества. Она явилась поворотным пунктом и для театра, и для его репертуара <...>

Состав исполнителей «На дне» был тоже весьма удачным: в роли Барона — Т. Альтерманн, Актера — я, Насти — супруга артиста Таля (в 1907 году роль Насти играла Нетти Адлер-Пинна), Василисы — Анна Маркус, Сатина — Ю. Грюнберг, который и в повседневной жизни походил на Сатина своим злословием, Ваську Пепла играл А. Триллерв, Анну — Нетти Адлер, Луку — Вахтрик, Клеща — Россфельдт.

Этот состав — и с точки зрения наших современных требований — был блестящим. Так, например, такого убедительного образа Сатина, какой создал Юлиус Грюнберг, и лучшего Барона, чем Т. Альтерманн, на эстонской сцене я не видывал. И Юлиус Россфельдт своей гигантской фигурой и громовым голосом представлял непревзойденную до сих пор на эстонской сцене фигуру Клеща. Сыгранность также была отличная.» <sup>6</sup>

---

<sup>4</sup> J. Kärner, «Estonia» teatri arenemislugu, «Lehed tuulde», Tln., ERK, 1958, стр. 134.

<sup>5</sup> Там же, стр. 146.

<sup>6</sup> Paul Pinna, Mälestused, I, Tln., RK «Ilukirjandus ja Kunst», 1947, стр. 30—31.

Пьеса Максима Горького принадлежит к тем произведениям, успех которых на сцене в огромной степени зависит от искусства постановки. Постановка «На дне» К. С. Станиславским в МХТ принесла пьесе всемирную известность и была огромным, качественным скачком в истории театра. Об этом говорит К. С. Станиславский в своей книге «Моя жизнь в искусстве»: «Снова практика привела меня к заключению, что в пьесах общественно-политического значения особенно важно самому зажить мыслями и чувствами роли, и тогда сама собой передается тенденция пьесы. Прямой же путь, непосредственно направленный к самой тенденции, неизбежно приводит к простой театральности».<sup>7</sup>

Итак, именно тот огромный успех, с которым пьеса М. Горького шла в Москве, заставил и эстонских театральных деятелей думать о постановке «На дне».

Постановка «На дне» в Эстонии была, как уже говорилось, связана с основными принципами воплощения этой пьесы именно в МХТ. До премьеры печать широко знакомила публику с пьесой, что для того времени было явлением совершенно необычным. Особенно подчеркивался успех пьесы в России, ее высокая идея, выражающаяся в том, что именно несправедливость окружающей действительности сводит человека «на дно». При этом, однако, часто забывали, что М. Горький говорит здесь не об обществе вообще, а именно о классовом обществе.

Р. Кангро-Пооль,<sup>8</sup> анализируя постановку, приходит к заключению, что театр сумел довольно верно уловить мысль М. Горького: обитателями дна утрачены далеко не все лучшие чувства, и они пытаются защитить себя от «удушающей грязи пороков».<sup>9</sup>

Постановка «На дне» была поворотным пунктом в истории театра «Эстония»: ею закончился любительский этап. Один из эстонских журналистов писал в статье «Мысли и воспоминания после просмотра представления театра «Ванемуйне»»: «Можно почти с уверенностью сказать, что это был первый толчок, который заставил таллинских артистов создать постоянный (т. е. профессиональный — Х. П.) театр».<sup>10</sup>

---

<sup>7</sup> К. С. Станиславский, *Моя жизнь в искусстве*, М., «Искусство», 1954, стр. 258.

<sup>8</sup> Кангро-Пооль, Расмус (1890—1963) — эстонский искусствовед и театральный критик.

<sup>9</sup> Р. Кангро-Пооль, *Неозаглавленная рукопись о постановках русских классических драматических произведений в Эстонии, 1949*, Музей театра и музыки ЭССР (в дальнейшем — МТМ).

<sup>10</sup> Eesti Ajakirjanik, «Põhjas». Mõtted ja mälestused «Vanemuise» ettekannet vaadates, «Postimees», 5. XI 1909, Nr. 254.

Мы не можем проверить всех фактов, приведенных в воспоминаниях П. Пинна,<sup>11</sup> однако некоторые из них вызывают известное сомнение. Так, П. Пинна пишет: «Я получил эту пьесу из Петербурга в переводе банковского служащего Мяги». Между тем, в архиве театра «Эстония» мы находим разномуженный на шапирографе текст под названием «М. Горький, «На дне», четырехактная пьеса, для эстонского театра перевел Вольд. Лидих».<sup>12</sup> Два экземпляра из них датированы 1903 годом и имеют пометки: «П. Пинна в роли Актера», «Т. Альтерманн в роли Барона».<sup>13</sup> На одном из экземпляров стоит также разрешение Петербургского театрального цензора от 10 июля 1903 г. На основе вышесказанного возникает вполне обоснованное сомнение: зачем нужно было обществу «Эстония» производить дополнительные затраты на другой перевод?

Далее П. Пинна пишет: «<...> и начал ставить по снимкам МХТ». Постановщиком в 1903 году был В. Талль, которому помогали опытные актеры Теодор Альтерманн<sup>14</sup> и Пауль Пинна. По данным, сообщенным автору данной работы А. Тафтом, который играл на первом представлении роль Бубнова, непосредственным «образцом» для постановщиков были жители рыбацкого побережья близ Таллина, загнанные жизнью «на дно». На это ссылается и Атс [Ханс Пёёгельманн]<sup>15</sup>: «Другие,

<sup>11</sup> Пинна, Пауль (1884—1949) — виднейший эстонский актер и режиссер. Начал сценическую деятельность в 1897 году в обществе «Эстония». Основатель профессионального театра «Эстония» (1906 г.), где он и проработал почти всю жизнь, за исключением 1920—1922 (Драматический театр) и 1923—1927 гг. (Народный театр). С 1942 г. — народный артист ЭССР. Актер широкого диапазона — от юмора до трагизма. Лучшие роли: Актер, Франц Моор, Наполеон («Мадам Сан-Жен» Сарду), Аким, Городничий. Играл в опереттах, автор либретто первой эстонской оперетты «Иванова ночь» и интересных мемуаров.

<sup>12</sup> Лидих, Вольдемар (1878—начало 30-ых годов) — эстонский журналист и переводчик. Основатель подпольного политического кружка в Пярну (1898 г.), где изучались произведения Маркса, Энгельса, Плеханова, работы Л. Н. Толстого, направленные против церкви. Принимал активное участие в деятельности общества трезвости «Валгус». Главный редактор революционной нелегальной газеты «Выйтлея». Работал на железной дороге. Активно участвовал в революционных событиях 1905 года, после чего вынужден был эмигрировать. Переводил на эстонский язык также произведения Гоголя.

<sup>13</sup> Библиотека МТМ, собрание Х. Вакса, № 43.

<sup>14</sup> Альтерманн, Теодор (1885—1915) — актер и режиссер театра «Эстония». Начал творческую деятельность в 1901 году в обществе «Эстония». Принял активное участие в организации профессионального театра в Таллине. В 1905 году учился в Берлине у проф. Милана. В 1911—1913 годах работал в Германии, в театре Эссена. Начиная с 1907 года, режиссер в «Эстонии». Его лучшие роли — Гамлет (1913), Отелло (1910), Хлестаков (1908), Барон (1903), Лео Саалеп (1913, «Неуловимое чудо» Эд. Вильде), Пийбелехт (1914, «Домовой» Эд. Вильде).

<sup>15</sup> Пёёгельманн, Ханс (1875—1938) — известный эстонский политический и литературный деятель. Познакомился с марксизмом во время учебы в Лейпцигском коммерческом институте. Работал в редакциях многих газет — «Постимесэ» (1899—1901), «Тээтая» (1903—1905), «Социалдемократ»,

как бы рваны и растрепаны они ни были, все же походили на наших босяков». <sup>16</sup>

Если сравнить дошедшие до нас фотографии постановок МХТ 1903 года со снимками эстонских постановок 1905 г., то становится очевидным, что никаких черт прямого сходства ни в костюмах, ни в гриме обнаружить не удастся.

Наши театры, в начале века еще любительские, не сумели заставить пьесу зазвучать в полную силу, как это сделал МХТ. Газета «Уус Аэг» 18 сентября 1903 г. писала о том, что постановка в театре «Эстония» должна называться не «На дне», а «Ночлежный дом» или «Ночлежный дом для бродяг». Отсюда можно заключить, что основной акцент был перенесен на создание «характерных» героев, натуралистическое отображение обстановки, в то время как философское звучание произведения осталось вне поля зрения постановщика и актеров. Упреки рецензентов также шли в направлении требования правдоподобности деталей. О постановке писали, что на сцене изображались сырые квартиры, встречающиеся во многих таллинских домах, <sup>17</sup> что печь у русских — низкая и обмазанная глиной, а не высокая кирпичная, <sup>18</sup> и т. д.

Как видим, рецензенты требовали точного отражения русских бытовых условий, и лишь некоторые касались основной проблемы — человека, его прав и свободы. Однако, по-видимому, именно в этой части постановка заслуживала наибольших упреков. Газета «Олевик» отмечала: «Вспышки гнева у всех актеров кончаются криком. После этого можно было бы предположить, что все эти «падшие люди» еще не примирились со своей участью. Но если бы это было так, то не к чему был бы образ Луки». <sup>19</sup> Здесь рецензент явно ошибался: мир «дна», по мнению М. Горького, действительно, еще не поглотил полностью этих людей, капиталистический строй, хотя и бросил их на дно жизни, но не смог убить в них бунтарей — протестантов. М. Горький и сам подчеркивал уже в 1902 г., «что человек — это бунтарь, что элемент бунта заложен в человеке». <sup>20</sup>

---

был редактором газеты «Уус Ильм» в Америке (1911—1917), после окончания Гражданской войны работал редактором эстонского издательства «Кюльвая» в Ленинграде и педагогом. Автор сборников стихов и публицистических работ.

<sup>16</sup> A t s [H. Põõgelmann], «Põhjas» eesti näitelaval, «Teataja», 23. IX 1903, Nr. 212.

<sup>17</sup> — к. Maksim Gorki «Põhjas» Tallinnas Estonia näitelaval, «Olevik», 2. X 1903, Nr. 10, стр. 943.

<sup>18</sup> -i-, M. Gorkij «Põhjas» «Estonia» näitelaval, «Postimees», 4. XI 1904, Nr. 247.

<sup>19</sup> -k, Maksim Gorki «Põhjas» Tallinnas Estonia näitelaval, «Olevik», 2. X 1903, Nr. 10, стр. 943.

<sup>20</sup> Цит. по книге: Ю. Головащенко, Классика на сцене, М., «Искусство», 1964, стр. 218.

Впрочем, эстонский рецензент не был одинок в такого рода оценке образа Луки. В тогдашней русской критике образ Луки тоже нередко рассматривался как «луч света в темном царстве». Но, не понимая отношение М. Горького к образу Луки, эстонский рецензент, вместе с тем, чувствует его противопоставленность другим героям пьесы. Лука, считает рецензент, хочет помочь обитателям ночлежки, но он не тот герой, который может указать «падшим» правильный путь, лучшим доказательством чего является сам сюжет пьесы.

В рецензиях отмечалось, что оценивается работа именно любительской труппы, которая «такой постановкой этой вещи заслуживает высшего признания ее стараний и возможностей». <sup>21</sup> Тут же отмечается, что образы героев пьесы оказались слишком статичными, причем рецензенты забывают, что в каждом из этих «бывших людей» сохранилось что-то хорошее, что Настя в первом и последнем действии различна. В постановке театра идея пьесы остается недостаточно четко выраженной. Это — больше показа человеческой грубости. Если бы и здесь, в подвале, находила бы отражение борьба за человека, то постановка «На дне» в большей бы мере выполнила свою задачу.

Театральным критиком в «Тэатая» работал в это время писатель Эдуард Вильде, <sup>22</sup> который хорошо знал западноевропейский театр. Будучи в Берлине, он познакомился с постановкой «На дне» в Берлинском «Малом театре».

Сравнивая два просмотренные им спектакля, Э. Вильде приходит к заключению, что постановку «Эстонии» делают интересными «<...> во-первых, оригинальность пьесы, ее правдоподобные, естественные, выхваченные из жизни образы, каких мы еще не видывали на нашей сцене, и, во-вторых мастерская игра актеров «Эстонии», естественное, жизненно правдивое воплощение образов актерами». <sup>23</sup> По мнению Э. Вильде, актеры «Эстонии» «сумели глубже проникнуть в сущность образов русской пьесы Максима Горького, чем берлинские немецкие артисты, которые так далеки от русской жизни». <sup>24</sup> Если берлинские актеры сумели найти для своих образов более характерные черты, то игра актеров «Эстонии» естественнее, сильнее воздействует на зрителя. Особенностью статьи Э. Вильде (как и большинства работ этих лет) является то, что он сравнивает

---

<sup>21</sup> «Põhjas» etendati pühapäeval teist korda «Estonias», «Teataja», 7. X 1903, Nr. 224.

<sup>22</sup> Вильде, Эдуард (1865—1933) — выдающийся эстонский писатель, публицист и критик.

<sup>23</sup> E. V. [Éduard Vilde], Gorki «Põhjas» «Estonias» ja Berlini «Väikeses Teatris.», «Teataja», 19. XI 1903, Nr. 258.

<sup>24</sup> Там же.

спектакли со стороны их постановки, не анализируя трактовки идейного содержания пьесы.

Работу театра над пьесой «На дне» анализирует и Атс (Ханс Пёёгельманн) в своей статье в газете «Тэатая». Он находит, что артисты «Эстонии» в некоторых сценах сумели показать в выведенных писателем существах в отрепьях «людей, которые еще не совсем растеряли свои лучшие, высокие чувства <...>, последнюю отчаянную борьбу этого лучшего с угнетающей, удушающей грязью <...>, и это мы можем считать их моральной победой».<sup>25</sup>

Приступая к анализу мастерства отдельных исполнителей, автор статьи с похвалой отзывается об Актере Пауля Пинны, который заметно выделяется среди других персонажей. «Отдельные сцены, как, например, место, где он хочет спеть Луке свою любимую песню, за которую на сцене бывал награжден громом аплодисментов, но никак не может ее вспомнить, были настолько естественны, настолько жизненны, что лучшего нельзя было бы требовать и от профессиональных актеров».<sup>26</sup>

Теодор Альтерманн в роли Барона подвергся более суровой критике. Рецензент «Тэатая» нашел, что у него хотя и «<...> проглядывали жизнерадостность и живость в словах и поступках, но <...> не было того чувства превосходства в отношении к низшим, той надменности, которую бароны всасывают с молоком матери <...>, и что время от времени, как например, в последнем действии, где он говорит о своих предках и своей былой славе, они непременно должны были бы выступить».<sup>27</sup>

Позже, вспоминая о Бароне Теодора Альтерманна, Бернхард Линде<sup>28</sup> писал: «Несмотря на малый опыт, молодой актер внес в свою роль много истинно художественного воодушевления и таланта, которые, несмотря на все любительские недостатки, время от времени в ходе действия вырывались с могучей силой».<sup>29</sup>

Среди других актеров выделяются Юлиус Грюнберг в роли Сатина, Александер Триллерв — Васька Пепел.

На успехи и промахи постановки оказали влияние и цензорские купюры в тексте пьесы. Так, например, цензор счел необходимым в конце II действия сделать следующие купюры: «Кривой Зоб. Охо-хо-х! Ассан! Скоро весна, друг ... тепло нам жить будет! Теперь уже в деревнях мужики сохи, бороны чи-

<sup>25</sup> Ats [Hans Pöögelmann], «Põhjas» eesti näitelaval, «Teataja», 23. IX 1903, Nr. 212.

<sup>26</sup> Там же.

<sup>27</sup> Там же.

<sup>28</sup> Линде, Бернхард (1886—1954) — эстонский писатель и критик. Автор ряда рассказов, эссе и т. д.

<sup>29</sup> B. Linde, Theodor Altermann. Сб. статей «Theodor Altermann», Tln., 1940, стр. 27.

нят ... пахать налаживаются ... н-да! А мы ... Асан? .. Дрыхнет уж, Магомет окаянный ... Бубнов. Татары спать любят ...»<sup>30</sup> а также: «Актер (кричит). Старик! Сюда! мой верный Кент ... Сатин. Миклуха-Маклай идет ... х-хо! Актер. Кончено и решено! Старик, где город ... где ты? Сатин. Фата-моргана! Наврал тебе старик ... Ничего нет! Нет городов, нет людей ... ничего нет!»<sup>31</sup>

В III действии цензуре не понравились слова, которые Сатин говорит Клещу:

«Сатин. Брось! Люди не стыдятся того, что тебе хуже собаки живется».<sup>32</sup>

В IV действии сделаны купюры в словах о законах царской России:

«Сатин. Это называется «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных.» ...

Барон. И еще — «Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями.» ...»<sup>33</sup>

Но, пожалуй, наиболее существенному сокращению подвергся монолог Сатина в IV действии — из него были исключены слова: «Ложь — религия рабов и хозяев ... Правда — бог свободного человека!»<sup>34</sup>

Несколько месяцев спустя, 26 декабря 1903 года, состоялась премьера «На дне» в тартуском театре «Ванемуйне», в постановке Аугуста Вийры.<sup>35</sup> Эта постановка была лебединой песней четвертьвековой режиссерской деятельности А. Вийры. «В количественном отношении Вийра побил вообще все рекорды: под его руководством прошло 1613 спектаклей — число, поныне не превзойденное ни одним постановщиком».<sup>35</sup>

Цифра эта, действительно, грандиозна, но, в данном случае, она не характеризует художественной ценности деятельности

---

<sup>30</sup> М. Горький, Собрание сочинений в 30 томах, т. 6, М., Гослитиздат, 1950, стр. 143.

<sup>31</sup> Там же, стр. 143.

<sup>32</sup> Там же, стр. 158.

<sup>33</sup> Там же, стр. 164.

<sup>34</sup> Там же, стр. 166.

<sup>35</sup> Вийра, Аугуст (1853—1919) — режиссер театра «Ванемуйне». В 1878 году стал режиссером и дирижером оркестра в обществе «Ванемуйне». Основатель эстонского музыкального театра. Ему принадлежат постановки «Прешпы» Вебера (1883), «Корневильских колоколов» Планкета (1885). Впервые поставил такие классические произведения, как «Скупой», «Венецианский купец». Начало его деятельности было прогрессивным, он способствовал популяризации театрального искусства среди народных масс. С 1890-ых годов начинается упадок его театра, ориентировавшегося на вкус мелкой буржуазии. В 1903 г. А. Вийра уходит из «Ванемуйне». В 1903—1913 ставил любительские спектакли в помещении «Бюргермуссе».

<sup>36</sup> A. Adson, Pilk meie teatri ajalukku ja draama tänapäevasse, «Looming», 1929, Nr. 6, стр. 715.

А. Вийры, а скорее свидетельствует о том, с какой легкостью в то время ставились пьесы.

Репертуар театра А. Вийры — это легкие комедии, чаще всего фарсы, развлекательные представления, музыкальные спектакли с песнями. «Тогдашний театр был на самом деле своеобразным «сотрудничеством» сцены и зала, взаимным шекотанием с целью вызвать смех?»<sup>37</sup> — с иронией писал известный эстонский писатель и критик Я. Кярнер.

В 1890-ые годы зритель стал, однако, испытывать уже чувство пресыщения от сладеньких развлекательных представлений театра Вийры. «Создавая спектакли в плохих помещениях, с помощью самых примитивных технических средств, Вийра уже в силу этих обстоятельств вынужден был ориентироваться на комедию <...> Однако, с другой стороны, старый театр не отвечал уже по своей сути требованиям развивающегося общества, в особенности его ведущей прослойки — образованной буржуазии».<sup>38</sup>

Критика рассматривала постановку «На дне» как попытку театра преодолеть кризис 1890-х гг.: «Время как бы заживо похоронило театр Вийры. И хотя он и делает попытки приспособиться к новой обстановке, например, постановкой «На дне» Горького (1903) и «Огней Ивановой ночи» Зудермана (1904), все же эти попытки не удаются».<sup>39</sup>

К постановке «На дне» А. Вийра готовился старательно. 10 октября 1903 г. он пишет издателю Хансу Леоке<sup>40</sup> в Вильянди: «Глубокоуважаемый Х. Леоке! Покорнейше прошу сообщить мне, когда будет готова пьеса «На дне». Чей будет перевод и что будет стоить книга, сколько надо уплатить за первое представление и сколько за второе. Прошу сообщить мне об этом сразу же. Здесь уже начали переводить пьесу, поэтому срочно ожидаем от Вас известий. С почтением Ауг. Вийра».<sup>41</sup>

А. Вийра сразу же получил ответ, в котором Х. Леоке сообщал, что пьеса уже готова. Получив текст пьесы, А. Вийра стал активно рекламировать будущую постановку. Так была издана брошюра «Пьеса Максима Горького «На дне» (Nachtasyl). Краткое введение и объяснение содержания», на обложке которой стояло: ««На дне» ставится впервые на эстонском языке в Тарту, в зале «Бюргермуссе», на второй и третий день рождества — 26 и 27 декабря 1903 г.». Приведенная надпись показывает, что брошюра и предстоящая постановка были свя-

<sup>37</sup> J. Kärner, Eesti näitelava 19. aastajal, «Lehed tuulde», стр. 106—107.

<sup>38</sup> Там же, стр. 118.

<sup>39</sup> Там же, стр. 125.

<sup>40</sup> Леоке, Ханс (1852—1919) — эстонский издатель, учитель по профессии. В 1890 году царские власти лишили его прав учителя за участие в крестьянском движении. Основал в 1894 г. в Вильянди свое издательство. С 1901 г. издавал, в основном, драматические произведения.



заны между собой. «Обычного», постоянного зрителя театра Вийры эта брошюра вряд ли могла увлечь, поскольку из нее можно было заключить, что на сей раз будет дано не развлекательное представление. В то же время та часть зрителей, которая с интересом следила бы за спектаклем «На дне», питала уже естественное недоверие к театру именно из-за этих же самых развлекательных представлений. К ней-то и адресовалась брошюра, рекламировавшая «серьезную» пьесу.

Брошюра, объемом в 32 страницы, содержала 2 статьи, из которых одна — перевод работы Сутугина из журнала «Театр и искусство». Названная статья знакомит читателя и зрителя со своеобразием пьесы М. Горького. В ней, в частности, фиксируется внимание на часто употребляемом в пьесе слове «ничего», каждый раз в новом значении — в том смысле, в котором тот или иной герой употребляет это слово. ««Ничего» или примиряет, или создает иллюзию мира, или уничтожает чувство страха».<sup>42</sup> Пьесу М. Горького автор воспринимает, видимо, правильно, видя в ней гимн человеку, его достоинству. «Чтобы не потерять свое достоинство, человек должен стать властелином своих желаний, быть не их рабом, но их хозяином.»<sup>43</sup>

Указанное направление брошюры продолжает и вторая статья Сильвия [Отто Мюнтера]<sup>44</sup> ««На дне» Максима Горького», перепечатанная из газеты «Тэатая» (1903, №№ 95 и 96). Автор рассматривает социальные причины падения обитателей ночлежки: «Они сидят в ночлежке и умирают. Или, вернее, они чувствуют, что дело не в них самих, а во вне их — там, где господствует более мощная сила, которая, как могильный камень, давит на них».<sup>45</sup> Причина их падения — в окружающих социальных условиях, в капиталистическом обществе. Где выход со «дна»? На этот вопрос автор статьи не отвечает.

Не давала ответа на него и постановка А. Вийры. «На дне» в «Ванемуйне» не стала призывом к борьбе, хотя пьеса и была поставлена в канун первой русской революции. Центральным образом спектакля стал Лука. «В особенности хорош был Лука. Лука как бы луч солнца, который на мгновение освещает этот темный, полный нечистот склеп, на миг еще приводит в бурное движение весь этот впавший в предсмертную дремоту мир и в какой-то мере как бы венчает его конец. Со своей за-

<sup>41</sup> МТМ, Фонд Х. Леоке, (листы не нумерованы).

<sup>42</sup> Maksim Gorki Näitemängu: «Oõmaja» (Põhjas) «На дне» (Nachtasyl). Lühikene sisesejuhatus ja sisuseletus, Tartu, T. Kukke trükk, 1903.

<sup>43</sup> Там же, стр. 18.

<sup>44</sup> Мюнтер, Отто (1864—1929) — эстонский пролетарский писатель и критик. Работал в газетах «Тэатая» (1901—1906), «Кийр» (1917).

<sup>45</sup> Maksim Gorki Näitemängu: «Oõmaja» (Põhjas) «На дне» (Nachtasyl). Lühikene sisesejuhatus ja sisuseletus, стр. 26—27.

дачей Лука, с его мягким голосом и сердечным видом, справился очень хорошо».<sup>46</sup>

В образе Луки подчеркивалась его доброта, человечность и пробуждение им этих чувств у других обитателей ночлежки. Но ведь, по замыслу Горького, «сочувствие» Луки другим обитателям «дна», зачастую уже превратившееся в скрытую ложь, приносит многим из них (Актеру, Ваське Пеплу) гибель. М. Горький не мог вложить в уста босяков слова правды о капиталистическом обществе, о социализме, но их протест против собственного положения создает в пьесе революционную атмосферу.<sup>47</sup> Однако как раз этот момент протеста отсутствовал в постановке А. Вийры, так как он сам считал спасение «дна» невозможным.

В рецензии «Уудисед» отмечалось, что почитателями М. Горького являются образованные слои трудящихся, бедная учащаяся молодежь, интеллигенция. И далее: «Наше высшее, состоятельное общество не почтило театр своим присутствием».<sup>48</sup> Это и естественно, поскольку буржуазная публика, чувствовавшая себя задетой и даже шокированной пьесой «На дне», сочла для себя не подобающим спешить на постановку горьковской драмы. Но ведь для истинных почитателей М. Горького театр А. Вийры был местом представления бессодержательных фарсов и шуток, очень далеким от подлинного театрального искусства. В результате зал общества «Бюргермуссе» остался во время представления «На дне» пустым.

Газета «Постимеэс», отмечая малое количество зрителей на первом представлении пьесы, называла ряд причин. Одна из них: тартуские актеры, да и зрители, не в состоянии были понять положения униженных и угнетенных слоев большого города, поскольку и в самой пьесе, как считает рецензент, отсутствует обстоятельное объяснение причин их падения. Но ведь и сама пьеса является объяснением этих причин, и в упомянутой брошюре мы находим их объяснение, адекватное авторскому. «Он (М. Горький — Х. П.) представляет нам в своей изумительной пьесе весь ужас жизни «дна», порожденный капитализмом, который загнал тысячи людей на дно общества, откуда нет спасения, нет выхода».<sup>49</sup>

---

<sup>46</sup> -st. 18 skp. etendati Eesti näilejate poolt hr. dir. A. Wiera juhatusel kolmandat korda Maksim Gorki «Põhjas», «Uudised», 23. I. 1904, Nr. 16.

<sup>47</sup> См. об этом: Б. Бялик, М. Горький — драматург, М., 1962, стр. 100—109. Б. В. Михайловский, Драматургия М. Горького эпохи первой русской революции, М., 1955, стр. 100—109. Ю. Юзовский, Максим Горький и его драматургия, М., 1959, стр. 90—95.

<sup>48</sup> «Uudised», 23. I. 1904, Nr. 16.

<sup>49</sup> Maksim Gorki Näitemängu: «Õõmaja» (Põhjas) «На дне» (Nachtasyl). Lühikene sissejuhatus ja sisuseletus, стр. 30.

Между тем, зал общества «Бюргермуссе» продолжал оставаться пустым. Почему? 30 декабря 1903 г. рецензент газеты «Постимезс», некий «— mi», писал: «При отборе пьес для постановки особенно необходимо учитывать возможности актерских сил и понимания со стороны зрителей». И хотя совет рецензента абстрактен и наивен, однако, отмеченный им факт показывает, что в постановке А. Вийры, действительно, отсутствовало то «нечто», что помогло бы изобразить жизнь героев пьесы совершенно невыносимой и объяснить настоятельную необходимость лозунга «Вперед!». Вместе с тем очевидно, что мысли, содержащиеся в выпущенной в связи с постановкой «На дне» брошюре, не стали творческим *specto* постановщика.

Театр А. Вийры, где господствовало далекое от подлинного искусства ремесленническое делячество, по сути своей умер раньше, чем фактически прекратилось его существование.

Крах спектакля был обусловлен, таким образом, как непрофессиональной природой театра А. Вийры, его установкой на развлекательность, пришедшей в полное противоречие с содержанием пьесы, так и отношением к «На дне» тех социальных слоев, из которых сложился основной контингент зрителей этого театра

В 1906 году происходит коренное преобразование всей театральной жизни Эстонии. Вместо любительских театров в Тарту и Таллине возникают профессиональные коллективы. В Таллине это происходит без особых осложнений, в Тарту же преобразование сопровождается основательными переменами в составе труппы. В профессиональной труппе из бывших артистов театра А. Вийры остаются только Амалия Конса и Леопольд Ханзен. Руководителем театральной труппы «Ванемуйне» становится Карл Меннинг,<sup>50</sup> получивший специальное театральное образование в Берлине, у Макса Рейнгардта. При подведении итогов работы театра за первую половину сезона на собрании общества «Ванемуйне» 13 февраля 1907 г. отмечалось: «Возникли трудности при формировании театральной труппы: наш Тарту беден артистическими силами; решено было испробовать тех, кто еще подавал надежду, что он сможет влиться в новый ансамбль. Им дали возможность некоторое время выступать на

---

<sup>50</sup> Меннинг, Карл (1874—1941) — эстонский театральный деятель. В 1893—1901 гг. учился в Тартуском университете на теологическом факультете. В 1904 г. отошел от церкви. В 1904—1906 гг. знакомился с деятельностью театров Франции, Германии, Австрии, учился у М. Рейнгардта. В 1906—1914 гг. режиссер и директор театра «Ванемуйне». Его лучшие постановки: «В вихре ветров» (1906), «Оборотень» (1911), «Бог мощны» (1912) А. Китцберга, «Столпы общества» (1907), «Враг народа» (1908) Г. Ибсена, «Власть тьмы» (1908) Л. Толстого, «Неуловимое чудо» (1913), «Домовой» (1914) Эд. Вильде. Воспитал целую плеяду актеров. В 1914—1918 годах — театральный рецензент таллинской газеты «Пяэвалехт». Затем работал дипломатом.

сцене, чтобы увидеть их способности. Решено было также учитывать мнения рецензентов, но, к сожалению, и эти надежды оказались напрасными. В рецензиях отмечалось: игра актеров была хорошей или плохой, но почему она была хорошей или плохой — об этом не было ни слова. Несмотря на все эти затруднения, дело все же подвигалось. Из артистов уже сложился ансамбль и через два-три года у нас будет настоящий театр. Наши артисты не боятся труда, они не обращают особого внимания на вознаграждение, они работают ради самого труда». <sup>51</sup>

И действительно, прошло несколько лет, и в репертуаре «Ванемуйне» уже были пьесы Ибсена, Зудермана, Гауптмана, Толстого, Горького и др. К. Меннинг изложил свое театральное credo на собрании общества «Ванемуйне» 31 января 1906 г.: «На театр нельзя смотреть только как на развлечение, но и как на фактор образования». <sup>52</sup>

К. Меннинг считал своим долгом не только создание художественного театра, но и воспитание публики, которая должна ценить и понимать свой театр. С этой целью организовывались специальные вечера, на которых публике разъясняли сложные проблемы современного театра и драматургии.

В 1907 году, ознакомив читателей в газете «Постимеэс» с пьесой Анценгрубера «Der G'wissenswurf», премьеры которой ожидалась в «Ванемуйне», а также выступив в том же году на специальном вечере с речью о так называемом «театре ансамбля», К. Меннинг заговорил и о пьесе Горького «На дне».

Репертуар театра Меннинга в то время составляли, в основном, пьесы немецких и скандинавских авторов, «так как при отборе их руководствовались принципом совпадения их быта с нашим». <sup>53</sup> По мнению К. Меннинга, ситуация и проблемы, рассматриваемые в произведениях немецких и скандинавских авторов, наиболее близки эстонской публике. Поэтому понятны известная предубежденность и колебания К. Меннинга при постановке «На дне» М. Горького. В 1907 году он писал: «Судьба таких произведений, как «На дне» Горького, показывает, что искусство и в чужих условиях (т. е. не на своей, национальной почве — Х. П.) понятно публике. Но только настоящее искусство». <sup>54</sup> К. Меннинг сомневается в возможности подлинно художественного воплощения пьесы М. Горького на эстонской сцене и мотивирует это в выступлении на одном из вечеров в том же году следующим образом: «Как художественное произ-

<sup>51</sup> Литературный музей им. Фр. Р. Крейцвальда АН ЭССР. Отдел рукописей, ф. 142, папка 5, л. 49 (в дальнейшей ОР ЛМ).

<sup>52</sup> ОР ЛМ, ф. 142, п. 5, лл. 57—58.

<sup>53</sup> Läbirääkimised hr. Menningi kõne kohta «Estonias». I. märtsil, «Päevaleht», 3. III 1909, Nr. 50.

<sup>54</sup> «Vanemuise» teater, «Postimees», 27. II 1907, Nr. 48.

ведение «На дне» М. Горького не представляет собой большой ценности, но в пьесе над людьми царит нечто такое, что приводит их в движение, хотя они сами этого не чувствуют — и это впечатляет». <sup>55</sup> Как видим, К. Меннинг ценит идею произведения. Все это и заставило его два года спустя включить «На дне» в репертуар театра.

К. Меннинг использовал для постановки «На дне» перевод Харри Рудольфа (изданный Хансом Леоке). Пьеса вышла в свет в серии «Рахва Няйтеянгуд» («Народные пьесы»), № 75/2, в 1904 году. (Премьера «На дне» состоялась 18 октября 1909 г.). Яан Леоке, сын издателя, в своих воспоминаниях, посвященных издательской деятельности отца, отмечал: «Сразу была дана в печать новая рукопись с сокращениями и с цензорским разрешением на постановку под названием «На дне». Книга вышла в мае 1904 года в серии «Рахва Няйтеянгуд» № 75/2. За короткое время «На дне», с сокращениями, была поставлена на сценах примерно 50 разных обществ». <sup>56</sup>

К. Меннинг начал ставить пьесу М. Горького после подавления революции 1905 года, в тяжелых условиях реакции, и он не мог этого не учитывать в своей режиссерской работе. «Постимеэс» отмечал: «Ощущение, что мы сами теперь в каком-то смысле «на дне», слишком остро, и много ли найдется сейчас таких, кто любит, чтобы ему показывали на сцене голую, безжалостную правду, которая не оставляет никаких надежд и иллюзий». <sup>57</sup>

В постановке К. Меннинга мы и видим «безжалостную правду». Интересно, что в его режиссерскую книгу вписаны те части текста, которые были сокращены цензором.

Так, на странице 56 цензором был сокращен разговор между Бубновым и Кривым Зобом о наступающей весне. <sup>58</sup>

На странице 64 цензор счел необходимым исключить из рассказа Луки абзац о двух мужчинах — резкое обвинение против существующего строя. <sup>59</sup>

В режиссерскую книгу К. Меннинга вписаны и слова, которые были исключены в обвинительном монологе Сатина. <sup>60</sup>

Итак, «На дне» была поставлена в «Ванемуине», несмотря на сокращения цензора, в неискаженном виде. Этот факт свидетельствует также и о том, что К. Меннинг был знаком с русским изданием «На дне».

<sup>55</sup> Näitemängu seletuse õhtu, «Postimees», 15. III 1907, Nr. 61.

<sup>56</sup> Jaan Leoke, Hans Leokese elu ja tegevus, OP LM, per. 1959/96 (листы не нумерованы).

<sup>57</sup> Eesti ajakirjanik. «Põhjas». Mõtted ja mälestused «Vanemuise» ettekannet vaadates, «Postimees», 5. XI 1909, Nr. 254.

<sup>58</sup> M. Gorki. Põhjas. Viljandi, 1904. Режиссерская книга К. Меннинга. Библиотека ГАТ «Ванемуине», № 395 (ср. стр. 15 данной работы).

<sup>59</sup> Там же (ср. стр. 15 данной работы).

<sup>60</sup> Там же, стр. 78 (ср. стр. 12 данной работы).

Бросятся в глаза и исправления в тексте перевода пьесы. Временами несколько многоречивый перевод Х. Рудольфа во многих местах заменен более лаконичными фразами, более близкими к стилю М. Горького. Исчезла излишняя грубость в речи некоторых действующих лиц, вместо нее введены простонародные выражения, в данном случае, более подходящие. Исправления в переводе сделал артист «Ванемуйне» Антс Снмм.

Режиссерская работа К. Меннинга была весьма интенсивной. Кроме ремарок автора, объясняющих действие, мы находим в режиссерской книге и замечания самого К. Меннинга, некоторые из них — на немецком языке.<sup>61</sup> Размещение действующих лиц в мизансценах дает возможность проследить и за тем, чьи слова постановщик хочет подчеркнуть в той или иной сцене.

Основой для сценического оформления спектакля явились примечания самого М. Горького. Это подтверждают схемы сценического оформления в режиссерской книге. В предварительном газетном сообщении о предстоящей премьере «На дне» указывалось, что для постановки подготовлены специальные декорации.<sup>62</sup> Это свидетельствует о той серьезности, с которой К. Меннинг отнесся к постановке пьесы М. Горького.

Анализируя актерскую работу в спектакле, К. А. Хиндрей<sup>63</sup> отмечал: «Артисты хорошо играли — нет, изображали — свои роли, местами даже очень хорошо».<sup>64</sup>

Актриса Мари Мёльдере<sup>65</sup> пишет в своей книге воспоминаний: «Постановка «На дне» в «Ванемуйне» была осуществлена Меннингом по образцу Московского Художественного театра, так что костюмы, сценические картины и даже отдельные сцены казались знакомыми».<sup>66</sup> К сожалению, не сохранилось ни одной фотографии постановки, так что у нас нет возможности проверить это утверждение. Московский Художественный театр га-

<sup>61</sup> Режиссерская книга К. Меннинга, стр. 19—21, 29, 32, 49, 52, 56, 61, 70, 72, 77, 87, 100.

<sup>62</sup> Teatris etendatakse M. Gorki «Põhjas», «Postimees», 17. X 1909, Nr. 238.

<sup>63</sup> Хиндрей, Карл Аугуст (р. 1875) — эстонский писатель и художник. Работал театральным критиком в газетах «Постимеез» (1904—1918, 1922—1925) и «Пяэвалехт» (1918—1922, 1925—1928).

<sup>64</sup> К. А. Hindrey, Maksim Gorki «Põhjas», «Postimees», 27. X 1909, Nr. 246.

<sup>65</sup> Мёльдере, Мари (1890) — эстонская актриса. Театральную деятельность начала в 1908 г. в Нарве в обществе «Выйтлея». В 1910—1915 гг. работала в театре «Ванемуйне», выступая в амплуа трагедистки. С 1915 г. работала в «Эстонии», Драматическом театре, «Ванемуйне». В 1940—1948 гг. снова в «Эстонии». Выдающаяся характерная актриса. Лучшие роли: Йоозеп Тоотс («Весна» О. Лутса, 1937), Полина («Враги» М. Горького, 1946), госпожа министерша (о. п. Нушича, 1948), Гурмыжская («Лес» А. Островского, 1950). В 1963 г. вышла ее книга воспоминаний «Занавес открывается». Последняя роль — в 1966 г. в Таллинском академическом драматическом театре им. В. Кингисеппа — вдова полковника (о. п. Ю. Смуула).

<sup>66</sup> M. Möldre, Eesriie avaneb, Тлп., ERK, 1963, стр. 81.

стролировал в Берлине в 1906 году с января по март. В программе гастролей было и «На дне» М. Горького. Смотрел ли К. Меннинг постановку «На дне» в Берлине, неизвестно.

Мари Мёльдере сравнивает в своих воспоминаниях постановки «Ванемуйне» и Московского Художественного театра. «Сатин Станиславского и барон Качалова были по внешнему своему облику в большей степени оборванцами и в конец опустившимися людьми, чем эти же персонажи у нас в исполнении Антса Симма<sup>67</sup> и Хартнуса Меллера. Наш Сатин также склонен был чрезмерно много философствовать. Василиса — Анна Маркус была менее женственна, чем исполнительница этой роли в Художественном театре. Наташа — Ольга Теэтсов — была мягкой, легко склоняющейся перед силой обстоятельств, и ее трагика — настоящей и захватывающей. Квашня Амалии Конса<sup>68</sup> была пышной, солидного телосложения женщиной. Бывший городской Карла Треймундта — тупоумен и бесхарактерен. Актер Александра Теэтсова<sup>69</sup> был убедителен в своей немой трагике. Великолепен был и Алеша Александра Тедера, который влетел на сцену как пуля, несдержанный, полный веселого озорства, хвастливый, также как и Васька Пепел (в исполнении Эдуарда Тюрка), этот большой бездельник, поверхностный, безвольный и грубый человек (психологическая концепция здесь исходит из

---

<sup>67</sup> Симм, Антс (1877—1946) — актер и режиссер театра «Ванемуйне». Начал свою сценическую деятельность с 1899 г. в обществе «Таара» еще во время учебы в Тартуском университете. В 1906—1914 гг. актер театра «Ванемуйне». В 1914—21 гг. был режиссером и директором театра «Ванемуйне».

<sup>68</sup> Конса, Амалия (1873—1949) — известная эстонская актриса. Начала сценическую деятельность в 1886 г. в обществе «Ванемуйне» в труппе А. Вийры, где выступала до 1906 года под псевдонимом Бригитта в музыкальных комедиях и опереттах «Прещноза» Вебера, «Корневильские колокола» Планкета. С 1906 г. работала в профессиональном театре как драматическая актриса. В 1948 году ей присвоено звание заслуженной артистки ЭССР. Лучшие роли А. Конса: мать Ану («В вихре ветров» А. Китцберга), Книртье («Гибель «Надежды»» Х. Хейрманса), Матрена («Власть тьмы» Л. Толстого).

<sup>69</sup> Теэтсов, Александер (1891—1946) — эстонский актер и режиссер. Начал театральную деятельность в любительских кружках г. Пярну в 1906 году. В 1909 году был послан учиться в «Ванемуйне» к К. Меннингу, работал в Тарту до 1911 г. В 1911—1914 гг. режиссер и артист театра «Эндла» в Пярну. В 1914—1916 гг. снова в «Ванемуйне». В знак протеста против деятельности руководства общества «Ванемуйне», которое заставило К. Меннинга уйти из театра, А. Теэтсов вместе с другими артистами покидает Тарту и становится одним из основателей Эстонского драматического театра в Таллине, где работает с 1916 по 1922 г. В 1922—1932 гг. работает то в Пярну в «Эндла», то в Вильянди в «Угала». В 1932—1941 гг. артист Таллинского Рабочего театра. После войны работает в Театре юного зрителя ЭССР. Один из наиболее выдающихся характерных комиков эстонской сцены. Его лучшие роли — Кююслаук («Лауритс» А. Китцберга), Фальстаф («Виндзорские кумушки» В. Шекспира), Ванапаган («Новый Ванапаган из Пыругупыхья» А. Х. Таммсааре).

обычной — Х. П.). По моему мнению, и у нас все образы были истолкованы более или менее правильно». <sup>70</sup>

Но мрачная эпоха реакции все же отрицательно повлияла на концепцию постановщика. Из спектакля «На дне» в «Ванемуйне» не получилось боевого призыва к действию. Хотя на сцене и была раскрыта трагическая судьба человека в царской России, но чувствовалось, что «самая глубокая, страшная сторона трагедии человека в том, что нет выхода». <sup>71</sup>

К. Меннинг, как К. С. Станиславский, подчеркивал философскую сторону пьесы, избегая натурализма (как это было в предыдущих постановках).

Эта же постановка была с большим успехом повторена в 1913 году. Успех ее нашел отражение и в рецензиях: «Сразу же после поднятия занавеса становится ясно, что это великолепная постановка; с первого же мгновения чувствуешь себя в царстве босяков Горького <...> все одновременно чем-то примечательны». <sup>72</sup>

В 1905 году «Эстония» познакомила с пьесой М. Горького и театрального зрителя Хельсинки.

Успех пьесы заставил театр уже в 1907 году вновь обратиться к произведению М. Горького. Артисты А. Куусман и Т. Альтерманн избрали ее для своего бенефиса.

Критик газеты «Пяэвалехт» видит причину успеха «На дне» в идейной и политической зрелости пьесы. «Дно не любит существующего порядка, который на каждом шагу связывает и к чему-то обязывает человека». <sup>73</sup> Жители дна «постоянно протестуют против существующего строя, жаждут свободы». <sup>74</sup> Рецензент вместе с тем обращает внимание публики на отдельных персонажей «На дне» и требует лучшего понимания пьесы. «Пьеса была поставлена дважды, а именно — артистами на сцене и зрителями в зале. Страшно и вместе с тем трогательно было смотреть, как люди могли так смеяться во время трагического спектакля. Бедный Горький! Так тебя понимают». <sup>75</sup> Рецензент недоволен исполнителем роли Луки Хейно Анто. Он считает, что недостатки в интерпретации философской стороны взглядов Луки являются недостатками всей постановки пьесы в целом.

«Можно считать недостатком то, что речи странника Луки, которые он произносит у постели больной, совсем не были

<sup>70</sup> M. Möldre, Eesriie avaneb, Tln., ERK, 1963, стр. 82.

<sup>71</sup> Homo, Gorky «Põhjas» «Vanemuise» näitelaval, «Rahva Päevaleht», 22. X 1909, Nr. 238.

<sup>72</sup> — am. «Põhjas», «Meie Aastasada», 22. X 1913, Nr. 122.

<sup>73</sup> «Põhjas», «Päevaleht», 6. III 1907, Nr. 54.

<sup>74</sup> Там же.

<sup>75</sup> D'Emar, Hrad. Altermann ja Kuuskman olivad oma tuluõhtuks M. Gorki «Põhjas» pühapäeval 4. skp. välja valinud, «Postimees», 9. III 1907, Nr. 57.



слышны. Но речи Луки очень красивы, его философия полна глубокого смысла и помогает понять пьесу. Луку, единственное светлое существо, случайно оказавшееся на дне, писатель противопоставляет людям дна. На дне любят правду, как бы ни была она горька. Лука, напротив, считает правду не во всех случаях полезной. Он любит человека, верит в него и в лучшее будущее и делает только то, что хорошо для людей. И ложь он считает так же полезной для человека, как и правду. Лука — единственное лицо, которое ведет на дне созидательную работу. У Х. Анто иногда получалось, будто Лука смеется над людьми. Этого он не делает». <sup>75</sup> На этой стороне упреков актеру следует остановиться подробнее.

Артист в своей трактовке образа Луки, по-видимому, хотел показать его сознательным лжецом, персонажем до конца отрицательным. Трактовка Х. Анто Луки была такой, каким М. Горький в дальнейшем воспринимал людей типа Луки: «Утешители этого ряда — самые умные, знающие и красноречивые. Они же поэтому и самые вредоносные. <...> В наши дни утешитель может быть показан на сцене театра только как фигура отрицательного значения и — комическая». <sup>77</sup> Правда, в другом месте М. Горький утверждает, что «видимо, не сумел сделать его таким». <sup>78</sup>

Что касается утверждения рецензента о созидательной работе Луки, то на ошибочности этого тезиса мы уже останавливались выше при разборе постановок 1903 и 1909 гг.

В театре «Эстония» главное внимание было уделено внешней стороне постановки, в ней было слишком много пафоса, применения чисто внешних выразительных средств, жестов, но вместе с тем, отсутствовало глубокое понимание идеи пьесы. И в более поздних постановках пьесы в «Эстонии» (1917 г.) не было «той меры, вернее того чувства меры, из которого надо исходить, чтобы достоинства произведения не превратились бы в неприличности, а неприличности в грубость. Даже в такой пьесе нельзя ни на минуту выходить за определенные пределы и здесь интимность во всей постановке и в игре каждого артиста является залогом художественного воздействия пьесы». <sup>79</sup> Эдуард Вильде критикует отдельные сцены спектакля за натурализм, отказ от которого пошел бы только на пользу постановке.

Постановщиком был и на этот раз, как и в 1907 году, Пауль Пинна, одновременно блестяще исполнявший в спектакле роль Актера. Ему достойно помогали Карл Юнгхольц (Сатин) и

<sup>76</sup> «Põhjas», «Päevaleht», 6. III 1907, Nr. 54.

<sup>77</sup> М. Горький, О пьесах, Собр. соч. в 30 т., т. 26, М., Гослитиздат, 1953, стр. 425—426.

<sup>78</sup> Там же, стр. 425.

<sup>79</sup> Ed. Wilde, Teater, «Sotsialdemokraat», 21. IX 1917, Nr. 18.

Сальме Пеэтсон (Настя). Зато Луку в исполнении Тоомаса Тонду рецензент хотел бы видеть не только спокойным, но и мудрым, знающим жизнь человеком.

Постановка верно указала нам героя трагедии — обитателей ночлежки Костылева, отмечал далее рецензент. Она явилась «криком протеста против существующего порядка, где система управления создала эту отвратительную пропасть и барахтающихся в ее грязи людей».<sup>80</sup>

В дни, когда шла подготовка Великого Октября, постановка «На дне» в театре «Эстония» стала призывом к борьбе против царской власти, призывом к борьбе против эксплуатации в классовом обществе, к борьбе за свободу человека, за его права.

\* \*  
\*

Постановки пьесы М. Горького в Драматическом театре в 1919 и 1921 гг. не стали значительными вехами в истории этого молодого, всегда ищущего коллектива. В центре постановок оказались не размышления М. Горького о человеке, о его свободе, а экзотика босячества. «На дне» рассматривалось, в первую очередь, как этнографически интересное произведение. Считалось, что ситуация пьесы вызывает лишь сочувствие у зрителей к жителями дна, но трагики зритель здесь не видит.

Молодой театр вынужден был бороться с экономическими трудностями, и поэтому срок для подготовки новой постановки был коротким. Это повлияло на качество спектакля: в игре артистов чувствовалась усталость. В постановках принимали также участие артисты, уже выступавшие ранее в пьесе, хотя и под руководством других режиссеров: это, с одной стороны, Пауль Пинна, с другой — Александер Теэтсов, Мари Мёльдере. Последнее обстоятельство также помешало созданию цельного ансамбля в спектакле. Драматический театр использовал в постановке перевод журналиста Яана Ратассеппа.

Прийт Пыльдроос в своей статье «О первых постановках «На дне» Максима Горького в Эстонии» пишет: «Во время буржуазного строя «На дне» поставил только Рабочий театр в 1930 году».<sup>81</sup> С этим утверждением нельзя согласиться, так как пьеса М. Горького была в репертуаре многих театров в 1920-е и 1930-е гг. Ее ставили:

- 1) Эстонский Драматический театр — 28/1 1921;
- 2) «Эндла» — 6/X 1923;
- 3) Нарвский театр — 4/XI 1924;

<sup>80</sup> Там же.

<sup>81</sup> P. Põldroos, Maksim Gorki «Põhjas» esimesi lavastusi Eestis, «Eesti nõukogude teater», almanahh III, Tln., 1957, стр. 150.

- 4) «Ванемуйне» — 30/XI 1924;
- 5) «Угала» — 28/I 1928;
- 6) Таллинский Рабочий театр — 20/IX 1931;
- 7) «Ванемуйне» — 28/X 1938.

Некоторые постановки не оставили заметного следа в истории эстонского театра. Особенно это относится к постановкам периферийных театров. В них, как правило, на первый план выдвигалась не социальная проблематика произведения М. Горького, а романтика босячества.

В 1924 году Леопольд Ханзен<sup>82</sup> ставит «На дне» в театре «Ванемуйне». В эти годы театр «Ванемуйне» переживал кризис, начавшийся после ухода К. Меннинга. Новые постановки продолжают в смысле сценического стиля старую линию «внешнего натурализма». Интеллигенция теряет интерес к театру, основную массу зрителей которого составляет теперь городское мещанство, мелкая буржуазия. В соответствии с их вкусами формируется и репертуар. «Посредственная комедия, забавная оперетта и бессодержательный фарс все более укореняются в репертуаре «Ванемуйне»». <sup>83</sup> Возникает замкнутый круг: репертуар — публика, публика — репертуар.

Сменивший К. Меннинга на посту директора театра и режиссера Антс Симм пошел на поводу у публики. В 1916 г. в знак протеста против изменения художественного credo театра из «Ванемуйне» ушли 11 сильнейших актеров труппы. Художественный уровень спектаклей снизился; в 1921 г. театр покидает и А. Симм. В 1921—25 гг. труппа «Ванемуйне» работает без постоянного художественного руководителя, без какой-либо определенной художественной платформы. В роли режиссеров выступали артисты Л. Ханзен, К. Треймундт, Ю. Пыдер, Ф. Петтай. Делались даже попытки следовать традициям К. Меннинга. Постановка «На дне» Л. Ханзеном явилась попросту копией старой постановки К. Меннинга. Постановщик использовал при этом режиссерскую книгу К. Меннинга и выпущенный в 1904 г. перевод Х. Рудольфа, о чем свидетельствует сохранившаяся запись роли Клеща, исполнителем которой указан Ныммитс (Тынис Ныммитс, действительно, играл в постановке Л. Ханзена роль Клеща). Все дополнения и исправления в записи этой роли

---

<sup>82</sup> Ханзен, Леопольд (1879—1964) — известный актер театра «Ванемуйне». Начал сценическую деятельность в 1899 г. в труппе А. Вийры. В 1903—1905 гг. работал в Риге режиссером в обществе «Иманта». С 1906 года актер театра «Ванемуйне». Его игру характеризует глубокий реализм; лучшие роли: Плиухкам («Кочан капусты» О. Лутса), Аким («Власть тьмы» Л. Толстого). С 1959 года народный артист ЭССР. Автор нескольких книг воспоминаний.

<sup>83</sup> Jaan Kärner, Kirjanik — näitleja — lavastus, «Lehed tuulde», Tln., ERK, 1958, стр. 79.

совпадают с дополнениями и исправлениями в режиссерском экземпляре пьесы К. Меннинга 1909 г.<sup>84</sup>

Накануне премьеры в газете «Постимеэс» появилась статья, знакомившая читателей с пьесой. Судя по этой статье, основное внимание режиссер обратил на бытовой момент, на изображение «незнакомое общества». Среди обитателей ночлежки были особо выделены Лука и Клещ. В первом режиссер видел основного носителя идеи пьесы; отсюда можно сделать вывод, что интерпретация образа Луки в режиссерской трактовке Л. Ханзена не изменилась. В образе же Клеща подчеркивались его надежды выбраться со «дна» при помощи труда. Об этом свидетельствует и уже упомянутая запись роли Клеща, принадлежащая артисту Т. Ныммитсу, где подчеркнуты те реплики Клеща, в которых он говорит о труде, о его великой, исцеляющей силе.

Почему же отсутствуют отклики на спектакль? Премьера «На дне» состоялась 30 ноября, в канун известного восстания эстонского пролетариата. После подавления восстания эстонская буржуазная печать, естественно, предпочла замолчать постановку пьесы М. Горького.

В Таллинском Рабочем театре постановку «На дне» М. Горького осуществила Хильда Глезер.<sup>85</sup> Режиссер работал с молодым коллективом в течение всего лишь 37 дней, и все же результаты были хорошими. Энтузиазм молодых артистов способствовал удаче спектакля. Особенно высоко оценивала критика Барона — Рутса Баумана,<sup>85</sup> который «обладает особой чисто театральной восприимчивостью, никогда не преступает в игре определенной грани и вместо представления роли — в движении, в мимике и в интонациях — как бы показывает нам естественное бытие героя».<sup>87</sup> Из других исполнителей критика отмечала Василису — Катрин Вяльбе, которая сыграла свою роль с большим темпераментом. Насте — Агнес Лепа, — считали рецензенты, — пожалуй, не хватало внутренней трагики, которую не могли заменить внешние «экспрессивные» позы.

<sup>84</sup> M. Gorki, Põhjas, Viljandi, 1904, ОР ЛМ, ф. 142.

<sup>85</sup> Глезер, Хильда (1893—1932) — эстонская актриса и режиссер. Артистка театра «Эстония» с 1916 года. Одновременно работала в так называемом «Утреннем театре» (1920—1924), в Рабочем театре (1926—1932), в 1924—1932 гг. преподавала в школе при Драматической студии. В 1922 г. совершила заграничную поездку — результатом ее явилось увлечение экспрессионизмом. Лучшие роли Х. Глезер: Пэк («Сон в летнюю ночь» В. Шекспира, 1919), Электра (о. п. Софокла — Гофмансталя, 1923), Озе («Пер Гюнт» Г. Ибсена, 1927), г-жа Пичем («Трехгрошовая опера», 1930), Лаура («Домовой» Эд. Вильде, 1927), Тийна («Оборотень» А. Кипцберга, 1923). Образы ее отмечены яркой характерностью. Первая работа Х. Глезер в роли постановщика — «Земля» В. Брюсова в «Утреннем театре». Лучшие постановки — «На дне» (1931) и «Гоп-ля мы живем» Э. Толлера (1929) в Рабочем театре, «Рур» К. Чапека в «Эстонии» (1925).

Нигол Андресен в статье «Максим Горький и Эстония» особо выделяет постановку Х. Глезер как первую в эстонском театре, где была сделана попытка по-новому трактовать образ Луки. Лука в постановке Рабочего театра не был человеком, способным указать выход обитателям ночлежки; Лука в исполнении И. Тынопа стал образцовым примирителем, по-своему объясняющим жизнь, но не судьей, осуждающим людей». <sup>88</sup> Действительно, Лука — не революционер, но нельзя его рассматривать и как сознательного лжеца, подлеца. Конечно, он не из тех, кто способен вывести обитателей ночлежки со «дна» жизни; но в спектакле, пожалуй, и нет необходимости особо подчеркивать дурные последствия его лжи, поскольку его деятельность разоблачает сама пьеса. Общая оценка спектакля, данная критиком Р. Кангро-Поолем, сводилась к тому, что «образы, которых в пьесе много, были раскрыты правильно, хотя и не очень мастерски. <...> Спектаклю временами нехватало динамичности, чтобы оставить сильное впечатление у зрителей». <sup>89</sup>

Впрочем, буржуазная журналистика иначе оценивала спектакль: «Надо сразу отметить, что пьеса уже устарела. Не то, чтобы мысли, в ней изложенные, потеряли свою ценность, но они стали для нас как бы слишком очевидными и наши интересы слишком мало с ним связаны». <sup>90</sup> Буржуазия стремится обойти проблемы, поставленные в пьесе, хочет видеть в ней только отражение давно пройденного этапа жизни, только критику старой царской России, а не всего классового общества, в том числе и порядков буржуазной Эстонии.

Постановка пьесы М. Горького на сцене Таллинского Рабочего театра была вполне закономерной и обуславливалась общей программой театра. «Мысль об основании Рабочего театра возникла в начале 1925 года. Не стихли еще в обществе отголоски революции и войны. Отношения между людьми, принадлежателями к разным партиям, и между различными группами были еще очень острыми в каждой области жизни, в том числе и в области искусства и театра. Новый театр был задуман

---

<sup>85</sup> Бауман, Рутс (1892—1960) — известный эстонский актер. Сценическую деятельность начал в 1917 году в Таллинском драматическом театре, где великолепно сыграл роль Барона. Затем временно покинул сцену. В 1931—1941 гг. — актер Рабочего театра. Его реалистическое творчество носит яркий комедийный характер. Герои Р. Баумана — люди из простого народа. Лучшие роли: садовник Соин («На задворках» О. Лутса), Толари («Сплавщики» Т. Паккала), Йеппе («Йеппе с горы» Л. Хольберга). Снимался в кинофильмах «На повороте» и «Актер Йоллер».

<sup>87</sup> Ara [A. Adson], Hooaja avamine Töölisteatri, «Vaba Maa», 22. IX 1931.

<sup>88</sup> R. K.-P. [Rasmus Kangro-Pool], Töölisteater avas hooaja, «Päevaleht», 22. IX 1931.

<sup>89</sup> R. K.-P. [R. Kangro-Pool]. Töölisteater avas hooaja, «Päevaleht», 22. IX 1931.

<sup>90</sup> Там же.

именно как вполне определенный классовый театр. Рабочий театр с его принципом коллективного творчества должен был вести за собою массу». <sup>91</sup>

Если постановка 1924 года не явилась событием в истории театра «Ванемуйне», то о постановке «На дне» Каарли Алуоя <sup>92</sup> в 1938 году один из критиков заметил: «Можно смело сказать, что это одна из лучших работ «Ванемуйне» за последние годы». <sup>93</sup>

Удаче спектакля способствовало и изменение атмосферы в театре: в 1935 г. сменилось его руководство. Во главе театра стали новые люди, которые сумели повести «Ванемуйне» вперед. Но установленная в 1934 г. в Эстонии фашистская диктатура все же не могла не оставить следа в деятельности театра. И не случайно, подводя итоги осеннего театрального сезона 1938 г., писатель Йоханнес Семпер отмечал: «Из репертуара исчезли инсценировки, но вообще более или менее продолжается следование прежней традиции: одно серьезное и глубокое произведение, один фарс или «народная комедия», к ним добавляется две-три случайных салонных комедии. Если присоединить сюда еще детские спектакли, представления учебной группы, оперу и оперетту, то получим в результате как будто чрезвычайное многообразие репертуара, но даже с точки зрения отдельного актера это чрезмерное обилие всякой всячины не позволяет сколько-нибудь постоянного углубления в роль и достижения каких-то подлинно художественных ценностей. Поскольку сценические проблемы широкого масштаба сняты, то центр тяжести падает как раз на игру актера, на истолкование им своей роли. Но именно это не может быть успешным, когда на сцене вообще отсутствует единый стиль». <sup>94</sup>

И хотя постановка «На дне» была лучшей в сезоне, все же и здесь особенно давала себя знать разностильность в игре актеров. Одни актеры — такие, как В. Кург в роли Сатина, — придерживались в постановке принципов «бытового театра»,

---

<sup>91</sup> Töölisteatr 10-aastane, «Uus Eesti», 6. II 1936, Nr. 36.

<sup>92</sup> Алуоя, Каарли (р. 1899) — эстонский актер и режиссер. Театральное образование получил в театральной школе Драматической студии (1920—1924). Принял активное участие в организации театра «Драматическая студия», где с 1927 г. работал режиссером. С 1935 г. — режиссер театра «Ванемуйне». В 1953—1960 работал режиссером самостоятельных групп. Лучшие его роли — характерные: Пийбелехт («Домовой» Эд. Вильде), Индрек («Школа Мауруса» А. Х. Таммсааре). Лучшие постановки: «На дне», «Жизнь в цитадели» и «Привидения» А. Якобсона, «Семь братьев» А. Киви, «Укрощение строптивой» В. Шекспира.

<sup>93</sup> Põhjalangenute elu «Vanemuises», «Film ja Elu», 4. XI 1938, nr. 37. стр. 12.

<sup>94</sup> J. Semper, «Vanemuise» teatri sügishooaeg, «Looming», 1939, Nr. 1, стр. 112.

другие — например, А. Рандвийр<sup>95</sup> в роли Луки, — исходили в своей игре из стремления подчеркнуть философскую направленность пьесы.

Критики рассматривали пьесу М. Горького, в первую очередь, как произведение, характеризующее дореволюционную Россию. «Существенным различием между типами «На дне» и встречающимися у других писателей типами босяков является разная трактовка их духовного мира. Персонажи «На дне» Горького — носители специфически русской, вернее бывшей русской философии жизни и миропонимания, которых нет у наших босяков или у людей «дна» других стран. Именно эта русская специфика, находящая выражение во всем произведении, является, так сказать, потенциальной силой пьесы и требует от постановщика строгого соблюдения этой специфики на сцене, требует изображения именно русского человека, иначе «На дне» будет совсем не тем произведением, каким оно должно быть».<sup>96</sup>

К сожалению, подчеркивание «русской специфики» в постановке не шло дальше использования чисто внешних средств для ее выражения, на что обращала внимание и критика: «В общем надо сказать, что совершенно неправильно стремление (может быть, и случайное) постановщика подчеркнуть «русское своеобразие» пьесы печорским диалектом, на котором говорят исполнители».<sup>97</sup> В постановке так говорили А. Рандвийр, Ю. Юрго, Э. Неэме и др.

Наряду с рецензиями, характер постановки помогают понять и сохранившиеся фотографии, особенно фотографии Актера — Ю. Пыдера, Луки — А. Рандвийра и Насти — И. Суверо. Вот на фото Лука А. Рандвийра: один глаз прищурен, другой хитро следит за тем, какое влияние оказывают его рассказы на слушателей. В сцене, когда Лука говорит Наташе о Пепле, о жизни в Сибири, он и сам не верит в свой рассказ, — так же, как и Наташа, но после того, как за осуществление этой идеи взялся

---

<sup>95</sup> Рандвийр, Александр (1895—1953) — эстонский актер. Театральное образование получил в театральной студии Балтийского флота под руководством В. П. Самойлова и в 1922—1924 гг. в школе Драматической студии. Участвовал в спектаклях театра «Драамастуудио» уже во время учебы. В 1927—1931 гг. работал в Рабочем театре, в 1931—1935 — в театре «Драамастуудио», в 1935—1941 гг. — в «Ванемуйне», в 1941—1949 гг. — в «Эстонии», в 1949—1953 гг. — в Таллинском драматическом театре им. В. Кингисеппа. В 1952 г. ему было присвоено звание заслуженного артиста ЭССР. Вначале его творчество характеризовалось романтической патетикой, впоследствии в нем утверждаются реалистические тенденции. Особенно удавались ему роли простых людей. Лучшие роли: Пер Гюнт, Лука, Тартюф, Вестман («Домовой» Эд. Вильде), Слепой Юхан («Куда идешь, товарищ директор» А. Хиита). Снимался в кинофильмах «Свет в Коорди» в роли Бао и в «Жизни в цитадели» в роли Лиллака.

<sup>96</sup> М. J. [Jürna], «Põhjas», «Postimees», I. XI 1938, Nr. 296.

<sup>97</sup> Там же.

Васька Пепел, у Наташи появляется вера в спасение. Лука — пустой лжец, сам не верящий в свои слова.

Об этом свидетельствует и одна из рецензий на спектакль, в которой отмечалось, что Барон Р. Ратассеппа выпадает из ансамбля, когда в последней сцене кричит, что Актер повесился. Обитатели ночлежки продолжают есть и пить — им все равно, повесился Актер или нет. К сказкам Луки о больнице, в которой лечат алкоголиков, о лучшей жизни в Сибири, здесь относятся как к басням.

Меньше всего удался Сатин в исполнении В. Курга. «Особенно плохо обстояло дело еще и потому, что в 4 действии, очень важном с точки зрения выражения горьковских идей, их должен преподнести зрителям именно Сатин; Кург же делал это настолько плоско, что действие в самых интересных местах становилось скучно-монотонным».<sup>98</sup>

Постановка «На дне» в «Ванемуйне» явилась последней попыткой показать пьесу М. Горького со сцены эстонского театра буржуазного периода. В отличие от предыдущих спектаклей здесь подчеркивалась философская сторона пьесы, и, хотя это было сделано несколько односторонне, постановка была богаче тех, в которых выдвигался на первый план только бытовой момент или романтика босячества.<sup>99</sup>

---

<sup>98</sup> М. J. [Jürna], Põhjas, «Postimees», I. XI 1938, Nr. 296.

<sup>99</sup> В дальнейшем пьеса «На дне» М. Горького была поставлена в

- 1) Нарвском Рабочем театре (на русском языке) 9. X 1940 г.;
- 2) Драматическом театре 5. I 1941 г.;
- 3) театре «Эндла» 12. (23?) II 1941 г.;
- 4) Раквереском театре в 1956 г.



**ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, ПИСАРЕВ, САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН  
В ОЦЕНКЕ ГОРЬКОГО**

(по материалам «Истории русской литературы»)

П. С. Рейфман

«История русской литературы» — незавершенная черновая рукопись, использованная как конспект лекций, прочитанных в 1909 г. М. Горьким в каприйской партийной школе. Замысел «Истории...», видимо, возник у Горького в конце 1907 г., работал над ней писатель в 1908—1909 гг. Во второй половине 1930-х гг. С. Д. Балухатый познакомил с рукописью широкого читателя, начав публикацию отдельных ее отрывков. В 1939 г. рукопись была издана полностью под редакцией И. П. Ладыжниковой и М. М. Юнович с примечаниями последней.

«История русской литературы» написана около 60-ти лет тому назад. Более 25-ти лет прошло со времени ее опубликования. Однако, хотя она очень важна и интересна, а творчество Горького исследовано в целом весьма детально, «История русской литературы» изучена сравнительно мало. На первый взгляд кажется, что работ о ней все же довольно много. Ей специально посвящен ряд статей, вышедших вскоре после ее издания<sup>1</sup>. О ней писал Н. К. Пиксанов<sup>2</sup>. Она упоминается в различных общих исследованиях творчества Горького<sup>3</sup>. Авторы некоторых статей, используя материал «Истории...», ставят вопрос об отношении Горького к отдельным писателям, об его исто-

<sup>1</sup> М. Юнович, «История русской литературы» М. Горького, «Горьковские чтения», т. I, М.—Л., 1940, вариант: «Новый мир», 1939, № 12; А. Борисов, Заметки об «Истории русской литературы» М. Горького. — «Сибирские огни», 1940, № 3; И. Сергиевский, «История русской литературы» М. Горького — «Литературное обозрение», 1940, № 3, и др.

<sup>2</sup> Н. К. Пиксанов, М. Горький — историк русской литературы, — «Литература в школе», 1946, № 1, сб. «Горький в школе», М., 1960.

<sup>3</sup> См., напр., Б. В. Михайловский, Творчество М. Горького и мировая литература, М., 1965; А. Волков, М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX века, М., 1951; С. В. Касторский, Статьи о Горьком, Л., 1953; А. Мясников, М. Горький. Очерк творчества, М., 1953 и др.

рико-литературных взглядах<sup>4</sup>. И тем не менее можно утверждать, что и в целом «История русской литературы» изучена недостаточно, и отдельные оценки, высказанные в ней, мало объяснены. Не случайно Н. К. Пиксанов отмечает тенденцию, возникшую в определенных литературных кругах: сдать книгу Горького в «историографический архив, отказав курсу в научной актуальности»<sup>5</sup>. Не случайно «История русской литературы» не была включена в 30-томное собрание сочинений Горького, стала библиографической редкостью. Не случайно и то, что историко-литературные взгляды Горького исследовались в последние годы сравнительно мало<sup>6</sup>, а авторы немногочисленных статей, специально затрагивающие эту тему, обходят, как правило, наиболее острые вопросы. Так, М. И. Рунт в статье «Горький о значении революционно-демократической литературы XIX века» подробно рассказывает о том, что Чернышевский, Добролюбов, Писарев с юности Горького были его любимыми писателями, а Рахметов и Базаров — его любимыми героями, о том, что Горький верил в передовую русскую интеллигенцию, «с восхищением говорил о революционных разночинцах 60—70-х годов»<sup>7</sup>. Противоречиям Горького, отразившимся в курсе «История русской литературы», Рунт посвящает одну фразу, поставленную в скобки, брошенную как бы мимоходом. Говоря о проблеме народности, затронутой в горьковском курсе лекций, Рунт замечает: «(в этом одна из положительных сторон каприйского курса, содержащего, как известно, ряд серьезных ошибок в оценке отдельных писателей и целых периодов развития русской общественной мысли)»<sup>8</sup>. О противоречиях курса Горь-

---

<sup>4</sup> Д. Г. Кульбас, Горький о реализме русской литературы XIX в., Уч. зап. Курганского пед. ин-та, вып. 1, 1958; М. И. Рунт, Горький о значении революционно-демократической литературы и критики XIX в., Уч. зап. Куйбышевск. пед. ин-та, вып. 30, 1960; Б. Мейлах, Горький и Пушкин, — «Новый мир», 1937, № 6; Б. В. Михайловский, Горький и Гоголь, «Горьковские чтения», М., 1949; Б. А. Бялик, Достоевский и Достоевщина в оценках Горького, сб. «Творчество Ф. М. Достоевского», М., 1959; Н. К. Пиксанов, Пушкин и Горький, «Пушкин. Труды Третьей всесоюзной пушкинской конференции», изд. АН СССР, 1953; Он же, Горький и Толстой, Вестн. ЛГУ, 1954, № 6 и др.

Когда настоящая статья была уже сдана в печать, Д. Г. Кульбас опубликовал в Уч. зап. Пермск. ун-та (вып. 132, 1965) статью «А. М. Горький о М. Е. Салтыкове-Щедрине». В ней, на материале «Истории русской литературы», подробно анализируется вопрос об отношении Горького к Щедрину, но проблема рассматривается Кульбасом в ином аспекте.

<sup>5</sup> Сб. «Горький в школе», М., 1960, стр. 79.

<sup>6</sup> В книге: К. П. Лукирская, А. С. Моршихина, Литература о М. Горьком. Библиография, 1955—1960, М.—Л., 1965 на 3713 работ о Горьком, вышедших во второй половине 1950-х гг., указано 4 исследования, посвященных теме русской классической литературы в оценках Горького дореволюционного периода.

<sup>7</sup> Учен. зап. Куйбышевск. пед. ин-та, вып. 30, 1960, стр. 28.

<sup>8</sup> Там же, стр. 29.

кого в статье более не говорится ни слова. В подобном же плане выдержана статья А. М. Еголина «М. Горький и русская литература»<sup>9</sup>. Аналогичные тенденции заметны в статье Д. Г. Кульбаса «Горький о реализме русской литературы XIX века». Довольно подробно излагая содержание курса «История русской литературы», автор почти не останавливается на горьковских оценках революционно-демократической идеологии, ограничившись одной фразой об отношении Горького к наследию Чернышевского: «Горький недооценил революционный демократизм Чернышевского, не подчеркнул искажения народниками его взглядов»<sup>10</sup>.

Стремление как-то затушевать противоречия Горького, сгладить «острые углы» заметно уже с первых отзывов об «Истории русской литературы». Так, при издании этой книги ее редакторы, упомянув о неверных оценках, встречающихся в ней, об отзывах Горького о Чернышевском и т. п., вместо того, чтобы объяснить их по существу, ссылаются на «уровень исторических знаний того времени», спеша заметить: «Эти ошибочные суждения не выражают ни в какой степени взглядов Горького»<sup>11</sup>. Понятно, что подобные истолкования противоречий Горького во многом объяснялись обстановкой, стремлением обезопасить книгу от нападков. Понятно и то, что противоречия, как и указывалось в большинстве работ, в которых упоминалась «История русской литературы», не были в книге главным, что в своем курсе Горький настойчиво проводил мысль «о значении культурного наследия, оставленного поколениями революционеров <...> для рабочего класса» (VII), что- лекции Горького — первая попытка подробного анализа русской литературы с марксистских позиций, что в этих лекциях поставлен ряд важных и верно решаемых проблем, высказано много правильных и глубоких оценок. Однако все это не исключает необходимости подробного анализа «Истории русской литературы» во всей ее сложности и противоречивости.

В статье не ставится задача дать всесторонний обзор спектра курса Горького; в ней пойдет речь лишь о некоторых конкретных оценках, об отношении писателя в 1907—09 гг. к Чернышевскому, Писареву, Щедрину.

Горький в своем конспекте неоднократно возвращается к имени Чернышевского, упоминает о нем с глубокой симпатией. Так, давая характеристику 1830—1940-х гг., Горький замечает, что в переходные эпохи обычно возникают два типа людей: в одном

<sup>9</sup> «Горький в школе», М., 1960.

<sup>10</sup> Уч. зап. Курганск. пед. ин-та, вып. 1, 1958, стр. 62.

<sup>11</sup> М. Горький, История русской литературы, М., 1939, стр. VII. Курсив мой — П. Р. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте в скобках. Аналогичные утверждения см. в вышеназванной статье М. Юнович, стр. 237, 238.

воплощается всё консервативное, отмирающее (в качестве примера такого типа писатель приводит славянофилов), «другой живет исключительно стремлением к будущему, совершенно чужд старине и враждебен ей — это для нас Бел<инский>, Добр<олюбов>, Чер<нышевский>» (153)<sup>12</sup>. Горький говорит о «прямоте мысли», «стойких чувствах» таких людей, которые сознательно обрекли себя «на смерть и на каторгу, ради торжества своих идей», которые обладали «изумительной трудоспособностью и жарким стремлением к знанию» (154). Белинский, Добролюбов, Чернышевский, по мнению Горького, — представители лучшего типа разночинцев-интеллигентов. Характерно, что, затрагивая вопросы, с которыми, по убеждению Горького, связаны слабости, противоречия подобного типа людей, писатель продолжает говорить о силе, незаурядности, величии мысли русских революционных демократов. Упомянув об «антисоциальном и потому реакционном значении индивидуалистического» романтизма и связанного с ним идеологического учения о народности», Горький замечает, что это учение оказало влияние *даже* на такие «светлые и боевые умы» как Белинский, что отзвуки таких взглядов слышны *даже* у Чернышевского» (71, 72. Курсив мой — П. Р.). Говоря об единодушном сочувствии, с которым все деятели 1850-х гг., включая Чернышевского, встретили рескрипты Александра II по крестьянскому вопросу<sup>13</sup>, истолковывая статью Чернышевского «О сельских условиях», её эпиграф как выражение этого сочувствия, Горький замечает, что *даже* Чернышевский запел дифирамб» (219. Курсив мой — П. Р.). Характерно, что в приведенных высказываниях «слабости» Чернышевского связываются с утопичностью его воззрений, с воздействием на него индивидуалистско-романтического учения о «народности».

Останавливается Горький на высказываниях Чернышевского, затрагивая и вопрос о «лишних людях». Упомянув об оценке «лишних людей» в статье Чернышевского «Лишний человек на rendez-vous», Горький утверждает, что такая оценка верна как «характеристика явления психологического», но ошибочна как исторический взгляд», так как в России 1840-х гг. та деятельность, которую подразумевал Чернышевский, деятельность в духе буржуазно-демократической революционности, была невозможна (177). Горький прав, говоря о некоторой неисторичности Чернышевского, но он не замечает, что в данном случае

---

<sup>12</sup> В ломаных скобках дается текст, восстановленный редакторами «Истории русской литературы».

<sup>13</sup> В картине «единодушия мнений» (215), нарисованной Горьким, сказалося истолкование литературного и общественного движения 1850-х гг. в ряде либеральных работ, опубликованных в конце XIX — начале XX вв., напр., в кн.: А. А. Корнилов, Общественное движение при Александре II, М., 1909.

«исторический взгляд» для Чернышевского вовсе не важен, что критик ставит вопросы, злободневные для 1860-х гг., и совсем не стремится к объективно-исторической оценке положения «лишнего человека» 1840-х гг. Горькому, видимо, кажется, что и здесь проявляется утопизм Чернышевского, склонность его к идеалам, не имеющим почвы в действительности.

Но особенно подробно об утопизме Чернышевского Горький говорит, разбирая взгляды критика на общину. По мнению Горького, беллетристы-разночинцы (Успенский, Решетников, Левитов и др.) показали неприкрашенного мужика, дикого, невежественного, темного; картина, нарисованная ими, подводила к выводу о несостоятельности общины; «Чернышевский признал правильным» (220) такое правдивое изображение народной жизни, принял неидеализированного мужика. В этом Горький видит силу Чернышевского. Он приводит в качестве примера верного понимания проблемы народности статью Чернышевского «Не начало ли перемены?», подробно цитирует ее. Но такому верному пониманию, по мысли Горького, противоречат народнические взгляды на общину как на «социалистическую ячейку», которая «заткнула за пояс» «все Европы» (222). Горький критикует взгляды Чернышевского на общину, выразившиеся в статьях «О поземельной собственности», «Критика философских предубеждений против общинного владения». Отмечая утопизм, ошибочность взглядов Чернышевского на общину, Горький, однако, не видит или, по крайней мере, не говорит, что содержание названных им статей вовсе не сводилось к учению об общине. Само обращение Чернышевского к теме общинного землевладения имело в конце 1850-х гг. большое значение, так как поставило на обсуждение вопрос о преобразовании «сельских отношений», об уничтожении крепостного права. В названных статьях Чернышевский высказывал мысль о необходимости коренной ломки существующего порядка, как необходимого условия благосостояния людей. По мысли Чернышевского, плодотворность «общинного владения» может сказаться лишь после такой ломки, когда уже даны другие, низшие гарантии благосостояния»<sup>14</sup>. Чернышевский подводит читателей к пониманию закономерности уничтожения помещичьего землевладения, передачи земли крестьянам на выгодных для них условиях. В противном случае, по словам Чернышевского, «лучше пропадай всё дело, приносящее вам только разорение»<sup>15</sup>.

В статьях о поземельной собственности и общинном владении Чернышевский, несмотря на свой утопизм, выступает «замечательно глубоким критиком капитализма»<sup>16</sup>, обосновывая неизбежность гибели частно-собственнического общественного

<sup>14</sup> Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., т. V, М., 1950, стр. 360.

<sup>15</sup> Там же, стр. 361.

<sup>16</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 25, стр. 94.

устройства. Выводы Чернышевского были направлены и против тех основ, которыми руководствовалось правительство, готовя и проводя реформу, и против апологетов буржуазного развития, и против славянофилов. Не случайно славянофилы поспешили отмежеваться от высказываний Чернышевского об общине. Славянофильский публицист А. И. Кошелев писал: «Г. Чернышевский защищает мирское пользование или владение землею — в этом мы с ним согласны, но г. Чернышевский смотрит на нынешнюю нашу общину как на ступень к другой, где явится общинный труд со всеми принадлежностями; туда за г. Чернышевским мы следовать не расположены»<sup>17</sup>.

Горький не затрагивает всех этих проблем, а акцентирует внимание лишь на утопичности учения Чернышевского об общине. Он считает, что в споре Чернышевского с И. В. Вернадским о том, прогрессивна ли, социалистична ли община, не затрагивался один вопрос: «а хорошо ли в о<бщи>не мужику, человеку» (223). Такая постановка вопроса, по Горькому, чрезвычайно характерна. Она отражает «всю драму отношений интеллигенции к народу» (223). Артель, община, по мнению Горького, превращаются в фетиш у людей типа Чернышевского — Рахметова, так же, как «я», личность превращаются в фетиш у людей типа Писарева — Базарова: «О любви к народу, как силе творческой, лучшей энергии природы, о любви к человеку, как равному мне мыслящему и чувствующему существу, — тут нет и речи.

Речь идет лишь о том, чтоб силою людей построить ту или иную форму социального бытия, речь идет о человеке, как строительном материале, который можно употреблять так или иначе — в целях улучшения его бытия, конечно, но, по возможности, без помощи его сознания. Я говорю — по возможности — требовалось, конечно, чтоб человек сознательно *уверовал* в преимущества о<бщи>нного владения землей пред частным и веру свою активно проводил в жизнь» (223).

По мнению Горького, для людей типа Чернышевского нужна была организующая идея, а так как построить ее на фактических данных не позволял опыт того времени, то в качестве такой идеи выдвинули учение об общине, «опыт заменили иллюзией, утопическим мнением о русском мужике», как обладателе социалистической общины, которая якобы является единственным спасением русского народа (224). Исходя из такой точки зрения, надо было найти человека, интеллигента, готового пойти в народ. Люди типа Молотова для этого дела не годились. Его выполнять должны были люди типа Рахметова. Горький подробно цитирует роман Чернышевского «Что делать?», останавливается на отношении автора к Рахметову и делает такой вы-

<sup>17</sup> См. «Русскую беседу», 1857, IV, стр. 170.

вод: «Как видите, это не человек, а «нарочно». Это существо, сделанное довольно-таки не искусно из той русской слякоти, которая называется «совестью»; к совести примешана наивность и еще христианский аскетизм. <...> Чернышевский, написав Рахметова, поставил перед Россией некую нелепейшую выдумку» (228). По мнению Горького, Рахметов столь же надуман и приукрашен, как и образы идеализированных крестьян в произведениях поздних народников-беллетристов. Он оказался опасным для правящих кругов, которые принялись успешно «душить всех, подобных Рах<метову>, идеалистов» (230).

В приведенных горьковских оценках Чернышевского много ошибочного. В терминологии рассуждений о народе как «лучшей энергии природы» сказалось, видимо, воздействие идей «богостроительства». Неверно осмысливается и отношение революционных демократов к народу: на самом деле народ для них, конечно, не был лишь «строительным материалом». Взгляды революционных демократов включаются Горьким в рамки «драмы отношений интеллигенции к народу». Горький преуменьшает значение романа «Что делать?», образа Рахметова, недооценивает огромное революционизирующее значение произведения Чернышевского. В «Истории...» слишком акцентируется вопрос об утопизме Чернышевского, об ошибочности его взглядов на общину.

В то же время в оценках Чернышевского Горьким отразилось ощущение некоторой объективной схематичности романа «Что делать?», образа Рахметова, понимание утопичности учения Чернышевского об общине, уверенность, что народ не должен быть для общественных деятелей лишь средством достижения их целей. А главное, в «Истории...» сказалась общая высокая оценка Чернышевского, революционных демократов, хотя акцент Горький делает на выяснении их слабостей. Характерно, что и в статье «Разрушение личности», примыкающей к «Истории...», писатель утверждает, что русская интеллигенция, соприкоснувшись с народом, создала «тип борца, редкий по красоте и энергии». <sup>18</sup> К этому типу Горький относил и Чернышевского.

Весьма любопытен отзыв Горького о Чернышевском в письме А. С. Черемнову от 19/XI 1912 года: «Читали Вы письма Чернышевского <...>? Какая трагическая книга и как «житиен» этот удивительный русский революционер. Да, можно писать «Житие преподобного Николая Чернышевского». Иже во святых. *Иже во святых*». <sup>19</sup> В приведенном отзыве, перекликающемся во многом с оценками «Истории...», отразилось восхищение Горького революционным подвигом Чернышевского, но этот подвиг объясняется «святостью», утопическим, хотя и воз-

<sup>18</sup> «Очерки философии коллективизма», СПб., 1909, стр. 377.

<sup>19</sup> «Архив А. М. Горького», т. VII, 1959, стр. 113.

вышенным, отношением к жизни, определяемым народническими иллюзиями. Письмо Черемнову свидетельствует, между прочим, что отношение Горького к Чернышевскому, выразившееся в «Истории...», сохранялось довольно продолжительное время и выходит далеко за рамки влияния идей «богостроительства».

Если деятельность Чернышевского оценивается в целом Горьким положительно, то наследие Писарева не вызывает у него ни малейшего сочувствия. Правда, начало главы о Писареве до нас не дошло. Это позволяет Юнович, комментатору «Истории...», утверждать; «Уцелевшая ее часть не дает поэтому цельного, полного представления о взглядах Горького на Писарева» (320). Но сохранившаяся часть главы, а также упоминания о Писареве в других главах «Истории...», позволяют весьма отчетливо представить себе отношение Горького к критике «Русского слова». Горький считает, что на примере Писарева можно особенно отчетливо увидеть, как «публицистика искажала действительность <...> в своем стремлении все догматизировать» (26). Он отзывается весьма резко о писаревской оценке творчества Пушкина (96). По мнению Горького, важный вопрос — об отношении личности и общества, — поставленный Герценом, Писарев решал «в смысле крайнего индивидуализма и полной свободы личности» (209). Подробно останавливаясь на писаревских оценках Базарова, Горький утверждает, что Тургенев специально изобразил Базарова «дикарем» или «что еще хуже — нигилистом, а Пис<арев> по молодости лет, потому, что сам был нигилист, а главным образом в целях построения идеологии пролетария-интеллигента, не усмотрев западни, поставленной Тур<геневым>, попал в нее обеими ногами и торжественно расписался» (237). По словам Горького, Писарев «принял всерьез насмешливо написанный Тургеневым портрет нового человека, расписал этот портрет своей рукой, окарикатурил его еще больше и возгласил на всю Русь — вот мы какие новые люди, нигилисты!» (241). Сопоставляя высказывания Базарова и Писарева о науке, находя их почти тождественными, Горький замечает: «Здесь рассуждают два дикаря» (238). Писарев, по Горькому, говоря о науке, «отрицает в науке <...> элемент творчества, забывая о ее праве и долге создавать гипотезы, строить теории» (238). В таком отношении, по мнению Горького, отразились характерные особенности русского интеллигента, который, будучи по натуре «пенкоснимателем» и дилетантом, «способен и к другой крайности — узкому сухому специализму» (238). Приводя ряд цитат из статьи Писарева «Реалисты», Горький приходит к выводу: «Вообще как мыслитель Писарев прежде всего человек некультурный и производит отвратительное впечатление скоропалительностью своих выводов» (240). Комментируя одно из выска-



званий Писарева, Горький замечает: «Невежество отчаянное и постыдное» (240). Он считает характернейшей особенностью Писарева «полное незнакомство его с условиями страны и эпохи» (241). По мнению Горького, статьи Писарева «Реалисты» и «Мыслящий пролетариат» произвели на общество «резко отрицательное впечатление» (241) и вызвали поход против «нигилистов», в который включились все, от Щедрина до Писемского и Лескова.

Оценивая Чернышевского, Горький упоминал о Писареве, который, «сочинив Базарова», скомпрометировал молодое поколение (228). По мысли Горького, «нигилист» не противоположен «мещанину», оба они — лишь две стороны одной и той же медали: «среди нигилистов Базаровых родились и росли мещане Молотовы» (241). То, что Писарев, восхваляя Базарова, весьма сочувственно относится и к Молотову, по Горькому весьма симптоматично, так как и Базаров и Молотов — «оба мещане, оба нигилисты, как сам Писаров» (242). По мнению Горького, люди писаревского типа «накричали, нашумели, отвергли всю историю своей страны, искусство, поэзию, эстетику — всё! порекомендовали заняться одним — популяризацией науки, другим — читать научные книжки — и в десяток лет бросив всё это — поступили на государственную службу, пошли в адвокаты, в чиновники, в правительство — в болото, собственно говоря. И не зря говорил Щедрин, что каждый нигилист есть в существе своем — будущий титулярный советник и кавалер святыне Анны — самой низкой степени. Противный кавалер!» (245).

По Горькому, во взглядах Писарева «нет определенной программы об<ществен>ной деятельности, нет опреде<ленного> идеала общественного строя, во имя коего можно бы вступить в борьбу с самодержавием...» (254); «Он возводил в главный мотив поведения — эгоизм и <...> старался показать, что люди просвещенные, мыслящие реалисты, будучи чужды всяких предрассудков и руководствуясь исключительно голым эгоизмом, всегда придут к общему благу» (254).

Горький считает, что Писарев и «писаревщина» принесли большое зло: «за Писарева все ухватились, как за самое слабое место в идеологических построениях разночинцев» (254); «Хуже всего, что писаревщина, развернувшаяся столь ярко, так угрожающе анархически, должна была вызвать <...> другую крайность <...> в лице русского консерватора» (241). Как видно из сказанного, в положениях Горького, хотя среди них встречаются и замечания о реальных недостатках Писарева, отчетливо заметна общая недооценка наследия одного из видных русских революционных демократов. О причинах ее будет говориться ниже.

Совсем по-иному Горький оценивает деятельность Салтыкова-Щедрина. С первых страниц «Истории русской литера-

туры» Щедрина неоднократно упоминается в числе крупнейших русских писателей-реалистов (15, 25 и др.). Говоря о Гоголе, высказывая свое мнение о том, каким должен быть сатирик, Горький приводит, как пример, Щедрина (127). Он неоднократно обращается к творчеству Щедрина для иллюстрации того или иного положения. Выше уже цитировались ссылки Горького на Щедрина, на хронику «Наша общественная жизнь» при описании эволюции русского интеллигента от «нигилиста» к «титулярному советнику» (см. стр. 64). Рассказывая о дворянстве, его настроениях, о дроблении помещичьего хозяйства, Горький обращается за иллюстрацией сказанного к тексту «Пошехонской старины» (149—151). Описывая разночинцев «типа Молотова», считая их выразителями мещанских тенденций буржуазной интеллигенции, ее приспособленчества, беспринципности, Горький оценивает этот тип словами Щедрина из «Господ ташкентцев»: «Прикажут — буду акушёр» — характеризовал себя и весь ряд этих людей Нестор Кук<ольник>» (154). Из «Господ ташкентцев» Горький приводит большие цитаты, описывая деятелей 1860—1870-х гг. (270—273). Говоря о Чаадаеве, о Герцене, об ужасах эпохи, в которую они жили, Горький вновь обращается к творчеству Щедрина, хотя из рукописи не ясно, что конкретно имеется в виду: «Затем Щедрин и ...» (205). Сообщая о росте капитализма в 1870-х гг, о развитии хищничества, Горький замечает: «Эту эпоху великолепно охарактеризовал Щедрин» (255), а далее цитирует «Признаки времени». Он говорит, что приведенный отрывок — страстный «воплъ умнейшего человека 70-х — 80-х годов» (156).

В главе о Щедрина Горький доказывает, что вся «история русской интеллигенции с 50-х до 80-х годов наиболее ярко изображена Щедриным. Щедрин шел в ногу с жизнью, ни на шаг не отставая от нее, он пристально смотрел в лицо ей и — горько пророчески хохотал над всеми и всем. Это не смех Гоголя, а нечто гораздо более оглушительно-правдивое, более глубокое и могучее» (270).

Горький считает, что Щедрин — «огромный писатель, гораздо более поучительный и ценный, чем о нем говорят. Широта его творческого размаха удивительна»; «Значение его сатиры огромно, как по правдивости ее, так и по тому чувству почти пророческого предвидения тех путей, по коим должно было идти и шло рус<ское> о<бщест>во на протяжении от 60-х г<одов> вплоть до наших дней» (273). Как свидетельство прозорливости Щедрина, Горький отмечает, что сатирик не обманулся радостными криками о появлении «нового человека», понимая, что в России того времени нет почвы, на которую этот человек мог бы опереться, «что он родился в болоте и принужден строить воздушные замки. Но здоровый социальный скептицизм не обманул Щедрина, и он еще в то время злейшим обра-

зом осмелял и нигилистов и славянофилов. <...> В искренность демократических тенденций рус<ского> о<бщест>ва Щ<едрин> не верил — как не верил он и в народолюбие, которым тогда рисовались» (273—274). Щедрин, по Горькому, отлично понимал, что «о<бщест>во, в лице даже лучших своих представителей, зовет мужика на политическую барщину, т. е. на борьбу за расширение прав именно либерального о<бщест>ва» (274). Горький считает, что эпоха наложила отпечаток на творчество Щедрина, привела к крайней спутанности выводов, к оттенку безысходности в его произведениях: «Его положение было драматично и страшно мучило этот зоркий, острый ум, не видевший как, чем и кем разрешится эта пореформенная путаница отношений ...» (274). Щедрин, по Горькому, самый правдивый свидетель «нашей духовной нищеты и неустойчивости» (274); без его творчества, без истории города Глупова нельзя понять России второй половины XIX в. По мнению Горького, Щедрин изобразил «лучшие тенденции русских людей в типах караса идеалиста и благонамеренного зайца» (274). Ссылаясь на разговор мальчика в штанах и мальчика без штанов из щедринского цикла «За рубежом», как пример изображения народа, Горький замечает: «Здесь скрыта злая ирония над всеми мужиколюбами от славянофилов до народников» (274). Восхищаясь силой щедринского отрицания, Горький стремится доказать, что попытки сатирика создать «положительный тип» не увенчались успехом, удалась ему «еще меньше, чем другим» (274—275. Курсив мой — П. Р.), так как его трезвый ум был не склонен «ослеплять себя самообманами. Он всех яснее понимал, что подавляющее большинство русской интеллигенции образовалось не выработкой снизу, а распадением сверху» (275). Обстановка, сложившаяся в России после поражения революции 1905 г., разгул реакции, поведение буржуазной интеллигенции в этих условиях, ренегатство, декаденство показывают, по словам Горького, насколько был прав Щедрин: «В наши дни Щедрин ожил весь, и нет почти ни одной его злой мысли, которая не могла бы найти оправдания в переживаемом моменте» (274).

Характерно, что и в отношении Горького к Чернышевскому, к его роману «Что делать?», к Писареву, к «писаревцам», к «Русскому слову» сказывается воздействие выводов Щедрина.

Высоко оценивая творчество великого сатирика, Горький значительно более объективен, чем в отзывах о Чернышевском и, особенно, о Писареве. Но и в оценке Щедрина ощущается некоторая недооценка значения «положительного типа», «лучших традиций русского общества». Все высказывания Горького о революционных демократах, Чернышевском, Писареве, Щедрине, столь не схожие между собою, в одних случаях крайне

односторонние, в других — справедливые, определяются одной целью, пронизаны одной мыслью.

В исследованиях о Горьком, в которых так или иначе затронут вопрос об «Истории русской литературы», противоречия этого произведения обычно объясняются влиянием «богдановщины», идей «богостроительства». Упоминается иногда уровень литературоведческих знаний того времени, говорится о борьбе с «веховством». Но всё это освещается очень бегло, без углубленного конкретного анализа, без выяснения причин, которыми вызвана каждая оценка, без указания единства противоречий «Истории русской литературы». Да и вообще о противоречиях предпочитают говорить вскользь. Остается непонятым, почему «богостроительство» или борьба с «Вехами» приводят, например, к ошибочным отзывам о Писареве и в то же время не мешают верной оценке Щедрина. Создается впечатление, что всё правильное сказано самим Горьким, а неправильное — результат разных вредных влияний и даже ни в какой степени не выражает взглядов Горького. Само понятие «правильного» и «неправильного» истолковывается очень механистически.

Известно, что в сложной обстановке после поражения революции 1905 г. Горький испытал воздействие идей «эмпириомонизма», «богостроительства», «богоискательства». Это особенно отчетливо отразилось в его повести «Исповедь» и вызвало осуждение Ленина.<sup>20</sup> Теории «эмпириомонистов» сказались как-то и в «Истории русской литературы». Они определили, видимо, в какой-то степени, горьковское понимание «коллективизма». Рассуждения о «коллективном субъекте», «коллективном опыте», «коллективизме», как сущности идеологии пролетариата, многократно повторялись в произведениях «эмпириомонистов». При этом стиралась грань между «физическим» и «психическим», разница между тем и другим сводилась лишь к различным «комбинациям элементов», «коллективный опыт» объявлялся творцом физического мира и т. п. Слово «коллективизм» часто упоминалось сторонниками «эмпириомонизма».<sup>21</sup> Не случайно они именовали свое учение «философией коллективизма», а один из сборников назвали «Очерки философии коллективизма». На самом деле теории «эмпириомонистов» свидетельствовали о разрыве их с марксизмом. В. И. Ленин в работе «Материализм и эмпириокритицизм» показал, что во взглядах «эмпириомонистов» «вульгарный и сильно подпорченный идеализмом» исторический материализм сочетается с идеализмом, переодетым в

<sup>20</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 48, стр. 4.

<sup>21</sup> См., напр., А. Богданов, Приключения одной философской школы, СПб., 1908, стр. 46, 47. Он же, Эмпириомонизм, кн. III, СПб., 1906, стр. XXXII.

марксистские термины, что это — одна из тонких фальсификаций марксизма, подделка антиматериалистического учения под марксизм.<sup>22</sup> В какой-то степени теории «эмпириомонистов» отразились в рассуждениях Горького о «коллективизме». Но в целом общие философские построения «эмпириомонизма» сказались в рукописи в весьма небольшой степени. Во всяком случае, не с «богдановщиной» была связана, в основном, горьковская оценка революционных демократов.

Воздействие идей «эмпириомонизма», вероятно, определяло отчасти и некоторый схематизм Горького в решении вопроса о роли разночинной интеллигенции. Правда, на словах, «эмпириомонисты» сами выступали против подобного упрощения. В статье «Философия современного естествознания» А. Богданов критиковал, как и Ленин, работу В. Шулятикова «Оправдание капитализма в западно-европейской философии», обвинял автора в упрощении, вульгаризации, в сведении «к грубо-экономической подкладке всевозможных философских систем».<sup>23</sup> Но, акцентируя вопрос о классовости идеологии, подчеркивая, что «пролетарское мышление», «идеология борющегося пролетариата» — высший этап в развитии идеологии, Богданов вульгаризировал вопрос о партийности идеологии, выводил идеологию прямо из производственного процесса. Богданов упрекал Бельтова (Плеханова) за его утверждения об относительной самостоятельности идеологического развития.<sup>24</sup> «Эмпириомонисты» давали слишком упрощенные определения идеологам прошлого: для них французские просветители — лишь «идеологи растущей буржуазии», утопические социалисты — «представители мелко-буржуазного типа» и т. п.<sup>25</sup> Правильное противопоставление пролетарской идеологии всем предшествующим превращалось в вульгарно-прямолинейное преуменьшение роли идейного наследия. Такого рода выводы приведут позднее Богданова к «теории Пролеткульта», к отрицанию классиков, обосновываемому вульгаризаторскими рассуждениями о «пролетарском искусстве». Подобные выводы, отчасти, сказались и в «Истории русской литературы».

Однако, один из основных вопросов, волновавших в то время Горького, определивший в значительной мере всё содержание «Истории . . .», вопрос о мещанстве, буржуазной интеллигенции, об ее отношении к народу, об ее эволюции, вырождении, в общих теоретических работах Богданова и Базарова затронут сравнительно мало. Вряд ли закономерно говорить в

---

<sup>22</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 18, стр. 351. Ленинскую оценку сборника «Очерки философии коллективизма» см. там же, т. 48, стр. 151, 152.

<sup>23</sup> Сборн. «Очерки философии коллективизма», СПб., 1909, стр. 139, 140.

<sup>24</sup> А. Богданов, Приключения одной философской школы, СПб., 1908, стр. 32.

<sup>25</sup> Там же, стр. 30.

этой связи о воздействии на Горького идей «эмпириомонизма». Ведь к проблеме мещанства Горький обращался неоднократно, задолго до рассматриваемого периода. Он будет обращаться к ней и позднее, после того, как полностью преодолет воздействие идей «эмпириомонизма».

Замысел «Истории русской литературы», ее содержание связаны, в первую очередь, со стремлением Горького дать отпор различным антимарксистским теориям, появившимся в «ночь после битвы», в сложной обстановке России после поражения революции 1905 г. Не случайно, весной 1908 г., упоминая о замысле «Истории русской литературы», прося К. П. Пятницкого выслать ряд книг, нужных для ее подготовки, Горький с негодованием пишет о содержании журналов «Русская мысль» и «Образование», о том, что надо бороться с ними, «выступить на бой со всей этой шайкой дряни — вроде Ивановых-Разумников, Мережковских, Струве, Соллогубов, Кузьминых и т. д.»<sup>26</sup> Горький настойчиво подчеркивает: «Необходимо дать отпор гг. идеалистам, мистикам и всякой всячине, ютящейся в «Русской мысли», «Факелах» и других щелях литературных». <sup>27</sup> И Горький дает этот отпор, в частности, в «Истории русской литературы». Она была направлена против теорий, выразившихся позднее столь отчетливо в сборнике «Вехи». Напуганные революцией, авторы сборника выступили с критикой передовых традиций русской интеллигенции, освободительного движения. Они писали об ошибочности «духовных начал» интеллигенции, о поражении ее, которое якобы стало особенно очевидно в свете революционных событий 1905 г. «Веховцы» провозглашали несостоятельность «народно-утилитарно-аскетического» отношения к философии, говорили о «маниакальной склонности» оценивать философские учения «по критериям политическим и утилитарным», по тому, что они дают для «освободительных общественных стремлений». <sup>28</sup> Русская интеллигенция осуждалась за «поклонение народу», за «утилитаризм» и исключительную склонность к борьбе «против политического и экономического гнета» (В. 9, 10, 158, 162). Подвергались нападкам и революционные демократы 1840—1860-х гг., и народники, и, особенно, марксисты. Белинский объявлялся отцом русской интеллигенции, оторванной от истинных начал, слабой, ошибающейся. Знаменитое письмо Белинского к Гоголю истолковывалось как «классическое выражение интеллигентского настроения» (В. 56), сам критик обвинялся в плохом знании философии (В. 4). «История нашей публицистики, начиная с Белинского, в смысле жизнен-

<sup>26</sup> Архив А. М. Горького, т. IV, М., 1954, стр. 242.

<sup>27</sup> М. Горький, Собр. соч. в 30-ти тт., т. 29, М., 1955, стр. 51.

<sup>28</sup> Сборн. «Вехи», М., 1909, стр. 2, 7, 5. В дальнейшем ссылки на «Вехи» даются в тексте, в скобках, с сокращенным указанием сборника: В. 2, 7, 5.

ного разумения, — сплошной кошмар», — восклицал один из авторов сборника, Гершензон (В. 82).

В «Вехах» утверждалось, что философ-идеалист Юркевич, выступивший в 1860-х гг. с грубыми нападками на материализм, как мыслитель — выше Чернышевского, что Чернышевский, Писарев, Лавров, Михайловский «для философии творчества, для духовной культуры нации <...> почти ничего не давали» (В. 4, 5). Авторы сборника призывали к замене материализма идеализмом, марксизма — ревизионизмом, говорили о несостоятельности революционной борьбы. Нападая на интеллигенцию, «Вехи» на самом деле выступали против «всей русской демократии и всего русского освободительного движения».<sup>29</sup>

Критикуя марксизм, «веховцы» затрагивали и вопрос об «эмпириомонизме», осуждали Богданова, Луначарского, их «классовый» подход к философии, деление ее на «пролетарскую» и «буржуазную» (В. 10). По мнению Бердяева, «эмпириомонисты» исказили в духе прежних порочных основ русской интеллигенции теорию европейского «эмпириокритицизма», «во многом плодотворную и верную» (В. 16).

Веховская критика «эмпириомонистов» была критикой справа, с позиций осуждения русской социал-демократической идеологии. Борьба же Горького с «веховцами» и хронологически и по существу выходила за рамки идей «эмпириомонизма», направлялась против антимарксистских теорий. О Бердяеве, Струве и др. Горький с негодованием упоминает с самого начала 1900-х гг. «Вот Струве и Бердяев <...> жалкие люди», — пишет он В. А. Поссе в августе 1901 г.<sup>30</sup> Аналогичные высказывания имеются в письме Пятницкому от сентября того же года.<sup>31</sup> Ещё более резкие оценки этих «жиденьких джентельменов», этих «бывших людей», «объятых страхом за целость культуры», даются Горьким в письмах Пятницкому от конца января 1902 и ноября 1905 гг.<sup>32</sup> Подобное же отношение отчетливо проявляется и в «Истории русской литературы». Говоря о том, что «нигилисты» превратятся в «титularных советников», Горький замечал, что примером такого превращения могут служить Струве, Булгаков, Бердяев и «другие скромненькие нигилистики наших дней» (242). С самого начала творчества Горького буржуазная интеллигенция восприняла его не только как писателя антимещанского, но и как врага интеллигенции. Об «антиинтеллигентском» направлении произведений Горького неоднократно упоминалось в различных либерально-буржуазных работах по истории русской литературы и общественной

<sup>29</sup> В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 19, стр. 168.

<sup>30</sup> М. Горький. Собр. соч. в 30-ти тт. т. 28, М., 1954, стр. 170.

<sup>31</sup> Там же, стр. 173.

<sup>32</sup> Там же, стр. 233, 395.

мысли. Так, Р. В. Иванов-Разумник в «Истории русской общественной мысли» старался доказать, что Горький с самого начала его литературной деятельности относился к интеллигенции резко-отрицательно, высмеивая ее при каждом удобном случае.<sup>33</sup> Тема «интеллигентского мещанства» звучала в полную силу в произведениях молодого Горького. Только что приехав в Петербург, в октябре 1899 г., Горький писал Е. П. Пешковой: «Все спрашивают объяснения моей ненависти к интеллигенции. Это надоедает и дополняет мою ненависть».<sup>34</sup>

Однако, «антиинтеллигентские» тенденции Горького имели не только иной, но и диаметрально противоположный характер, чем «антиинтеллигентство» «Вех». Последние выступали против демократических, революционных традиций. Горький, критикуя либеральную интеллигенцию, защищал эти традиции. Он показывал сущность того перерождения буржуазной интеллигенции, которое столь отчетливо сказалось в «веховстве», старался раскрыть в прошлом предпосылки такого перерождения. Ряд положений, высказанных в «Истории русской литературы», обращенных против индивидуализма, «нигилизма», направлены, в сущности, против «веховства», против различных проявлений буржуазного индивидуализма в литературе и общественной мысли начала XX-го века. Аналогичные положения, таким же образом ориентированные на современность, встречаются и в статье «Разрушение личности», тесно примыкающей к «Истории...», и в других, более поздних, выступлениях Горького.

Вопрос об интеллигенции, об ее индивидуализме, об отношении ее и народа был вообще в рассматриваемый период одним из наиболее дискуссионных вопросов. «Антиинтеллигентские» настроения, в частности, отчетливо ощущаются в написанных в 1907—1908 гг. статьях А. Блока, во многом перекликающихся с высказываниями Горького («Народ и интеллигенция», «Вопросы, вопросы и вопросы», «Стихия и культура», «О реалистах», «Ирония» и др.). Блок сурово осуждает буржуазную интеллигенцию, отмечает ее дряблость, эгоизм, неспособность к делу. Говоря о современной литературе, созданной этой интеллигенцией и предназначенной для нее, поэт обращает внимание на отсутствие у современных писателей «ореола общественного», обвиняя их в том, что они служат реакции, делают дело, «недостойное художника и гражданина».<sup>35</sup> Блок считает, что интеллигенция «все более пропитывается «волею к смерти»», в то время как «народ искони носит в себе «волю к жизни»» (т. V,

<sup>33</sup> Р. В. Иванов-Разумник, История русской общественной мысли, СПб., 1908, т. II, стр. 434. В дальнейшем ссылки в тексте, в скобках: И. II, 434.

<sup>34</sup> М. Горький, Собр. соч. в 30-ти тт., т. 28, стр. 95.

<sup>35</sup> А. Блок, Собр. соч., т. V, М.—Л., 1962, стр. 308. В дальнейшем ссылки в тексте, в скобках: т. V, 308.



327). По мнению поэта, интеллигенцию и народ разделяет непреходимая грань, «недоступная черта» (т. V, 324). Отношения народа и интеллигенции кажутся Блоку «не только ненормальными, не только недолжными. В них есть нечто жуткое» (т. V, 319). Отмечая «народолюбие» русской интеллигенции, свойственное ей еще с екатерининских времен, поэт считает, что, несмотря на это, народ и интеллигенция остаются чужими друг другу; последняя, стараясь постигнуть душу народа, сблизиться с ним, ничего не поняла и никого не полюбила (т. V, 322).

Связывая с народом живое жизненное начало, Блок видит в то же время в народе что-то стихийное, грозное, предвещающее гибель и разрушение. В связи с размышлениями об интеллигенции и народе поэт вспоминает об извержении Этны, об уничтожении Мессины. Он сравнивает народную стихию со страшными подземными силами, с огнем, «который рвется наружу из-под «очерепевшей лавы» (т. V, 359). Обращаясь к гоголевскому образу птицы-тройки России, Блок переосмысливает его. Она и «благодатная», «красавица — Россия», и одновременно трагична, страшна, вызывает «самозабвение восторга и самозабвение тоски, отчаянья, безразличия» (т. V, 344, 328). Образ стремительно мчащихся коней поэт связывает не только со стихией силы и удали, но и с ощущением гибели, с «тяжелыми копытами», готовыми растоптать интеллигенцию, культуру: «Что, если тройка <...> летит прямо на нас? Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель» (т. V, 328).

Подобные опасения как-то перекликались с положениями «веховцев», хотя в целом точки зрения Блока и будущих участников «Вех» далеко не совпадали. «Веховцы» воспринимали народ как антиреволюционную стихию, интеллигенцию же они осуждали за революционные, демократические традиции, за народолюбие. Для Блока народ — стихия революционная, которую писатель, в основном, принимает. Осуждение же интеллигенции у Блока определяется ее буржуазным индивидуализмом, отказом от революционных традиций, ее дряблостью, антинародностью. Не случайно «веховцы» весьма отрицательно отнеслись к статьям Блока. П. Струве отказался напечатать в редактируемой им «Русской мысли» статью «Интеллигенция и революция», называя ее наивной (т. V, 742). «Бараны, ослы, скоты», — возмущается Блок по поводу отзыва Струве, выражая желание стать выше «этой дряхлой и глубокоуважаемой сволочи». <sup>36</sup>

Говоря об интеллигенции, Блок затрагивает проблему отношения к классическому наследству, в частности к русским революционным демократам. С этим наследством интеллигенция на-

<sup>36</sup> А. Блок, Записные книжки, М., 1965, стр. 123. В дальнейшем ссылки в тексте, в скобках, с сокращенным названием: Зап. кн., 123.

чала XX века оказывается во многом связана. Ее, по словам Блока, волнуют вопросы, поставленные Чернышевским, Добролюбовым, Тургеневым, Толстым, Лермонтовым, Гоголем. Она горячо обсуждает эти вопросы, проявляя «юношеский пыл сердца», «великую любовь и великую готовность быть верными священным заветам прошлого» (т. V, 335). Одновременно Блок отмечает полную несостоятельность подобных «благородных» порывов, которые не приводят ни к чему благотворному, превращаются в пустое пережевывание красивых слов, в «интеллигентскую жвачку». Такой «жвачкой», по мнению Блока, становится для современного интеллигента вся русская литература (т. V, 334; Зап. кн., 114, 117).

Интеллигенция начала XX века, по Блоку, оказывается как-то связанной со своими «великими предшественниками», и не только в лучших своих чертах. Как и она, «так же горели этим огнем <...> Герцен и Белинский <...> Чернышевский и Добролюбов» (т. V, 335). Говоря о непонимании современными интеллигентами России, Блок упоминает, как пример такого же непонимания, «истерический бранный крик, которым кричал на Гоголя Белинский, «отец русской интеллигенции» (т. V, 326). Подобные утверждения внешне также перекликались с «веховством». И тем не менее поэт настойчиво отмежевывает «великих предшественников» (курсив мой — П. Р.) от их мизерных потомков. Для него «гораздо вкуснее старая русская жвачка, чем новая, <...> она гораздо питательнее» (т. V, 339; аналогичный взгляд в Зап. кн., 114). Блок обращает внимание своих читателей на отличие «шестидесятников» от современной интеллигенции, на то, что, «и это главное, Добролюбов — писатель *дореволюционный*» (т. V, 348). С отвращением отзываясь о современной буржуазии, «классе фармацевтов», который пришел на смену русскому дворянству, отмечая связь «фармацевтов» с разночинцами, Блок одновременно противопоставляет «фармацевтов» людям 1860-х гг., Добролюбову, Решетникову (т. V, 337—338). Он вспоминает те «блаженные времена, когда в квартире Н. А. Некрасова <...> велись горячие споры в демократическом папиросном дыму» (т. V, 220). В «Записные книжки» за июль-октябрь 1908 г. Блок заносит: «Мечты о журнале с традициями добролюбовского «Современника» (Зап. кн., 113). Здесь же запись: «Две интеллигенции». Очевидно, Блок ясно понимал разницу между современной буржуазной интеллигенцией и ее «великими предшественниками». В связи с проблемой интеллигенции и народа поэт неоднократно обращается к именам революционных демократов. В статье «Солнце над Россией» он упоминает Белинского и Добролюбова в числе других жертв реакции, понесенных русской литературой (т. V, 302). В статье «О драме» Блок говорит о романе Чернышевского «Что делать?», об его героях (т. V, 189). Он перечитывает

статью Добролюбова «О степени участия народности . . .», цитирует Герцена, Белинского, Добролюбова (т. V, 332, 347).

Отрицательное отношение к современной буржуазной интеллигенции, ощущение революционного духа народной стихии, понимание огромного значения лучших традиций прошлого сближают во многом Блока с Горьким. Характерно, что как раз в 1907—1908 гг. Блок защищает Горького от нападок буржуазной печати, провозгласившей «конец Горького», полемизирует с Д. В. Философовым, Г. А. Бароновым и др., выступившими против Горького. С этой полемикой связана одна из центральных статей Блока, «Народ и интеллигенция», которая первоначально должна была называться «М. Горький и народ». Не принимая таких произведений Горького, как роман «Мать», «Мои интервью» и др., не разделяя его социал-демократических воззрений, Блок настойчиво подчеркивает, что Горький — «русский писатель», что в нем ощущается «великая искренность», что он близок не современной интеллигенции, а народу (т. V, 103, 102, 321).

Анализируя содержание «Истории русской литературы» Горького, необходимо учитывать и книгу Иванова-Разумника «История русской общественной мысли», которая упоминалась выше (см. стр. 71). Она вышла в 2-х томах в 1907 г., а в 1908 г. появилось ее второе, дополненное издание. На первый взгляд, книга Иванова-Разумника была совершенно противоположна «веховству», во многом перекликалась с выводами самого Горького. Основной тезис, провозглашавшийся в ней, — необходимость борьбы с мешанством, с которым, по утверждению автора, связано все косное, трафаретное, старое, *«узость, плоскость, безличность»* (И, I, 15). Вся история русской интеллигенции рассматривалась Ивановым-Разумником с точки зрения ее борьбы с мешанством. Автор с похвалой говорил о «громдном этическом значении русской литературы», об ее «учительстве», о том, что она — выражение лучших идей интеллигенции (И, I, 12). Рассматривая историю русской общественной мысли с XVIII по начало XX вв., Иванов-Разумник, как правило, весьма сочувственно оценивал творчество выдающихся писателей и мыслителей. Он с похвалой говорил о деятельности Белинского, Герцена, Чернышевского, Добролюбова, Писарева, Салтыкова-Щедрина, Лаврова, Михайловского, противопоставляя этих людей сторонникам «малых дел», «восьмидесятникам» (И, II, 81). Интеллигенция, по Иванову-Разумнику, — сила противоположная мешанству, связанная с началом движения, прогресса.

Но мешанство и интеллигенция рассматривались в книге как какие-то внеклассовые, внесловные группы. Такой же внеклассовый, вневременной, вечный характер, по мнению автора, имеет и борьба, ведущаяся между этими группами. Она, по утверж-

дению Иванова-Разумника, определяется противоположностью двух исконных начал — «личности» и «безличности». Интеллигенция, с этой точки зрения, — собирательное название всех людей, признающих «примат личности» (И. I, 16), стремящихся к торжеству индивидуализма. Она провозглашается основной движущей силой истории, политического и социального прогресса. Иванов-Разумник оговаривался, правда, что «индивидуализм» должен гармонически сочетаться «со всеми прочими элементами мировоззрения», что он не должен переходить в «деспотическое подчинение всего другого человеческой личности», превращаться в «идолопоклонствующий индивидуализм», в «ультра-индивидуализм» (И. I, 17). Но такие оговорки не меняли по существу крайне положительного в целом отношения автора к индивидуализму. Основным злом Иванов-Разумник считал не «ультра-индивидуализм», а «анти-индивидуализм», ведущий якобы к подчинению и порабощению «человеческой личности кому бы то и чему бы то ни было» (И. I, 17). Автор объявлял равно антииндивидуалистичными и мещанство, и марксизм. Всякая коллективистская теория истолковывалась как разновидность мещанства. Критику марксизма Иванов-Разумник продолжал и в других своих работах. Особенно отчетливо антимарксистские тенденции сказались в работе «Что такое «махаевщина»? К вопросу об интеллигенции», изданной в 1908 г. Автор ее, убедительно осуждая прямолинейность, догматизм, вульгарный социологизм «махаевцев», старался вообще опровергнуть классовый подход к идеологическим явлениям, к выяснению социальной сущности интеллигенции. Такой подход, по его словам, слишком упрощен и вульгарен. Критериям социально-экономическим Иванов-Разумник противопоставлял социально-этические оценки, утверждая, что интеллигенция — «есть группа социально-этическая»<sup>37</sup>.

Иванов-Разумник осуждал и «веховцев», их отказ от общественной борьбы, призывы к замене ее личным самоусовершенствованием, их пренебрежение к вопросам «социальной справедливости», антиинтеллигентские настроения<sup>38</sup>. Но главным противником автора оставался марксизм. Не случайно в статье Иванова-Разумника, посвященной критике «Вех», столь много говорилось о марксизме. Автор ее готов был даже признать заслуги «вехистов», если они «сумеют смыть с известной части русской интеллигенции наслоения ее догматизма, ее партийной ограниченности и групповой нетерпимости»<sup>39</sup>. Да и само «веховство» Иванов-Разумник истолковывал как свидетельство разложения и вырождения марксизма. С антимарксистских пози-

<sup>37</sup> Р. В. Иванов-Разумник, Об интеллигенции, СПб., 1910, стр. 145.

<sup>38</sup> См. статью «Что такое «кающиеся разночинцы»? К вопросу о «Вехах», сб. «Об интеллигенции», стр. 193, 197, 207.

<sup>39</sup> Там же, стр. 216.

ций критиковал Иванов-Разумник и «эмпириомонистов», называя их «эпигонами марксизма» (И. II, 467). По его утверждению, в русской общественной мысли начала XX века вообще всякая антиинтеллигентская теория так или иначе смыкается с марксизмом. Характерно, что и творчество Горького Иванов-Разумник анализирует в свете своего отношения к марксизму. В «Истории русской общественной мысли» эволюция Горького рассматривается как движение в сторону антииндивидуализма, столь ненавистного Иванову-Разумнику: «Едва ли когда-нибудь Горький сумеет выбраться из этой трясины, в которую засасывает его то самое, ненавидимое им, мещанство» (И. II, 433). Горьковская критика мещанства с антииндивидуалистических позиций оказалась более неприемлемой для Иванова-Разумника, постоянно подчеркивавшего антимещанскую направленность своей книги, чем теории «веховцев».

Автор «Истории русской общественной мысли» пытался противопоставить марксизму поздне-народнические идеи, доказать, что кризис «ортодоксального народничества», перерождение его в теорию «малых дел» — явление временное. Иванов-Разумник говорил об истинности выводов «русского социализма», об его «жизнеспособных началах» (И. II, 515), которые, по мнению автора, вновь возрождаются в учении эсеров. С этой эпигонски-народнической, эсеровской точки зрения в книге оценивается и литература, и общественная мысль России XIX века. Иванов-Разумник крайне положительно относится к народничеству 1870-х гг. Он восторженно хвалит Михайловского, «замечательнейшего из теоретиков русского социализма семидесятых годов» (И. II, 16), с похвалой отзывается о Лаврове. Всю историю русской общественной мысли, особенно мысли революционно-демократической, Иванов-Разумник рассматривает с точки зрения народнических идеалов. В Герцене его прежде всего привлекает теория «научного», «русского социализма» (И. II, 8). Чернышевский, по мнению Иванова-Разумника, «придал народничеству научную форму», «был главным выразителем социалистического направления шестидесятых годов» (И. II, 8). Иванов-Разумник весьма иронически отзывается о картинах будущего в романе «Что делать?» Он утверждает, что эти картины «раскрашены всеми цветами фурьеризма», а роман — «намеренно лубочное произведение, написанное с пропагандистской целью» (И. II, 8, 9). С насмешкой упоминаются и «положительные типы» романа Чернышевского (И. II, 35). Иванов-Разумник критикует Чернышевского за теорию «материалистического монизма», за провозглашение «принципа полезности», защита которого была, по мнению автора «Истории русской общественной мысли», одной из основных ошибок шестидесятников: у них «принцип пользы большинства и норма самоцельности человека слишком очевидно противоположны друг другу» (И. II, 32, 33).

Иванов-Разумник осуждает шестидесятников за то, что они «совершенно отрицают этику», «были фетишистами теории полезности», «утилитаристами», а это вело их к «анти-индивидуализму» (И. II, 34, 33). Уловив некоторые противоречия Чернышевского, Иванов-Разумник отрицал, в основном, самые сильные стороны его учения (материализм, интерес к естественным наукам, стремление к «пользе общества» и пр.). Хвалит же он Чернышевского за то, что тот, как и Белинский с Герценом, был «предтечей Лаврова и Михайловского», что его можно поставить «в один ряд с величайшими представителями индивидуализма в истории русской общественной мысли», т. е. с лидерами народничества, что он защищал «принцип общинного владения», считал, что этот принцип и «принцип личности отнюдь не противоречат друг другу» (И. II, 17, 21). Иванов-Разумник с сочувствием говорит о надеждах Чернышевского на «особый путь» русского народа, будто бы способного при благоприятных условиях избегнуть капиталистического развития. Он хвалит Чернышевского за формулировку *«примата распределения над производством»*, которая легла в основу «русского социализма», и противопоставляет эту формулировку марксизму, акцентирующему «противоположный принцип примата производства над распределением» (И. II, 14). Итак, Иванов-Разумник дает очень однобокое, искаженное представление о Чернышевском, акцентируя в его наследии лишь то, что можно было использовать для обоснования эпигонски-народнических идей, для борьбы с марксизмом.

Довольно много внимания в «Истории русской общественной мысли» уделяется и взглядам Писарева. Отвергая «анти-индивидуализм», столь характерный, по мнению автора, для марксизма, Иванов-Разумник критикует и «идолопоклонствующий индивидуализм», «ультра-индивидуализм», объявляющий принцип «пользы лица» самоцелью (И. I, 17), приводящий к «эгоизму», «нигилизму», «этическому анти-индивидуализму» (И. II, 33). Он говорит, что крайности сходятся. Черты такого «ультра-индивидуализма», переходящего в «этический анти-индивидуализм», Иванов-Разумник находит у Писарева. Он отмечает противоречия, недостатки Писарева, но в то же время решительно возражает против попыток развенчать «замечательнейшего нашего критика и публициста» (И. II, 57). В книге говорится о плодотворном влиянии на Писарева Чернышевского и Добролюбова, о вражде его к мещанству, которая «проходит красной нитью через все произведения Писарева» (И. II, 59). Иванов-Разумник рассматривает эволюцию Писарева как движение от «ультра-индивидуализма», «эгоизма», «утилитаризма», столь враждебных автору «Истории русской общественной мысли», к «этическому индивидуализму», столь милому ему. Писарев, по Иванову-Разумнику, пошел дальше других шестидесят-

ников: он преодолел «утилитаризм», являющийся слабой стороной их учения; начиная со статьи «Реалисты», происходит «сглаживание шероховатостей», «покинув бесплодные выси ультра-индивидуализма, Писарев встал наконец на твердую почву; он понял, что личность и общество не исключают, а взаимно дополняют друг друга», «эгоизм переработался в индивидуализм» (И. II, 74, 78, 63). Именно в творчестве Писарева, по мнению Иванова-Разумника, происходит «перелом русской этической мысли от догматики к критицизму» (И. II, 62). Автор «Истории русской общественной мысли» признает, что Писарев несколько преувеличивал роль интеллигенции, но он сочувствует такому преувеличению, считая, что оно спасло Писарева от мещанства. Писарев противопоставлен его «ученикам», «эпигонам шестидесятников», «нигилистам», «писаревцам», которые «постарались довести до абсурда и без того крайние положения учителя» (И. II, 70) и которых критиковали народники, Михайловский<sup>40</sup>. Сам же Писарев, в истолковании Иванова-Разумника, как и Базаров, Рахметов, Лопухов, Кирсанов, — «критический реалист», во многом предвосхищающий народническое мировоззрение: «Писарев в этом отношении стоит ближе к представителям народничества, чем к своим не в меру ретивым ученикам»; его противоречия «впоследствии распутало, или, вернее, разрубило <...> критическое народничество семидесятых годов» (И. II, 62, 64—65). Итак, положительно оценивая Писарева, Иванов-Разумник рассматривает и его творчество как этап на пути становления народничества. Он хвалит Писарева за индивидуализм, за высокую оценку роли интеллигенции, за отрицательное отношение к узкой специализации. Как на преимущество Писарева перед другими шестидесятниками указывается на особенности, которые, по Иванову-Разумнику, отделяют его от марксизма (отсутствие «анти-индивидуализма», «утилитаризма», «догматики»). Характерно, что в оценке и Писарева, и Чернышевского остается совсем в стороне вопрос о революционном смысле их теорий, о связи их с народом. И Писарев, и Чернышевский изображаются как выразители интересов внесловной интеллигенции в ее борьбе с мещанством.

Аналогичным образом истолковывает Иванов-Разумник творчество Салтыкова-Щедрина. Он хвалит Щедрина, называет его «великим сатириком», «ненавистником мещанства» (И. II, 322), пытаясь связать писателя с народничеством, с влиянием Михайловского, доказывая, что щедринское «решение проблемы индивидуализма вполне совпадает с решением, данным критическим народничеством» (И. II, 323). Вообще же о

---

<sup>40</sup> См. статью Н. К. Михайловского «Идеализм, идолопоклонство и реализм».

роли Щедрина в книге Иванова-Разумника говорится сравнительно мало.

Естественно, что теории Иванова-Разумника встретили решительный отпор в марксистской критике. Против его книги выступил Плеханов. В статье «Идеология мещанина нашего времени» он высмеял нападки Иванова-Разумника на марксизм, его рассуждения о внесловном мещанстве и интеллигенции, о внеклассовой идеологии и литературе. Плеханов показал, что «антимещанство» Иванова-Разумника — одна из форм современного мещанства. Он резко отверг истолкование Ивановым-Разумником Чернышевского как «предтечи» Лаврова и Михайловского, «выше которых он был по крайней мере на три головы»<sup>41</sup>. В то же время Плеханов раскрыл несостоятельность утверждений Иванова-Разумника, что Чернышевский не утопист, что его социализм — научный, не уступающий марксизму и даже превосходящий его. Плеханов недооценивал значения романа Чернышевского «Что делать?», рассматривая его как произведение, отразившее идеи *утопического* социализма, считал его слабым в «художественном отношении» (курсив мой — П. Р.). Но одновременно Плеханов отмечал, что в этом романе «так много ума, наблюдательности, иронии и благородного энтузиазма», что абсурдно рассматривать «Что делать?» (а так рассматривал роман Иванов-Разумник) как «намеренно-лубочное» произведение<sup>42</sup>. В статье М. Юнович говорится о созвучии плехановской «Идеологии мещанина нашего времени» тем частям «Истории русской литературы», которые посвящены критике буржуазной интеллигенции<sup>43</sup>. Но сходство Горького и Плеханова этим не ограничивается. Оно сказывается в общем стремлении дать отпор тем идеям, которые проповедовал Иванов-Разумник.

Против книги «История русской общественной мысли» выступил и Луначарский. В статье «Мещанство и индивидуализм» он, как и Плеханов, разоблачает мнимую «беспартийность» Иванова-Разумника, показывая, что его книга направлена против идеологии пролетариата, против марксизма. Луначарский отвергает мещанский индивидуализм, замечая, что «в общем и целом мещанство и индивидуализм совпадают»<sup>44</sup>. По мнению Луначарского, культурное мещанство — духовное свойство всей буржуазии, тех групп, которые во все эпохи находятся под ее влиянием, «психика которых определяется частной собственностью»; именно частная собственность формирует господствующий в буржуазном обществе тип, который «должен быть про-

<sup>41</sup> Г. В. Плеханов, Избран. филос. произв. в V тт., т. V, М., 1958, стр. 582.

<sup>42</sup> Там же, стр. 576.

<sup>43</sup> См. «Горьковские чтения», т. I, М.—Л., 1940, стр. 210.

<sup>44</sup> Сб. «Очерки философии коллективизма», СПб., 1909, стр. 322. В дальнейшем, в тексте, в скобках: Оч. 322.



никнут индивидуализмом» (Оч. 282, 283); единственная антииндивидуалистическая, antimещанская идеология — это пролетарская идеология «коллективизма». Луначарский критикует Плеханова, который считает мещанство духовным свойством буржуазии периода ее культурного упадка. Он цитирует высказывание Плеханова: «Когда буржуазия находится на высоте культуры, когда она выдвигает крупные таланты, она выходит за пределы мещанства: Вольтер, Шиллер и Мирабо — не мещане», комментируя его так: «Я думаю, что Плеханов рассуждает в данном случае не как марксист» (Оч. 281). Луначарский готов признать, что во времена революционных подъемов «великие представители мещанства поднимались до общечеловеческих идей», но он считает, что даже в этом случае они «никогда не могли вполне освободиться от мещанской подоплеки» (Оч. 282). И эту подоплеку Луначарский стремится раскрыть в любом движении, связанном с интеллигентским индивидуализмом. Он, как и Горький в «Истории русской литературы», резко осуждает тип «смирных», обороняющихся мещан; воплощением такого типа, по Луначарскому, являются образы Помяловского, Череванин и Молотов, «типичнейшие представители голого мещанства в русской литературе» (Оч. 250). Но и идеи мещан «сильных», наступающих не вызывают сочувствия Луначарского. По его мнению, мещанин и бунтарь-индивидуалист — это один и тот же тип, разница между ними лишь в оттенках, во времени их действия: «Мещанин, это победоносный бунтарь, а бунтарь, это не победивший еще мещанин» (Оч. 222). Вывод Луначарского самым непосредственным образом перекликается с рассуждением Горького о нигилистах, превращающихся в титулярных советников (см. стр. 64).

С точки зрения «мещанской подоплеки» рассматривает Луначарский и народничество, которое, в его истолковании, прежде всего — теория интеллигентская и тем самым — мещанская, буржуазная. Формула Михайловского о разделении труда, по словам Луначарского, — «несомненно мещанская формула», народнический социализм — «мещанский социализм» (Оч. 252). Луначарский критикует учение народников об общине, говоря, что «социализм мещан мог быть, в лучшем случае, только тиранической общиной искусственно объединенных индивидуальных производителей» (Оч. 323). Вся история русской интеллигенции, до зарождения пролетарской идеологии, у Луначарского неразрывно связана с мещанским индивидуализмом; лишь по необходимости, в поисках опоры обращалась эта интеллигенция к народу, к идеям социализма, легко изменяя им (См. Оч. 311).

В выводах Плеханова и особенно Луначарского, высказанных в связи с книгой Иванова-Разумника, отчетливо ощущается оттенок вульгаризации, прямолинейно-классового истолкования идеологических и литературных явлений. Вместе с тем эти вы-

воды были направлены против попыток ревизовать марксизм с поздне-народнических позиций. Не случайно и Луначарский, в это время сторонник «эмпириомонизма», и Плеханов, осуждавший «эмпириомонистов» и осуждаемый ими, оказались единомышленными в критике Иванова-Разумника. Не случайно и то, что Луначарский, отвергая поздне-народнические взгляды, сближал их, как и Горький, с «веховством». Упоминая о «смирных» мещанах, он называл их «достойными товарищами» не только Ивановых-Разумников, но и Бердяевых, Булгаковых, Струве и К° (Оч. 250, 224).

Со статьей Луначарского перекликаются, в первую очередь, многие высказывания Горького о русской литературе. В 1907—1909 гг. Горький и Луначарский особенно близки. Эта близость сохраняется и позднее. В письмах Горького из Италии похвалы Луначарскому встречаются гораздо чаще, чем кому-либо другому из эмпириомонистов.<sup>45</sup> Неоднократно речь идет об общей работе, одинаковой точке зрения: «Я и Луначарский . . .», «Мы с Луначарским . . .» (Арх., т. VII, 177, 178). Характерно, что «Историю русской литературы» Горький думал писать вместе с Луначарским. Он упоминает об этом в ряде писем: «Летом я и Луначар<ский>, вероятно, примемся за историю литературы для народа», «Я немедленно займусь подготовкой к работе по истории литературы вместе с Луначарским» (Арх., т. IV, 233, 216, т. VII, 173). Несомненно, что замысел «Истории русской литературы», тесно связанный с именем Луначарского, во многом перекликается с идеями статьи «Мещанство и индивидуализм». Горький хорошо знал эту статью. Он несколько раз упоминает о ней в письмах (Арх., т. IV, 266, т. VII, 188). Статья Луначарского была опубликована рядом со статьей Горького «Разрушение личности», в одном сборнике. Через Горького материалы для этого сборника пересылались в Россию (Арх., т. IV, 266). В обеих статьях, написанных одновременно, в тот период, когда писалась и «История . . .», поставлен ряд одних и тех же, сходно решаемых проблем. Не случайно, начиная свою статью, Луначарский ссылается на Горького, как на писателя, первым бросившего перчатку взглядам мещанина, отразившимся в книге Иванова-Разумника.

В статье «Разрушение личности» Горький, как и Луначарский, говорит о «драме индивидуализма», отражением которой он считает «драму русской интеллигенции» (Оч. 356, 363, 374). Ее обращение к народу, к социализму, по Горькому, было вынужденным, так как она родилась ранее, чем нужно, и в большем количестве, чем требовалось правительству; ей некуда

---

<sup>45</sup> См., напр., Архив А. М. Горького, т. IV, стр. 212, 216, 215; т. VII, стр. 170 и др. В дальнейшем, в тексте, в скобках: Арх., т. IV, 212, 216, 225, т. VII, 170.

было идти, кроме как «в народ» (Оч. 375). В «Истории русской литературы» Горький формулирует эту мысль еще более подчеркнуто. Он объясняет обращение интеллигенции к народу тем, что она ощущала свою слабость, что она не могла «решить свои задачи без участия широких демократических масс» (5. Курсив мой — П. Р.). По словам Горького, большинство писателей стали «отчаянными демагогами», «которые всячески льстили народу, заигрывая то с крестьянством, то с рабочими» (5). «Русская революционная интеллигенция», по мнению Горького, «сильно заразилась демагогией» (5). Горький довольно подробно анализирует положение русской интеллигенции и приходит к выводу, сходному с точкой зрения Луначарского: «Народ, т. е., главным образом, крестьянство, привлекал внимание разночинной интеллигенции <...> потому и только потому, что у этой интеллигенции не было иной точки опоры для развития своих сил, для завоевания себе места в жизни» (231). Социализм, по утверждению Горького, «не может быть доступным непосредственно» русской интеллигенции; «он всегда служил для нее лишь средством привлечь к себе внимание масс, средством заставить эти массы пойти за собой» (233). Горький считает, что «революционная интеллигенция, как только ей покажется, что поли<тические> условия изменились к лучшему для нее, немедленно заменяет свой социализм — либерализмом» (233).

Вышеприведенные выводы Горького были во многом ограниченными. Писатель считал, что русские революционные демократы — идеологи не крестьянства, а лишь разночинной интеллигенции, которая, по мнению автора, стремится использовать народ в своих, чуждых ему, интересах. Попытки объяснения Горьким идеологических явлений, как отражения классовой борьбы, оказались весьма прямолинейными. Это во многом определило и конкретные оценки «Истории русской литературы». Но подобная же прямолинейность характерна для статьи Луначарского. Грешит ею и Плеханов, истолковавший, например, Некрасова как выразителя идей не народа, а протестующей разночинной интеллигенции. Отзвуки такой же прямолинейности слышатся в статье Воровского «Д. И. Писарев», опубликованной в 1908 г. Идеология разночинцев сводится в ней к защите интересов мелкой буржуазии.<sup>46</sup> Вообще, в России начала XX века первые попытки классового объяснения идеологии, искусства нередко приводили к прямолинейному упрощению, от грубой вульгаризации марксистского метода Шулятиковым, вызвавшей отпор и Ленина, и Плеханова, и «эмпириомонистов», до прямолинейности самого Плеханова, Луначарского, Горького.

---

<sup>46</sup> В. В. Воровский, Литературно-критические статьи, М., 1956, стр. 204, 205.

Но само стремление к классовому, социально-экономическому объяснению искусства было в высшей степени плодотворным. Даже ошибочные утверждения Горького, Луначарского, преуменьшение роли разночинной интеллигенции, революционных демократов, направлялись, в первую очередь, против современной, напуганной революцией, интеллигенции. Вероятно, Горький имел в виду и непосредственно книгу Иванова-Разумника. Вряд ли случайно имя последнего открывает список той «дряни», которой, по словам Горького, необходимо дать бой и о которой писатель упоминает в связи с замыслом «Истории русской литературы» (см. стр. 69). Характерно, что в номерах журналов, вызвавших негодование Горького, его желание выступить против «дряни», нет ни одной статьи Иванова-Разумника. Это имя, видимо, вспомнилось Горькому само по себе, в связи с впечатлением от «Истории русской общественной мысли», с разговорами о ней с Луначарским, со всем кругом идей, отразившихся в статьях «Мещанство и индивидуализм», «Разрушение личности», в «Истории русской литературы». В свете этого становятся понятными и конкретные литературные оценки Горького. Чернышевский для него — человек необыкновенный, замечательный мыслитель. Но он — утопист, верящий в общину, в какой-то степени предтеча народничества. На авторитет Чернышевского пытаются опереться эпигоны народничества, выступающие против марксизма. Поэтому Горький рассматривает всю деятельность Чернышевского, роман «Что делать?», образ Рахметова с точки зрения разоблачения народнических утопий, акцентируя связь Чернышевского с народничеством. На оценках Горького, вероятно, в какой-то степени сказались и отношение Щедрина, весьма скептически отзывавшегося, и не совсем обосновательно, об утопической детализации будущего общества в романе «Что делать?».

Писарев же для Горького, прежде всего, — один из ранних представителей интеллигентского буржуазного индивидуализма, столь характерного для 1907—1909 гг. Горькому казалось, что от Писарева, через его эпигонов, «писаревцев», тянутся нити и к Иванову-Разумнику, с его восхвалениями индивидуализма, и к «веховцам». На творчестве Писарева Горький стремится показать, как еще в период «расцвета личности» зарождается «драма индивидуализма» (336). Говоря о Писареве как о «нигилисте», Горький сразу же напоминает о «раскаившихся нигилистах» «наших дней». Сходную оценку Писарева как выразителя идей «эгоизма», мировоззрения интеллигенции, мелкой буржуазии, как человека, чуждого народу, встречаем мы в это время и в статье Воровского, хотя общее отношение к Писареву у Воровского более примирительное, чем у Горького.<sup>47</sup>

<sup>47</sup> В. В. Воровский, Литературно-критические статьи, М., 1956, стр. 201, 203, 204, 206.

Любопытно, что Воровский, как и Горький, связывает позицию «Современника» с «народническими воззрениями», с «учением народничества». <sup>48</sup>

Оказало на Горького, видимо, влияние, как и при оценке Чернышевского, отношение к Писареву Щедрина, та полемика, которую вел «Современник» с «Русским словом». Сказалось здесь и возмущение Горького «нигилистическим» отрицанием столь дорогого ему культурного наследия.

К Щедрину же Горького привлекало многое: трезвость мысли, бескомпромиссность, смелость и правдивость отрицания. Но, пожалуй, в первую очередь, Горький сочувствовал щедринскому неприятию народнических иллюзий, его критике буржуазно-либеральной интеллигенции. Горький рассматривал Щедрина как единомышленника в той борьбе, в которой Писарев и, отчасти, Чернышевский могли восприниматься как союзники противника. Борьба эта, в целом, велась Горьким с марксистских позиций, с позиций утверждения общей значимости русской литературы, лучших ее традиций, ценности ее для народа, для пролетариата. «Наша литература, — писал Горький, — наша гордость, лучшее, что создано нами, как нацией» (Оч. 389).

---

<sup>48</sup> Там же, стр. 202, 206.

## ЛЕОНИД АНДРЕЕВ И МАКСИМ ГОРЬКИЙ

В. И. Беззубов

История личных и творческих взаимоотношений Андреева и Горького уже привлекала внимание ряда советских исследователей как самостоятельная тема<sup>1</sup>. Кроме того, авторы почти всех крупных монографических исследований о творчестве Горького считают необходимым сопоставить имена этих писателей в том или ином историко-литературном контексте<sup>2</sup>. Это и понятно, ибо личные и творческие взаимоотношения Андреева и Горького не только представляют значительный интерес сами по себе, но и дают ключ к решению и осмыслению многих сложных процессов, происходящих в развитии реалистической и демократической литературы начала XX века. Исследование этой темы имеет также превостепенную важность для исторически-объективного решения вопроса о месте и значении Андреева в литературном движении эпохи первой русской революции. Оно же позволит внести некоторые существенные поправки и уточнения в творческую биографию Горького.

<sup>1</sup> Одним из первых указал на важность этой темы критик В. Львов-Рогачевский: «Было бы интересно и поучительно проследить борьбу этих двух талантов. «Человек» Горького и «Мысль» Андреева, «Исповедь» Горького и «Мои записки» Андреева, «Жизнь ненужного человека» Горького и «Иуда» Андреева — все эти произведения так и напрашиваются на противопоставление» (В. Львов-Рогачевский, Леонид Андреев. Критический очерк с приложением хронологической канвы и библиографического указателя, М., «Русский книжник», 1923, стр. 8).

<sup>2</sup> См.: А. Мясников, М. Горький. Очерк творчества, М., Гослитиздат, 1953, стр. 157—158, 258—259, 287—289; С. Касторский, Статьи о Горьком, Л., «Советский писатель», 1953, стр. 259—262; А. Волков, М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX веков, изд. испр. и доп., М., «Советский писатель», 1954, стр. 119, 124—125, 126, 136, 141—142, 152—156, 181—183, 220, 281—284, 417—418; Б. Михайловский, Е. Таггер, Творчество М. Горького, изд. второе, доп., М., Учпедгиз, 1954, стр. 55, 126; И. Нович, М. Горький в эпоху первой русской революции, М., Гослитиздат, 1955, стр. 9, 133—135, 248, 343, 344; Б. Бялик, М. Горький — литературный критик, М., Гослитиздат, 1960, стр. 34—35, 144, 149, 150, 255—257; 269—270, 308—310, 355—356; Б. Бялик, М. Горький — драматург, М., «Советский писатель», 1962, стр. 18, 252, 288, 290—291, 626; С. Кастор-

Но несмотря на то, что уже имеется несколько ценных работ на тему «Андреев и Горький», ее и в самой малой степени нельзя признать исчерпанной. До выхода в свет 72 тома «Литературного наследства» с публикациями обширной неизданной переписки Андреева и Горького и других интересных материалов исследователи поневоле страдали от ограниченности доступного материала. В результате почти во всех работах, написанных до 1965 года, встречаются неточности и пробелы. А в некоторых из них явно проступает предвзятое отношение к творчеству Андреева, заставляющее авторов игнорировать даже те факты и материалы, которые были вполне доступны и в то время.

В 1948 году С. М. Корсунская выступила в кандидатской диссертации «Идейно-литературные отношения М. Горького и Л. Андреева накануне революции 1905 года» против «порочного метода изучения творческого развития» Андреева, по которому его творчество делилось «на два принципиально различных периода: период до революции 1905 года <...> и реакционный этап его деятельности, начавшийся после революции 1905 года». Игнорируя факты, Корсунская пыталась доказать, что и до революции 1905 года творчество Андреева было «контрреволюционным». Она, правда, тут же несколько «уточняет»: «Конечно, раннее творчество Андреева не является последовательно контрреволюционным, не сплошь реакционно»<sup>3</sup>. Но эта оговорка не убеждает, так как работа в целом должна была защитить и утвердить основной ее тезис: творчество Андреева «сплошь реакционно»<sup>4</sup>. Все, что противоречило этому и выпадало из «конский, Драматургия М. Горького. Наблюдения над идейно-художественной спецификой, М.—Л., изд. АН СССР, 1963, стр. 77—78, 139—144; С. Касторский, Горький-художник. Очерки, М.—Л., Гослитиздат, 1963, стр. 234—235, 293, 310, 320, 321, 322, 325; Б. В. Михайловский, Творчество М. Горького и мировая литература 1892—1916, М., «Наука», 1965 (см. «Указатель имен»); А. Овчаренко, Публицистика М. Горького, изд. второе, доп., М., «Советский писатель», 1965, стр. 131, 134, 142, 147, 188, 237—238, 244, 245—265, 269, 320 и др. Имя Андреева упоминается и во всех крупных исследованиях, посвященных роману М. Горького «Жизнь Клима Самгина»: П. Строков, Элопёя М. Горького «Жизнь Клима Самгина», М., «Советский писатель», 1962, стр. 205, 226; И. Нович, Художественное завещание Горького «Жизнь Клима Самгина», М., «Советский писатель», 1965, стр. 153, 179, 279, 280, 458, 477, 504—505; 516; Н. Жегалов, Роман М. Горького «Жизнь Клима Самгина» (Основные проблемы и образы), М., «Просвещение», 1965 (см. «Указатель имен»); Борис Вальбе, «Жизнь Клима Самгина» в свете истории русской общественной мысли, М.—Л., «Советский писатель», 1966, стр. 259—260.

<sup>3</sup> С. М. Корсунская, Идейно-литературные отношения М. Горького и Л. Андреева накануне 1905 года, Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Киев, 1948, стр. 16.

<sup>4</sup> С. Корсунская попыталась поколебать прочно установившееся в советском литературоведении тех лет положение о демократическом (с некоторыми оговорками) характере творчества Андреева в период подготовки первой русской революции. Обычная схема творческого развития Андреева выглядела так: до революции 1905 года писатель под сильным идейным влиянием Горького «частично» был захвачен демократическими и даже

цепции», если вообще замечалось, попросту объявлялось случайным. Характерно, например, как рассмотрен образ рабочего-революционера Трейча из пьесы Андреева «К звездам»: «То, что Трейч обладает жизнерадостностью и жизнедеятельностью, чертами, свойственными Нилу, также говорит о том, что он является случайным образом в творчестве писателя»<sup>5</sup>. Работа С. Корсунской, как по материалу, так и по самому методу подхода к сложной теме, явно устарела. Ее не стоило бы и упоминать, если бы она так ярко не характеризовала весьма определенную тенденцию тех лет, сводившуюся к безоговорочному включению Андреева в лагерь реакционной и декадентской литературы. В результате до середины 1950-х годов творчество Андреева в целом и его взаимоотношения с Горьким изучались слабо. Показательно, что в тридцатитомное собрание сочинений Горького не был даже включен его очерк «Леонид Андреев».

За последнее десятилетие наше литературоведение, накапливая ценный материал, освобождаясь от предвзятых схем и односторонних оценок сложных литературных явлений, сделало крупный шаг вперед в деле подлинно научного освещения творческого наследия ряда крупных писателей начала XX века, в том числе и Андреева. Все это в известной мере отразилось и на работах, посвященных теме «Горький и Андреев».

Разработка этой темы велась до сих пор, в основном, аспектно. В. Десницкого, положившего начало публикации переписки писателей<sup>6</sup>, интересовало главным образом раскрытие духовного облика Андреева, его мировоззренческой позиции. Статья Н. А. Кузнецовой<sup>7</sup> посвящена конкретному сопостави-

революционными идеями, к революции отнесся сочувственно, но воспринимал ее с мелкобуржуазных и анархоиндивидуалистических позиций, в период реакции порвал с Горьким и полностью примкнул к лагерю буржуазно-реакционной литературы. «В Горьком и Андрееве, — писал, например, Касторский, — воплощались принципиально различные социальные типы писателей. До 1905 года Андреев еще мог находиться под влиянием Горького, но временная победа реакции вернула его в тот лагерь, с которым он был связан своими идейными корнями, — в стан реакционной буржуазии. Разрыв с Горьким был для Л. Андреева полным идейным и творческим разрывом с демократическими тенденциями, временно проявлявшимися в некоторых его произведениях, началом быстрого угасания его литературного таланта» (С. Касторский, Статьи о Горьком, стр. 262). См. также: А. Мясников, М. Горький, стр. 287—288; А. Волков, М. Горький и литературное движение конца XIX и начала XX веков, стр. 152—156 и др.).

<sup>5</sup> С. М. Корсунская, Идеино-литературные отношения М. Горького и Л. Андреева накануне 1905 года, стр. 146.

<sup>6</sup> См.: В. А. Десницкий, М. Горький и Л. Андреев в их переписке. К истории дружбы, в кн. Д.: А. М. Горький. Очерки жизни и творчества, М., Гослитиздат, 1959, стр. 218—293. Вп. опубл. в сб.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. I, Л., изд. АН СССР, 1934.

<sup>7</sup> См.: Н. А. Кузнецова, «Дети солнца» М. Горького и «К звездам» Л. Андреева, «Вестник Ленинградского университета», 1959, № 2, вып. 1, стр. 104—117.



тельному анализу «Детей солнца» Горького с пьесой Андреева «К звездам».

В основу многих работ положен мемуарный очерк Горького «Леонид Андреев». Основное внимание в них, естественно, уделяется тому, как оценивал Горький творчество Андреева. К сожалению, почти во всех этих исследованиях недостаточно учитывается идейно-эстетическая позиция Горького в годы работы над воспоминаниями об Андрееве<sup>8</sup>. Правда, А. В. Васильев пытался даже критиковать горьковский очерк, находя в нем «отдельные нечеткие формулировки», «неудачные места» и «некоторые отголоски старых ошибок автора и периода пребывания его на острове Капри во время революционной эмиграции, и 1917 года». Васильеву казалось, что Горький «вначале не обратил внимания на идейную порочность ряда произведений, написанных Андреевым на Капри»<sup>9</sup> именно под влиянием своих ошибочных взглядов. Следует, однако, указать на то, что наиболее резко отзывался Горький об Андрееве именно в период увлечения богостроительскими идеями. Васильев исходил из взятой напрокат схемы творческого развития Андреева и даже более других подчеркивал «реакционный характер» большинства крупных его произведений. Поэтому ему и показалось, что Горький в своем очерке смягчает, «облагораживает» Андреева. «В очерке, — писал он, — несмотря на полемику с героем (Л. Андреевым — В. Б.), звучит стремление моментами смягчить его недостатки, найти для него некоторые оправдания. Более последовательно мог бы автор вскрыть зависимость неустойчивости мировоззрения Л. Андреева, его ощущения собственного бессилия в борьбе со злом, его растерянности, пессимизма, от определенной социальной среды, настроения которой он выражал»<sup>10</sup>. Кроме этой весьма оригинальной критики

<sup>8</sup> Горький сам прямо указывал, что он, воссоздавая в воспоминаниях писательский и человеческий облик Андреева, споры и разногласия с ним, во многих случаях вводил мысли, присущие ему именно в период работы над очерком. В самом начале очерка он, говоря о «нарочито трогательных» рассказах русских писателей, которые должны были «украсить нищенскую жизнь больной и жесткой русской души», специально уточняет в авторском примечании: «Весьма вероятно, что в ту пору я думал не так, как изображаю теперь, но старые мои мысли — неинтересно вспоминать» (Книга о Леониде Андрееве, второе, доп. изд., Берлин—Петербург—Москва, изд-во З. И. Гржебина, 1922, стр. 7.) Так как большинство материалов, проливающих свет на взаимоотношения Горького и Андреева (переписка, выдержки из писем к другим адресатам, статьи, интервью, воспоминания и т. п.), собрано и перепечатано в указанном выше 72-м томе «Литературного наследства», мы для упрощения технической стороны работы будем в дальнейшем ссылаться не на первоисточники, а на это издание. Ссылки будут даваться в тексте под литерами НП с указанием страницы.

<sup>9</sup> А. В. Васильев, Литературный портрет Л. Андреева в воспоминаниях А. М. Горького, в кн. В.: Заметки о послеоктябрьском творчестве А. М. Горького, Пятигорск, 1957, стр. 248.

<sup>10</sup> Там же, стр. 253—254.

Горького, работа А. Васильева ничего нового и интересного не содержит. Он просто подробно излагает содержание опубликованной Десницким переписки Горького и Андреева, а затем и горьковского очерка. Ничего нового по существу не прибавляет и работа Т. А. Савиловой<sup>11</sup>.

Довольно значительное место отводится очерку «Леонид Андреев» и в работах Е. Б. Тагера<sup>12</sup>, посвященных анализу литературных портретов Горького. Рассматривая очерк-воспоминание Горького об Андрееве в ряду других горьковских произведений того же типа, Тагер, естественно, не мог исчерпывающе раскрыть всю его сложную идейную проблематику и, тем более, историю взаимоотношений писателей. Анализируя очерк, сопоставляя различное отношение Горького и Андреева, «к труду, разуму, культуре, искусству», Тагер приходит к интересному выводу о том, что в очерке «вырисовывается перед читателем тот нормативный писательский облик, в свете которого оценивается и характеризуется личность Л. Андреева»<sup>13</sup>.

В. Я. Гречнев, исходя из конкретных задач своей книги, акцентирует внимание на художественных и жанровых особенностях очерка Горького, на принципах воссоздания литературного портрета Андреева. Но даже почти не выходя за пределы материала очерка и руководствуясь узкоспециальной задачей, он приходит к выводу, что некоторые факты опровергают «примитивный взгляд на историю «дружбы-вражды» (Горький всегда и во всем был прав и «учил» Андреева, а тот — всегда и во всем ошибался)»<sup>14</sup>.

Л. Жак исследует историю создания горьковского очерка, рассматривает его разные редакции, сравнивает с другими воспоминаниями (А. Белого, К. Чуковского, Б. Зайцева, Н. Телешова и др.), помещенными в «Книге о Леониде Андрееве». Справедливо отметив, что «без внимательного изучения истории взаимоотношений Горького и Андреева»<sup>15</sup> нельзя понять

---

<sup>11</sup> См.: Т. А. Савилова, А. М. Горький. Литературные портреты, Уч. зап. Тираспольского госпединститута им. Т. Г. Шевченко, вып. XI, Кишинев, 1960.

<sup>12</sup> См.: Е. Тагер, Мастер литературного портрета, в кн.: М. Горький. Литературные портреты, Гослитиздат, 1959; Е. Б. Тагер, Жанр литературного портрета в творчестве Горького, в сб.: «О художественном мастерстве М. Горького. Сборник статей», М., изд. АН СССР, 1960. См. также гл. III «Литературные портреты» в кн.: Е. Б. Тагер, Творчество Горького советской эпохи, М., «Наука», 1964.

<sup>13</sup> Е. Б. Тагер, Жанр литературного портрета в творчестве Горького, стр. 387.

<sup>14</sup> В. Я. Гречнев, Жанр литературного портрета в творчестве М. Горького (Воспоминания о писателях), М.—Л., «Наука», 1964, стр. 108.

<sup>15</sup> Л. Жак, Портрет-полемика (Очерк «Леонид Андреев»), в кн. Ж.: От замысла к воплощению. В творческой мастерской М. Горького, М., «Советский писатель», 1963, стр. 104.

и горьковского очерка, она в главке «Материал образа» довольно подробно прослеживает возникновение и развитие писательской дружбы, а затем их споры и расхождение. Но в освещении автором статьи отдельных периодов взаимоотношений Горького и Андреева, например, 1907—1917 гг., в работе имеются существенные пробелы. Кроме того, Л. Жак несколько описательно констатирует факты изменения отношений и оценок писателями отдельных произведений, не углубляясь в их внутреннюю логику, не вскрывая характера и сущности эволюции писателей.

Определенный интерес представляет небольшой раздел в книге Ю. Юзовского «Максим Горький и его драматургия», посвященный сопоставлению творческих идей Горького и Андреева<sup>16</sup>. В широком философском плане он пытался сравнить отношение Горького и Андреева к человеку, к народу и революции, к жизни и смерти. Для Юзовского Горький и Андреев — два противоположных полюса идеологической жизни. Все изложение он построил на таких противопоставлениях: «Внимание Горького к «светлому», а Андреева к «темному», Горького к «человеческому», Андреева к «скотскому»<sup>17</sup>; «Когда Смерть стала главной героиней андреевской драматургии, у Горького этой героиней была Мать»<sup>18</sup>; «Горький укреплял веру в могущество мысли, «видя, как много создано ею великого и величественного», Андреев не верил в нее»<sup>19</sup>; «Народное движение Андреев представляет как разгул стихии, как дикую оргию инстинктов, — такова андреевская концепция революции в противовес «Врагам» с их идеей сознательности и закономерности»<sup>20</sup>. (Именно в работе Юзовского в наибольшей степени проявляется отмеченный В. Гречневым «примитивный взгляд», согласно которому «Горький всегда и во всем был прав», а Андреев — «всегда и во всем ошибался»). Юзовский совершенно очевидно «выпрямляет» Горького и всю линию развития его взаимоотношений с Андреевым. Им почти совершенно обойден вопрос о том, что сближало, объединяло Горького с Андреевым в разные периоды, что заставляло их с обостренным вниманием следить за творческой деятельностью друг друга даже после расхождения. При всей четкости (а иногда и хлесткости) рассуждений и логических построений Юзовского, они не всегда убедительны, часто — не точны. Так, попросту неверно утверждение, что «народное движение Андреев представляет как разгул стихии, как дикую оргию инстинктов». Если внимательно

<sup>16</sup> См.: Ю. Юзовский, Максим Горький и его драматургия. М., «Искусство», 1959, стр. 423—439.

<sup>17</sup> Там же, стр. 428.

<sup>18</sup> Там же, стр. 429.

<sup>19</sup> Там же, стр. 431.

<sup>20</sup> Там же, стр. 433.

прочсть пьесу «К звездам», рассказы «Так было» и «Из рассказа, который никогда не будет окончен», если почитать его письма к Горькому, Вересаеву и многим другим адресатам, то можно без особого труда заметить, что к революционному народу и к революции Андреев почти неизменно относился с большим сочувствием. И концепция революции у Андреева была совсем иной, более сложной, чем представлялась она Юзовскому. Если же говорить о разногласиях Горького и Андреева «в оценке народа, творческих сил и способностей народа, разума народа»<sup>21</sup>, то в определенный период (1912—1917) писатели как бы поменялись ролями: Горький высказал немало резких и несправедливых слов о русском народе, Андреев же в полемике с ним защищал народ. В действительности, как мы видим, происходило совершенно обратное тому, что утверждал Юзовский.

Значительно продвинулось вперед изучение темы «Андреев и Горький» за несколько последних лет. Ряд интересных статей опубликовала Т. К. Кулова<sup>22</sup>. В ее работах прослежена в общих чертах почти вся история «дружбы-вражды» Андреева и Горького. Исследовательница в ряде случаев по-новому оценивает отдельные произведения Андреева. Однако в целом концепция Т. К. Куловой не отличается особой оригинальностью: она с некоторыми оговорками и уточнениями повторяет уже известную схему творческого развития Андреева. Кроме того, исследовательница очень мало внимания и места уделяет раскрытию эволюции взглядов Горького. Горький предстает в ее статьях, посвященных разным историческим периодам, почти без изменений. В результате недостаточно конкретно и ясно выявлены причины сильного увлечения Горького андреевским творчеством в первые годы дружбы, а также причины резкого охлаждения в 1908 году.

Наиболее полно, глубоко и объективно раскрывает сложность взаимоотношений Горького и Андреева К. Д. Муратова в большой вступительной статье к 72 тому «Литературного наследства»<sup>23</sup>. Статья Муратовой является не простым разверну-

---

<sup>21</sup> Там же, стр. 434.

<sup>22</sup> См.: Т. К. Кулова, Л. Андреев и М. Горький, Уч. зап. Московского областного пед. инст. им. Н. К. Крупской, т. СХХІХ, Советская литература, вып. 6, М., 1963; Т. К. Кулова, Л. Андреев и М. Горький (Революция 1905 года. Размежевание сил русской литературы), Уч. зап. Московского областного пед. инст. им. Н. К. Крупской, т. 157, Труды кафедры советской литературы, вып. 5, М., «Просвещение», 1965; Т. К. Кулова, Л. Андреев и М. Горький. Размежевание сил русской литературы, Уч. зап. Московского областного пед. инст. им. Н. К. Крупской, т. 161, Труды кафедры советской литературы, вып. 7, М., 1966.

<sup>23</sup> См.: К. Д. Муратова, Максим Горький и Леонид Андреев, в кн.: «Литературное наследство», т. 72, стр. 9—60.

тым комментарием к публикации неизданной переписки, а цельным научным исследованием. На обширном новом материале Муратова показывает близость писателей в постановке и решении ряда важнейших проблем современности и убедительно вскрывает общественно-литературную и философскую подоснову их творческих разногласий. Отказываясь от предвзятых и односторонних суждений многих своих предшественников, исследовательница дает исторически более справедливую оценку творчества Андреева и его общественной позиции. Сопоставление творчества Горького и Андреева в работе Муратовой проводится на широком фоне идейной и литературной борьбы эпохи.

Вместе с тем, совершенно ясно, что в одной статье исследовательница никак не смогла охватить всего круга проблем. Некоторые важные вопросы только намечены или поставлены в самом общем виде. Так, почти не рассматривается вопрос о влиянии Андреева на Горького, хотя и указывается, что общение с ним «возбудило творческую мысль» Горького, «порождая новые творческие замыслы». Не раскрыта также на конкретном материале интересная мысль о том, что «Горький, создатель «Фальшивой монеты» и «Старика», не прошел мимо опыта Андреева-драматурга»<sup>24</sup>. Необходимо отметить, что Муратова, как и большинство других авторов, увлечена, в основном, исследованием горьковского отношения к Андрееву, хотя немало любопытного мог бы дать более пристальный анализ того, как воспринимал и оценивал Андреев произведения Горького. Однако, как уже справедливо заметила в своей рецензии Л. Иезуитова, «нельзя упрекать литературоведа за то, чего нет в этой серьезной работе: изучение темы «Горький и Андреев» еще только начинается»<sup>25</sup>.

И действительно, круг неисследованных проблем все еще достаточно велик. Это указывает на необходимость продолжить начатую многими исследователями работу по изучению творческих взаимоотношений Горького и Андреева. В своей работе мы не будем подробно рассматривать всех аспектов этой темы, а попытаемся сосредоточить внимание на вопросах внутренней логики творческого развития писателей, что даст возможность более точно и конкретно ответить на вопросы о причинах их взаимного притяжения и отталкивания в разные периоды идейно-творческой эволюции. А это, в свою очередь, позволит, на наш взгляд, лучше понять и осмыслить некоторые более общие закономерности литературного развития начала XX века.

---

<sup>24</sup> Там же, стр. 53.

<sup>25</sup> Л. Иезуитова, Горький и Леонид Андреев. — «Звезда», 1966, № 7, стр. 216.

Началом своей настоящей писательской деятельности Андреев считал рассказ «Баргамот и Гараська», опубликованный 5 апреля 1898 года в газете «Курьер». И этот «первый»<sup>26</sup> андреевский рассказ заметил Горький и тут же посоветовал редактору «Журнала для всех» В. Миролюбову: «В пасхальном № московской газеты «Курьер» помещен рассказ «Баргамот и Гараська» Леонида Андреева, — вот бы Вы поимели в виду этого Леонида! Хорошая у него душа, у черта! Я его, к сожалению, не знаю, а то бы тоже к Вам направил. С Потапенкой-то скучновато . . .»<sup>72</sup> Здесь поражает писательская проницательность Горького, сумевшего по одному газетному рассказу совершенно ему неизвестного автора предугадать его талантливость и большие возможности.

Обычно пробуждение интереса Горького к Андрееву и дальнейшая его забота о нем объясняются, в основном, необычайной талантливостью андреевских произведений. Наиболее четко и определенно эту мысль высказал Юзовский. Указывая на их споры и разногласия, приведшие к мучительному разрыву, Юзовский писал: «Не просто дался Андрееву уход от Горького. Но и Горький нелегко перенес эту утрату, и на вопрос — что здесь особенно его волновало, можно ответить кратко: талант. У Горького была «слабость» к таланту, если сказать точнее — материнское чувство к человеку одаренному»<sup>28</sup>. «Слабость» к таланту, конечно, очень многое объясняет в отношении Горького к Андрееву. Но встает вопрос: действительно ли «Баргамот и Гараська» Андреева по своей талантливости так значительно выделялся на общем — достаточно высоком — уровне тогдашней беллетристики, чтобы привлечь по-своему исключительное внимание Горького? Даже при довольно беглом обзоре тогдашней журнальной беллетристики приходится признать, что первый рассказ Андреева ни по художественной завершенности, ни по проблематике не представлял собой какого-то особо выдающегося явления на фоне литературы тех лет. Напрашивается вывод, что рассказ этот привлек внимание Горького не

<sup>26</sup> О первых писательских опытах Андреева см. в кн.: Л. Афонин, Леонид Андреев, Орловское книжное издательство, 1959, стр. 30—49. См. также: Л. Иезуитова, Первый рассказ Леонида Андреева. — «Русская литература», 1963, № 2, стр. 183—187.

<sup>27</sup> М. Горький, Собрание сочинений в тридцати томах, т. 28, М., Гослитиздат, 1954, стр. 22. В дальнейшем ссылки на данное издание будут даваться в тексте с указанием тома (римской цифрой) и страницы (арабской цифрой).

<sup>28</sup> Ю. Юзовский, Максим Горький и его драматургия, стр. 424. См. также: А. Луначарский, Леонид Андреев о «Литературном распаде». Борьба с мародерами, «Литературное наследство», т. 2, М., 1932, стр. 101; Т. К. Кулова, Л. Андреев и М. Горький. Уч. зап. Московского обл. пед. инст. им. Н. К. Крупской, т. СХХІХ, стр. 116.

только своей талантливостью, но и определенным созвучием идей и настроений. Кстати, в одном из первых писем к Андрееву Горький прямо указал на существенные недостатки рассказа: «Лучший ваш рассказ «Бергамот и Гараська» — сначала длинен, в середине превосходен, а в конце вы сбились с тона» (НП, 66). И в дальнейшем, следуя советам Горького «сделать этот рассказ менее сладким» (XXVIII, 204), Андреев переделал слащаво-сентиментальную концовку «Баргамота и Гараськи».

В воспоминаниях об Андрееве Горький сам отчасти раскрыл, что, кроме талантливости автора, заставило его обратить внимание на этот «пасхальный рассказ обычного типа». Включив рассказ Андреева в ряд «тысяч таких нарочито трогательных рассказов» русских литераторов, ведущих свое начало от «Шинели» Гоголя, Горький отметил и важное его своеобразие: «От этого рассказа на меня повеяло крепким дуновением таланта, который чем-то напомнил мне Помяловского, а, кроме того, в тоне рассказа чувствовалась скрытая автором умнишка улыбочка недоверия к факту, — улыбочка эта легко примиряла с неизбежным сентиментализмом «пасхальной» и «рождественской» литературы» (НП, 365).

Горького, в «контексте» его отношения к жизни и литературе того периода, должна была привлечь именно эта «умнишкая улыбочка», тонкая ирония автора, проявившаяся как в характеристике обоих героев рассказа, так и в нарочитости, «парадоксальности» факта их пасхального примирения. «Эта ирония, — по точному определению Л. Афонина, — как кислота, разъедает благообразие пасхальной картинки и заставляет почувствовать, что автор прекрасно знает цену «великодушью» сытых»<sup>29</sup>. Можно было увидеть некоторое нарушение традиций, явное, хотя и не до конца осуществленное, покушение на основы жанра «пасхального рассказа». Для Горького подтверждением иронического отношения автора к рассказанному им пасхальному происшествию послужило не дошедшее до нас письмо Андреева, в котором «особенно подчеркнуто выделился незатейливый, но скептический афоризм: «Сытому быть великодушным столь же приятно, как пить кофе после обеда»» (НП, 365).

Конечно, подчеркивание Горьким в 1919—1922 годах андреевского несовпадения с традициями «трогательной» литературы во многом обусловлено позднейшими впечатлениями и собственными его сложными раздумьями о гуманизме русской литературы, навеянными отчасти «пророческими» для него выступлениями Блока о «кризисе гуманизма». Но при этом Горький все же стремился исторически верно представить тогдашнее

---

<sup>29</sup> Л. Афонин, Леонид Андреев, стр. 69.

свое отношение к первому андреевскому рассказу и к самому Андрееву.

Литературная полемика, борьба с идейными и художественными воззрениями своих предшественников и современников занимала очень важное место в творчестве Горького 90-х годов. Проблема гуманизма во всех ее аспектах: христианского смирения, толстовского непритввления, «жалости», отношения к «маленькому человеку» и т. п. — остро волновала его уже в этот период. Наряду с Чеховым, Горький выступил против некоторых ведущих идей гуманизма XIX века и явился зачинателем новой школы мысли, характерной для начала XX века<sup>30</sup>.

Определенную роль в борьбе с традициями «трогательной» литературы, с установившимися нормами и законами «пасхальной» и «рождественской» литературы Горький, несомненно, придавал и своим «святочным» и «пасхальным» рассказам. Наиболее обнаженно авторская ирония выступает в «святочном рассказе» «О мальчике и девочке, которые не замерзли». (Рассказ был впервые напечатан в газете «Нижегородский листок» 25 декабря 1894 года). «В святочных рассказах издавна принято замораживать ежегодно по несколько бедных мальчиков и девочек, — писал Горький в заостренно-полемическом вступлении к рассказу. — <...> Я понимаю хорошие намерения авторов святочных рассказов, несмотря на их жестокость по отношению к своим персонажам; я знаю, что они, авторы, замораживают бедных детей для того, чтобы напомнить о их существовании богатым детям, но лично я не решусь заморозить ни одного бедного мальчика или девочки, даже и для такой вполне почтенной цели. <...> Да потом и неловко как-то умерщвлять одно живое существо для того, чтобы напомнить о факте его существования другому живому существу ...

Вот почему я предпочитаю рассказать о мальчике и девочке, которые не замерзли» (I, 487).

Вступление заставляет нас сразу же вспомнить «Мальчика у Христа на елке» Достоевского. Однако, как ясно и из вступления, перед Горьким стояла задача куда более широкая, чем полемика с этим конкретным произведением Достоевского: он выступил против общих тенденций и канонов этого жанра литературы, против «трогательной» литературы вообще, несмотря на ее «хорошие намерения».

Все в рассказе Горького подчинено одной цели — разрушению традиций. Все в рассказе — «наоборот». Все — проще, грубее, обыденнее и потому более жестоко. И никаких иллюзий: ни

<sup>30</sup> О некоторых особенностях гуманизма Чехова и об «антигуманистических» тенденциях в литературе начала XX века см. в моей статье «А. Чехов и Леонид Андреев», Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 139, Труды по русской и славянской филологии, VI, Тарту, 1963, стр. 201—204.



надежды на проснувшуюся доброту богатой барыни или барина, ни счастливого случая, ни веры в сладость загробной жизни, «христовой елки». Благополучный исход — мальчик и девочка не только не замерзли, но даже «пируют» в тепле трактира — также парадоксально повернут против трогательных концовок, еще разительнее подчеркивая страшную суть жизни этих детей. В концовке горьковского рассказа нет ничего «просветляющего», «умиротворяющего», «святочного» в традиционном смысле. Правда, благополучный исход указывает также на силу жизни, на сопротивляемость, «живучесть» людей даже в совершенно ненормальных, нечеловеческих условиях. Эти дети не замерзнут, не пропадут, они приспособлены к условиям жизни в страшном мире. Дети в рассказе показаны, вопреки традициям, не несчастными жертвами, вызывающими умиление и приступы добрых чувств, а бойкими и уже достаточно развращенными условиями жизни маленькими попрошайками. «Это были мои герои — бедные дети, мальчик Мишка Прыщ и девочка — Катька Рябая» (I, 488), — так представил их читателю Горький. Уже в этом совмещении понятия «бедные дети» с уличными прозвищами звучит неприкрытая ирония, снижающая традиционную «гуманистическую» тему святочных рассказов. И Горький еще усугубляет ее, заостряет на этом внимание читателей своим подстрочным примечанием: «Не желая шокировать благовоспитанную публику, предлагаю переименовать героев моих в Мишеля и Катрин» (I, 488). Задаче разрушения канонов «святочного жанра» служила также «фельетонная игривость» стиля рассказа.

Установка на разрушение традиций явно выступает и в других «святочных рассказах» Горького 1890-х годов — «Извозчик» (1895), «Навождение» (1896). То же можно сказать о «пасхальном рассказе» «На плотях» (1895), хотя в нем и нет «на виду» признаков прямой полемики с литературными образцами этого жанра.

На основании сказанного можно утверждать, что Горький заметил первый рассказ Андреева не только потому, что он был талантлив, но и потому, что в нем прозвучали некоторые «родственные» ему нотки. И, что еще более важно, — новые нотки. Недаром Горький, посоветовав Миролюбову «поймать в виду» Андреева, добавил: «С Потапенкой-то скучновато». Горький мечтал об объединении нового поколения демократических писателей, о писателях нового типа.

Последующие «курьерские» рассказы Андреева 1898—1899 годов («Случай», «Защита», «Из жизни штабс-капитана Каблукова» и др.) подтвердили не только талантливость начинающего писателя, но и то, что у него «хорошая душа». Эти ранние рассказы Андреева свидетельствуют о том, что он выступил, в основном, в духе гуманистических традиций русской

литературы XIX века, как защитник «униженных и оскорбленных». В большинстве из них Андреев, несомненно, ближе к Л. Толстому, чем к Горькому. Правда, и в творчестве Горького 90-х годов значительное место занимают произведения, посвященные раскрытию доброго, человеческого в «падших» людях («Емельян Пиляй», «Как поймали Семагу», «Однажды осенью» и др.). И все же именно «толстовский вариант» этой темы дан в андреевском рассказе «Из жизни штабс-капитана Каблукова», да и во многих более поздних его произведениях<sup>31</sup>.

«Просветление» опустившегося, пьяного штабс-капитана Каблукова, увидевшего в своем денщике Кукушкине «человека», является для него одновременно и «воскресением», оздоравливающим его, уберегшим от запоя. Характерно, что «просветление» пришло внезапно, без видимого повода: «Грузно поднявшись со стула, капитан взял лампу и отправился на кухню. Денщик спал, запрокинув голову. В левой руке он еще держал сапог, правая, тяжелая, свесилась с лавки. Лицо было бледно и болезненно. Капитан первый раз видел, как спит Кукушкин, и он показался ему другим человеком. Впервые он заметил на этом молодом, безусом лице морщинки, и это лицо с морщинами, с одной несколько приподнятой бровью, казалось капитану незнакомым, но более близким, чем то, которое он видел ежедневно, потому что было лицом человека. Впечатление было настолько ново и странно, что Николай Иванович на цыпочках вышел из кухни и с недоумевающим видом огляделся вокруг: ему показалось, что и комната не та»<sup>32</sup>.

Человеческое, загубленное женское и материнское увидел помощник присяжного поверенного Колосов из рассказа «Защита» в проститутке Тане, обвиняемой в убийстве. В толстовских красках Андреев показал гнетущую несправедливость суда, обращенную против беззащитных живых существ, находящихся «внизу общественной лестницы» (8, 106); оживление и «жадное любопытство» «расфранченной» публики, узнавшей, что «героиней» судебного заседания будет девица «пикантной профессии»; слепоту и глухоту сытых людей к человеческому горю и несправедливости. Колосов буквально «задыхается» в зале суда. На минутку гнетущую атмосферу суда рассеяли детская улыбка и по-детски неправильно произнесенный ответ мальчика-свидетеля. «Улыбнулся суд, улыбнулись присяжные, улыбнулась и тихо плакавшая Таня, и слезинки блеснули на ее глазах. Ко-

---

<sup>31</sup> См. об этом в моей статье «Лев Толстой и Леонид Андреев», Уч. зап. Тартуского гос. университета, вып. 104, Труды по русской и славянской филологии, IV, Тарту, 1961, стр. 158—162.

<sup>32</sup> Леонид Андреев, Полное собр. соч., т. 7, СПб., издание т-ва А. Ф. Маркса, 1913, стр. 248. В дальнейшем ссылки на данное издание будут даваться в тексте с указанием тома и страницы (арабскими цифрами).

лосов заметил эту любовную улыбку матери, похоронившей своего ребенка, и подумал: «Ради одной этой улыбки нужно оправдать ее» (8,110).

Но демократу Колосову не удалось защитить невинную в убийстве Таню. Чувство стыда, вины заставляет его попросить прощения у Тани за неудачную защиту. А вернувшись домой, он не может зайти в детскую и поцеловать спящих детей, как делал это «по обыкновению». «Как тяжело быть человеком, только человеком!» (8,111) — думает Колосов. Быть человеком, только человеком — тяжело, но и почетно и — главное — радостно — утверждал Андреев. Во многих произведениях («У реки», «В подвале») он писал о возвышающей радости проявления человеческого, о «празднике» в душе от осознания причастности к добру и человеческому. Гуманистический пафос ранних произведений Андреева не подлежит сомнению, «хорошая душа» молодого писателя проявлялась в них необыкновенно ярко. Отчетливо проявился в них и демократизм автора.

Но, наряду с «толстовской темой» (точнее — с верностью духу гуманистических, демократических и реалистических традиций русской литературы XIX века), в ранних рассказах Андреева, как и в «Баргамоте и Гараське», проявляются и некоторые новые черты, сближающие его с Горьким. Б. В. Михайловский писал, что в ряде горьковских произведений 90-х годов положительный герой «не имеет опоры в коллективе, ясно представляет средства к достижению цели и потому оказывается слабым, неспособным выполнить свою миссию, попадает в трагикомические положения и его образ приобретает донкихотские «героикокомические» черты»<sup>33</sup>. При создании героикокомических образов писателю были необходимы для раскрытия их донкихотства юмор, ирония, парадоксальные повороты мысли, эксцентричность. (Главу об этом ряде горьковских произведений Михайловский и назвал «Романтический юмор»).

Аналогичные черты находим в раннем творчестве Андреева. В рассказе «Алеша-дурачок» добрый герой, одиннадцатилетний гимназист, проникшись жалостью и состраданием к убогому мальчику-нищему, пытается ему помочь: «С быстротой нерассуждающего детства я составил чудный план помощи Алеше, имевший целью не только спасти его от холода, но обеспечить его будущность по меньшей мере на несколько десятков лет» (6, 144). И он выносит Алеше-дурачку для этой цели рубль, выпрошенный у матери. «Говорят, что павлины горды, — иронизирует Андреев над чувствами своего маленького героя, — но это могут говорить лишь те, кто не видел меня в этот достопамятный день. Но радость от осознания сделанного добра была,

---

<sup>33</sup> Б. В. Михайловский, Творчество М. Горького и мировая литература, стр. 72.

пожалуй, еще выше гордости и страдала лишь одним недостатком: не была разделена» (6, 144). Делая добро, маленький герой Андреева попадает в ряд смешных ситуаций. Кончается, правда, андреевский «очерк» драматически, но при характеристике маленького «Дон-Кихота» Андреев все время подчеркивал смешные стороны. С самого начала рассказа ведется в ироническом стиле. Нелепый, комический вид гимназиста в величайшей, «с широчайшими полями» теплой фуражке, в длинном, сшитом «на рост» пальто, которое, как парус, подхватывает ветер и быстрее несет его к дому, заметно «корректирует» дальнейшие его дела и поступки. Но в обрисовке героя все-таки преобладает мягкий, любовный юмор и легкая ирония. Незадачливость героя, искренно стремящегося к добру, оправдывается его «детскостью». (Кстати, «детскость» имеет и другое важное значение, объясняя тяготение героя к добру: добро — «естественно», «нормально»).

Совершенно по-иному раскрывается герой в рассказе «Случай». Радостный, довольный собой и добрый от только что удачно купленной лампы доктор по дороге домой «случайно» хватает за шиворот и задерживает спасающегося от погони вора. Лампа при этом разбивается. Доктору жаль вора. Сидя с женой на диване в уютной, хорошо освещенной гостиной, он представлял, как сидит в тюрьме задержанный им вор: «Темно, так как горит только маленькая, скверная лампочка; ползают клопы, и на двери висит большой железный замок» (6, 131). Но ему жаль и лампу. А в конце из разговора с женой выясняется, что все-таки ему больше жаль лампу:

«— А все-таки жаль . . . — сказал он.

— Ну, оставь. Купим новую.

Доктор говорил о человеке. Но после слов жены, подумал, что говорит о лампе» (6, 132). Истинную природу доброты и жалости обывателей выражает «любимая мысль» доктора о том, «как выгодно быть добрым, любезным и никого не обижать» (6, 126). Ирония Андреева в этом рассказе разоблачает «доброту» сытых обывателей, она имеет точный социальный адрес.

Ироническое отношение к обывательской доброте, демократическая позиция автора, отчетливо проявившаяся в ранних рассказах, должна была быть симпатичной Горькому и во многом способствовала повышению его интереса к начинающему писателю. Горький решил помочь Андрееву войти в большую литературу и освободиться от газетной поденщины. В начале апреля 1899 года он попросил знакомого журналиста Н. П. Ашешова, работавшего тогда в редакции газеты «Курьер», сообщить ему адрес Андреева, «печатающего у вас такие славные рассказы» (НП, 63). 14 апреля он предложил Андрееву в телеграмме срочно послать «хороший рассказ» редактору «Журнала

для всех» Миролубову<sup>34</sup>. А затем Горький написал Андрееву письмо, в котором предложил свое содействие для устройства андреевских рассказов в ведущих журналах, с которыми был связан («Журнал для всех», «Жизнь», «Мир божий»). С этого времени Горький в течение девяти лет оказывал Андрееву огромную помощь по изданию его произведений, обязательно привлекая его к сотрудничеству во всех своих многочисленных и многообразных издательских начинаниях. Узнав о грабительских условиях, предложенных Сытиным за издание первого сборника рассказов Андреева, Горький помог опубликовать этот сборник в издательстве «Знание». И в дальнейшем Андреев стал одним из активнейших «знаньевцев».

Личная встреча писателей состоялась 12 марта 1900 года на Курском вокзале перед отъездом Горького в Крым. Вспоминая об этой первой встрече, Горький писал: «Красивое лицо его показалось мне малоподвижным, но пристальный взгляд темных глаз светился той улыбкой, которая так хорошо сияла в его рассказах и фельетонах. Не помню его слов, но они были необычны, и необычен был строй возбужденной речи. <...> Мне показалось, что это здоровый, неумно веселый человек, способный жить, посмеиваясь над невзгодами бытия. Его возбуждение было приятно» (НП, 365).

Первое благоприятное впечатление от Андреева тоже, конечно, оказало влияние на усиление горьковской симпатии к нему. При последующих встречах знакомство очень скоро переросло в большую, многолетнюю дружбу.

Горький необычайно радовался быстрому успеху Андреева. В многочисленных письмах к разным корреспондентам он неизменно восторженно отзывался о его новых произведениях. После выхода первого сборника рассказов Андреева, Горький писал ему: «Книжка — вкусная. Это — настоящая литература. Вы же — молодец» (НП, 96). От успеха андреевского сборника Горький испытал даже некоторый духовный подъем. «Слежу за успехом Андреева и — ликую! Кому ни дашь книжку, все хвалит и хвалит хорошо, толково. Вообще — прекрасная штука — жизнь! Я все больше проникаюсь этим убеждением» (НП, 409), — писал Горький К. П. Пятницкому в начале октября 1901 года. И через две недели, в письме к нему же: «Я ужасно рад! Леонид — прекрасная рожа. Какой он накачал рассказ! («Стена» — В. Б.) Ого-го-го! Чехов говорит ему, что через год ему дадут по 500 рублей за лист. Я — ничего не говорю. Но — я знаю, что Андреев — это есть настоящий лите-

<sup>34</sup> Из-за болезни Андреев не смог сразу ничего послать в «Журнал для всех». Лишь в конце июля 1899 года он послал Миролубову рассказ «Петька на даче», который и был опубликован в девятом номере «Журнала для всех» за 1899 год (См.: Л. Андреев, Письма к В. С. Миролубову, в сб.: «Литературный архив», 5, М.—Л., изд. АН СССР, 1960, стр. 72).

ратор, обладающий не только талантом — как я — но и умом, — качеством, коего я от природы лишен. Л. Андреев — это очень много! Вы увидите» (НП, 409).

Судя по письмам и воспоминаниям современников, Горький в порыве увлечения, действительно, был уверен в превосходстве андреевского ума и таланта. Как вспоминала, например, В. Н. Кольберг: «Алексей Максимович пророчил Андрееву большую будущность. «Куда мне до него, у него талант огромный. Он покажет всем»» (НП, 577).

Вначале, однако, Горький, «по праву старшинства», давал Андрееву советы. Уже в первом письме, написанном в двадцатых числах апреля 1899 года, Горький советовал Андрееву избегать длиннот, небрежностей языка и т. д. Из этих советов необходимо выделить один, так как в нем очень ярко сказано отношение самого Горького к литературе, его общественно-литературная позиция: «Пишите, однако, так, как в вам кажется лучше, как вы хотите писать, невзирая ни на какие похвалы и порицания. <...> Запомните, пожалуйста, вот что: самым строгим и беспощадным судьей своих работ должны быть — вы сами. Писатель выражает дух человека, великий Дух жизни, и для него нет ни публики, ни идолов, ничего — кроме Духа. <...> Влагайте в дело писательства всего себя, всю свою личность и всегда не стесняйтесь говорить именно то, что думаете и чувствуете, именно теми словами, которые найдете самыми лучшими. Будьте всегда искренними» (НП, 66).

Писать свободно, не поклоняясь никаким «идолам», не насиловать себя в угоду какой-либо «тенденции», быть всегда искренним — это общедемократическая литературная программа. И Андреев очень хорошо усвоил ее<sup>35</sup>.

В следующем из дошедших до нас писем Горький дает «еще совет»: «Изображайте прежде всего людей, а не нитшёньянцев<sup>36</sup>, не чиновников, не радикалов, не несчастных. Все это — только внешность, главное же — человек. А он интересен и хорош помимо своего костюма — наряжен ли он в радикала или в консерватора. Он сам по себе — интересен» (НП, 69). Андреев усвоил и этот «совет» Горького. Более того, этот принцип изображения человека стал главенствующим в творчестве Андреева и лег в основу основ его художественного метода. «Мне не важно, кто «он» — герой моих рассказов: поп, чиновник, добряк или скотина. Мне важно только одно — что он человек, и как

<sup>35</sup> В примечаниях к этому письму приведен ряд высказываний Андреева об искренности писателя (См. НП, 67—68). Их можно было бы дополнить множеством андреевских выступлений в защиту свободы творчества.

<sup>36</sup> Во время встречи писателей на Курском вокзале Андреев говорил Горькому о задуманном им «рассказе о нитшёньянце», который впоследствии получил название «Рассказ о Сергее Петровиче». «Рассказ о нитшёньянце» и послужил конкретным поводом для горьковского «совета».

таковой несет одни и те же тяготы жизни»<sup>37</sup>, — писал Андреев несколько позже Чуковскому.

К. Д. Муратова утверждает, что эти высказывания Андреева и Горького «близки только внешне». «Горький призывает к изображению человеческих характеров в их жизненном разнообразии и противоречивости, он предостерегает от тенденциозной классификации героев. Андреев же стремится к абстрагированию как человеческих характеров, так и тягот жизни. Для горьковских героев последние не могли быть одинаковыми»<sup>38</sup>. Однако и горьковский Человек в одноименной поэме создан путем абстрагирования, отказа от индивидуализации, от жизненной характерности. И на своем пути «вперед! И — вышел!» Человек Горького встречает «одинаковые» «тяготы»-преграды — Смерть, Ложь, Безумие и т. п. В самом горьковском высказывании содержится идея и такого, «абстрагированного» человека, когда он — «сам по себе», освобожден от «внешности», от «костюма».

Да, позже Горький почти полностью отказался от этого принципа и даже выступал против него, но и в 90-е годы XIX века, и в начале первого десятилетия XX века он сам нередко вступал на этот путь. Стремление к абстрагированию, к «оголению сущностей» путем отказа от изображения «внешности» характерно не только для Андреева. Это стремление является, по-своему, одной из отличительных особенностей «новой литературы» — литературы XX века. Перед нами один из важных путей художественного освоения действительности в литературе начала XX века, давший ряд разных школ и направлений.

Нет никаких оснований сомневаться в том, что подобные «советы» Горького (к советам своего «старшего брата» Андреев относился всегда с огромным вниманием) оказали определенное воздействие на направление поисков Андреева, на формирование основ его художественного метода. Горький, несомненно, сыграл решающую роль в писательском самоопределении Андреева. Об этом лучше всего написал сам Андреев уже после разрыва с Горьким в своей автобиографии 1910 года: «Как первым моментом моего сознательного отношения к книге я считаю чтение Писарева, так пробуждением истинного интереса к литературе, сознанием важности и строгой ответственности писательского звания я обязан Максиму Горькому. Он первый обратил серьезное внимание на мою беллетристику (именно на первый напечатанный мой рассказ «Баргамот и Гараська»), написал мне и затем в течение многих лет оказывал мне неоценимую поддержку своим всегда искренним, всегда умным и стро-

<sup>37</sup> Корней Чуковский, Люди и книги, второе изд., доп. М., Гослитиздат, 1960, стр. 503.

<sup>38</sup> К. Д. Муратова, Максим Горький и Леонид Андреев, стр. 36.

гим советом. В этом смысле знакомство с Максимом Горьким я считаю для себя как для писателя величайшим счастьем; и если говорить о лицах, оказавших действительное влияние на мою писательскую судьбу, то я могу указать только на одного Максима Горького, исключительно верного друга литературы и литератора» (НП, 535).

Но говорить о непосредственном влиянии горьковского творчества на Андреева в смысле подражания или стремления подделаться под стиль и манеру Горького почти не приходится, хотя мы нередко и будем отмечать близость тем и проблематики. Горький оказывал влияние на Андреева прежде всего как человек и общественный деятель нового типа. На это не раз указывал сам Андреев. 12 мая 1902 года он писал Пятницкому: «В чешском «*Revue*»<sup>39</sup> вышла статья обо мне с коротенькой автобиографией, где, между прочим, я указываю на благотворное воздействие Горького на направление моей литературной деятельности. Пробудил во мне дух самокритики, заставил строже относиться к себе и т. д. Воистину! — тысяча раз спасибо Алексею, люблю его до чертиков. И пусть Шольц (немецкий переводчик Горького и Андреева — В. Б.) упомянет о влиянии Горького — не литературном, а влиянии рыцаря духа на колеблющегося и нерешительного любителя этого самого духа. Как люблю я жизнь и людей!» (НП, 494).

Последняя фраза, без прямой логической мотивировки появившаяся в письме, необычайно ярко передает то самое главное и новое чувство, которое возникло у Андреева под воздействием общения с Горьким. «Я в жизнь поверил, узнавши Горького» (НП, 502), — писал Андреев критику Боцяновскому в 1903 году. Под влиянием Горького прояснялось общественное самосознание Андреева, быстрее росла его общественная и творческая активность. В значительной мере под влиянием Горького Андреев пришел от «стихийного» демократизма и гуманизма к осознанию своего места в борьбе за общедемократические идеалы. Под влиянием Горького Андреев прикнул к наиболее радикальному крылу общедемократического движения начала века.

---

<sup>39</sup> Автобиография Андреева была опубликована в «*Ceská revue*» чешским переводчиком Б. Прусиком, с которым Андреев вступил в переписку по совету Чехова. В конце 1901 года Андреев послал Б. Прусикку свой первый сборник рассказов и короткую сопроводительную записку:

«Многоуважаемый Борис Федорович!

По поручению Антона Павловича Чехова посылаю Вам книжку своих рассказов. Мой адрес: Москва, Б. Грузинская, дом Перельман, Леониду Николаевичу Андрееву

С истинным почтением

Леонид Андреев».

(Literární archiv Památníku národního písemnictví, Praha, Prusik, Bořivoj 29 B9)



Боевым, наступательным «горьковским» духом пронизана вся публицистика Андреева<sup>40</sup>. В фельетонах Андреева — Джемса Линча довольно открыто звучат призывы к бодрости, к общественной активности, к борьбе за коренное переустройство жизни.

Характерно, что ведущей фигурой в общественной борьбе начала нового столетия Андреев считал Горького. «Наступают времена Максима Горького, бодрейшего из бодрых» (6, 175), — провозгласил Андреев в 1901 году в статье «О российском интеллигенте». Горький был для Андреева знаменем, под которым стягиваются все живые и прогрессивные силы русского общества. В марте 1901 года Андреев, сообщая Горькому о статье А. Ф. Филиппова «Буревестник», писал: «Но важно то, что этот прескверный человек написал слово, которое так метко и удачно определяет вас в литературно-общественном отношении, что поистине должно стать крылатым. Он назвал вас «буревестником». А еще бы вернее назвать «буреглашатаем». <...> Вы не только сообщаете о грядущей буре: вы бурю зовете за собой» (НП, 86).

Андреев любил, ценил и уважал Горького как революционного писателя, как «буреглашатая» и истинно-свободного человека. Выражением совершенно особенного, вольного «горьковского» духа были для него и произведения Горького. Характерен отзыв Андреева о горьковской повести «Трое»: «Нравятся мне «Трое» потому, что написаны удивительно, по-горьковски одним словом. Вольной кистью, а не кисточкой, которой глаза барыни подводят. Ширь, простор и чисто весенняя острая свежесть. Будто не в комнатке при лампе писано, а лежал ты брюхом где-нибудь на высоте, над Волгой, глядел далеко, дышал крепко и рассказывал» (НП, 126). И в марте 1905 года он в том же духе оценил рассказ Горького «Тюрьма»: «С каким наслаждением прочел я вчера «Тюрьму». Как это хорошо, как это приятно, как это особенно — по-горьковски. <...> у твоих писаний совсем особенный, очаровательный вкус, благородный, сильный, единственный. И прежде всего: вкус свободы, чего-то вольного, широкого, смелого» (НП, 258).

Для Андреева Горький — «благородная, почти нечеловеческая личность» (НП, 502). Андреева поражает в нем возвышенность помыслов и чувств, проявляющаяся не только в его «литературе», но и в обычной жизни. «Прочел я «Человека» и вот что в нем поразило меня, — писал он Горькому в начале апреля 1904 года. — Все мы пишем о «труде и о честности», ругаем сытое мещанство, гнушаемся подлыми мелочами жизни, и все

<sup>40</sup> В главе «Фельетоны «Джемса Линча» Л. Афонин довольно подробно рассмотрел основные темы и идеи публицистики Андреева «курьерского периода» и обоснованно указал на многие случаи «переклички» с Горьким (См.: Л. Афонин, Леонид Андреев, стр. 77—99).

это называется «литературой». Написавши вещь, мы снимаем актерский костюм, в котором декламировали, и становимся всем тем, что так горячо ругали. И в вашем «Человеке» не художественная его сторона поразила меня — у тебя есть вещи сильнее — а то, что он при всей своей возвышенности передает только обычное состояние твоей души. Обычное — это страшно сказать. То, что в других устах было бы громким словом, пожеланием, надеждою, — у тебя лишь точное и прямое выражение обычно существующего. И это делает тебя таким особенным, таким единственным и загадочным, а в частности для меня таким дорогим и незаменимым» (НП, 208). И во многих других письмах Андреева встречаем аналогичные признания, ярко свидетельствующие об огромной духовной роли и влиянии личности Горького на самоопределение Андреева. Дружба с Андреевым обогащала и Горького, хотя он все время продолжал чувствовать себя по отношению к нему в положении старшего брата, помогая ему, направляя его.

Окончательно уверовав в талантливость Андреева, он после первых чисто литературных советов пытался направлять Андреева главным образом в сторону усиления общественной проблематики. 4 декабря 1901 года он писал Е. Н. Чирикову, характеризуя Андреева: «Вот, брат, талант! Большущий талант — увидишь! Даже теперь, когда его начинка — одно голое настроение, он уже звучит колоколом, а как его прихватит огоньком общестственности — он покажет публике коку с соком!» (НП, 411).

Горький убеждал Андреева писать рассказы типа «В темную даль»: ««В темную даль» — хорошо! Очень хорошо. Эх, как вы можете писать и как надо бы вздуть вас! <...> Если вы можете отправлять человека в «темную даль», — стало быть можете провидеть в ней и свет, буде дадите труд себе всмотреться в нее повнимательнее <...>».

Голубчик! Неужто вы не умеете сердиться? Рассердитесь! И — пишите! Ругайте вдребезги мещан, хозяев жизни, тревожьте их, беспокойте!

Дело жизни по нынешним дням все в том, чтоб, с одной стороны, организовать здоровый, трудящийся народ — демократию; с другой — чтоб дезорганизовать усталых, сытых, хмурых буржуев. Бодрому человеку только намекни — он поймет и улыбнется, и увеличит бодрость свою, больного скукой мещанина — ткни пальцем — и он начнет медленно разрушаться. Хорош этот Николай, ушедший в темную даль! Он, действительно, орленок, хотя и пощипанный! Пускай пощипанный — это еще лучше — умеет наносить удары, ибо — был бит. <...> В темной дали этой есть нечто чрезвычайно определенное и крепкое — в ней разрастается чувство человеческого достоинства, здоровое, упругое чувство! Вырастает человек новый —

личность ясно — хотя может быть и узко — сознающая свое право творить жизнь новую, жизнь яркую, жизнь свободную, и уже теперь эта личность умеет ненавидеть всей силою души жизнь теплую, жизнь сытую, жизнь скучную, жизнь уютно-мещанскую» (НП, 82—83).

Горький и в дальнейшем не раз указывал Андрееву на необходимость писать для этого «нового человека», для революционно-настроенной демократической молодежи. «По нынешним дням ей (молодежи — В. Б.) потребно жизнерадостное, героическое, с романтизмом (в меру), — писал Горький Андрееву в конце 1901 года. — И — говорю серьезно — надо что-нибудь писать в таком тоне. Ибо — как никак, — а в России совершается революция, — не та, при которой на улицах дерутся и королям головы отрубают, — а другая, более серьезная. Происходит развал того философского и этического базиса, на коем основано благополучие мещанства» (НП, 113).

Для еще более полной характеристики того, как стремился Горький направлять творчество Андреева, следует привести его отзывы о двух андреевских рассказах 1901 года — «Набат» и «Стена»: ««Набат» — великолепно! Очень великолепно. Но если Бенвенутто Челлини станет делать одни лишь брошки для дам, да булавки кавалерам в галстухи, — надо бить Бенвенутто палкой по голове. Ты меня, брат, прости! Надо тебе шире развешиваться, выше подпрыгивать. «Набат», — говорю — удивительно! — но «Стена», при всей ее туманности, внушает нечто большее» (НП, 114).

«Стена», несмотря на ее туманность, казалась Горькому более глубокой, более серьезной и поэтому более значимой. Убеждая Андреева писать «в тоне» рассказа «В темную даль», Горький при всей кажущейся категоричности своих слов отнюдь не хотел навязывать ему свою волю вопреки его собственным внутренним побуждениям.

Позицию Горького очень ярко характеризует следующий факт. В самом начале 1902 года Андреев попросил у Горького совета: «Разрешите мне задачу, сам я бессилён. Меня просят дать беллетристическую вещь в нелегальный, резко революционный журнал. По всем видимостям дело поставлено совсем не конспиративно, много болтают и скоро все вляпаются. Я согласился, а теперь колеблюсь. <...> Не знаю. Посоветуй. Поступлю, как скажешь» (НП, 128). И Горький ответил: «Не давай! Зря обещал. Уже одно то, что ты думаешь: писать или не писать? — явно указывает — писать для этого журнала тебе не о чем и хорошо для него ты не напишешь. А для таких изданий необходимо — против принятого обыкновения — писать как можно лучше. Советую: с этим делом погоди до поры, пока сам не захочешь, пока в душе не нарвет» (НП, 128).

Но вместе с тем Горький радовался тому, что Андреев все более вовлекался в сферу оппозиции к царскому правительству. Узнав, что у Андреева произведен обыск и взята подписка о невыезде, Горький написал ему: «И это хорошо, друг мой, ибо русский писатель никогда не должен жить в дружбе с русским правительством — все равно каково бы оно ни было: самодержавное, конституционное или — даже! — республиканское... Ибо во всех трех формах оно будет у нас — по существу своему — одинаково дрянно. Потому — мещанское» (НП, 142).

В письмах Горького к Андрееву 1899—1902 гг. выявилась четкая общедемократическая общественно-литературная программа, включающая в качестве двух основных задач организацию демократии и дезорганизацию «усталых, сытых, хмурых буржуев». Горький нередко прямо упрекал Андреева за то, что он мало пишет для «нового человека», для молодежи, мало содействует организации демократии. Но зато другую, не менее важную задачу — дезорганизовать буржуев — Андреев, по мнению Горького, выполнял с честью. И поэтому, несмотря на упреки, он утверждал, что Андреев «хороший воин» (НП, 409).

Андреев создавал «беспокойные книги». С этой точки зрения, и «Стена», и «Бездна», и «Мысль» были очень высоко оценены Горьким. «Бездна» — «хорошая затрещина» мещанам, — отметил Горький, — «оттого они и не довольны» (НП, 137), оттого и поднялась вокруг этого рассказа скандальная шумиха. Прочитав рассказ «Мысль», Горький написал Андрееву: «Рассказ хорош. <...> Пускай мещанину будет страшно жить, скывай его паскудную распущенность железными обручами отчаяния, лей в пустую душу ужас! Если он все это вынесет — так выздоровеет, а не вынесет, умрет, исчезнет — ура!» (НП, 146). Исходя из такого понимания рассказа, Горький посоветовал изменить его конец, оставив в нем «несколько строк, в которых главное место займет страшное слово — «ничего»» (НП, 146). Андреев согласился с Горьким: «Относительно «Мысли», конца ее, ты всеконечно прав. Ничего. Так и напишем. Это ты очень хорошо заметил» (НП, 147).

Рассматривая андреевские произведения 1900—1906 гг. (да и последующих лет), можно подумать, что Андреев как будто сознательно и целеустремленно выполнял горьковскую программу: «Ты — пиши, знай. Пощипли «Мысль» мещанскую, пощипли их Веру, Надежду, Любовь, Чудо, Правду, Ложь — ты все потрогай. И, когда ты увидишь, что все сии устои и быки, на коих строится жизнь теплая, жизнь сытая, жизнь уютная, жизнь мещанская, зашатаются, как зубы в челюсти старика, — благо ти будет и — долголетен будеши на земли» (НП, 150). Но в мае 1902 года, когда Горький наметил перед Андреевым эту «программу», он уже достаточно хорошо знал о его внутренних стремлениях, он был знаком уже со многими замыс-

лами будущих андреевских произведений. В данном случае Горький, конечно, не только направлял Андреева, но и ободрял его, поддерживал.

Горький любил и ценил Андреева как беспокойного писателя, беспощадно вскрывающего трагизм противоречий жизни и разрушающего «устой и быки» мещанского образа мысли и буржуазного миропорядка. Во многих письмах он называл Андреева анархистом. «Хороший он малый, очень любопытный анархист» (НП, 413), — так охарактеризовал он Андреева летом 1902 года в письме к Пятницкому. А незадолго перед этим он написал Андрееву, испытывавшему тягостные сомнения в органичности дружеского отношения к нему Горького: «Я тебе вот что скажу: тебя я искренно люблю, потому что ты — анархист, ты талантливый анархист, ты никогда не выродишься в мещанина. Ты можешь отрастить себе брюхо до подбородка, но я знаю, что штука, которую называют душой, жиром у тебя не зарастет. Ты, мне кажется, никогда не почувствуешь себя довольным собой и не помиришься со счастьем, цена которому, по самой благодушной оценке, — пятачок» (НП, 150).

Андреев, действительно, как он и сам отмечал, более всего тяготел к анархизму, хотя плохо знал его политические программы. Но и Горький, называя Андреева анархистом, вкладывал в это понятие особое содержание, довольно далекое от конкретных политических платформ анархизма. Анархизм он противопоставлял мещанской самоуспокоенности, довольству, анархизм являлся для него выражением безграничного стремления личности к духовной свободе, к воле.

Идеи «духовного анархизма» органически входили в комплекс идей представителей общедемократической мысли конца XIX — начала XX вв. Присущи они были и Горькому. Они проявлялись у Горького в противопоставлении духовной свободы творящей личности догматической узости политических учений. в подчеркивании своей «внепартийности»<sup>41</sup>. «Никуда не принадлежу пока, ни к одной из наших «партий», — отметил Горький, излагая в письме к Репину от 23 ноября 1899 года свою общественную и литературную программу. — Рад этому, ибо — это свобода. А человеку нужна свобода, и в свободе думать по-своему он нуждается более, чем в свободе передвижения. Никому не подчиняться — это счастье, не правда ли?» (XXVIII, 101—102).

Идеи «духовного анархизма» проявились у молодого Горького и в отношении к будущему всеобщему благополучию, о котором так или иначе возвещали в положительной части своих программ все революционные политические партии. В. Брюсов записал в своем дневнике такие слова Горького: «Вот что мне

<sup>41</sup> См.: А. Овчаренко, Публицистика М. Горького, стр. 116.

дорого в Достоевском, — сказал Горький, — помните в «Записках из подполья», в 1-ой части — тот человек, который, когда настанет всеобщее благополучие, вдруг скажет: а что, не послать ли нам все это благополучие к черту?» Брюсов описал и характерный горьковский «жест», которым сопровождались эти слова: «И Горький движением ноги изображал, как тот человек будет сбрасывать это благополучие в бездну. Он и сам способен на это»<sup>42</sup>.

Необходимо добавить, что Горький в этот период не только стоял еще на позициях «внепартийности», но и самым решительным образом их отстаивал. Выражалось это иногда даже в стремлении подчеркнуть несовпадение своих мыслей с «руководителями общественного мнения», сделать вопреки им. Характерным в этом смысле является его письмо к Брюсову от 12 января 1901 года, в котором он сообщал о том, что не смог написать обещанный рассказ для альманаха «Северные цветы». «Ваш первый альманах выйдет без меня, — писал Горький. — Искренно говорю — мне это обидно. Почему? А — извините за откровенность — потому, что вы в литературе — отверженные и [вы]ходить с вами мне приличествует. Да и публику это разозлило бы. А хорошо злить публику» (XXVIII, 149—150).

Отношение Горького к так называемому декадентству было довольно сложным. Начиная со статьи «Поль Верлен и декаденты» (1896), в которой он открыто заявил, что «декаденты и декадентство — явление вредное, антиобщественное, — явление, с которым необходимо бороться» (XXIII, 125), Горький не раз на рубеже веков резко отрицательно выступал против декадентства. Но в то же время он сотрудничал в «Северном вестнике», переписывался с А. Волынским, сочувственно относился к некоторым стихотворениям З. Гиппиус, В. Брюсова и К. Бальмонта. Резко критикуя декадентство, Горький внимательно и даже с большим интересом к нему присматривался. Если сотрудничество Горького в «Северном вестнике» можно объяснить тем, что у него не было большой свободы выбора «толстых» журналов, то к 1901 году положение в этом отношении совершенно изменилось. И то, что Горький, несмотря на широкие возможности печатать свои произведения в демократических изданиях,

<sup>42</sup> Валерий Брюсов, Дневники 1891—1910, изд. М. и С. Сабашниковых, 1927, стр. 94. С этим горьковским отношением к будущему всеобщему благополучию любопытно сравнить отношение Андреева. Иронизируя над докладом В. А. Гольцева о философии Ницше, прочитанном на собрании «Среды», над представленной докладчиком картиной будущего счастья и гармонии, Андреев ясно выразил очень близкое к горьковскому отношение к «будущей жизни». «Что за чертовщина, — писал он Горькому, — почему все мы так боимся счастья и гармонии? И почему мне кажется, что музыка будущего будет заключаться не в гармонии, а в роскошнейшей дисгармонии? <...> Как бы хороши ни были все эти положительные построения «будущей жизни», они все же никуда не годятся, так как в том или другом виде преподносят одно: конец» (НП, 196).

с которыми он был тесно связан, обещал сотрудничать в «скорпионовских» «Северных цветах», объясняется, прежде всего, желанием «позлить публику», подчеркнуть свою свободу и независимость от общественного мнения тех кругов, которые считались прогрессивными. Очевидно, некоторую роль сыграло в этом также стремление привлечь на свою сторону Брюсова, который, как человек, произвел на него «чрезвычайно крепкое впечатление» (XXVIII, 141).

Иногда любил демонстративно «позлить публику» и Андреев. «Помню доклад Бальмонта об Оскаре Уайльде в московском Литературно-художественном кружке, — вспоминал Вересаев. — Публика была возмущена бальмонтскими восхвалениями не только творчества Уайльда, но и самой его личности. Ораторы один за другим всходили на кафедру и заявляли, что не нам проливать слезы над Оскаром Уайльдом, попавшим в каторжную тюрьму за содомский грех, — нам, у которых столько писателей прошло через каторгу за свою любовь к свободе и народу. Андреев, сидевший на эстраде, громко и демонстративно аплодировал Бальмонту и потом говорил, посмеиваясь. — Ну, теперь я навеки погиб во мнении московской публики!»<sup>43</sup>

Много в этом было и своеобразной «игры», молодой художественской заносчивости, а главное — уверенности, что общественно-литературное лицо их настолько известно и определено, что небольшие «отступления» не повредят. И характерно, что Горький и Андреев, при допускаемых «отступлениях», очень тщательно заботились о своей «идейной чистоте»<sup>44</sup>. Прежде, чем дать согласие на участие в каком-либо издании, обществе, литературном собрании или вечере, они подробно справлялись об их программе, о лицах, являющихся инициаторами и организаторами, чтобы получить полное представление об общественных силах, стоящих за ними. И никакого противоречия в этом нет, если мы вникнем в систему общедемократических взглядов начала XX века.

В. И. Ленин, характеризуя в статье «Радикальный буржуа о русских рабочих» позицию писателя С. Я. Елпатьевского, писал: «Не широк кругозор нашего народника, мелок его анализ: все то же либеральное противопоставление власти и общества. О классовой борьбе внутри общества, о буржуазии и рабочих, об углубляющейся розни между либерализмом и демократией трудненько сказать что-либо с точки зрения провин-

<sup>43</sup> В. Вересаев, Собрание сочинений в пяти томах, т. 5, М., «Правда», 1961, стр. 399—400.

<sup>44</sup> В начале 1903 года Горький наставлял Андреева: «Ты, милочка, ходи осторожно! Тебя всякий хочет поставить рядом с собой, это очень понятно, но — ты этого не позволяй. Ты сам захоти и поставь рядом с собой кого найдешь достойным этой чести. Честь — не малая. <...> Береги, душечка, свое литературное целомудрие и в неприличные заведения — не ходи» (НП, 170).

циального обывателя»<sup>45</sup>. Эта точная ленинская формулировка дает ключ к пониманию сущности общедемократического сознания. В самой основе общедемократических взглядов лежит «противопоставление власти и общества». Под влиянием логики общественной борьбы, революционизации широких народных масс, наглядных фактов расширяющейся и углубляющейся классовой борьбы, под влиянием идеологии марксизма накануне революции 1905 года стали изживаться многие либеральные иллюзии среди наиболее радикальных представителей общедемократической мысли. Но и признавая значение классовой борьбы, признавая даже ведущую роль пролетариата в борьбе за свободу и демократию, они все же оставались на позициях «противопоставления власти и общества». Пролетариат, как ведущая сила, включался в «общество», которое борется с «властью». А отсюда все то же стремление к объединению разнородных политических сил, отрицание межпартийной (и тем более внутрипартийной, фракционной) борьбы, как разъединяющей и ослабляющей силы «общества», отсюда и отстаивание «внепартийности».

Сущность общедемократического подхода к явлениям общественной и литературной жизни необыкновенно рельефно проявилась в тенденции «слить народничество и марксизм в одно гармоничное целое» (XXVIII, 56). Попытку такого рода предпринял редактор журнала «Жизнь» В. Поссе, его активно и горячо поддерживал Горький. Горький, как известно, решительно отказался принять участие в народническом сборнике, посвященном Н. К. Михайловскому. Настоящую причину своего отказа он раскрыл в письме к Чехову: «В предприятиях партийного характера участвовать не склонен»<sup>46</sup>. На общедемократических началах объединения политически довольно разнородных писательских сил основывалось горьковское издательство «Знание».

Общедемократическая позиция предопределяла известную широту взгляда на явления литературы. В этом смысле стано-

---

<sup>45</sup> В. И. Ленин, Полное собр. соч., изд. пятое, т. 25, М., Госполитиздат, 1961, стр. 10—11.

<sup>46</sup> М. Горький и А. Чехов, Переписка, статьи, высказывания, М., Гослитиздат, 1951, стр. 74. С. В. Смирнов, приводя выдержку из письма Горького к Чехову, делает после слова «партийного» характерное уточнение — «т. е. народнического» (См.: С. В. Смирнов, М. Горький и журналистика конца XIX — начала XX вв., изд. ЛГУ, 1959, стр. 79). Но это не уточняет, а, напротив, запутывает вопрос. Конечно, Горький в это время отрицательно относился к народничеству. Однако, рассматривая отношение Горького к существующим политическим группировкам и к межпартийной борьбе вообще, можно со всей определенностью сказать, что это слово употреблено в прямом значении: он отказался от участия в сборнике не столько из-за его народнического характера, сколько из-за узкопартийной направленности.



вятся вполне понятными и те «отступления», о которых мы говорили. Общедемократическая «широта взгляда» являлась и той первоосновой, на которой строилось, несмотря на глубокие разногласия, тесное творческое содружество Горького и Андреева. Но «широта взгляда» отнюдь не являлась свидетельством некоей расплывчатости, неопределенности. Необходимо подчеркнуть, что мы имеем дело не с расплывчатым мировоззрением, а с системой взглядов, которая внутри себя в достаточной мере стройна и определена. В этой системе взглядов очень ясно и четко различались друзья и враги. И первоочередной задачей являлось разоблачение врагов, их идеологии.

Горький считал в то время, что разрушение «философского и этического базиса» мещанства — задача революционная. Ему даже казалось, что «революция в умах» — «более серьезная», чем та, «при которой на улицах дерутся и королям головы отрубают». С этой горьковской идеей Андреев был абсолютно солидарен как в начале писательской деятельности, так и позже. Андреев многократно подчеркивал, что в области творчества он решает задачи революционные.

По мнению Горького, в этой совершающейся в России «более серьезной» революции наиболее опасными врагами являются не открытые реакционеры типа Мещерского и Грингмуга, а «штукатуры, замазывающие трещины старого сарая нашей жизни», проповедники любви и Христа — Меньшиковы, Розановы, Мережковские. Назвав их всех вкуче — «сволочь Христа ради», Горький добавил: «Не настоящего Христа, а того церковно-полицейского, который рекомендовал воздавать богу и царю — поровну. Хотя я и настоящего Христа не одобряю, ибо поспешил он явиться. Его время — лет через тысячу от нас, а пока мы не рассчитаемся друг с другом, не возненавидим друг друга, не подеремся и — не устанем. А вот когда устанем — тогда уж и начнем любить друг друга, потому что — ты знаешь — этим делом всего удобнее заниматься лежа. Так-то. Бей, значит, проповедника любви Меньшикова, ибо он того ради, прохвост, любовь проповедует, чтобы его жизнь не беспокоила трагизмом своих противоречий. Бей мещанина! Ибо он любит везде воздвигать ограды» (НП, 113—114).

В этих горьковских словах в основе своей определены как содержание и проблематика, так и общественный смысл и направленность многих андреевских произведений. И в этой связи становится более понятным общественное значение не только таких произведений Андреева, как «Жизнь Василия Фивейского» (1903) и «Христиане» (1905), но и таких, как «Бен-Товит» (1903), «Савва» (1906), «Иуда Искариот» (1907), «Любовь к ближнему» (1908), «Анатэма» (1909), «Правила добра» (1911) и многих других. Отнюдь не случайно Горький одобрил

андреевский замысел «рассказа об иконе»<sup>47</sup>, который получил окончательное воплощение в пьесе «Савва». Кстати, и пьеса «Савва» была первоначально очень высоко оценена Горьким (См. НП, 422—423). Высоко оценил Горький и рассказ «Христиане». Интересно, что адвоката из этого рассказа Андреева Горький назвал Волжским по имени известного литературного критика, проповедовавшего христианство. Тем самым Горький прямо указал на общественно-политический смысл андреевского выступления против «христиан».

Вопросы о религии, о Христе и христианской этике отнюдь не были общественно праздными и далекими с точки зрения «революции в умах». И Андреев выступал по этим вопросам с новых и демократических позиций, что проявилось и в прямом богосборчестве, и в разоблачении мнимых «христиан» и их «любви к ближнему», и в раскрытии несостоятельности основных положений христианской этики. Разрушение иллюзий, благодушного утопизма, борьба с идеями «жертвенного», «страдательного» гуманизма и в творчестве Андреева служили целям развала философского и этического базиса враждебной ему идеологии мещанства.

Рассматривая «их Веру, Любовь, Чудо», Андреев довольно близко подходил к кругу проблем, разрабатываемых Меньшиковым, Розановым, Мережковским. Но он на протяжении всего своего творческого пути резко от них отмежевывался, всячески и неприкрыто выражая свою враждебность к ним. Идеино Андреев с ними не совпадал. При близости проблематики забота об идейной чистоте, о несовпадении с Розановым и Мережковским была для него чрезвычайно важна. С этой точки зрения он просит, например, Горького внимательно прочесть рассказ «Мысль»: «Художественным требованиям рассказ не удовлетворяет, но это не так для меня важно: боюсь выдержан ли он в отношении идеи. Думаю, что почвы для Розановых и Мережковских не даю; о боге прямо говорить нельзя, но то, что есть достаточно отрицательно» (НП, 143).

Свое отношение к Розанову Андреев в наиболее резкой форме выразил и в письме к Горькому от 18 апреля 1912 года. Узнав о том, что Горький переписывается с Розановым, Андреев писал: «Относительно Розанова — да я удивился, когда прочел его хвастовство твоими письмами, хотя думаю, что хвастался этот мерзавец пощечинами. Но все-таки не понимаю, что за охота тебе тратить время и труд даже на пощечины для этого ничтожного, грязного и отвратительного человека. Бывают такие

---

<sup>47</sup> «Твой рассказ об иконе, — писал Горький Андрееву в середине января 1902 года, — великолепно задуман, удивительно правдив по фабуле, тяжел в конце — как в действительности и нецензурен. Сим последним одначе — не смущайся — но — вали во всю! Напиши и — спрячь. Когда мы с тобой уничтожим цензуру — напечатаем» (НП, 134).

шелудивые и безнадежно погибшие в скотстве собаки, в которых даже камнем бросить противно, жалко чистого камня» (НП, 341).

О Мережковских Андреев также неизменно отзывался очень резко. В 1916 году, например, возмущаясь по поводу включения «Романтиков» Мережковского в репертуар Московского Художественного театра, Андреев писал Немировичу-Данченко: «И неужели Вас не пугает Мережковский? Ведь это нежить, ведь он приходит только к умирающим и мертвым, и когда он идет, звенит колокольчиком, как у катол<ического> патера, идущего причащать умирающего. Вы не слышите этого звона? И неужели Х<удожестве>нный театр настолько мертв, что уже настало время для Мережковского и отходной?»<sup>48</sup>. Необыкновенно показательно, что Андреев все время старался избежать каких бы то ни было контактов с Мережковскими<sup>49</sup>, хотя со многими другими представителями символистского лагеря: с Блоком, Сологубом — он был в некоторые периоды довольно близок. Розанов и Мережковские всегда для Андреева находились на другом, враждебном ему полюсе общественной жизни и литературы. Конечно, определенную роль здесь играли и «личные моменты» в виде резких критических выступлений Д. Мережковского и З. Гиппиус против Андреева.

Проблемы христианской этики, религии и религиозного сознания Андреев трактовал не поверхностно, не в духе газетной публицистики, хотя многие его произведения имели острый злободневный характер. В его произведениях герои одержимы идеей, в мучительных поисках истины они ведут страстный и напряженный диалог между собой и с самими собой. Писатель не просто отвергал ту или иную идею, то или иное представление о жизни, а углубленно исследовал их внутреннюю состоятельность в столкновении с жизнью, их плодотворность в поисках выхода из трагического клубка противоречий. Он вскрывал несостоятельность, полуправду бытующих в обществе идей и представлений. Религиозно-этические вопросы в андреевских произведениях обычно переключаются в обобщенно-философский план проблем бытия. С самого начала творческой деятельности Андреев проявлял исключительный интерес к «вечным

<sup>48</sup> Архив Музея МХАТ, ф. Н.—Д., № 3149/2.

<sup>49</sup> Показательно в этом отношении письмо Андреева к одному из руководителей издательства «Шиповник» С. Ю. Копельману от 11 января 1909 года: «После некоторых размышлений я беру назад свое предложение читать «Анатэму» в «Шиповнике», и чтение состоится, как и было предложено, у П. Я. Кулакова в «Общественной пользе». Причины? Их порядочно: главная же та, что публика, которую соберет Кулаков, будет для меня ближе, нежели публика нынешнего «Шиповника». Я не хочу, чтобы Вы обидели Мережковского, Гиппиус и некоторых других, обойдя их приглашением, — а читать для этих господ у меня нет ни малейшего желания. И будет спокойнее, если я перекочую в другое более удобное место» (РО ИРЛИ, Архив Копельмана, ф. 485, ед. хр. 2, л. 1).

проблемам» смысла и ценности жизни, загадки смерти, границ познания.

Для Горького в творчестве Андреева и было, пожалуй, самым главным и важным это его внимание к проблемам бытия, его стремление исследовать сложные философские и этические вопросы жизни человека и человеческого общества. Именно в этом он видел громадное значение Андреева как писателя. Именно поэтому он выделял Андреева среди нового поколения писателей. Горький видел превосходство Андреева именно в том, что он обладал «не только талантом», «но и умом». Горького отнюдь не отпугивали от Андреева рассказы «Стена», «Ложь», «Мысль», «смутившие», как известно, Н. К. Михайловского<sup>50</sup>.

Горькому казалась в этот период, что русская литература слишком тяготеет к бытовому реализму, к приземленности, к фактографии, к «натуре». Чтение скандинавских писателей: Ибсена, Стриндберга, Гедберга — вызывало у него «много грустных дум о нашей литературе»<sup>51</sup>. «Как странно, — писал Горький Чехову 5 мая 1899 года, — что в могучей русской литературе нет символизма, нет этого стремления трактовать вопросы коренные, вопросы духа. В Англии и Шелли, и Байрон, и Шекспир — в Буре, в Сне, — в Германии, Гете, Гауптман, во Франции Флобер — в Искушении св. Ан<тония> — у нас лишь Достоевский посмел написать «Легенду о великом инквизиторе» — и все! Разве потому, что мы по натуре — реалисты? Но шведы более реалисты, чем мы, и, однако, у них — Ибсен, этот Гедберг. Да разве мы реалисты, если подумать?»<sup>52</sup>

Это письмо в значительной степени корректирует установившийся в горьковедении взгляд на отношение Горького к русскому реализму XIX века. Обычно, когда приводятся из писем к Чехову известные слова Горького «убиваете реализм», «эта форма отжила свое время», утверждается, что мысли Горького о недостаточности и даже исчерпанности реализма обусловлены его тяготением к героическому искусству, к революционному романтизму («настало время нужды в героическом»). Справедливость этого предположения подтверждается документально и не подлежит сомнению. Но все же оно несколько односторонне раскрывает сущность горьковского отношения к русскому реализму. «Легенда о великом инквизиторе» Достоевского, «Буря» и «Сон в летнюю ночь» Шекспира, «Искушение святого Антония» Флобера, Гете, Ибсен и Гауптман никак не могут быть подведены под понятие героического искусства в горьковском толковании. Круг названных Горьким имен и произведений объединяет стремление к большому философским обобщениям, к

<sup>50</sup> См.: Н. Михайловский, Литература и жизнь, «Рассказы» Леонида Андреева. — «Русское богатство», 1901, № 11, отд. II, стр. 60—73.

<sup>51</sup> М. Горький и А. Чехов, Переписка, статьи, высказывания, стр. 43.

<sup>52</sup> Там же, стр. 42.

трактовке «вечных вопросов», «проблем бытия», к условности и символикe. Горький, как и очень многие крупнейшие представители русского искусства начала XX века, видел новые пути и возможности в искусстве больших обобщений, в «отвлечении от реальностей», в «сверхреализме»<sup>53</sup>.

Наибольшее приближение к «сверхреализму» он одно время находил в творчестве Чехова. Как вспоминал А. Е. Богданович, Горький под впечатлением от «Дяди Вани» в нижегородском театре несколько дней «был болезненно взвинчен, приподнят, говорил об этой пьесе, как о драме бесконечно огромного значения, потрясающей своей удивительной простотой, реализмом особого высшего порядка, сверхреализмом, который упраздняет реализм обыденщины»<sup>54</sup>.

С этой точки зрения и творчество Андреева с его тяготением к проблемам бытия и ярко обозначившимся «отвлечением от реальностей» должно было восприниматься как некоторое новое и важное слово в литературе, особенно в русской литературе, где один только Достоевский «посмел» написать «Легенду о великом инквизиторе».

Рассматривая отношение Горького к рассказам Андреева типа «Стена», авторы работ обычно объясняют горьковскую «снисходительность» к ним тем, что он сам еще нередко пользовался аллегорией. «Сам использовавший аллeгорию в своем творчестве, — пишет, например, Т. Кулова, — Горький в это время довольно снисходительно относился к абстрактно-символической форме ряда его ранних рассказов, обращал главное внимание на их общественное звучание»<sup>55</sup>. Но в этот период никакой «снисходительности» Горьким проявлено не было. Напротив, как мы пытались показать, абстрактно-символическая форма произведений Андреева могла даже способствовать признанию их литературного значения. Позже Горький действительно стал отрицательно относиться к андреевскому тяготению к абстракции и символикe и временами даже видел в этом основную причину расхождения с Андреевым. В 1931 году он, например, писал А. З. Безвестному: «Я — реалист, и эта ваша форма — мало сказать чужда, она враждебна мне. Если я, в юности, прибежал к аллегориям, это вызывалось условиями цензуры, вообще же я совершенно уверен, что все, что хочешь сказать, что хорошо продумано, можно сказать просто, ясно, не прибегая к символам <...>. На почве отношения к символикe

---

<sup>53</sup> Этим также объясняется внимание Горького к творчеству символистов.

<sup>54</sup> Цит. по ст.: Г. В. Краснов, Горький о реализме Чехова, в сб.: «О творчестве М. Горького», Горьковское книжное издательство, 1956, стр. 132.

<sup>55</sup> Т. К. Кулова, Л. Андреев и М. Горький, Уч. зап. Московского обл. пед. инст. им. Н. К. Крупской, т. СХХІХ, стр. 128.

я и разошелся с Андреевым» (НП, 467). В данном случае, однако, Горький не совсем точен. Даже при поверхностном знакомстве с цензурой тех лет становится очевидным, что печатать аллегорические произведения было иногда отнюдь не легче, чем «простые» и «ясные». Кроме того, отрицательное отношение к символике Андреева нарастало у него постепенно и, на мой взгляд, не было определяющим при разрыве.

Выясняя внутренние причины взаимного притяжения Горького и Андреева, те основания, на которых возникла их личная дружба и творческое содружество, мы приходим к выводу, что их объединяла в первые годы близость идейно-художественных поисков и устремлений, обусловленная общностью общедемократической платформы. Основы дружбы попытался по-своему определить и сам Андреев. «Есть масса сложных причин, в силу которых ты занимаешь для меня среди всех людей совсем особое место, — писал он Горькому в начале июня 1902 года, — кроме тебя, я не знаю людей, уважение и дружба которых были бы мне так необходимы (о жене я не говорю). Все эти причины происхождения психического и заключаются — странно сказать — в удивительном, даже фатальном сходстве наших натур. Так посмотреть на нас, мы совсем не похожи, но корень у нас один. Ты видел, как к яблоне прививают иногда грушу? — ствол общий, а на одной ветке груши, на другой яблоки. И эти живущие одними соками яблоня и груша должны, мне кажется, с особенной яркостью чувствовать свое коренное родство. То же вероятно и у меня. Ты родишь яблоки, я — груши, а соки у нас одни: ненависть, презрение, великая любовь и великое отчаяние» (НП, 151—152).

Несмотря на «коренное родство», в личных и творческих взаимоотношениях Андреева и Горького с самого начала обнаружилась глубокая разность и давали знать о себе принципиальные идейные и художественные разногласия. «Не было почти ни одного факта, ни одного вопроса, на которые мы с Леонидом Николаевичем смотрели бы одинаково, но бесчисленные разногласия не мешали нам — целые годы — относиться друг к другу с тем напряжением интереса и внимания, которое не часто является результатом даже долголетней дружбы» (НП, 368), — вспоминал Горький позже.

Разногласия с Горьким Андреев воспринимал очень болезненно, боясь, что они приведут к разрыву дружеских отношений. Боязнь потерять единственного, как он считал, друга и союзника в литературе сильно тяготила его и принимала нередко маниакальный характер. Остро ощущая свои разногласия с Горьким, он сомневался в прочности и органичности его дружбы. Ему казалось, что Горький поддерживает с ним хорошие отношения «только упорством сознания, а не органически» (НП, 149).

Однако, несмотря на боязнь потерять друга, Андреев не мог сколько-нибудь значительно поступиться своим видением и пониманием мира и людей, своими художественными поисками. На первых порах, как мы видели, Горький этого и не требовал. Но с начала 1900-х годов во взглядах Горького стали происходить существенные изменения. В общем виде эти изменения можно охарактеризовать как отход от общедемократических позиций и переход на позиции социал-демократические, марксистские. Эволюция взглядов Горького в этом направлении совершалась постепенно, медленно, с колебаниями и возвращениями на исходные позиции.

Во многом изменилось отношение Горького к изданиям общедемократического характера. В конфликте с редактором «Журнала для всех» Миролюбовым Горький занял в 1904 г. среди близких ему демократических писателей особую позицию. Попытка Андреева убедить Миролюбова вернуться «на старый путь»<sup>56</sup> оказалась Горькому наивной: «Твое отношение к Миролюбову — очень мило и гуманно, что же? — «блажен, иже и скоты милует», но для меня Миролюбов — человек, который ради личного желанья завести порядок в своей душе, публично «эволюционирует», то есть развращает людей» (НП, 224).

Не разделяя религиозно-идеалистических заблуждений Миролюбова, сказавшихся на изменении направления «Журнала для всех», Андреев в то же время считал непримиримую позицию Горького ошибочной и отказался подписать заявление Горького и Вересаева о выходе из журнала (См. НП, 417). Андреев считал необходимым сохранить журнал. Его поддерживали в этом Серафимович, Чириков, Скиталец. Соглашаясь с Горьким в оценке «эволюции» Миролюбова, Андреев, однако, не был согласен пожертвовать журналом: «Но журнал! журнал! Пусть пропадает Миролюбов, но неужели же дать погибнуть и журналу, такому важному, единственному в своем роде журналу? Вот с этим я не могу помириться. Сознаю, что попытка моя урезонить Миролюбова едва ли к чему приведет — но отчего не попробовать? Откажется — ну и черт с ним; согласится — поставим такие условия, что свою философию он будет делать в ватере, и только в ватере» (НП, 225).

Усилия Андреева увенчались успехом. Под давлением писателей (и читателей) Миролюбов был вынужден отказаться от сотрудничества Волжского и пропаганды религиозных идей в журнале. В различном отношении к «Журналу для всех» Горького (и отчасти Вересаева), с одной стороны, и Андреева с группой демократических писателей, с другой стороны, проявились, в сущности, различия между позицией социал-демократической и общедемократической.

---

<sup>56</sup> «Литературный архив», 5, стр. 110.

По мере приближения Горького к идеям революционного марксизма стало меняться и его отношение к Андрееву. Критика андреевских произведений становилась более резкой, полемика с ним — более ожесточенной. У Горького стали возникать сомнения в общественной ценности и нужности андреевского творчества в условиях разрастающейся революционной борьбы. В конце мая 1903 года Горький писал Пятницкому: «Мы помогаем жить Чирикову, Андрееву; почему же не помочь и Юшкевичу? Он, на мой взгляд, конечно, неизмеримо талантливее Евгения Николаевича (Чирикова — В. Б.) и нужнее Леонида» (НП, 414).

Оценивая степень нужности творчества демократических писателей, Горький указывал на остроту социальной критики в их произведениях, на общественную тенденциозность, на внимание к жгучим вопросам современности. Андреев расходился с Горьким как в оценке творчества Юшкевича (см. НП, 508), так и вообще в отношении к тенденциозности, к «злобе дня». «Вот еще вопрос: каков должен быть характер ближайшего сборника «Знание»? Чисто художественный, или же треба подпустить злобы? Мне кажется — художественный, а злоба сама приложится» (НП, 236), — писал он Горькому в ноябре 1904 года. Здесь ясно ощущается полемическая направленность и стремление внушить Горькому мысль о необходимости взять в сборниках курс на художественность, а не на «злобу».

Вопросы соотношения художественности и тенденциозности, «злобы дня» и «вневременного» часто привлекали внимание Андреева. Андреев был очень далек от защиты «чистого искусства» и в своих произведениях неизменно откликался на «злобу дня». Но при этом он старался избежать открытой публицистичности и тенденциозности. Он был убежден, что при глубокой и подлинно художественной разработке серьезной темы «злоба сама приложится». Он считал, что при открытой тенденциозности, при ориентации на «злобу» возникает опасность сбиться на «фельетон», остаться поверхностным, односторонним, в результате чего художественное произведение становится общественно менее значимым и действенным.

Эти недостатки Андреев видел и отмечал в произведениях Юшкевича, Чирикова и некоторых других писателей — «знаньевцев». За фельетонную разработку большой темы он критиковал пьесу Чирикова «Мужики». Фельетонная публицистичность сильно повредила, на его взгляд, и другой пьесе Чирикова — «Еврей», которую он в целом оценил все-таки очень высоко. «Слышал вчера «Евреев», и скажу вот что, — писал он Горькому 4 марта 1904 года. — Вопрос поставлен художественно, а разработан и решен публицистически. Отсюда огромное чувство тупой и на первый взгляд загадочной неудовлетворенности» (НП, 201).



Надо сказать, что и в оценке произведений Горького Андреев руководствовался близкими соображениями. Первоначально он восторженно отзывался о «Мещанах», написал интересную рецензию на постановку пьесы в Художественном театре, но затем стал противопоставлять этой первой горьковской пьесе его же «На дне», как более художественную и философски-глубокую<sup>57</sup>. «Неудачной, слабой вещью, мелко обличительного характера» признал Андреев также пьесу Горького «Дачники». Правда, после премьеры «Дачников» в театре В. Ф. Комиссаржевской, на которой небольшая группа представителей художественной интеллигенции во главе с Мережковским и Дягилевым пыталась устроить скандал и сорвать спектакль, отношение Андреева к этой пьесе Горького несколько изменилось. «Если газеты не врут и тебе нашикали, это очень хорошо, и я беру свои слова обратно: тебе действительно удалось раздражить кого следует. Вообще «Дачники» оказываются, по-видимому, вещью необходимой» (НП, 235), — писал Андреев Горькому<sup>58</sup>. Однако в целом Андрееву все-таки казались менее значительными и интересными те произведения Горького, в которых очень явно проступала тенденциозность. Но и в том, что писатель так много внимания и рабочего времени отдавал публицистике в ущерб художественному творчеству, Андреев видел признак силы и щедрости таланта Горького: «Пожалуй, глупо это говорить, — но в том, что ты не пишешь художественных вещей и разбрасываешь себя всюду, много силы, много истинно человеческой расточительности. Обращаться с талантом, как с сапожной щеткой — с талантом, о котором люди мечтают, как о миллионе, — это здорово. <...> Глупо так говорить, мне хочется

<sup>57</sup> Сообщая о том, что Горький читал ему «своеобразнейшую пьесу «На дне», Андреев писал А. А. Измайлову: «Дивная вещь — «Мещане» перед нею мальчишки и щенки!» (НП, 497). Летом 1904 года Андреев перечитывал книгу Шопенгауэра «Мир как воля и представление». При чтении «этой великолепнейшей книги», — как он писал Горькому, — «попутно уяснилось» кое-что в искусстве, и стало совсем понятно, почему твое «На дне» хорошо, а «Мещане» — плохо» (НП, 218).

Пьесу «На дне» Андреев вообще считал наиболее значительным произведением Горького. Ему казалось, что критика не сумела ни понять, ни по достоинству оценить пьесу: «Ни одна статья, ни один разговор не мог охватить драмы во всей ее ширине и глубине; всякий раз остается что-то неуловимое, какой-то остаток, в котором и заключается самая суть. Это, брат, великая штука «На дне» — попомни мое слово» (НП, 168). Как можно заключить из андреевских высказываний о пьесе «На дне», он видел в ней, наряду с особой органичностью, не поддающейся критическому анализу, с непредвзятостью в изображении правды жизни, наряду с глубоким социально-общественным и философским содержанием, проявление трагического мировосприятия, близкого ему самому.

<sup>58</sup> Следует указать, что и сам Горький не видел особой художественной ценности в пьесе «Дачники». Отвечая Андрееву в середине ноября 1904 года, он писал: «Разумеется, «Дачники» не поднялись в моих глазах после всей этой истории. «Дачники» — это не искусство, но — ясно, что это меткий выстрел» (НП, 240).

страшно, чтобы ты писал художественное, — но из песни слова не выкинешь» (НП, 241).

К 1903—1904 гг. расхождения между Андреевым и Горьким приобрели уже довольно острый характер. Горький не только стал сомневаться в «нужности» андреевского творчества, но и высказал опасения, что Андреев нехотя попадает в плен мещанской идеологии. Ознакомившись с рукописью книги Андреевича (Е. А. Соловьева) «Опыт философии русской литературы», Горький задал автору в сентябре 1904 года ряд характерных вопросов: «Об Андрееве: неясно его родство с идеей освобождения человека от гнета разной кабалы, чем, на мой взгляд, он наиболее интересен. Нет ли в его творчестве страха жизни и атавизма литературного в этом страхе? <...> Не видите ли вы в его пристрастии «к случаю» — некоего испуга мысли, недостатка мужества в ней? Не кажется ли вам, что передовые борцы демократии, вступающей в бой с буржуазной философией, моралью, — со всем духовным хозяйством буржуазии, — порою, заскакивая вперед, попадают в плен мещанского страха жизни, тоже одного из предметов духовного хозяйства мещан?» (НП, 416).

Правда, Горький опасался не только за творчество Андреева. Он говорил также вообще о «передовых борцах демократии» и даже поставил в конце вопрос: «Нет ли сего и у Горького?»

Высказанные Горьким вопросы и сомнения относительно андреевского творчества раскрывают некоторые наиболее важные пункты общественно-литературной полемики между писателями. С самого начала знакомства Горький убеждал Андреева писать произведения жизнеутверждающие, героические, возбуждающие активное отношение к жизни. Затем он постепенно начинает настаивать на этом все более категорично и требовательно. Положительно, например, оценив андреевский замысел «рассказа об иконе», Горький, однако, не был доволен концом, не найдя в нем того, «что именуется верою в погибель мещанства». И поэтому он писал Андрееву: «Будь злым, будь мрачным, но — не будь пессимистом! Пессимизм — философия обьевшихся, обожравшихся» (НП, 137). Позже Горький указывал на пессимизм Андреева как на одну из важнейших причин разрыва дружеских отношений. «Меня всегда раздражал пессимизм Андреева, его — то, что он считал моим оптимизмом и что сам я называю историзмом» (НП, 404), — писал Горький в 1925 году.

Андреев вначале был готов признать правоту Горького. Он искренно стремился сражаться «под знаменем Горького», быть его другом и «товарищем по оружию» (НП, 173). Он признавал необходимость создания бодрой, «духоподъемной» литературы и сам мечтал написать «гимн» — «что-нибудь шиллеровское», «эдакое густое, звучное — бомм!» (НП, 370). В своих статьях

он выступал против «обывательского пессимизма», боролся с настроениями упадка, уныния, тоски, призывал к бодрости и активности. Нередко он сам выражал недовольство по поводу мрачности своих рассказов и односторонности в выборе литературных героев и тем<sup>59</sup>. Оценивая, например, первый «Сборник товарищества «Знание», в котором была напечатана и его «Жизнь Василия Фивейского», Андреев писал Пятницкому: «Слишком черно, мрачно, торжественно и однотонно. Хоть бы улыбнулся кто. Скверное в этом смысле начало положил я. Это навело меня на мысль: не выпускать второго тома (своих рассказов — В. Б.), прежде чем не напишу двух истинно-жизнерадостных рассказов. Я их напишу»<sup>60</sup>.

Естественно, что, при таком отношении к собственному творчеству, Андреев в эти годы почти не возражал Горькому на его упреки и обвинения в пессимизме. Но в дальнейшем горьковская проповедь бодрости и жизнеутверждения все более начинает казаться ему однобокой, узкой и даже опасной для литературы. В 1910-е годы он уже сознательно пытался противостоять «горьковско-вересаевскому оптимизму», находя в нем стремление ограничить области проникновения искусства и серьезную опасность для развития высокой трагедии. Горьковский «указующий перст: «держи к бодрости!», над которым Андреев иронизировал, казался ему уводящим литературу от постановки острых, сложных и мучительных проблем жизни, от трагедии. А исчезновение «чувства трагического» для Андреева всегда — признак глубокого кризиса и разложения, признак омешанивания литературы и общества. Если оценивать литературу под углом зрения «мрачности», исходить из категорических требований «ходи весело!» и «держи к бодрости!», придется, считал Андреев, признать мрачной и негодной «почти всю литературу — признать мрачной всякую драму и трагедию ... что же останется?»<sup>61</sup>

Андреев отнюдь не выступал вообще против жизнеутверждающей литературы. Напротив, и в эти годы он намеревался написать веселую комедию и создавал произведения, проникнутые духом активности и неприятием пассивизма. Горьковская

<sup>59</sup> Указывая на причины, заставившие его отказаться от печатания рассказа «Тенор», Андреев писал Горькому: «1) В основной мысли он повторение «Большого шлема» и «Жили-были» и только повторение. Правда я очень боюсь смерти, никак не могу примириться с фактом ее существования, но все время и притом однообразно кричать: ох, нехорошо умирать! — нелепо. 2) Побочная мысль о необходимости цельной, многосторонней и живой жизни развита слабо» (НП, 155). А рассказ «В тумане» сам Андреев охарактеризовал так: «Кажется, ничего шутика — хотя тип, как и все, что я пишу, противен» (НП, 159).

<sup>60</sup> Чит. по ст.: К. Д. Муратова, Максим Горький и Леонид Андреев, стр. 16.

<sup>61</sup> Из письма Андреева к Вл. И. Немировичу-Данченко от 17 ноября 1913 года. — Архив Музея МХАТ, ф. Н.—Д., 3146/16.

проповедь представлялась ему вредной именно из-за ее односторонности и категоричности. Опасность ее увеличивалась в его глазах тем, что Горький обладал огромным авторитетом.

Хотя критика с самого начала много писала о пессимизме Андреева, о «страхе жизни» и «страхе смерти»<sup>62</sup> в его произведениях, сам Андреев не считал себя пессимистом. Его мировосприятие точнее можно было бы определить как трагическое. В его произведениях люди обычно терпят поражение, гибнут в борьбе с разного рода «стенами», но снова и снова поднимаются на борьбу. В этом бесконечном возрождении воли и готовности к борьбе и проявляется, по Андрееву, истинная сущность человека и непобедимого человеческого духа, в нем — залог всепобеждающей жизни и ее закон.

Поставив в письме к Е. Соловьеву вопрос о «страхе жизни» в андреевском творчестве, Горький в известной мере основывался на мнении критики, на словах самого Соловьева, который в своей книге писал: «Да, говорю я, понятен ужас Андреева, тот пессимизм его, о котором так много уже наговорено. Они — реакция человека на часто могильное молчание жизни»<sup>63</sup>.

Интересно, что в андреевском «страхе жизни» Горький предположил явление «литературного атавизма». Этот вопрос был очень важен для Горького. Как можно судить по некоторым данным, Горький уже в это время опасался влияния идей Достоевского и Толстого на творчество Андреева. В сентябре 1903 года Андреев даже был вынужден специально высказаться по этому поводу: «Кстати, дошел до меня слух, что ты опасешься или допускаешь возможность, что я влезу по уши в мистицизм и пойду по стопам Достоевского. Это неверно. Достоевского я люблю, но не всегда понимаю, и он мне чужой. Я много думаю о жизни и о смерти и чувствую в них глубокую тайну, но отношение мое к этой тайне, как к опущенной занавеси: хочется приподнять ее, а никак не залезать по ту сторону, в темноту, и там чревоуещательствовать» (НП, 179—180).

Творчество Андреева, несомненно, находилось в круге идей Достоевского и Толстого. Он испытывал сильное идейное и художественное влияние двух крупнейших представителей русского реализма. И Горький, конечно, прав, указав в 1925 году в предисловии к американскому изданию романа «Сашка Жегулев», на принадлежность Андреева к «этой же линии идей» (НП, 402). Однако отношение Андреева к Достоевскому и Толстому было

---

<sup>62</sup> См.: Н. Михайловский, Литература и жизнь. «Рассказы» Леонида Андреева. — «Русское богатство», 1901, № 11, отд. II, стр. 61. Критик Волжский (А. С. Глинка) так и назвал свою статью об Андрееве «О мотивах страха смерти и страха жизни» (См.: Волжский, Из мира литературных исканий, СПб., изд. Д. Е. Жуковского, 1906, стр. 191—227).

<sup>63</sup> Андреевич, Опыт философии русской литературы, СПб., издание товарищества «Знание», 1905, стр. 504.

довольно сложным. Любя и почитая их как гениальных художников, нередко обращаясь к близкой проблематике, Андреев в то же время резко отмежевывался от их основных идей и нравственных идеалов. Он, как и Горький, не принимал, в основном, идей смирения, непротивления и боролся с ними. Ему было чуждо их религиозное сознание. По-своему Андреев в этот период имел полное право и основание заявить о Достоевском: «Он мне чужой».

Характерно, что даже Горького Андреев упрекнул в том, что он заставил своего героя Илью Лулева из повести «Трое» «кувыркаться перед самим собою и народом» «по образу и подобию Раскольников» (НП, 126). Андреев считал, что Горький «погубил» Илью Лулева «на интеллигентный манер — он съел всего себя без остатка, как заправский Гамлетик». «Он должен был стать силой, темной силой, так как ночью, во тьме лилии не распускаются — но не тряпкой. Свое отчаяние о жизни он должен был вылить в отчаянные формы. Он прошел полосу буржуазного благодушия; он также должен был миновать полосу интеллигентного бессилия, а не застревать в ней. Ведь от него анархистом за версту пахнет» (НП, 126), — утверждал Андреев в письме к Горькому от 30 декабря 1901 года.

Бунтарское начало стремился Андреев подчеркнуть и в «Жизни Василия Фивейского». Он переделал конец рассказа, стараясь дать «меньше слез и больше бунта». «Под самый конец, — признавался он в письме к Горькому, — Василий Фивейский распускает у меня нюни, а это не годится, и даже по отношению к этому человеку мерзко. Он должен быть сломан, но не побежден» (НП, 185). Из Достоевского Андреев в идейном плане как будто бы принял и развивал одну только тему Ивана Карамазова. В. Львов-Рогачевский так и называл Андреева «Иваном Карамазовым русской литературы»<sup>64</sup>.

Выдвигая в качестве положительного явления бунтарское начало, Андреев неминуемо должен был вступить в борьбу с идеями Достоевского и Толстого.

В 1905 году Андреев поддержал Горького, написавшего резкое открытое письмо Толстому (см. XXVIII, 357—361). «В первую минуту мне это не понравилось, — заметил Андреев по поводу письма Горького, — а потом подумал — и понравилось очень. Primo: в России и Европе ты единственный, могущий в вопросах общественности противопоставить свой авторитет авторитету Толстого. Secundo: старик нагородил много неподходящего. <...> И осадить его нужно было» (НП, 258). Но в дальнейшем резкие выступления Горького против Толстого и Достоевского стали вызывать у Андреева множество возраже-

<sup>64</sup> См.: В. Львов-Рогачевский, Иван Карамазов русской литературы, в кн.: Л.—Р.: Новейшая русская литература, изд. 3-е, М.—Л., Л. Д. Френкель, 1925, стр. 214—218.

ний. А в 1903—1904 гг. полемика между ними только еще начиналась, хотя отдельные пункты разноречий определялись уже довольно отчетливо.

«Спорили мы все чаще, все напряженнее, — вспоминал Горький. — Наиболее острым пунктом было отношение к мысли. Я чувствую себя живущим в атмосфере мысли и, видя, как много создано ею великого и величественного, — верю, что ее бессилие — временно. Может быть, я романтизирую и преувеличиваю творческую силу мысли, но это так естественно в России, где нет духовного синтеза, в стране язычески чувственной.

Леонид воспринимал мысль, как «злую шутку дьявола над человеком»; она казалась ему лживой и враждебной. Увлекая человека к пропастям необъяснимых тайн, она обманывает его, оставляя в мучительном и бессильном одиночестве пред тайнами, а сама гаснет» (НП, 373).

В воспоминаниях Горький несколько упрощенно и односторонне освещает отношение Андреева к мысли. Это определенным образом связано с общей горьковской концепцией русской литературы. Недоверие к разуму, страх перед ним Горький в тот период считал характернейшими идеями русской литературы. «Иногда мне кажется, — писал он в очерке «А. А. Блок» (1923), — что русская мысль больна страхом перед самою же собой; стремясь быть внеразумной, она не любит разума, боится его». Приведя затем в подтверждение высказывания Розанова, Л. Толстого, Достоевского, Писемского и Андреева («В разуме есть что-то от шпиона, от провокатора»), Горький отметил: «Можно набрать у русских писателей несколько десятков таких афоризмов — все они резко свидетельствуют о недоверии к силе разума» (XV, 327). Причисляя Андреева к «этой же линии идей», что Толстой и Достоевский, Горький подчеркивал его солидарность с ними и в отношении к мысли<sup>65</sup>.

Из произведений Андреева можно набрать значительное количество отдельных выдержек, в которых выражены идеи о бессилии человеческого разума. Но большей частью это идеи

---

<sup>65</sup> И в 1929 году Горький писал в статье «О мещанстве»: «Русский мещанин издревле воспитывался в недоверии к разуму и даже во вражде к нему. Об этом усердно заботилась церковь, и этому, отчасти, способствовала литература. Начиная с «Переписки» Гоголя и до наших дней, мы, среди крупнейших писателей русских, не много найдем людей, которые ценили бы творческую силу разума по его действительно грандиозным заслугам перед человечеством. Л. Н. Толстой еще в 1851 году писал в «Дневнике»: «Сознание — величайшее зло, которое только может постичь человека». Позднее, в письме к Арсеньевой, он заявил: «Ум, слишком большой, противен». Вся его моральная философия пронизана этим убеждением, отражалось оно и в его колоссальной работе художника. Достоевский тоже враждовал с разумом, гениально и ехидно раскрывая перед людьми сокрушительные силы внеразумного, силы инстинктов. Для Леонида Андреева мысль была врагом человека, причем он понимал ее как начало чувственное, как особый вид эмоции» (XXV, 22—23).

высказаны не самим Андреевым, а его литературными героями. К тому же в его произведениях можно найти и достаточно много примеров прославления мысли.

В драме «К звездам» (1905) человеческая мысль предстает не лживой, двуличной и бессильной, а сильной, смелой, не признающей никаких преград в дерзновенном стремлении раскрыть тайны мироздания. «Каких преодолеть преград не может разум!» — эти слова из стихов Тихо Браге, прочитанных астрономом Терновским, во многом определяют пафос революционной пьесы Андреева. В ней утверждается бессмертие коллективной мысли. Мысль не умирает со смертью отдельного человека, а передается из поколения в поколение. Астроном Терновский, например, поручает проверить свои наблюдения тому будущему человеку, который «должен родиться приблизительно через семьсот пятьдесят лет» (4, 228). Он уверен, что это будет сделано. И сам он проверил вычисления давно умершего астронома.

Прославление разума находим не только в художественных произведениях Андреева, но и в его прямых высказываниях и письмах. «Знаешь, что больше всего я сейчас люблю? Разум, — писал он, например, Горькому в ноябре 1904 года. — Ему честь и хвала, ему все будущее и вся моя работа. Но как его еще мало в жизни, и как он слаб, и как сильна глупость!» (НП, 236). Здесь очень ясно выражено отношение Андреева к разуму: с одной стороны, «честь и хвала» ему, с другой стороны, «как его еще мало в жизни, и как он слаб». Горький же выделил и абсолютизировал в творчестве Андреева лишь одну сторону.

Андреев видел, что выдающиеся достижения человеческой мысли нередко используются против человека (см., например, «Шалости прогресса», 6, 196—197), что мысль служит власть имущим, «сытым», для защиты и сохранения существующего несправедливого, неразумного и страшного миропорядка (Инженер и Профессор в «Царе Голоде»), отчего она стала лживой, двуличной, провокаторской. Савва, герой одноименной драмы Андреева, с болью говорит о том, что «на всей земле» «нет места для правды» (4, 275), что чистую мысль «развертели», «научили ее мошенничать, сделали ее продажной тварью, что отдается за пятак» (4, 291). Но как убежденный рационалист, он верит в разум человека. На этой вере основывается вся программа Саввы: он надеется, что люди в будущем, освободившись от всего старого, «вооруженные только разумом своим» (разрядка моя — В. Б.), «сговорятся и устроят новую жизнь, хорошую жизнь» (4, 275). Но для того, чтобы человеческая мысль восторжествовала, ее необходимо «освободить». И характерно, что Савва в экстагическом порыве вместе с возгласом «Освободить землю!» выкрикивает: «Освободить мысль!» (4, 291). Необходимо добавить, что Савва

вообще считает своей первоочередной и основной задачей борьбу не с плохими людьми, а с неразумными идеями, с человеческой глупостью. Отсюда для него врагом номер один является религия, врагом номер два — искусство<sup>66</sup>.

Обычно, когда говорится о неверии Андреева в разум, приводится в качестве очевидного доказательства этого его рассказ «Мысль». Б. Михайловский, например, писал: «Есть некоторые основания предполагать, что одним из поводов к написанию поэмы «Человек» (М. Горького — В. Б.) послужил рассказ Л. Андреева «Мысль» (1902). Андреев доказывал здесь шаткость, ненадежность человеческой мысли, отсутствие грани между разумом и безумием»<sup>67</sup>.

Однако, как уже было указано, Горький вначале очень высоко оценил «Мысль». Затем, видимо, этот рассказ стал вызывать споры. Судя по воспоминаниям Горького, Андреев сам признал, что написал по отношению к другу «полемическое произведение, да еще не попавшее в цель» (НП, 382). Суть «полемики», правда, заключалась не в отношении к мысли, а совсем в другом. «Ведь когда я писал «Мысль», — признавался Андреев Горькому, — я думал о тебе; Алексей Савелов — это ты! Там есть одна фраза: «Алексей не был талантлив» — это, может быть, нехорошо с моей стороны, но ты своим упрямством так раздражаешь меня иногда, что кажешься мне неталантливым. Это я нехорошо написал, да?» (НП, 381). Ответ Горького на это признание и заставил Андреева удостовериться в том, что его «полемическое произведение» не попало в цель: «Я успокоил его, сказав, что не считаю себя арабским конем, а только ломовой лошадью; я знаю, что обязан успехами моими не столько природной талантливости, сколько уменью работать, любви к труду» (НП, 382).

Рассказ «Мысль» был воспринят Горьким как произведение антимещанское («Пощипли «Мысль» мещанскую»). В оценке андреевского рассказа Горький был, конечно, совершенно прав. В рассказе «Мысль» с большой силой и убедительностью раскрывается внутренняя несостоятельность и гибельность буржуазного индивидуалистического сознания. Доктор Керженцев — буржуа и по духу своему, и по манере мыслить, и даже по

<sup>66</sup> При окончательной правке Андреев вычеркнул из машинописного текста после слов Саввы о необходимости «уничтожить все: старые дома, старые города, старую литературу, старое искусство» такую фразу: «Только науку уничтожать не стоит: она неизменна и явится такой же» (РО ИРЛИ, ф. 9, оп. 1, ед. хр. 17, стр. 19).

<sup>67</sup> Еще критик К. Арабажин писал о «Мысли»: «С последовательностью безжалостного пессимиста-аналитика Андреев подвергает здесь разрушающему сомнению достоверность человеческой мысли — основы жизни» (К. И. Арабажин, Леонид Андреев, Итоги творчества, СПб., «Общественная польза», 1910, стр. 18). См. также: А. Мясников, М. Горький. Очерк творчества, стр. 157—158; А. Б. Рубцов, Из истории русской драматургии конца XIX — начала XX века, Минск, 1960, стр. 152 и др.



склонностям и вкусам. Керженцев состоятельный человек. Он крепко привязан к богатству и боится потерять его. Отцовское состояние, унаследованное им, дает ему возможность наслаждаться жизнью, иметь красивые вещи, хороший стол, пить золотистое вино. Керженцев холодно расчетлив и бездушно утилитарен. Он даже людей делит на полезных и бесполезных. Себя он, конечно, причисляет к полезным: «Я был единственный человек, которого я уважал, — как же мог я рисковать отправить этого человека в каторгу, где его лишат возможности вести необходимое ему разнообразное, полное и глубокое существование! <...> Я очень удачно врачую: не нуждаясь в средствах, я лечу много бедняков. Я полезен. Наверное полезнее, чем убитый Савелов» (2, 105). К этому следует добавить, что Савелова убил он сам. В рассуждениях Керженцева есть своя «логика», но это логика буржуазного сознания в крайнем индивидуалистическом и человеконенавистническом своем проявлении. Воспользовавшись формой «письменных объяснений» самого доктора Керженцева, Андреев дал ему возможность полностью «показать себя», раскрыться изнутри. История доктора Керженцева, рассказанная им самим, является его прямым саморазоблачением.

Более всего буржуазность Керженцева проявляется именно в холодной расчетливости, крайнем эгоизме и индивидуализме. И еще, — что особенно важно, — в апологии мысли. Керженцев прославляет мысль как таковую, она должна служить только ему одному, для его личных целей, для выделения, возвеличения его среди других людей. Мысль Керженцева эгоцентрична, внесоциальна, она не оплодотворена ни высокой нравственной идеей, ни идеей общественного служения, ни идеей познания мира. Не имея точек приложения вовне, глубоко индивидуалистическая мысль Керженцева обречена на саморазрушение. Но в этом неминуемом процессе саморазрушения она становится опасной, губительной для других. Мысль Керженцева — античеловечна. Андреев вслед за Достоевским указал на огромную опасность, кроющуюся в безнравственном индивидуалистическом разуме.

В рассказе «Мысль» Андреев показал страшный процесс разрушения личности, распада сознания, утраты человеческого. Доктор Керженцев, считавший себя выше и лучше других, «стал на четвереньки и пополз» (2, 131). Крах Керженцева — это крах индивидуалиста, крах индивидуалистического сознания. Он, возомнивший себя «сверхчеловеком», которому «все можно», «наказан» примерно так же, как гордый Ларра у Горького. В конце доктора Керженцева «охватывает бешеный ужас» от «безумного одиночества», от осознания того, что ему не к чему «прилепиться со своим жалким, бессильным, до ужаса одиноким «я»» (2, 135).

Доктор Керженцев приходит к идеям о шаткости, лживости, бессилии разума. «Подлая мысль изменила мне, тому, кто так верил в нее и ее любил» (2, 134), — убеждается он. Но нет никаких оснований отождествлять взгляды Андреева с идеями доктора Керженцева. К сожалению, такая подстановка производится нередко при рассмотрении этого рассказа<sup>68</sup>. И на этом основании делается вывод о прямой полемике Андреева с Горьким в рассказе «Мысль».

Нельзя, однако, полностью отрицать в андреевском рассказе элемента полемики с Горьким. Андрееву казалось, что Горький как романтик идеализирует разум, его силу и творческие возможности, что он слишком односторонен в оценке мысли. Как вспоминал Горький, Андреев говорил ему по поводу рассказа «Призраки» (1904): «Безумный, который стучит, это — я, а деятельный Егор — ты. Тебе действительно присуще чувство уверенности в силе твоей, это и есть главный пункт твоего безумия и безумия всех подобных тебе романтиков, идеализаторов разума, оторванных мечтой своей от жизни» (НП, 382). В таком общем плане полемичными по отношению к Горькому являются и многие другие андреевские произведения, а не только рассказ «Мысль».

Спор о мысли между Горьким и Андреевым совершенно естественно перерастал в большой спор о человеке. Другим важным пунктом разногласий между ними и было отношение к человеку. «Столь же непримиримо расходились мы во взгляде на человека, источник мысли, горнило ее. Для меня человек всегда победитель, даже и смертельно раненный, умирающий. Прекрасно его стремление к самопознанию и познанию природы, и хотя жизнь его мучительна, — он все более расширяет пределы ее, создавая мыслью своей мудрую науку, чудесное искусство. Я чувствовал, что искренно и действительно люблю человека — и того, который сейчас живет и действует рядом со мною, и того, умного, доброго, сильного, который явится когда-то в будущем. Андрееву человек представлялся духовно нищим; сплетенный из непримиримых противоречий инстинкта и интеллекта, он навсегда лишен возможности достичь какой-либо внутренней гармонии. Все дела его «суета сует», тлен и самобман. А главное — он раб смерти и всю жизнь ходит на цепи ее» (НП, 373), — так охарактеризовал суть разногласий Горький.

---

<sup>68</sup> Т. К. Кулова, например, пишет: «Доктор Керженцев не заметил, что «мысль», которую он так усердно старается развенчать, — мысль догматическая, пленная, оторванная от живой действительности. По-видимому, не замечает этого и сам автор, который здесь, как и во многих других своих произведениях, не поднимается выше взглядов своего ущербного героя». (Т. К. Кулова, Творческие искания Леонида Андреева, в сб.: «Критический реализм XX века и модернизм», М., «Наука», 1967, стр. 259).

Горький обвинял Андреева в пристрастии к изображению темного, отвратительного, «скотского» в человеке. Почти через всю свою творческую жизнь Горький пронес глубокое убеждение, что «задача литературы — облагородить человека» (II, 195), «возвысить человека» над действительностью, «пробуждать в человеке гордость самим собой, говорить ему о том, что он в жизни — самое «лучшее, самое значительное, самое дорогое, святое» (XXVIII, 125). Не отвергая важности и нужности изображения «мерзостей жизни», он, однако, настаивал (в разные периоды с разной силой) на необходимости преобладания литературы, «возвышающей» человека.

Андреев видел свою задачу в разоблачении темного, злого, скотского в человеке, обычно глубоко сокрытого, притаившегося в недрах души и неожиданно вырывающегося наружу. Однако делалось это во имя Человека, во имя искоренения «нижечеловека». Андреев считал, что «хрестоматийный человек» литературы не дает возможности понять и объяснить совершаемые в жизни преступления, не дает ответа на вопрос о причинах трагического несовершенства жизни.

Спор о человеке, о принципах его изображения в литературе велся между Горьким и Андреевым постоянно с первых лет их творческой дружбы. Временами спор затухал, но затем вновь разгорался с особой силой. Острый характер полемика приобрела уже в 1904 году в связи с рассказом Андреева «Из глубины веков». Андреев, как обычно, послал рассказ Горькому. Рассказ Горькому не понравился, показался «нарочитым» и неотшлифованным. Несмотря на это, он посоветовал Андрееву после сокращения и переработки напечатать рассказ, так как считал его важным и глубоким по смыслу и очень «андреевским» по теме. Вместе с тем, Горький выступил против проявившегося в рассказе стремления «оправдать скота». Он нашел, что изображенный Андреевым «вавилонский сверхчеловек — не слишком дерзок», что в его стремлении уподобиться скоту «еще немного истинно-человеческого, тут только — «слишком человеческое» — как говорят иначе, свинское, зоологическое» (НП, 210).

Согласившись с Горьким, что рассказ неудачен, Андреев, однако, пытался возразить «по существу: превращение царя в скота и обратно это не вульгарное оправдание скотства, а, точнее, его оправдание, т. е. признание за скотством некоторой весьма даже своеобразной красоты и смысла. Разные бывают скоты, разные и герои, и в конечном предумышленном скотстве, пожалуй, больше гордости и свободы, чем в геройстве: герой может рассчитывать на сочувствие, если не современников, то потомков <...> На что может рассчитывать «скот?»» (НП, 212).

Это письмо Андреева вызвало резкий ответ Горького: «Это

так: скоты бывают разные: и бык — скот, и лев, и свинья — скотина, но в свинье я ни в телескоп, ни в микроскоп никак не мог бы усмотреть «своеобразной красоты и смысла». Ты же именно свинскому скотству апологию сочинил в письме твоём. <...> Не забывай, что в человеке скота — больше, чем человека, и что сей факт очевиден, в апологии не нуждается. <...> Тебе нужен образ одинокого, свободного и смелого человека, который отверг бы мудрость, могущество и славу во имя чего-то лучшего — надо это лучшее искать где-то в другом месте, а не в превращении в свинью. Просто — обидно слушать тебя!» (НП, 213—214).

Полемика со всей очевидностью вскрыла глубокое расхождение между Горьким и Андреевым во взгляде на человека. Андреев в споре, действительно, «сочинил» апологию «скотству». Трудно судить за неимением документальных материалов, признал ли он правоту Горького в этом споре, но рассказ «Из глубины веков», не получивший горьковского одобрения, он печатать отказался.

В 1904 году принципиальный творческий спор вызвал и другой андреевский рассказ — «Красный смех». Сделав ряд частных замечаний по стилю и композиции рассказа, Горький довольно определенно высказал и свое несогласие с андреевским творческим подходом к событиям и фактам. Он писал: «В общем я считаю рассказ чрезвычайно важным, своевременным, сильным — все это так, — но для большего впечатления необходимо оздоровить его. Факты — страшнее и значительнее твоего отношения к ним в данном случае» (НП, 243). Горький предложил Андрееву выбросить пятнадцатый отрывок, в котором герой-повествователь видит «нелепый и страшный сон», видит чудовищных уродцев-детей, убивающих «друг друга, играя». Этот сон возник у него под впечатлением увиденной на улице игры маленьких детей в войну, от которой в нем «что-то дрогнуло <...> от ужаса и отвращения» (4, 131). Горький считал, что «резче и ярче», чем кошмарный сон в пятнадцатом отрывке, могла бы подчеркнуть андреевскую мысль приклеенная к письму газетная вырезка с сообщением о том, как дети, играя в войну, на самом деле повесили своего товарища. «Подумай — дети!» — писал Горький.

Андреев обычно соглашался с замечаниями Горького. Но на этот раз он категорически отказался от каких-либо существенных переделок, не согласился выбросить пятнадцатый отрывок<sup>69</sup>, не согласился с предложением оздоровить рассказ.

<sup>69</sup> В ответ на предложение Горького Андреев писал: «Отрывок 15-й. Я боялся его рассудочности, а если он «безумен» — он, стало быть, важен для темы. О детях (вырезка) я знал раньше, и у меня есть и другие аналогичные факты, но опять-таки для темы они не имеют существенного значения. И у меня было кое-что написано по этому поводу — но я выбросил» (НП, 245).

«И на этот раз я с тобой совершенно и даже насквозь не согласен, — писал он Горькому. — 1. Оздоровить — значит уничтожить рассказ, его основную идею. Здоровая война — достояние прошлого; война сумасшедших с сумасшедшими — достояние отчасти настоящего, отчасти близкого будущего. Моя тема: безумие и ужас. «Факты важнее и значительнее твоего отношения» — совершенно не согласен. Обращение земли вокруг солнца всегда было фактом, и только различное отношение людей к нему создало историю. Факты войны всегда приблизительно одинаковы, и только отношение к ним меняется. Наконец, мое отношение — тоже факт, и весьма немаловажный» (НП, 244).

Андреев, был, конечно, по своему, прав, не соглашаясь «оздоровить» рассказ. Сила «Красного смеха» — в страстном протесте против войны, в предельно обостренном переживании «безумия и ужаса» войны, воплощенных в кошмарных картинах кровавых массовых побоищ и в обобщенно-символических образах (Красный смех). Ужасы войны в духе Гойи Андреев не выдумывал, а брал их из газетных сообщений и только обобщал, гиперболизировал, доводил до гротеска. Андреев не был на войне и, естественно, не мог показать лично пережитых реальных событий войны. Кроме того, включение реальных событий реальной войны, включение «фактов», изображенных объективно и реалистически, разрушило бы ткань этого произведения, не дало бы возможности с такой силой выразить ее основную тему — «безумие и ужас».

«Красный смех» производил на современников огромное впечатление. И Андреев, защищая рассказ, подчеркивая важность своей темы и целесообразность именно такого ее воплощения, указывал на то впечатление, которое производил рассказ на читателей: «Главное — его действие, а действие он производит желательное. Его читали средние люди, и впечатление большее и выводы такие: «стыдно в глаза смотреть, что делается на свете» и «если б я был царь, я бы после этого рассказа повесился». И вот еще что: несмотря на отсутствие в рассказе политического элемента, все убеждены в его нецензурности. Мне кажется, это свидетельствует только о силе впечатления» (НП, 245—246).

В споре между Андреевым и Горьким по поводу «Красного смеха» выявились глубокие расхождения и в самом подходе к изображению явлений реальной действительности. Андреев утверждал право писателя на выражение субъективного отношения к явлениям, на творческое преобразование фактов действительности, право на деформацию действительности и условность. Горький требовал сохранения верности фактам. В андреевском подходе он видел опасность писательского произвола и искажения реальных соотношений, реальной картины мира.

Разный подход к изображению фактов и явлений действительности вызывал споры и в дальнейшем. В воспоминаниях Горький, например, рассказал о споре, возникшем по поводу пьесы Андреева «Савва». Прототипом Саввы являлся А. Уфимцев, получивший в советское время известность как талантливый изобретатель и конструктор ветряных двигателей. В юности А. Уфимцев вместе с несколькими товарищами произвел взрыв иконы в курском Знаменском монастыре. В ночь с 7 на 8 марта икона была взорвана сконструированной Уфимцевым бомбой. Взрыв был произведен ночью, чтобы не было жертв. Но утром юноши увидели, что «среди хаоса разрушения на двух досках стояла целая и невредимая икона «знамения божьей матери». Своим взрывом наивные юноши не только не поколебали веру в чудотворность иконы, но, наоборот, укрепили ее. Ведь не могли же они знать, что у монахов имелось несколько точных копий иконы, одной из которых заменили взорванную»<sup>70</sup>.

Андреев, как мы видим, довольно верно передал в пьесе обстоятельства взрыва иконы. Но, как считал Горький, он сильно исказил облик Уфимцева. «Мне было грустно и досадно видеть, что Андреев исказил этот характер, еще не тронутый русской литературой <...> Мы поспорили, и, может быть, я несколько резко говорил о необходимости точного изображения некоторых — наиболее редких и положительных — явлений действительности» (НП, 388), — вспоминал Горький<sup>71</sup>.

За искажение фактов, реальной ситуации и облика героя Горький упрекал Андреева и по поводу рассказа «Тьма» (1907), и по поводу романа «Сашка Жегулев» (1911)<sup>72</sup>. Многочислен-

<sup>70</sup> Леонид Ган, Человек, покоривший ветер. — «Огонек», 1940, № 3, стр. 3.

<sup>71</sup> Здесь следует отметить, что в 1906 году Горький, несмотря на это, необычайно высоко оценил пьесу Андреева. «На днях Леонид придет вам свою новую пьесу, — писал Горький И. П. Ладыжникову в середине марта 1906 года. — Из его последних произведений это — самое крупное и интересное по задаче. Основная мысль должна вызвать горячие споры. Как пьеса — это гораздо выше предыдущей («К звездам» — В. Б.). Есть изумительно описанные роли — например, странник «Царь Ирод», послушник Вася. Очень хороши все монахи, и сильно сделан герой пьесы Савва. Вероятно, в России пьесу цензура не разрешит, пред Европой она может открыть много нового и глубоко интересного. Такая фигура, как Царь Ирод, это — нечто специфически русская и в то же время — общечеловеческая. Человек, живущий страданием, влюбленный в него и во Христа. Атеист Савва, герой пьесы, и этот странник — две очень большие и трагические фигуры. Думаю, что пьеса должна производить оглушающее впечатление. Везу ее с собой в Америку, где попытаюсь продать» (НП, 422—423). Со временем отношение Горького к этой пьесе, видимо, изменилось.

<sup>72</sup> Андреев утверждал: «Так или иначе все, что я пишу и думаю и чувствую, есть результат личного опыта (НП, 324). Горький не согласился с этим: «Ты ведь обманываешь себя». В 1912 году Горький уже считал, что Андреев «стал слишком литературен», что его «вдохновения» «холодны и надуманы». «Хотя эта повесть и насыщена фактами русской действитель-

ные случаи нарушения исторической правды отметил Горький и в трагедии Андреева «Самсон в оковах», написанной в 1915 году (См. НП, 358).

Глубокие и серьезные идейные и творческие разногласия между Андреевым и Горьким, особенно рельефно проявившиеся в 1903—1904 годах, не мешали, однако, развитию их дружбы и литературного сотрудничества. Современники считали их не без основания представителями одного литературного лагеря.

## 2.

В начале революции 1905 года отношения между Андреевым и Горьким, на первый взгляд, мало изменились. И в литературной и в общественной жизни они продолжали выступать вместе. Как и прежде, Горький привлекал Андреева к участию в новых революционных изданиях, с которыми сам был тесно связан (См. XXVIII, 375). Андреев числился сотрудником большевистских газет «Новая жизнь» и «Борьба»<sup>73</sup> и революционных сатирических журналов «Жупел» и «Адская почта»<sup>74</sup>. 30 июля 1905 года Горький, Андреев и Куприн выступили на организованном М. Ф. Андреевой литературно-музыкальном вечере, сбор от которого поступил в пользу Петербургского комитета РСДРП и бастующих рабочих<sup>75</sup>.

Андреев в годы революции был настроен революционно. «Вы поверите, — писал он 6 февраля 1905 года Вересаеву, — ни одной мысли в голове не осталось, кроме революции, революции, революции» (НП, 512). Андреев и сам принял определенное участие в революционных событиях. 9 июля 1906 года на массо-

---

ности, — писал Горький Андрееву по поводу романа «Сашка Жегулев», — освещение и толкование фактов совершенно литературное, то есть искусственное, не живое. Вот если бы ты взял у адвокатов, выступавших по делам об экспроприациях, ну, хоть уральских, обвинительные акты, а еще лучше — следственные производства, да прочитал их, ну, тогда еще можно говорить о «личном опыте». Из этих документов ты увидел бы, как неестественна у тебя вся обстановка Сашкиной жизни и как излишни Гнедые. Сейчас со мною живет лицо, знавшее Савицкого (в романе «Сашка Жегулев» Андреев использовал отдельные факты из биографии известного экспроприатора А. И. Савицкого — В. Б.) гимназистом и следившего за его деятельностью, конечно, единичные показания недорого стоят, ввиду их субъективности, но, все же, с действительностью надо бы обращаться более серьезно, чем это допускаешь ты» (НП, 328).

<sup>73</sup> См.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 1, 1868—1907, М., изд. АН СССР, 1958, стр. 562.

<sup>74</sup> См.: З. М. Карасик, М. Горький и сатирические журналы «Жупел» и «Адская почта», в сб.: «М. Горький в эпоху революции 1905—1907 годов. Материалы, воспоминания, исследования», М., изд. АН СССР, 1957, стр. 376. См. также: С. В. Смирнов, М. Горький и журналистика конца XIX — начала XX вв., стр. 161.

<sup>75</sup> См.: Летопись жизни и творчества А. М. Горького, вып. 1, стр. 542.

вом митинге в Гельсингфорсе, организованном руководством Красной гвардии, Андреев прямо призывал к свержению самодержавия<sup>76</sup>. Андреев сочувственно относился к социал-демократам, был лично знаком со многими видными деятелями партии. Социал-демократов он считал наиболее сильной и революционной партией в России. Революционность Андреева, его искреннее стремление содействовать успеху революции, его ненависть к самодержавию и буржуазии, способствовали в этот период сближению с Горьким.

Однако, именно в период революции началось настоящее размежевание писателей. К 1905 году Горький почти полностью преодолел общедемократические колебания. Во второй половине 1905 года он вступил в партию. В своей общественной и литературной деятельности он теперь полностью руководствовался интересами партии. Андреев же продолжал оставаться на общедемократических позициях. Дальше выражения сочувствия социал-демократам он не пошел. По-прежнему он тяготел к духовному анархизму и даже резче, чем прежде, стал выступать в защиту «свободы творчества» и «внепартийности». Принципиальная партийная позиция была ему неприемлема и враждебна, казалась слишком прямолинейной, узкой, догматической, мешающей художественному творчеству.

8 августа 1905 года Андреев, например, предостерегал А. С. Серафимовича: «К суждениям Максимыча относись с осторожностью: он стал очень прямолинеен и в некотором отношении фанатичен» (НП, 513). А в конце января 1906 года в письме к Г. И. Чулкову он еще более резко характеризует позицию Горького: «Какими иногда рабами самих себя, рабами слов и названий кажутся мне и Брюсов с В. Ивановым, с одной стороны, и Горький — с другой. И какие это прилежные и старательные рабы!» (НП, 517). Иногда у Андреева, правда, возникали сомнения в правильности своей позиции. Он начинал ощущать свою одинокость, несвязанность с борющимися силами революции. Отказываясь сотрудничать в журнале «Красное знамя», Андреев писал 22 марта 1906 года А. В. Амфитеатрову: «Горький сам — Красное знамя, а я — Красный смех, нечто в политическом смысле никакого значения не имеющее. Правда, по существу моей литературной деятельности — я революционер — но это не то революционерство, которое требуется ма-

<sup>76</sup> См.: Ю. С. Пухов, Л. Андреев и Скиталец в революции 1905—1907 годов (По документам Департамента полиции), в сб.: «Революция 1905 года и русская литература», М.—Л., изд. АН СССР, 1956, стр. 422—424. В дополнение можно привести свидетельство В. Смирнова: «Во время самого митинга была получена телеграмма о разгоне царем Государственной думы. На трибуну поднялся взволнованный писатель Леонид Андреев со словами: «Виселица Николаю II». Так начал он свою ультрареволюционную речь» (В. Смирнов, Из революционной истории Финляндии 1905, 1917, 1918 гг., Ленинградское областное издательство, 1933, стр. 49).



ментом. <...> Нужна программа, нужна определенность, нужна наглость, а ничего этого у меня нет. Я даже ни к какой партии не принадлежу» (НП, 518).

Летом 1905 года Андреев почувствовал, что и отношение Горького к нему значительно изменилось. 28 декабря 1905 года он пишет Горькому «о странном характере наших с тобою отношений за последнее время — в Финляндии» (НП, 264). Сомневаясь в органичности дружбы Горького, Андреев и раньше не раз «выяснял отношения», а Горький обычно успокаивал друга. И на этот раз Горький пытается успокоить Андреева, но делает это уже не столь определенно: «Расходиться нам не следует, ибо оба мы друг для друга можем быть весьма полезны — не говоря о приятном. Почему изменились твои отношения ко мне — не ведаю, а за себя могу, по правде, сказать вот что: сумма моих отношений к тебе есть нечто очень твердое и определенное, эта сумма не изменяется ни количественно, ни качественно, она лишь перемещается внутри моего «я» — понятно?» (НП, 265).

Но далее в том же письме (март 1906 г.) Горький очень ясно указывает на суть разногласий. Если в 1902 году «анархизм» Андреева оценивался Горьким только положительно, то с 1905—1906 гг. — только отрицательно. «Судишь ты обо мне не очень глубокомысленно, — писал Горький. — Я социал-демократ, потому что я — революционер, а социал-демократическое учение — суть наиболее революционное. Ты скажешь — «казарма»! Мой друг — во всякой философии — важна часть критическая, часть же положительная — даже не всегда интересна, не только что важна. Анархизм — нечто очень уж примитивное» (НП, 265).

Как мы видим, различие позиций понималось обоими писателями совершенно отчетливо. Но это еще не привело к существенному ухудшению личных отношений. «Я далек от тебя, как негр от английского лорда, — ты прав! — но я тебя люблю, как индеец ночь своих степей, заманчивую тьму простора их» (НП, 286), — полушутливо-полусерьезно писал Горький Андрееву осенью 1906 года. Оба писателя с живым интересом продолжали следить за творчеством друг друга. Горький по-прежнему необщественно высоко ценил талант Андреева. «Савва», «Жизнь человека», «Елеазар» явились для Горького ярким подтверждением талантливости Андреева, художественной глубины и значительности его творчества. Указывая на большое идейно-художественное значение творчества Андреева, Горький подчеркивал, что он «писатель не современный», что его «будут не только читать, но и изучать» (НП, 279).

Вместе с тем, Горький упрекал Андреева в излишней торопливости, являющейся для него признаком неуважения к своему таланту. Ознакомившись с «Жизнью человека» Андреева, Горь-

кий написал ему: «Будь я критиком, я написал бы статью о тебе, начав ее так:

«Для меня несомненно, что Л. Андреев в данное время является самым интересным писателем Европы и Америки, и я думаю, что он в то же время самый талантливый писатель двух частей света». Я без особенных усилий доказал бы это положение путем сравнения и посредством указания на широту захвата твоей мыслью количества явлений и идей.

Затем я сказал бы:

«Каждое его новое произведение есть более или менее крупный шаг вперед в области формы и содержания, вперед по пути к новому и свободному, но он торопится, и шаги его неровны»» (НП, 278).

Особенно интересен и важен в связи с общей оценкой андреевского творчества отзыв Горького о «Жизни человека»: ««Жизнь человека» — это превосходно как попытка создать новую форму драмы. Я думаю, что из всех попыток в этом роде — твоя, по совести, наиболее удачна. Ты, мне кажется, взял форму древней мистерии, но выбросил из мистерии героев, и это вышло дьявольски интересно, оригинально. Местами, как, например, в описании друзей и врагов человека, ты вводишь простоту и наивность лубка — это тоже твое и это — тоже хорошо. Язык этой вещи — лучшее, что когда-либо тебе удавалось» (НП, 278).

Горький признал плодотворным андреевский принцип, метод изображения действительности. Форма андреевской пьесы казалась ему очень оригинальной, новаторской и значительной («Все написанное слишком значительно по форме»).

Однако, Горький считал, что Андреев поторопился, что он «мог бы написать эту очень крупную вещь лучше, чем написал» (НП, 279). Основной недостаток он видел в том, что Человек вышел незначительным, что недостаточно полно показана его жизнь. По мнению Горького, Андреев «слишком оголил» своего Человека, «отдалив его от действительности, и тем лишил его трагизма, плоти, крови». «В жизни твоего Человека, — писал Горький, — почти нет человеческой жизни, а то, что есть — слишком условно, не реально. Человек поэтому вышел очень незначителен — ниже и слабее, чем он есть в действительности, менее интересен. Человек, который так великолепно говорил с Ним, не может жить такой пустой жизнью, как он живет у тебя — его существование трагичнее, количество драм в его жизни — больше. <...> Ты скажешь — не хочу реальности! Пойми, говорю не о форме, а о содержании, оно не может не быть не реальным, надеюсь это не требует доказательств» (НП, 278).

Горьковский отзыв о «Жизни человека» довольно противоречив из-за механического разграничения формы и содержания.

Признав правомерность и плодотворность формы андреевской пьесы, Горький потребовал более реального содержания. Но более реальное содержание нарушило бы условный принцип изображения действительности. Житейская и психологическая конкретизация привела бы к вторжению огромного материала, и стало бы невозможно показать жизнь человека в одной пьесе. Между «простотой и наивностью лубка», условностью формы и условностью содержания существовала прямая взаимозависимость.

Требование реальности и житейской конкретизации содержалось и во всех частных замечаниях Горького. «Его — твоего героя — отношение к жене — буколичное, не семейственное. С женами не живут всю жизнь как с друзьями, это ты прикрасил — зачем?» (НП, 278), — спрашивал, например Горький. Андреев, действительно, представил некий «идеальный» вариант супружества. А в картине «Любовь и бедность» он нарисовал полную семейную идиллию. Но показать более «семейственное» отношение к жене он не мог, не нарушив общего строя произведения.

В своем отзыве о «Жизни человека» Горький почти ничего не пишет об идейно-философской концепции пьесы, которая многими была признана наиболее мрачным, беспросветно пессимистическим и «декадентским» произведением Андреева. Судя по отзыву, основная философская идея пьесы не была ему совершенно чужда. Горький, в отличие от многих, понял андреевский замысел — показать непреклонность человека перед лицом каменного Некого в сером («Человек, который так великолепно говорил с Ним»). Думается, что эта мысль была даже близка Горькому. Во всяком случае в письме к Андрееву от 20 мая 1904 года он высказал очень близкую мысль о «гордом упрямстве» человека, который «стоит между двух бездонных ям — рождение, смерть» и «мужественно сознает конечность свою и всего окружающего» (НП, 214), но борется, строит, создает.

По-другому оценил Горький рассказ Андреева «Елеазар» (1906). Именно философская идея рассказа была ему чужда, неприемлема. «И снова скажу, — писал Горький о рассказе «Елеазар», — это, на мой взгляд, лучшее из всего, что было написано о смерти во всемирной литературе. Мне кажется даже, что ты как бы приблизился и приближаешь людей к неразрешимой загадке, не разрешая ее, но страшно, близко знакомя с нею. Ее чувствуешь — спокойную, темную, великую своим спокойствием — это удивительно и хорошо. Превосходно выдержан стиль. Вообще — как литература, как произведение искусства — эта вещь дает мне огромное наслаждение и вызывает радость на тебя — молодчина ты! Как философия — это для меня неприемлемо. Я заражен жизнью и силами ее лет на

шестьсот и — чем дальше — тем более оптимистично смотрю на жизнь <...> Но философия твоего рассказа тонет в красоте его формы» (НП, 286).

В рассказе «Елеазар» смерть побеждает жизнь. Елеазар, пробывший «три дня и три ночи <...> под загадочною властью смерти» и чудесно воскресший, внушает всем людям ужас. Все люди, которые сталкивались с ним и смотрели ему в глаза, теряли вкус к жизни, к ее красоте и радостям, они проникались сознанием бессельности и бессмысленности земного бытия. И только император Август сумел противостоять мертвящему взору Елеазара, ибо он «вспомнил о народе, щитом которого он призван быть, и острой спасительной болью пронизалось его омертвевшее сердце. «Обреченные на гибель», — с тоскою подумал он; «светлые тени во мраке бесконечного», — с ужасом подумал он; «хрупкие сосуды с живою, волнующейся кровью, с сердцем, знающим скорбь и великую радость», — с нежностью подумал он.

И так размышляя и чувствуя, склоняя весы то на сторону жизни, то на сторону смерти, он медленно вернулся к жизни, чтобы в страданиях и радости ее найти защиту против мрака пустоты и ужаса Бесконечного» (3, 103—104). «Побежденный, но не убитый» Август приказал выжечь глаза Елеазару, чтобы не отвращал он людей от жизни.

Мысль Андреева ясна: только такое великое дело, как защита народного блага, способно дать полную силу, твердость и мужество противостоять Смерти. Подлинную волю к жизни дает любовь к людям. Август осознал трагизм бытия, осознал губительную силу Смерти, но он восстал против нее, «вернулся к жизни», потому что думал не только о себе, потому что чувствовал свою ответственность и долг перед народом. В рассказе «Елеазар» нет прославления смерти<sup>77</sup>. Андреев по-своему даже утверждает жизнь и ее права. Но жизнь слаба и беззащитна перед «черной утробой бесконечного», она страшно мала перед той «великой тьмой» и «великой пустотой», «что объемлет мироздание». «И, объятый пустотой и мраком, безнадежно трепетал Человек перед ужасом Бесконечного» (3,93), — это ощущение пронизывает весь рассказ Андреева.

В рассказе «Елеазар», пожалуй, наиболее отчетливо проявился «космический пессимизм» Андреева. «Именно вот этот космический пессимизм является тем новым, что Л. Андреев внес от себя в обиход русской литературы и чем, на время, даже

<sup>77</sup> Критик М. Морозов справедливо указал, что Андреев в этом рассказе «резко и определенно расходится» с теми, «кто как бы старается снова вставить Елеазару глаза и сделать их очаровательными или страшными». М. Морозов даже нашел, что в лице Августа «жизнь побеждает смерть», что в «мрачном «Елеазаре» Леонид Андреев неожиданно раскрыл накопленные карты своего пессимизма» (М. Морозов, Очерки новейшей литературы, СПб., «Прометей», 1911, стр. 70).

отодвинул в сторону пессимизм социальный» (НП, 403), — писал Горький в 1925 году в предисловии к американскому изданию романа «Сашка Жегулев». Горький считал, что космический пессимизм является «такой же излишней роскошью, как чугунная шляпа весом в шестнадцать килограммов» (НП, 403). «Космический пессимизм» Андреева был неприемлем ему уже и в 1906 году. Однако, не принимая «философию» андреевского рассказа, он в этот период не отвергал еще рассказ полностью и признавал его большие художественные достоинства. Примерно такое же отношение к андреевским произведениям характерно для Горького до конца 1907 года.

Андреев, в свою очередь, тоже очень высоко оценивал художественную работу Горького. «Прочел здесь все вещи Максима, — сообщал Андреев Пятницкому из Берлина 5 сентября 1906 года. — От американских очерков в восторге: сильно, красиво, жестоко. Хорошо! Интервью же — в общем слабы. Хороша «Франция» (памфлет М. Горького «Прекрасная Франция» — В. Б.), недурно «Король республики» («Вильгельма» не читал) и совсем плохо «Хозяева жизни», «Жрец морали» и «Русский царь»» (НП, 520).

Совершенно не случайно Андреев выделил как наиболее сильные и значительные произведения американские очерки Горького. Очерки «В Америке» были во многом родственны автору «Царя Голода» и «Проклятия зверя» (1907)<sup>78</sup>. Думается, что должна была быть близка Андрееву и образная система очерков. Обобщенно-символические и гротескные образы «Города Желтого Дьявола» напоминают образы «Красного смеха», «Жизни человека» и, особенно, «Царя Голода».

В капиталистическом Нью-Йорке, в этом «городе-чудовище» Горький не отметил ничего светлого, в нем все страшно, уродливо, фантастически-кошмарно. Даже «огонь — свободная стихия, гордое дитя солнца» несет здесь «жалкую службу провокатора, лакея рекламы» (УП, 18). Люди в этом «Городе Желтого Дьявола» «так ничтожны, так поработены». Они полностью обезличены, стали «ничтожными винтами», «слепыми орудиями», частями чудовищного механизма, они «спокойно переносят все, что убивает человека» (УП, 12). Горький с болью и гневом раскрывает трагизм жизни миллионов людей: «никто из них не чувствует несчастья быть рабом жизни, пищей города-чудовища» (УП, 10). «О людях — страшно и больно говорить» (УП, 11), — пишет Горький. Андрееву, несомненно, был близок трагический тон горьковских очерков.

<sup>78</sup> К. Д. Муратова отметила уже, что ««Проклятие зверя» носит следы <...> влияния» зарубежных памфлетов Горького (К. Д. Муратова, Максим Горький и Леонид Андреев, стр. 29). В «Проклятии зверя» Андреева можно точнее указать на влияние всех очерков Горького «В Америке» и, прежде всего, очерка «Царство скуки».

В своих очерках Горький не показал сознательных, передовых рабочих, не показал революционных сил Америки. Он показал лишь дикую, злобную, кровожадную толпу («Мов»). Чувства социального протеста в нищих кварталах Ист-Сайда рождают идеи мести и разрушения. Писатель останавливает внимание на юноше — у фонаря, который «время от времени встряхивает головой, крепко стиснув голодные зубы». «Мне кажется, — пишет Горький, — я понимаю, о чем он думает, чего он хочет, — иметь огромные руки страшной силы и крылья за спиной он хочет, мне кажется. Это для того, чтобы однажды днем подняться над городом, опустить в него руки, как два стальных рычага, и смешать в нем все в груды мусора и праха — кирпич и жемчуг, золото и мясо рабов, стекло и миллионеров, грязь, идиотов, храмы, деревья, отравленные грязью, и эти глупые, многоэтажные «скребницы неба», все, весь город — в кучу, в тесто из грязи и крови людей — в скверный хаос. Это страшное желание естественно в мозгу юноши, как нарыв на теле худосочного. Где много работы рабов, там не может быть места для свободной, творческой мысли, там могут цвести только идеи разрушения, ядовитые цветы мести, буйный протест животного» (УП, 15).

Читая этот отрывок, вспоминается «Савва» Андреева, вспоминается рабочий из «Царя Голода», который угрожающе поднимает свой молот: «А иначе я возьму мой молот и расколю эту землю, как пустой орех» (5, 201). Идеи мести и разрушения поднимают на бунт голодных в «Царе Голоде». И в «Царе Голоде» рабочие показаны как «части машин», как «пища машин». «Угрюмо-бесстрастные» машины «налегли грудью на людей и дают их своею колоссальною тяжестью. И столбы, подпирающие их, похожи на лапы чудовищных зверей, и их черные грозные массы — на тела животных, на исполинских птиц с распростертыми крыльями, на амфибий, на химер. <...> И как маленькие черные тени копошатся внизу люди. Суетливости нет в их движениях, нет живой и порывистой свободы жеста. И говорят и движутся они размеренно и механично, в ритме молотов и работающих машин; и когда кто-нибудь вдруг выступает отдельно, то кажется, что это откололась частица черной машины, странного сооружения, похожего на неведомое чудовище» (5, 197), — так описывает Андреев «внутренность завода». И у Горького железные суда предстают «как допотопные чудовища», «режут сирены подобно голосам сказочных гигантов», а «человек — ничтожный винт, невидимая точка среди уродливых, грязных сплетений железа» (УП, 7--8).

В очерках Горького «В Америке» и в «Царе Голоде» Андреева можно обнаружить не только некоторые моменты идейного сходства, но и — что более важно — определенную однотипность в самой структуре образов, в их организации. И для

Горького, и для Андреева (не только в «Царе Голоде», но и в «Жизни Человека») характерно стремление к предельному обобщению и обнажению явлений действительности, к выявлению «сущностей», «сгустков жизни». Конкретное многообразие живой жизни приносится в жертву для постижения общих закономерностей. В самом начале очерка «Город Желтого Дьявола» Горький отмечает: «Все стонет, воет, скрежещет, повинувшись воле какой-то тайной силы, враждебной человеку» (VII, 8). В дальнейшем автор прямо называет ту силу, которая движет в этом страшном городе людьми и железом: «где-то в центре города вертится со сладострастным визгом и ужасающей быстротой большой ком золота, он распыливает по всем улицам мелкие пылинки, и целый день люди жадно ловят, ищут, хватают их. Но вот наступает вечер, ком Золота начинает вертеться в противоположную сторону, образуя холодный, огненный вихрь, и втягивает в него людей затем, чтобы они отдали назад золотую пыль, пойманную днем. <...> Ком Золота — сердце города. В его биении — вся жизнь, в росте его объема — весь смысл ее» (УП, 17). Здесь правит всем Желтый Дьявол. Для него люди являются только «рудой, из которой он неустанно плавит Золото, свою плоть и кровь» (УП, 17).

Желтый Дьявол — не символ, не аллегория, не карикатура, а обобщенное выражение сути социальных отношений, той «тайной силы», что правит всем. Точно так же и андреевский Некто в сером, как мне уже приходилось писать<sup>79</sup>, — не символ, не аллегория, а обобщенное выражение той силы, которая находится вне человека, но определенным образом влияет на его жизнь, «ведет» его. Тем же методом абстрагирования созданы Человек Горького, Человек и Царь Голод Андреева. В обобщенных образах выделяются и резко подчеркиваются лишь отдельные, наиболее существенные черты и признаки. В этой однотипности структуры образов не следует искать прямых художественных влияний. Почти невозможно, видимо, сейчас определить, кто на кого влиял: Горький на Андреева, или Андреев на Горького. В методе абстрагирования, изображения «сущностей» проявился определенный и особый тип художественного мышления эпохи. Основная на этом типе мышления художественная система получила свое дальнейшее развитие в творчестве Маяковского, Брехта и многих других представителей искусства XX века.

Горький и Андреев при всех идеологических расхождениях и творческих различиях, были крупнейшими писателями одной эпохи, и в их художественных поисках не могло не быть совпадений, близости, общности. Здесь уместно будет сослаться на самого Горького. Назвав себя в письме к И. А. Груздеву от

---

<sup>79</sup> См. мою статью «А. Чехов и Леонид Андреев», стр. 218.

23 декабря 1927 года «типичным русским литератором XX века», Горький пояснил: «Именуя себя самого «типичным», я титул этот отношу также и к бывшим товарищам моим: Андрееву, Арцыбашеву, Бунину, Куприну и еще многим. Пора отметить, что во всех нас было и есть нечто общее, не идеологически, разумеется, а — эмоционально. Догадаться о том, что именно было это, я представляю критикам. Писатели, названные выше, по достоинству их еще не оценены, а — пора сделать это на пользу и поучение современным молодым литераторам»<sup>80</sup>.

Рассматривая андреевские оценки, которые он давал произведениям Горького, мы видим в них не столько проявление вкуса, сколько выражение определенных идейно-творческих установок. Ему не понравились и даже показались слабыми «Мои интервью» — прямые политические карикатуры с их подчеркнутой тенденциозностью. Политическая тенденциозность и партийность «Врагов» Горького определили и соответствующую оценку Андреева: ««Враги», конечно, плохо» (НП, 522).

Неожиданной в этой связи может, на первый взгляд, показаться оценка романа «Мать». «Написал Алексей большую вещь: «Мать», — писал Андреев Е. Чирикову 10 января 1907 года. — Первая часть великолепна, единственное в своем роде; вторая — слабо. А в общем — значительно. Точно сам народ заговорил о революции большими, тяжелыми, жестоко выстраданными словами» (НП, 522). В «великолепной» первой части романа Горьким показана тяжелая жизнь рабочей слободки, пробуждение и рост революционного сознания в народе.

Роман Горького «Мать» для Андреева — глубоко и подлинно народное произведение, правдивый рассказ о жизни и борьбе народа. Андреев, как и ранее, любил и ценил Горького как революционного писателя — «буреглашатая», как писателя-демократа — выразителя революционных устремлений народа.

Следует отметить, что Андреев позже и публично высказал свое положительное отношение к роману Горького «Мать». В интервью для газеты «Русь» (1908, № 57, 27 февраля) он говорил о том, «что этот роман очень ценный и высокохудожественно написанный», что «критика не сумела его оценить», что «к нему еще вернуться в будущем» (НП, 527). В литературно-общественной борьбе периода начинающейся реакции сам факт положительной оценки романа Горького «Мать» имел важное значение и прояснял позицию Андреева. Литературно-общественный (и политический) смысл андреевского отзыва станет для нас очевидным, если мы вспомним, что он был высказан уже после появления статьи Д. В. Философова «Конец Горького», в которой утверждалось, что Горький погубил свой талант, став социалистом. Для обоснования своего мнения о «па-

<sup>80</sup> Переписка А. М. Горького с И. А. Груздевым, «Архив А. М. Горького», т. XI, М., «Наука», 1966, стр. 158.



дении» Горького, о «калечении» «Горького-художника — Горьким-социал-демократом»<sup>81</sup> Философов сослался на последние его произведения — «Варвары», «Враги», «В Америке», «Мои интервью» и т. д.<sup>82</sup> Но наиболее сильному «критическому обстрелу» были подвергнуты им памфлет «Прекрасная Франция» и очерки «В Америке», то есть именно те произведения, которые, как мы видели, были высоко оценены Андреевым.

В развернувшейся общественно-политической и литературной борьбе вокруг социалистических произведений пролетарского писателя Андреев неуклонно становился на сторону Горького. И в дальнейшем, даже после разрыва с Горьким, он решительно отмежевался от тех, кто рьяно твердили о «конце Горького» (см. НП, 531). Свое отношение к «социализму» Горького Андреев хорошо выразил в письме к нему от 13 августа 1907 года: «Отношусь я к тебе с великой любовью, с великой дружбой; понимаю тебя, как очень немногие; и быть может, среди всей русской пишущей братии, и не пишущей братии, один только я, твой друг и верный союзник, верно оцениваю твоё положение, твой теперешний status. И то, что здесь считается твоим падением («социал-демократ, увлекается политикой и оттого талант падает»), один только я верно оцениваю как новый подъем на новую огромную, небывалую высоту. И это понятно: когда люди стоят вверх ногами, небо кажется им ямой и полет — падением. Еще больше скажу тебе: едва ли есть в России, а быть может и в мире, человек, чей дух стоял бы так высоко, как твой. И если теперешние писания твои не удаются тебе и еще долго не будут удаваться, то причина — в новизне и гениальности твоего нового, теперешнего, мироощущения, мирочувствования» (НП, 289—290).

В декабре 1906 года после смерти жены Андреев по приглашению Горького поселился на острове Капри. Почти полгода писатели прожили рядом. Совместно они обсуждали новые творческие планы и начинания, читали друг другу свои произведения. На Капри Андреев написал повесть «Иуда Искариот», а также задумал и начал ряд новых крупных произведений. Горький считал, что на Капри повестью «Иуда Искариот» Андреев «начал один из наиболее плодотворных периодов своего творчества» (НП, 390). Творческая активность писателя была вызвана стремлением в лихорадочной работе заглушить горе от смерти жены. Благоприятную роль, несомненно, сыграло также каждодневное творческое общение с Горьким.

Новые творческие начинания Андреева, в основном, получали одобрение Горького, хотя большинство из них вызывало горячие споры. Спорили они и по поводу «Иуды Искариота». «Лео-

<sup>81</sup> Д. В. Философов, Конец Горького. — «Русская мысль», 1907, № 4, стр. 127.

<sup>82</sup> Там же, стр. 122.

нид написал рассказ «Иуда Искарriot и другие» — два дня мы с ним говорили по этому поводу, чуть не до сумасшествия, теперь он переписывает снова. Вещь, которая будет понята немногими и сделает сильный шум» (НП, 424), — писал, например, Горький Е. П. Пешковой.

Повесть Андреева была в то время в целом одобрена Горьким. «Я кончаю вчерне «Иуду Искарriота», — сообщал Андреев Чирикову 8 февраля 1907 года, — вещь, за которую будут ругать справа и слева, сверху и снизу. Горький говорит, что вещь большая, но я этого не думаю, так как просто знаю, что нет. Алексей же просто увлекается. Господи! до чего искренне и горячо любит он литературу, до чего мало он себялюбив в этих случаях» (НП, 522).

Однако, несмотря на тесное творческое общение, прежней близости между писателями уже не было. Находясь после смерти жены в крайне мрачном состоянии духа, Андреев искал у друга простого человеческого сочувствия и поддержки. Но Горький был очень сдержан и сух в выражении чувств. Андреев хотел говорить «по душам», хотел говорить о себе, о своем горе, а Горький переводил разговор на литературу. Андреева это сильно обижало, и он замыкался в себе. На Капри Андреева не покидали чувства одиночества и тоски по России. В письмах к Серафимовичу, Вересаеву и Чирикову он жаловался на то, что Горький сильно «сузился», что «за сверх- или поверх-человеческим просто человеческое от него ускользает» (НП, 523).

«Скучновато без людей, — писал он, например, Чирикову. — Горький очень милый, и любит меня, и я очень люблю — но от жизни, простой жизни с ее болями он так же далек, как картинная галерея какая-нибудь. Во всяком случае, с ним мне приятно — хоть часть души находит удовлетворение. Занятный человек и Пятницкий, но сблизиться с ним невозможно. Остальное же, что вокруг Горького, только раздражает. <...> И уютно у них. Придешь иной раз вечером — и вдруг назад, на пустую виллу потянет»<sup>83</sup>.

Не было полного согласия между писателями и в оценке современной литературы. Оба они отрицательно относились к произведениям Арцыбашева, Ан. Каменского и М. Кузмина с их «проблемами пола», но резко расходились в оценке творчества ряда символистов и, прежде всего, А. Блока. Именно на этой почве произошло между Андреевым и Горьким первое крупное столкновение на пути к полному разрыву.

На Капри Андреев стал убеждать Горького и Пятницкого провести значительную реорганизацию сборников «Знания», к которому заметно понизился интерес читателей. Он уговаривал руководителей издательства повысить требовательность к худо-

<sup>83</sup> РО ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Собрание отдельных поступлений, 43/35.

жественному уровню публикуемых в сборниках произведений, советовал привлечь новых талантливых сотрудников.

Как вспоминал В. Десницкий, «Л. Андреев даже с некоторым, обычно чуждым ему, ехидным торжеством указывал М. Горькому, что лучшие писатели уходят из сборников «Знания», а те, которые остались, и новые — малоталантливы, скучны, жуют, говорил он, надоедливую жвачку непереваренного быта. «Ты непоседователен, Алексей, — упрекал Л. Андреев Горького, — говоришь о культуре, о необходимости таланта для писателя, а терпишь вокруг себя каких-то пошехонцов»... И не без остремия высмеивал «знаньевцев», вызывая нередко улыбку и у Алексея Максимовича. «Посмотри, сколько талантливых людей среди символистов... А культура, с которой ты носишься всегда? У них же, а не у твоих союзников. И пишут твои реалисты не пером, а поленом, дубиной нестроганной»<sup>84</sup>.

Дела у издательства «Знание», действительно, стали идти все хуже и хуже. Горький сознавал, что Андреев, критикуя сборники «Знания», во многом прав. И Горький и Пятницкий предложили самому Андрееву взять на себя обязанности редактора сборников. Андреев согласился.

В письмах к близким писателям он наметил широкую программу действий по обновлению сборников и горячо убеждал их не соглашаться на предложения только что организованного издательства «Шиповник», которое очень активно стало переманивать к себе ценных сотрудников. Чирикову он, например, писал: «И согласился я с тем, чтобы ведение сборников сделать нашим общим делом, твоим, Зайцевским, Серафимычевым (А. С. Серафимовича — В. Б.) и т. д. Сообща, я убежден, мы двинем это дело вперед, и не только вернемся к достоинствам первых сборников, но перешеголяем их. Все малоценное выбросим к черту, подберем новых ценных сотрудников, реформируем и внешность — одним словом, создадим то, что называется «своим журналом». Будут у нас и собрания и все. И уже в денежном отношении ты получишь больше, чем в «Шиповнике» или где бы то ни было. Таких гонораров, как у «Знания», никакого другое издательство долго не выдержит»<sup>85</sup>.

---

<sup>84</sup> В. Десницкий, Максим Горький в борьбе за идейность и партийность литературы в годы реакции. — «Звезда», 1946, № 9, стр. 187.

Говоря о недостатках сборников «Знания», Андреев выступал не только лично от своего имени, но и от имени Чирикова и некоторых других демократических писателей, которые писали ему о неблагополучии в издательстве «Знание». «Совершенно согласный с тобой, — писал Андреев Чирикову 10 января 1907 года, — что дело там последнее время ведется плохо, я высказал это и от лица своего, и от тебя (ты не сердись за это?), и от лица других товарищей Горькому и Пятницкому» (РО ГПБ, Собрание отдельных поступлений, 43/35).

<sup>85</sup> РО ГПБ, Собрание отдельных поступлений, 45/35.

Реорганизацию сборников «Знания» Андреев предполагал провести на широкой демократической основе, отказавшись от «генеральства» и от тенденциозности. «Единственное обязательное условие, — писал он В. В. Муйжелю, предлагая ему принять участие в новых сборниках, — вещь должна быть художественна. Делаю это напоминание <...>, потому что некоторые из товарищей писателей считают сборники «Знания» тенденциозными» (НП, 523).

Вернувшись в Россию, Андреев сразу же приступил к сбору материалов для сборника. Но желая уточнить свои редакторские права по выбору новых сотрудников, он предварительно обратился 22 июля 1907 года к Горькому: «Нужно собирать материал для сборника, вообще начать редактировать. Нужно приглашать новых (на одних старых никуда не уедешь, жизнь уходит от них), а я и не знаю, насколько в этом случае я могу быть самостоятелен. По-моему, например, необходимо пригласить теперь же: Блока, Сологуба, Ауслендера, еще кой-кого. Как бы не вышло у нас недоразумений? Вообще, веришь ли ты, что я не подведу? Выбор материала будет у меня параллелен моей собственной работе: «буду помещать только то, что ведет к освобождению человека». Точнее формулировать трудно, ибо все в конце концов дело такта и понимания» (НП, 284).

Горький возразил против приглашения Блока и Сологуба, необычайно резко охарактеризовав их (См. НП, 287—288). Он писал Андрееву: «Сборники «Знания» — сборники литературы демократической и для демократии — только с ней и ее силою человек будет освобожден. Истинный, достойный человека индивидуализм, способный освободить личность от зависимости и плена общества, государства, будет достигнут лишь через социализм, то есть через демократию. Ей-то и должны мы служить, вооружая ее нашей дерзостью думать обо всем без страха, говорить без боязни.

Указанные тобою Сологуб и Блок — боятся своего воображения, стоят на коленях перед своим страхом — куда уж им человека освободить» (НП, 288).

В ответном письме от 13 августа 1907 года Андреев от редакторства отказался. «И причина, — как писал он, — в различном отношении нашем к писателям и более того — в различном отношении к самой задаче сборников. <...> В оценке Блока, Сологуба и прочих «декадентов» я в значительной степени, как ты знаешь, согласен с тобой. Расходясь с тобою (частью) в оценке их таланта (Блока, например, я считаю талантливый весьма), в одном, и самом главном, я подаю тебе руку: все они недемократичны. <...> И если бы я вздумал издавать журнал или книги для народа, для масс, — они были бы последними, кого я мог бы пригласить. Но в такой журнал я не пригласил бы и Андреева Леонида — ибо как он ни демо-

кратичен по существу своему, — по форме писаний, по темам своим, по направлению мысли он так же далек от народа, как и они. Разве демократичен «Елеазар» или «Жизнь человека», или даже пресловутый «Красный смех»? Отнюдь. И недаром пишет Львов о рабочих, которые негодовали, читая мою «Жизнь человека»<sup>86</sup>, и еще, вероятно, более негодовали, читая «Елеазара».

Но если принять другую задачу, ту, которую я хотел поставить и для сборников «Знания», то станет все по-другому. Задача же эта: свободная человеческая мысль, вечно пытающаяся, вечно ищущая, и как лучшее выражение ее — искусство, литература. С этой стороны и Блок, и Сологуб, и я сам приобретаю иную ценность. Пусть плохо — но они ищут; пусть недостаточно мудро — но они мыслят; пусть они рабы — но рабы, которые жаждут свободы. И литературу они любят, быть может, даже больше, чем мы, — ибо утверждают ее самоцельность, работают над нею неустанно. <...>

Конечно, в сборниках «Знания» можно было бы свободно обойтись и без Блока, и без Сологуба — если бы с другой стороны были в текущей литературе писатели духа демократического и в то же время талантливые, ищущие богатое содержанием и формой. <...> Демократичное же — или бесталанно, или грубо-лениво, как почтеннейший Степан Гаврилыч (Скиталец — В. Б.), не желающий ни думать, ни учиться, либо, в лучшем случае, посредственно. Талантливых же и работающих, как, например, Серафимович и Чириков, раз-два и обчелся» (НП, 291—292).

Разное — пролетарское и общедемократическое — отношение к талантливым писателям из другого лагеря, разное понимание задач большой литературы и в связи с этим разный взгляд на литературную политику явились свидетельством все углубляющегося расхождения между писателями. Но и это столкновение не привело еще к окончательному разрыву, хотя к осени 1907 года разрыв уже полностью назрел.

Одной из наиболее веских причин, приведших к разрыву, явился рассказ Андреева «Тьма» (1907). Горький понял и осудил это произведение как реакционное, увидев в нем стремление опорочить революцию и революционера. Прочитав андреевский рассказ, Горький в октябре 1907 года написал Пятницкому: ««Тьма» — отвратительная и грязная вещь. <...> Этот жалкий, больной малый (Л. Андреев — В. Б.) носит в себе животное, он весь — во власти животного и вот почему тоскует о звере. Зверь не по силам ему, а животного он боится, когда трезв. Животное в нем всегда, и всегда оно понуждает его от-

<sup>86</sup> См.: В. Львов, Из жизни и литературы. «Шаги смерти» (По поводу «представления» Л. Андреева «Жизнь человека» и рассказа Л. Андреева «Елеазар»). — «Образование, 1907, № 3, отд. III, стр. 62.

рицать, бороться с человеческим — чистую, поэтически настроенную девушку велит изнасиловать, революционера — свалить в грязь, человека вообще — нарисовать пошлым, мелким, бесильным. И все это гнусно, все это — пакость.

Очень талантлив Леонид вообще — не в данных рассказах («Тьма» и «Проклятие зверя» — В. Б.), — очень велик он, как нарыв во всю спину, но он нам — чужой.

Поймите это, — он чужой. Его задача — показать во всяком человеке прежде всего скота, — социальная ценность такого намерения и вредна и погана» (НП, 430).

В столь резком осуждении «Тьмы» (да, по существу, и всего андреевского творчества) Горький был несправедлив к Андрееву. (Здесь он осудил и «Бездну» — произведение, которое в свое время оценил достаточно высоко). У Андреева в «Тьме» не было сознательного стремления опорочить революцию и революционера, не было «апологии тьмы». Напротив, отречение героя рассказа от революционной деятельности, его призыв: «Если нашими фонариками не можем осветить всю тьму, так погасим же огни и все полезем во тьму» (2, 172) — получают достаточно ясное осуждение. И характерно, и важно, что осудила отречение от борьбы Люба, — по Андрееву, представительница народной массы, «тьмы», носительница народной этики и народного бунтарства<sup>87</sup>.

Андреев в «Тьме» осуждает индивидуалистическую этику, осуждает террористический, «господский» путь борьбы, он по-своему ставит в рассказе необыкновенно важный для подведения итогов первой русской революции вопрос о народном бунтарстве, народном революционном сознании. Андреев в некоторой степени лишь внешне совпадал в «Тьме» с действительными «литературными мародерами», обкрадывающими убитых «в ночь после битвы». Но Горький и марксистская критика (В. Воронский, А. Луначарский) почти безоговорочно причислили «Тьму» Андреева к реакционной, «мародерской», «их литературе». Конечно, Андреев был очень далек от марксистского понимания «уроков революции» и роли стихийной и сознательной революционности народных масс<sup>88</sup>. Его «Тьма» все-таки, хотя

---

<sup>87</sup> Об идейной концепции «Тьмы» Андреева см. также в моих статьях «Лев Толстой и Леонид Андреев» (стр. 156—157) и «Александр Блок и Леонид Андреев», «Блоковский сборник», Тарту, 1964 (стр. 244—246).

<sup>88</sup> Андреев возлагал надежды на стихийное народное бунтарство, в котором видел залог неугасимости революционного духа. Обращение Андреева к «стихийным, первобытным бунтарям» тоже, конечно, было вредно с точки зрения марксистской критики. И Горькому был неприемлем в «Тьме» анархизм Андреева. Для Горького стихийная, анархическая народная масса была опасна. Еще в 1905 году Горький в одном интервью, защищая интеллигенцию, говорил: «Но ее у нас так мало, что она лишь самым тонким слоем, самой ненадежной коркой прикрывает сырую, неостывшую, клокочущую массу — народ. <...> И вот если кипящая, бурлящая лава народа

лишь внешне, совпадала с ренегатствующей литературой и была объективно вредна в условиях реакции с ее «переоценкой ценностей» революции, когда любая критика в адрес революционера, пусть даже ненастоящего, сразу же использовалась реакционными кругами.

Резкость горьковской оценки «Тьмы» объясняется еще и тем, что в ней он опять увидел проявление писательского произвола, «злого каприза» Андреева, приведшего к искажению фактов действительности. В основу рассказа «Тьма» был положен эпизод, рассказанный Андрееву на Капри эсером, организатором убийства Гапона П. М. Рутенбергом. Судя по воспоминаниям М. К. Иорданской, Горький «не мог простить Андрееву не только искажения образа, но и то, что он обманул доверие Мартина (Партийная кличка П. М. Рутенберга — В. Б.) и не сдержал данного ему и Алексею Максимовичу слова, — никогда не пользоваться как материалом для литературного произведения рассказом Рутенберга» (НП, 579).

В воспоминаниях об Андрееве Горький, восстановив действительный характер эпизода, рассказанного Рутенбергом, писал: «Леонид неузнаваемо исказил и смысл и форму события. <...> На меня это искажение подействовало очень тяжело: Леонид как будто отменил, уничтожил праздник, которого я долго и жадно ожидал. Я слишком хорошо знаю людей для того, чтобы не ценить — очень высоко — малейшее проявление доброго, честного чувства. Конечно, я не мог не указать Андрееву на смысл его поступка, который для меня был равносителен убийству из каприза, — злого каприза» (НП, 392).

Осуждение Горького осенью 1907 года вызывала не только «Тьма», но и вся принятая Андреевым линия литературного поведения. Горький был возмущен сотрудничеством Андреева в газете «Утро России». Для Горького участие в этой газете было признаком полнейшей беспринципности. «Вот гнусная крошка! — писал он в октябре 1907 года И. П. Ладыжникову. — Сотрудники: Озеров — зубатовец, Чириков, Тан, Н. Иорданский, мек (меньшевик — В. Б.) и б<ывший> член ЦК! Сологуб — садист, А. Белый, Блок и в этом вредном винегрете Леонид Андреев, редактор литературного отдела. <...> Шучу и ругаюсь, но если бы вы знали, как мне обидно за Леонида — до боли! Вот уж дернул его черт!» (НП, 429).

Возмутила Горького и передача Андреевым издательству «Шиповник» пьесы «Жизнь человека» (См. НП, 431). Это было воспринято и расценено им как предательство. Активное сотрудничество Андреева в «Шиповнике» — издательстве, конкурирую-

---

прорвется сквозь эту тонкую кору, она может залить, поглотить без следа и самую интеллигенцию, и все то, что она произвела на свет. И эти музеи, и эту красоту, и эту культуру. И это будет ужасно» (Цит. по кн.: А. Овчаренко, Публицистика М. Горького, стр. 181).

шем со «Знанием», — вообще довольно сильно повлияло на ухудшение отношений между Горьким и Андреевым.

Газетные сообщения о жизни и литературных делах Андреева — нередко, правда, имевшие сенсационно-раздутый характер — вызывали серьезную тревогу Горького. Он видел, что вокруг имени Андреева создается нездоровая шумиха. Его возмущала травля писателя, предпринятая черносотенной и символистской критикой. «Ты посмотри, — писал он Андрееву в конце февраля 1908 года, — что делают с тобой все эти хулиганы — ныне товарищи твои по сотрудничеству: основоположник их, Мережковский, ходит грязными ногами по твоему лицу<sup>89</sup>, Гиппиус поносит тебя в «*Mercure de France*»<sup>90</sup>, а в журнале Брюсова ты назван невеждой и дураком<sup>91</sup> — это уже не критика, а организованная травля, гнусная травля, нечто невиданное в нашей литературе» (НП, 305).

Горькому казалось, что Андреев, растерявшийся в сложной общественно-литературной обстановке реакции не только не пытается противоборствовать литературной шумихе, создаваемой вокруг его имени, но и, как будто, даже способствует ее разжиганию. Однако, он все еще надеялся вытащить Андреева с этого «рынка нищих». «Бросай, пока время, всю эту сологу-бовщину, — убеждал он Андреева, — пойми, что непристойно тебе, с твоим талантом невольно поддаваться их заразному влиянию и писать такие вещи, как «Тьма». Я чуть не заревел, прочитав эту мазницу дегтя, а потом шестнадцать лет сердился на тебя. Эх ты, дитя мое» (НП, 305). И Горький настойчиво стал уговаривать Андреева уехать из Петербурга и переехать к нему на Капри: «Приезжай сюда, в самом деле. Здесь хорошо. А в Питере — замучают тебя, замордуют» (НП, 305).

Следует указать, что Горький в том же письме обещал Андрееву поддержку и защиту от травли в социал-демократических литературно-критических сборниках: «Имей в виду и впредь — будут тебя гнуснейше травить, доколе не получат должного отпора, который, вероятно, придется дать нам, то есть с нашей

---

<sup>89</sup> Горький имел в виду статью Д. Мережковского «В обезьяньих лапах», опубликованную в январском номере журнала «Русская мысль» за 1908 год.

<sup>90</sup> В статье о современной русской литературе, напечатанной в первом номере «*Mercure de France*» за 1908 год, З. Гиппиус обвиняла Андреева, как и в других своих статьях, в некультурности. Против З. Гиппиус выступил в «Заграничной газете» (Женева) А. В. Луначарский, который был в то время очень близок к Горькому. «Да, это правда, — писал Луначарский, — Леониду Андрееву не хватает культурности, это не мешает ему быть колосом, который очень скоро сумеет навязать себя и вниманию европейцев. Г-жа Гиппиус полагает, что он утонет в лужице мистического анархизма. Напрасные ожидания: он, правда, немного выпачкался в ней, но великаны в лужах не тонут» (Цит. по кн.: Л. Афонин, Леонид Андреев, стр. 162).

<sup>91</sup> См.: Аврелий, «Жизнь человека» в Художественном театре. — «Весы», 1908, № 1, стр. 144.



стороны. Мы организуем ряд литературно-критических сборников» (НП, 305). Видимо, и статью Луначарского в «Заграничной газете», в которой он защищал Андреева от нападок З. Гиппиус, можно расценивать как один из фактов этого «отпора».

Однако, вскоре вышедший из печати сборник «Литературный распад» показал, что и Горький, и Луначарский резко изменили свое отношение к Андрееву. Тот же Луначарский, который незадолго перед этим называл Андреева «колоссом» и «великаном», в «Литературном распаде» говорит о нем, как о «гробкопателе» и «мещанине». Вместо «отпора» тем, кто травил Андреева, был дан уничтожающий «отпор» самому Андрееву.

Чем объясняется этот несколько неожиданный поворот? Вероятно, «Царь Голод» окончательно убедил Горького и Луначарского в глубокой приверженности Андреева к «их литературе»<sup>92</sup>. (Наиболее резкие критические возражения Луначарского вызвал именно «Царь Голод»)<sup>93</sup>. Возможно, сыграло свою роль углубление богостроительских идей у Горького и Луначарского. Для богостроительства «геростратово» «всеразрушение» и «всеотрицание» Андреева, его «сверхкритика», по определению Луначарского, были абсолютно неприемлемы и враждебны.

«Литературный распад» явился поводом для полного разрыва отношений между Горьким и Андреевым.

Тон письма Андреева, которое он писал Горькому, резко меняется на середине после того, как он 23 марта 1908 года ознакомился с «Литературным распадом». Андреев был глубоко огорчен и возмущен. «Да, травля. Кадеты, мистики, декаденты, октябристы, черная сотня — со всех сторон. Но никак не ожидал я, что увенчают травлю с.-деки<sup>94</sup> и что к именам Мережковского, Гиппиус и Брюсова присоединит свое имя Луначарский в «Литературном распаде» — книге, скрепленной твоим именем, — авторитетом» (НП, 307).

Андреев оценил статью Луначарского как удар «по своим».

<sup>92</sup> «Неужели «Царь-Голод» может кому-нибудь нравиться? <...> Как «произведение пера», «Царь-Голод» — реакционная вещь, и если Леонид с этой тропы не сползет, быть ему в мракобесах» (НП, 435), — писал Горький Пятницкому 6 марта 1908 года.

<sup>93</sup> См. главу «О Царе Голоде» статьи А. В. Луначарского «Тьма» в сб.: «Литературный распад. Критический сборник», СПб., «Зерно», 1908.

<sup>94</sup> Критическое отношение социал-демократов к «Царю Голоду» не было для Андреева неожиданным: он знал об этом еще до выхода «представления» из печати. Возможно только, что он не ожидал столь резкой критики. «Уже есть слухи о том, что с.-д. намереваются поместить «Царь Голод» в index librorum prohibitorum, — писал он 26 февраля 1908 года К. И. Чуковскому. — В четверг, 28-го «Ц<арь> Голод» поступает в продажу. Вам я уже посылаю подписанный экземпляр. По-видимому, конфискации не будет, ибо уже 13-го типография тайно представила экземпляр в Ц<ензурный> комитет, и доселе никакого запрещения нет» (Собрание К. И. Чуковского).

«И очень прискорбно, — писал Андреев Горькому, — что сотрудники «Распада» не уяснили себе как следует, где враги и где друзья: с идиотской старательностью, как Луначарский, бьют по своим, еще раз, кстати, опошляя и обесмысливая вообще понятие мешанства; и дружелюбно, почти с лаской, упрекают Брюсова в буржуазности»<sup>95</sup> (НП, 308).

Сам Андреев был совершенно убежден в антибуржуазности своего творчества и поэтому искренне считал себя союзником Горького и социал-демократов. ««Страх смерти», — говорит Луначарский. Хорошо, а может ли он указать хоть один случай, хоть одну строчку в моих писаниях, где я, страха этого ради, поклонился бы хоть одному из буржуазных истуканов? И где я вообще ради чего бы то ни было хоть на мгновение стал на сторону буржуазного уклада?» (НП, 309) — писал он.

Большинство наиболее тяжких обвинений Луначарского Андреев отверг. Приведя выдержки из текста «Царя Голода», он в ряде случаев весьма убедительно показал, что критик был несправедлив (см. НП, 308). Однако, несмотря на обиду и раздражение, он в конце письма заявил: «А в общем — все-таки ваш сборник хороший и своевременный» (НП, 309). Как справедливо уже заметила Т. К. Кулова, в андреевской характеристике Мережковского и Гиппиус даже «чувствуется влияние революционной критики»<sup>96</sup>. «А эти мародеры — Мережковский, Гиппиус и прочие мистики и культуртрегеры? Пока революция двигалась вперед, — тащили ее назад, за хвост, а теперь явились на поле сражения и обирают убитых. Не ими разрыхленную, не ими политую кровью землю стараются засеять спермой своей мистики, своего религиозного блуда» (НП, 309), — писал Андреев, полностью совпадая в образной характеристике ренегатской литературы с В. Воровским.

Горький не ответил на это письмо Андреева. «Мне очень жалко Андреева, — писал Горький Пятницкому в конце сентября 1908 года. — Но я не могу продолжать с ним какие-либо отношения и на его письма не ответил. Теперь он перестал мне писать» (НП, 437). Разрыв, так долго назревавший, произошел.

Разрыв отношений между Андреевым и Горьким был не только частным, личным фактом их писательских биографий, но и проявлением общественно-значимого глубинного процесса размежевания сил в русской литературе периода реакции. Это осознавали и сами писатели. Возобновляя переписку после трехлетнего перерыва, Андреев писал Горькому 12 августа 1911 года: «И очень возможно, что еще очень долго я не решился бы напи-

<sup>95</sup> Андреев имел ввиду статью Ю. Каменева «О ласковом старике и Валерии Брюсове» в «Литературном распаде».

<sup>96</sup> Т. К. Кулова, Л. Андреев и М. Горький (Революция 1905 года. Размежевание сил русской литературы), Ученые записки Московского педагогического института им. Н. К. Крупской, т. 157, вып. 5, стр. 32.

сать тебе, если бы не побуждало к тому не только чувство к тебе, а и некоторые другие соображения, факты, явления, перед лицом которых оба мы являемся только Горьким и Андреевым. Мне всегда казалось, что наша вражда или дружба не есть только наше личное дело» (НП, 314).

В 1907—1908 гг. Горький разошелся почти со всеми демократическими писателями из круга «Знания». В письмах он не скрывал своего глубокого раздражения против «бывших товарищей» — Андреева, Куприна, Вересаева и других. В этот период он даже начал чувствовать свою одинокость в литературе: «Я — дьявольски один. Никогда не тяготило меня одиночество и ныне не тяготит, как А. Пешкова, но как писателю, поймите, трудно мне! Очень. Хочется драться, ругаться, кричать»<sup>97</sup>. В связи с уходом ведущих демократических писателей, теряло литературный авторитет издательство «Знание». Горький и Пятницкий были вынуждены печатать произведения третьеразрядных писателей. «Видя, что Андреевы, Бунины и прочие осетры уплыли из вкусных вод «Знания», Тимковские, Брусянины, Измайловы и другие песцари осыпают меня своим творчеством» (НП, 434), — жаловался Горький Пятницкому.

Однако, Горький не шел ни на какие уступки и компромиссы с писателями, подверженными, по его мнению, тлетворному влиянию реакции. Непримируемость Горького была проявлением его глубокой партийной принципиальности. И все же при более гибкой литературной политике, видимо, удалось бы избежать известной изоляции, не отпугивая в отдельных случаях тех писателей, которые искренне считали себя союзниками социал-демократов и в целом, несмотря на колебания и ошибки, оставались на демократических позициях.

В отношении Горького к современным писателям в этот период сказалось определенное влияние Богданова и его группы. Тактическая негибкость Богданова, его «левацкая» революционность, вытекающая из сущности его взглядов, ясно проявилась уже в требовании бойкотировать III Государственную думу (как известно, на Третьей конференции РСДРП, состоявшейся 21—23 июня 1907 года в г. Котка, Богданов в этом вопросе разошелся с Лениным), а затем в отзовизме с его отказом от легальных форм борьбы<sup>98</sup>. В. И. Ленин в статье «Карикатура на большевизм» (1909) определил отзовизм как «оппортунизм наизнанку»<sup>99</sup>.

Имеется достаточное количество сведений о том, что Горький и богдановская группа стремились выработать определенную литературную программу и придерживаться единой литера-

<sup>97</sup> А. М. Горький, Письма к К. П. Пятницкому, «Архив А. М. Горького», т. IV, М., Гослитиздат, 1954, стр. 262.

<sup>98</sup> См.: История Коммунистической партии Советского Союза, т. II, М., Госполитиздат, 1966, стр. 255.

<sup>99</sup> В. И. Ленин, Полное собр. соч., т. 17, стр. 395.

турной политики. Во всяком случае, Богданов оказал прямое влияние на изменение отношения Горького к Андрееву. Даже после разрыва Горький продолжал считать Андреева наиболее крупным и интересным писателем Европы. «Назовите во всей европейской литературе имя, которое было бы интереснее Леонида Андреева, — заявил он в беседе с А. А. Измайловым в самом начале июля 1908 года. — Я говорю это, вовсе не закрывая глаза на его слабые стороны. Я, например, не считаю «Рассказ о семи повешенных» очень ему удавшимся. Но это так: по-моему — Андреев — самый сейчас интересный по выбору тем, по своим писательским настроениям беллетрист» (НП, 437). Измайлов при этом отметил, что «об Андрееве Горький говорит с какой-то исключительной нежностью, напоминающей то чувство, с каким Андреев всегда говорит о Горьком» (НП, 437). И в статье «Разрушение личности», в которой Горький впервые публично выступил с резкой критикой творчества бывшего друга и соратника, «до последней корректуры оставались слова об Л. Андрееве как «первом писателе наших дней»<sup>100</sup>. Под редакторским давлением Богданова Горький отказался от этих слов. «Редактору сборника «Очерки философии коллективизма», видимо, стоило немало трудов уговорить Горького вычеркнуть их»<sup>101</sup>, — отмечает А. Овчаренко.

Горький, несомненно, интересовался и считался с отзывами Богданова о художественных произведениях. Об этом, например, свидетельствует его просьба к Ладыжникову: «Я очень прошу вас прислать корректуры драм Андреева, — было бы весьма важно прочитать их теперь же, пока здесь Богданов» (НП, 440). Отдельные произведения, например «Анатэма», Андреева читались и обсуждались совместно всей каприйской колонией: «Читали коллективно, не понравилась нам эта вещь» (НП, 440), — писал Горький, возвращая Ладыжникову рукопись «Анатэмы». Нельзя, конечно, слишком преувеличивать прямое влияние Богданова и представителей его группы на литературные симпатии и антипатии Горького. Но не подлежит сомнению и тот факт, что весь комплекс богостроительских идей оказал заметное влияние на литературные взгляды Горького этого периода.

### 3.

После разрыва отрицательное отношение Горького к творчеству Андреева углубляется. «Рассказ о семи повешенных» и особенно «Мои записки», по его мнению, свидетельствовали о дальнейшем отходе Андреева от подлинного демократизма и переходе на реакционный путь. «Кончит Леонид, если не церковью, то признанием бога, вы увидите!» (НП, 438), — так

<sup>100</sup> А. Овчаренко, Публицистика М. Горького, стр. 265.

<sup>101</sup> Там же.

определил тенденцию андреевского творчества Горький в ноябре 1908 года.

В повести Андреева «Мои записки» Горький увидел влияние «мистического анархизма» Г. Чулкова и нападки «на позитивизм, материализм и иные виды теории, внушающие активное отношение к жизни» (НП, 438). В 1911 году, указав на «Тьму» и «Мои записки», как на основные причины разрыва, Горький еще более определенно подчеркнул, что последняя повесть была ему враждебна «проповедью пассивного отношения к жизни — проповедью, неожиданной для меня и тебе несвойственной» (НП, 318).

Однако, с «мистическим анархизмом» Г. Чулкова «Мои записки» имеют мало общего. Нет в них, на мой взгляд, и проповеди пассивности. Напротив, в «Моих записках» Андреев зло высмеял идеи пассивности, непротivления и фатализма, показав, что они, доведенные до логического конца, приводят к полному отказу от жизни и деятельности, к оправданию зла. Герой «Моих записок», пришедший в одиночном заключении к «великой» и «священной» «формуле железной решетки», после освобождения из тюрьмы на свои средства строит одиночную тюремную камеру и заточается в ней, наняв себе тюремщика.

В андреевском «парадоксе» Горький не уловил едкой авторской иронии и сатиры, отождествив отчасти взгляды героя «Моих записок», от лица которого ведется рассказ, со взглядами самого Андреева. И поэтому он не совсем верно воспринял идейную направленность андреевской повести, которая, в сущности, должна была быть ему близка, так как развенчивала пассивизм и непротivленчество.

Андреев после разрыва в течение многих лет ни разу не выступил печатно против Горького. Обычно он даже защищал его от нападок критики. В интервью и автобиографиях он неизменно указывал на огромное духовное влияние Горького на свое творчество, на его исключительную чуткость и любовь к литературе (См. НП, 528—535). Лишь в 1911 году Андреев в одном интервью открыто высказал свое мнение о позиции Горького в годы реакции. «Гонение на Горького было явлением безусловно реакционного характера, — говорил он. — Правда, он и сам виноват. Вмешавшись в партийную борьбу, он отдал право первородства за чечевичную похлебку. Писатель не должен быть стороной в деле: он — судья! К счастью, Горький и сам выходит из этого состояния» (НП, 536).

Как мы видим, Андреев остался на прежних позициях. По-прежнему он отстаивал позицию «внепартийности» и «надпартийности» художника. Чуткий к общественным настроениям, Андреев рано уловил признаки нового революционного подъема. Он возлагал большие надежды на новую революционную волну, ждал возрождения общественного значения демократической

литературы. И он считал, что ведущее место в процессе сплочения и направления сил демократической литературы, как и в период подготовки революции 1905 года, должен занять Горький. «Кстати, о Горьком, — говорил Андреев в другом интервью в октябре 1911 года. — Характерно, что теперь снова пробуждается интерес к нему. Это лучшее доказательство тому, что апатия общества, его реакционное настроение проходит. И нет сомнения, что Максим Горький снова займет подобающее ему место в русской литературе, ибо гонение на Максима Горького, как и увлечение экзотикой, проблемами пола, «Саниным», — все это явления, безусловно, реакционные, которые пропадут вслед за пробуждением в обществе интереса к коренной теме русской литературы — к проблеме совести!» (НП, 536).

Надеясь на новое единение сил демократической литературы под руководством Горького, Андреев, естественно, должен был обратиться к нему. По его инициативе переписка во второй половине 1911 года возобновляется. В письме к Горькому от 12 августа он предложил для сплочения сил созвать писательский съезд. «Было бы, мне кажется, непростительной ошибкой перед лицом сегодняшнего и завтрашнего дня, если бы мы и дальше продолжали обособляться, не соединили наших сил для общей цели. Подлинная реакция, та, что живет в усталом сердце, уже кончилась; перед нами далеко уже маячит гребень той волны, на которую снова и снова предстоит нам взбираться. Вид России печален, дела ее ничтожны и скверны, а где-то уже родится веселый зов к новой, тяжелой, революционной работе <...> Далеко не все это сознают, но даже и те, кто не сознает, тянутся друг к другу, ищут сближения, требуют новых объединительных лозунгов, ибо над старыми уже лежит печать раздора и вражды. Кто соберет? — вот в чем только дело<sup>102</sup>. Живи ты сейчас в России, ты для русской разбредшейся литературы повторил бы ту же роль, что и тогда со сборниками «Знания», — ты опять собрал бы народ» (НП, 314—315).

В большом ответном письме Горький, перечисляя «царапины», нанесенные ему Андреевым, повторил, в основном, все прежние обвинения. Он выразил свое полное согласие со статьей Луначарского «Тьма»: «Я с Луначарским согласен, обругал он тебя правильно, что хочешь говори: факт остается фактом — в общей пляске над могилами и ты принял некое участие» (НП, 319). Горький отводил Андрееву даже некую главенствующую

<sup>102</sup> В статье «В ширь пошло...» Горький привел этот отрывок из письма. Он не назвал Андреева по имени, а представил его читателю как «одного из крупных русских литераторов, человека достаточно чуткого в определениях общественных настроений и, в то же время, считаемого — не без основания — глубоким пессимистом». И тут же в статье он отчасти ответил Андрееву. Горький отметил, что «дело, конечно, не только в том «кто соберет», но — это тоже вопрос великой важности — кто организует русскую демократию к новому бою?» (XXXIV, 144).

роль среди демократических писателей, изменивших в годы реакции идеалам демократии. «Ты сократил расстояние между тобой и «обозной сволочью», — писал он Андрееву, — и тем понизил значение литературы — я знаю, не один ты, конечно, а и Куприн, и многие-многие. Но многие, может быть, по твоему примеру: если сам Андреев, то и мы можем» (НП, 319).

Однако, теперь Горький не отказывался от союза с Андреевым. Он согласился начать совместную работу и готов был включиться в организацию предложенного Андреевым писательского съезда. «Попробуем опять вместе варить новую кашу. Новую» (НП, 320), — предложил Горький.

В 1911—1912 годах создались определенные предпосылки для союза Горького с Андреевым. Андреев, оставаясь на общедемократических позициях, стремился, как мы видели, к объединению демократических сил. Горький к этому времени снова стал склоняться к общедемократическим взглядам. По точному определению Ленина, Горький пытался «согнуться до точки зрения общедемократической вместо точки зрения пролетарской»<sup>103</sup>.

Порвав с Богдановым и его фракционной группой, Горький стал выступать за единство революционной демократии. Он осуждал партийную интеллигенцию за отрыв от масс, за сектанство и фракционную борьбу, в которой видел стремление лидеров к власти. Сравнив в статье «О современности» «историю строения и жизни любой великорусской секты и любой интеллигентской партии», Горький отметил, что «и там, и тут вы встретите одинаковую склонность к схоластике, дробление на фракции и кружки «право-верующих», то же стремление со стороны вероучителей и лидеров к власти над людьми»<sup>104</sup>. В статье «В ширь пошло...» он писал о том, что новая демократия и ее еще малочисленная интеллигенция настроена «весьма критически, а часто и враждебно к «интеллигенту», что на почве этого критицизма, при малейшей неосторожности, возможны серьезные недоразумения, способные еще более углубить трещину в отношениях рабочего и крестьянина к «партийным». И мне кажется, что партийным людям следовало бы внимательно посмотреть на самих себя с точки зрения пригодности своей к новой работе, к новым запросам времени и потребностям масс» (XXIV, 145). Эти «запросы времени» Горький видел в единении демократии. Отходя от принципа партийности, он в своих статьях нередко обращается к «демократии вообще», «к честным людям всех племен»<sup>105</sup>.

<sup>103</sup> В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы, М., изд. АН СССР, 1958, стр. 107.

<sup>104</sup> М. Горький, Статьи 1905—1916, изд. второе, Пг., «Парус», 1918, стр. 84.

<sup>105</sup> См. об этом в кн.: А. Овчаренко, Публицистика М. Горького, стр. 309.

Своеобразно в связи с этим Горький стал понимать и задачу литературы: «Если бы современная литература действительно сознавала свою свободу и свою социальную позицию, она легко могла бы встать над интересами групп»<sup>106</sup>.

На этой почве частичного возврата Горького на общедемократические позиции и стало возможно возобновление его союза с Андреевым. Однако, все свои надежды он возлагал на новую демократию. К Андрееву и другим «блудным детям» демократической интеллигенции, запятнавшим свои имена в годы реакции, он относился с недоверием.

В статье «В ширь пошло . . .» Горький прямо предупредил: «Теперь весьма возможно, что русская демократия встретит блудных своих детей уже не с прежним доверием к их способностям и знанию жизни, не с той верою в их моральную стойкость, с которою встречала в пятом и шестом годах» (XXIV, 145).

Получив письмо Горького, в котором были повторены все прежние обвинения, Андреев усомнился в возможности совместной работы. Он решил, что «при том глубоком отчуждении и непонимании», которым, по его мнению, «дышит каждое слово» горьковского письма, при таком серьезном отрицании его творчества, «в самом существе <...> могут встретиться препятствия к совместному дружескому труду» (НП, 322).

Опасения Андреева оправдались. Не помог и роман «Сашка Жегулев», на который он возлагал большие надежды. Роман Горькому не понравился. В марте 1912 года Горький написал очень резкое по тону и обидное по смыслу письмо, в котором достаточно ясно сказал о невозможности и нежелательности возобновления близких личных отношений: «Разошлись же — и расходимся все далее — мы с тобой не потому, что у нас не возникли личные отношения, а потому, что они не могли возникнуть. Нам казалось, что они возможны, но мы ошиблись. Слишком различны мы» (НП, 328).

28 марта 1912 года Андреев ответил столь же резким письмом, которое Горький назвал даже «бешеным». Андреев упрекал Горького в неуважении к писателю и человеку, в грубости, в бездоказательности, голословности обвинений. На этом основании он даже обвинил Горького в «барстве»: «Другим словом я не могу назвать того тона — с одной стороны пренебрежения, с другой — превосходства, которым ты пользуешься при объяснениях и обвинениях. Своим барским жестом ты раздаешь зуботычины, осуждаешь, милуешь, даже не нуждаясь в объяснениях со стороны раба, тебе даже и в голову не приходит, что в величавости позы твоей проглядывает та самая азиатчина, для справедливого клеймения которой ты не можешь подобрать

<sup>106</sup> М. Горький, Статьи 1905—1916, стр. 90.



слов. Таким ты не был, Максим Горький, и в твой демократизм ныне — я плохо верю» (НП, 321).

Андреев вообще видел причину возникшего отчуждения лишь в том, что Горький сильно изменился. «Различны мы стали лишь с того времени, — писал он, — как ты изменил свои взгляды и вкусы, и я стал для тебя «анархистом» в полном и позорном смысле. Было время, когда ты иначе относился к анархизму; и еще совсем недавно тот самый Иуда из Кариота, в оправдании которого ты меня упрекаешь в «Русском слове»<sup>107</sup>, разделяя взгляд Арабажина и черносотенных газет, — был тобою поставлен весьма высоко, и ты сам помогал мне в работе, и печатал «Иуду» в твоём «Знании». И еще совсем недавно ты совсем иначе понял бы и «Тьму» и «Мои записки» и не протянул бы, уже не в первый раз руку Мережковскому в признании этих вещей реакционными. Ты сам резко изменился, Алексей, и вот в чем причина нашего расхождения, а быть может и источник всех твоих грубых и беспочвенных обвинений» (НП, 333).

Во взаимных упреках и обвинениях Андреев и Горький высказали друг другу в письмах 1911—1912 гг. много обидного и несправедливого, и нет необходимости рассматривать их подробно. Следует определить лишь основные пункты спора, в которых проявились наиболее серьезные и существенные разногласия.

Существенно разошлись Андреев и Горький в оценке творчества Достоевского. Статья Горького «О карамазовщине» (1913) вызвала активный протест Андреева. «Нельзя было на-

---

<sup>107</sup> Андреев имел в виду статью Горького «О современности», опубликованную в «Русском слове» (1912, №№ 51—52).

«Мне кажется, — писал Горький в статье, — что основная тенденция современной литературы сводится, более или менее, к переоценке деятельности Иуды Искарриота». Приведа отрывок из стихотворения А. Рославлева «Иуде», Горький продолжал: «Это называется «пероценкой ценностей» и, составляя основное занятие желтой прессы, постепенно просачивается в серьезную литературу». Андреев принял эти слова и на свой счет. В том же письме он писал: «Очень неприятно, что в статье «О современности» ты прямо не назвал мое имя, когда говорил о попытках оправдать Иуду. Литература русская не так обширна, чтобы не догадаться, о ком идет речь, и прямое обвинение было бы во всех смыслах приятнее. Между прочим, я хотел также статью возразить тебе, но, подумав, нашел это для дела вредным: от меня не убудет, а если я стану возражать, то наша улица только обрадуется скандалу и до смысла, пожалуй, и не доберется. Тем более, что в общем твое осуждение теперешних литераторов верно и ослаблять значение его не в интересах дела» (НП, 334).

Отвечая Андрееву, Горький прямо заявил, что не имел в виду его повести «Иуда Искарриот и другие»: «Говоря о культе Иуды, я не мог иметь в виду тебя — очень сожалею, что не сделал соответствующего пояснения <...> Там, где я говорю об этом, — речь идет о писателях улицы, как они опошляют большие идеи. Мне еще придется говорить на эту тему, и я не премину отставить твоего Иуду в сторону, хотя, на мой взгляд, он в этом, конечно, не нуждается» (НП, 338).

писать более самоубийственной вещи, чем сделал это Горький, — писал Андреев Немировичу-Данченко, — <...> Мне жаль Горького, жаль и литературу, которую он в своем лице поставил в столь горькое положение. Противно, когда приходится рукоплескать Арцыбашеву, ставящему в угол М. Горького. Хотел я и сам писать, да теперь уж и не знаю» (НП, 538).

Публично Андреев так и не выступил против Горького. Лишь в газете «Утро России» появилась заметка «Леонид Андреев contra М. Горького»: «Нам сообщают, что Л. Н. Андреев намерен выступить с защитой постановок Художественным театром Достоевского. По мнению Андреева, такие корифеи русской литературы, как Достоевский или Толстой, не могут быть рассматриваемы в узких пределах современного общественного движения. Их значение глубже и шире, и задачи, решаемые ими, не суть элементарные задачи сегодняшнего дня, но задачи мировые и общечеловеческие. Интерес к стихийным творениям Достоевского, в частности, может свидетельствовать лишь о зрелости общественной мысли, не боящейся соблазна реакционных взглядов Достоевского. Да и самые взгляды эти, по мнению писателя, могут иметь для нас глубокий психологический и исторический интерес»<sup>108</sup>.

Расходились в этот период Андреев и Горький и в отношении к реализму. Правда, прямой полемики между ними по вопросу о реализме не возникало, но в письме к Амфитеатрову от 14 октября 1913 года Андреев прямо указал на существующие разногласия. Сам он считал вопрос о форме несущественным. Деление на реалистов и символистов по этому признаку он находил «смешным» и безосновательным, ибо главным для него было не то, как человек выражает, а что он выражает. Приверженность Горького, Амфитеатрова и некоторых других писателей к реалистической форме казалась ему анахронизмом и догматическим «прокрустовым ложем», урезающим творческую свободу и возможности художника. «И может быть, в этом ошибка ваша, Горького и других, — писал Андреев Амфитеатрову, — что в момент перевооружения всех художественных и умственных сил вы во что бы то ни стало стремитесь сохранить старые ружья и добрый, старый, дымный порох, который когда-то был так хорош! И для экспедиции на дикарей, какими, к сожалению, являются еще многие из читателей, он действительно вполне пригоден, но сильные вооруженные верхи уже на каждом шагу побивают вас! — И мне это горько, ибо воля у нас к свободе и революции одна! Вот я не могу без тоски думать о Горьком. Величайший романтик, огромнейший (и совсем не использованный) талант, первый, быть может, во всей литературе рыцарь пролетариата — он вверх и вниз

<sup>108</sup> Леонид Андреев contra М. Горького. — «Утро России», 1913, № 221, 26 сентября.

катает Сизифов камень реализма, свой чудесный и вещий сон о пролетариате мучительно распяливает на четырех правилах арифметики. Ведь в конце концов реально только то, чего я не люблю: Кассо (министр народного просвещения, крайний реакционер — В. Б.), например, и другие рожи русской и иной действительности, а то, что я люблю и чего хочу — всегда нереально. Его нет — и только поэтому я его хочу. И вот «безумец, который мог бы навеять человечеству сон золотой» (по его же любимым словам), насилует жизнь своим романтическим псевдореализмом, насилует себя, — Дон-Жуан, собственной рукой охолостивший себя, но не могший вытравить любви к женщине — романтике! И все это — для вящего торжества доброго, старого, дымного пороха!» (НП, 541—542).

Спор о реализме, как обычно, перерастал в большой философский спор о цели и задаче искусства, об отношении к жизни. В «неприятии мира» Горький видел карамазовский нигилизм, удобный для тех, кто не желает активно работать и бороться за пресобразование действительности. «Мир держится деянциями, — писал Горький Андрееву в марте 1912 года, — <...> человек же, утверждающий пассивное отношение к миру, — кто бы он ни был, — мне враждебен, ибо я всю жизнь утверждал необходимость отношения активного к жизни, к людям. Здесь я фанатик. Многие, прельстясь развратной болтовней азиата и нигилиста Ивана Карамазова, трактуют, пошлейше, о «неприятии» мира, ввиду его «жесткости» и «бессилия», — будь я генерал-губернатором, я бы не революционеров вешал, а вот этих самых «неприемщиков», зане сии языкоблудцы для страны нашей вреднее чумных крыс» (НП, 327).

Андреев понимал «неприятие мира» по-другому. Именно в «неприятии мира» он видел основу действительного, революционного отношения к жизни. Выступив в 1915 году против горьковской оценки футуристов, Андреев особо выделил его неожиданный тезис о том, что футуристы «приемлют мир». «Что же касается «приятый мира», — говорил Андреев, — то, насколько мне известно, все великие творцы ценностей отвергали мир и в борьбе за мир идеальный медленно, но твердо совершенствовали человеческую жизнь. Неприемлющие мир, это — вечные герои человечества, на свои рамена поднимающие бремена неудобноносимые, гибнущие во имя жизни и блага других. И можно сказать с некоторой резкостью, что человек начинается там, где начинается неприятие мира» (НП, 551).

Наиболее серьезные и глубокие разногласия между Андреевым и Горьким выявились в 1912 году по отношению к русскому народу. Уже в статье «О современности» Горький стал противопоставлять Восток и Запад. Россию Горький причислил к Востоку, находя в психике русского человека восточную созерцательность, бездеятельность, пессимизм, стремление «уйти

из жизни», жестокость и любовь к страданию. Он ошибочно говорил обо всем русском народе, о нации в целом. Обращаясь к «современному литератору», Горький писал: «Ему надо бы помнить, что он принадлежит к нации, страдающей пороком пассивного отношения к жизни, и что он сам тоже не свободен от этого порока. Именно этою болезнью, этим увечьем, нанесенным нам ударами тяжелой нашей истории, и объясняется тяготение русской литературы к пессимизму и анархизму. Этим же объясняется и тот факт, что мы берем с Запада не активные идеи, наиболее характерные для творчества европейца, а идеи пассивные, как наиболее сродные нам, созданные Востоком и являющиеся на Западе в периоды усталости от великой работы, непрерывно им творимой.

С этой болезнью духа русской нации необходимо бороться, ее нужно победить»<sup>109</sup>. Именно этим пафосом борьбы с губительным влиянием Востока на русский народ пронизаны многие статьи Горького 1912—1917 гг. («О «карамазовщине»», «Две души», «О дураках и прочем» и др.). Проявлением «болезни духа русской нации» Горький считал и «карамазовщину», и «каратаевщину». К ней же относил он и творчество Андреева.

Характерно, что Горький почти теми же словами определяет отрицательную для него сущность творчества Достоевского и Андреева и черты психики русского народа. «Мы, русские, вообще тяготеем к подчеркиванию злого, темного»<sup>110</sup> — в статье «О современности». «Был праздник, была победа человека над скотом, а ты сыграл в анархизм и заставил скотское, темное торжествовать победу над человеческим» (НП, 318) — в письме к Андрееву, написанном осенью 1911 года. (И ранее, как мы уже видели, Горький многократно отмечал склонность Андреева к подчеркиванию скотского, темного, злого). «Мы нездорово чутки к боли, и многие из нас любят выдавать свои царапины за смертельные раны, любят оглушать мир стоном и муках своих, и бесстыдно показывая места заушений и поранений, отравлять друг другу жизнь»<sup>111</sup> — в статье «О современности».

«Показывать миру свои царапины, чесать их публично и обливаться гноем, брызгать в глаза людям желчью своей как это делают многие, — и отвратительнее всех делал злой гений наш Федор Достоевский, — это гнусное занятие и вредное, конечно» (НП, 327) — в письме к Андрееву (март 1912 г.) в ответ на его жалобу: «Ты никогда не позволял и не позволяешь быть с тобою откровенным» (НП, 324). В статье «Две души» Горький отмечал в русском народе «чисто восточное презрение

<sup>109</sup> М. Горький, Статьи 1905—1916, стр. 90—91.

<sup>110</sup> Там же, стр. 94.

<sup>111</sup> Там же, стр. 94—95.

к силе разума, исследования, науки»<sup>112</sup>. Как мы уже видели, то же отрицательное отношение к разуму и неверие в его силу Горький отмечал у Толстого, Достоевского и Андреева. Примеры подобного рода можно было бы увеличить, но и без них достаточно ясно, что для Горького эти писатели — выразители духа нации, и, как таковые, они ярко выражают и ее «болезни духа».

В статье «Еще о «карамазовщине»» (1913) Горький прямо утверждал, что «вся деятельность Достоевского-художника является гениальным обобщением отрицательных признаков и свойств национального русского характера» (XXIV, 155).

Андреев сразу отметил слабые стороны в отношении Горького к русскому народу. Если ранее в спорах с Горьким Андреев обычно оправдывался, выясняя свою действительную позицию, то теперь он перешел в наступление. Он обвинил Горького в «жестоким и несправедливо-огульном осуждении «великоросса»». «Говори о варварстве, о некультурности, об исторической отсталости народа, но не говори о слабости и пассивности» (НП, 334), — писал он Горькому.

Причину заблуждения Горького Андреев видел во влиянии Запада («Запад отравил твои глаза») и в том, что ему пришлось жить в удалении от России: «Взглянуть бы тебе вместо тигров хоть на московского ломового — и хмара спала бы с твоих глаз и, как прежде, на Волге, ты понял бы, что дела великоросса весьма недурны, и бояться за его судьбу не приходится. Может быть, теперь ты заподозришь меня в национализме? — это будет неверно» (НП, 334).

В открытую полемику с Горьким по этому вопросу Андреев вступил уже значительно позже — в 1916 году. Конкретным поводом для андреевского выступления в печати против Горького послужила статья его «Две души». В статье «О «Двух душах» М. Горького» Андреев выступил против основного тезиса горьковской статьи: «Все дурное с Востока, все хорошее с Запада». Он не соглашается ни с горьковским определением Запада, ни с пониманием Востока, «неизмеримо более сложного, мудрого и значительного, чем это кажется писателю»<sup>113</sup>. Но его основной упрек был вызван отношением Горького к русскому народу. Он обвиняет самого Горького, всегда ратующего за активность и оптимизм, в «беспросветном пессимизме». «Но чем больше соглашаемся мы с похвалой активности Запада, — писал Андреев, — чем ненавистнее становится в наших глазах «бессильный и постыдный пессимизм», неспособный отмечать положительные явления, — тем непонятнее становится для нас позиция самого М. Горького, его собственный

<sup>112</sup> Там же, стр. 184.

<sup>113</sup> Леонид Андреев, О «Двух душах» М. Горького. — «Современный мир» 1916, № 1, стр. 108.

беспросветный пессимизм, с каким относится он к русскому народу. Дело не в восторгах, который русский народ еще не заслужил и не скоро заслужит, а в простой справедливости, которая и преступнику оставляет «искру божью» и дает надежду на возрождение. И если вообще не следует унижать человека, с чем мы опять-таки с восторгом соглашаемся, то есть ли последовательность в том, чтобы целый народ был унижен? А ведь на страницах всей статьи писателя ни единого бодрого слова о русском народе, ни единого просвета в непроницаемой тьме, которую окутаны «Души» его!»<sup>114</sup>.

Обычно Андреев воздерживался от публичных выступлений против Горького. Появление в 1916 году статьи «О «Двух душах» М. Горького» объясняется тем, что Андреев к этому времени стал считать «горьковщину» вредным и опасным явлением. Еще 17 ноября 1915 года Андреев заявил в письме к Немировичу-Данченко: «Я сейчас в довольно хороших отношениях с Горьким, а все-таки скажу, что горьковщине уступать не надо. Если искусство, так уж искусство» (НП, 549). А в 1916 году, пытаясь объяснить в письме к И. С. Шмелеву побудительные причины, заставившие его написать статью против «Двух душ», он прямо призывал к борьбе с Горьким. В этом письме Андреев довольно подробно раскрывает свое отношение к Горькому в этот период, и я позволю себе привести из него значительные выдержки: «Очень приятно мне, что Вы одобрили мою статейку о Горьком: думая над нею, я думал и о Вас, о Вашей крепкой и живой любви к русской душе. Горький же возмутил меня <...> Уже давно и близко знаю я Г<орького>, к сожалению, вижу огромную в нем перемену, вернее: дурные начала его характера развились, а хорошие глоснут.

Был он всегда жесток и не добр к людям, но искренен и чист, а теперь все поглощено честолюбием умопомрачительным, почти маниакальною страстью к господству и всесветному учительству. <...> Я бы не стал касаться всего этого, не бойся я, что «обаяние» имени Горького и его личности не принесет огромного вреда при том направлении, какое приняла его деятельность. <...> Только отсутствием у нас критицизма (при обилии «критиков») можно объяснить не то чтобы успех Г<орького>, как публициста и политика, этого нет — но внимание к его благоглупостям.

Его отношение к России в этой войне поражает своей неосмысленностью и тупой жестокостью. Даже трудно понять, что это, откуда могло взяться. Всякое охаяние рус<ского> народа, всякую напраслину и самую глупую обывательскую клевету он принимает, как благую истину... Нет, и писать о нем не могу без раздражения <...> А бороться с ним все-таки необхо-

<sup>114</sup> Там же, стр. 109—110.

димо: конечно, русс<кой> души не убудет от его статей, но на теперешней жизни нашей и ее ближайших судьбах проповедь Г<орького>, подкрепленная его мнимым величием, может отразиться весьма печально»<sup>115</sup>.

Из этого письма становится ясно, что Андрееву казалось вредным и опасным не только отношение Горького к русскому народу, но и его антивоенная позиция. Различное отношение к империалистической войне еще более усилило чувство отчуждения между писателями и привело их уже окончательно в разные общественно-литературные группировки. «Пораженчество» Горького сильно возмущало Андреева. Теперь и он стал видеть в Горьком врага. С возмущением обычно отзывался он и о горьковской «Летописи». «Одна история с Горьким и «Летописью» может довести до бешенства, до иступления» (НП, 554), — жаловался он 19 июля 1916 года в письме к брату А. Н. Андрееву.

Империалистический характер мировой войны был для Андреева неясен. Считая, что кайзеровская Германия в стремлении к мировому господству разожгла и первой начала военные действия, он стал горячо призывать русский народ к защите отечества от агрессора. В своем патриотизме он нередко доходил до шовинистических выпадов против немецкого народа. Он пытался противопоставить «русский дух» «немецкому духу». Основную задачу писателей в период войны Андреев видел в том, чтобы «противопоставить русскую культуру германской и доказать, что мы не варвары, хотя и нет у нас внешней материальной культуры и богатства. Надобно всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии; немецкий же стремится к вечному порабощению, к созданию на земле образцовой тюрьмы и военных поселений»<sup>116</sup>. Совершенно ясно, что именно в таком понимании «русского духа» кроется причина столь резкой критики горьковского отношения к русскому народу.

Горький в статье «Несвоевременное» (1914) осудил военно-патриотические статьи Андреева. «Леонид Андреев, — писал Горький, — не отставая от своих товарищей (Ф. Солгуба, М. Арцыбашева, А. Куприна — В. Б.) в деле выражения свирепых эмоций, тоже усердно обливает немецкий народ уксусом и желчью.

«Мы протестуем и выражаем наше презрение немецкому народу», — пишет он, очевидно, веря всему, что говорит о немецком народе уличная пресса, так усиленно торгующая ненавистью.

---

<sup>115</sup> РО ИРЛИ, ф. 9, оп. 2, ед. хр. 32.

<sup>116</sup> РО ГБЛ, ф. 387, к. 9, ед. хр. 30.

В другой статье он взывает к людям: «Множьте любовь. Множьте любовь».

Странный способ множить любовь в мире, выражая презрение целой нации и тем как бы вычеркивая ее из мира» (XXIV, 160).

Несмотря на враждебное отношение друг к другу в начале войны, писатели продолжали переписку и даже изредка встречались. Правда, и письма и встречи носили, в основном, деловой характер, связанный с организацией «Русского общества для изучения жизни евреев». Инициаторами и организаторами «Общества» выступили Горький, Андреев и Сологуб, разработавшие совместно текст «Воззвания к русскому народу». 15 декабря 1914 года Горький писал Е. П. Пешковой: «Сегодня вернулся из Питера, где пробыл почти неделю. Кое-что затеял, но — увы! Из моих затей последнее время ничего не выходит. Ты, вероятно, скоро будешь удивлена, увидев мою подпись рядом с именами людей, очень чуждых мне: Андреева и Сологуба. Каково? Мы затеваем анкету по вопросу об антисемитизме, а? не веришь? Может быть даже и более того затеем» (НП, 548). В 1915 году «Общество» выпустило литературный сборник «Щит» под редакцией Горького, Андреева и Сологуба.

На почве довольно частых деловых встреч и разговоров между Андреевым и Горьким началось даже вновь некоторое сближение. В январе 1915 г. Андреев писал Немировичу-Данченко о «довольно хороших отношениях с Горьким». Но уже 6 апреля 1915 года он написал ему же: «Я снова расхожусь с Горьким, внутренне уже разошелся, не замедлит, вероятно, и внешне. <...> Когда-то я очень любил и уважал этого человека и думал эти чувства сохранить до конца — но невозможно» (НП, 550). Изредка они встречались и в последующие годы, но внутренние их уже ничто не соединяло. «В 16-м году, когда Леонид привез мне книги свои, — вспоминал Горький, — оба мы снова и глубоко почувствовали, как много было пережито нами, и какие мы старые товарищи. Но мы могли, не споря, говорить только о прошлом, настоящее же воздвигало между нами высокую стену непримиримых разноречий» (НП, 396).

Известие о смерти Андреева в 1919 году глубоко взволновало Горького. «В сентябре 1919 года, — вспоминает К. И. Чуковский, — в одну из комнат «Всемирной литературы» вошел, сутулясь сильнее обычного, Горький и глухо сказал, что из Финляндии ему сейчас сообщили о смерти Леонида Андреева.

И, не справившись со слезами, умолк. Потом пошел к выходу, но повернулся и проговорил с удивлением: — Как это ни странно, это был мой единственный друг. Единственный.

Потом подошел к Блоку:



— Вы знали его? Напишите о нем. Да и вы все напишите — что вспомните, — обратился он к нам. — И я напишу. Непременно!

Мы исполнили желание Алексея Максимовича, и месяца через два в Ленинграде, в нетопленном зале Тенишевского училища состоялся устроенный Горьким вечер «Памяти Леонида Андреева».

На этом вечере Горький читал свои великолепные воспоминания о Леониде Андрееве»<sup>117</sup>.

Воспоминания Горького и других писателей были опубликованы в «Книге о Леониде Андрееве». Горьковский очерк довольно обстоятельно рассмотрен в исследовательской литературе, и нам нет необходимости еще раз его разбирать. Кроме того, в процессе всего изложения нам нередко приходилось обращаться к материалу очерка. Следует лишь отметить, что Горький в своем очерке не пытался сгладить острых углов. Хотя очерк был посвящен памяти покойного писателя и друга, Горький в нем достаточно сурово оценивал его творчество и идейные взгляды, беспощадно вскрывал свои разногласия с ним. Еще в одном из писем 1911 года Горький выражал уверенность в том, что оба они не будут «врать друг другу и искусничать», чтобы «замазать трещину наших отношений» (НП, 318). Не делал он этого и после смерти Андреева.

И в двадцатые, и в тридцатые годы Горький довольно часто в той или иной связи вспоминал об Андрееве. Имя его встречается и на многих страницах романа «Жизнь Клима Самгина». И в романе, и в статьях, и в письмах Горький характеризовал Андреева, в основном, отрицательно. Горький, по существу, продолжал спор с философскими и литературно-творческими идеями Андреева. Но в то же время он с той же настойчивостью указывал на огромный оригинальный талант Андреева, на его значение для русской литературы как одного из наиболее ярких, выразительных и «типичных» писателей начала XX века. Для Горького Андреев остался «человеком редкой оригинальности, редкого таланта и достаточно мужественным в своих поисках истины» (НП, 396).

По свидетельству В. Десницкого, Горький многократно вспоминал об Андрееве, говорил о его таланте, о своей любви к нему. «Какой талант! и что он с ним сделал?.. Может быть, и я виноват? — недоуменно спрашивал себя М. Горький. — Да, вот любили друг друга и разошлись... И никто из писателей не был мне так близок. И не будет. Может быть, потому что и он меня любил, любил до ненависти, до обидных подозрений, до оскорблений?..»<sup>118</sup>

<sup>117</sup> К. Чуковский, Люди и книги, стр. 512—513.

<sup>118</sup> В. Десницкий, Максим Горький в борьбе за идейность и партийность литературы в годы реакции, стр. 186.

История «дружбы-вражды» Андреева и Горького ярко раскрывает необыкновенно сложный и противоречивый характер развития русской литературы начала XX века. Литература нового века, изобиловавшего крупными поворотами истории, развивалась в острой борьбе противоборствующих тенденций, в которой отдельные писательские судьбы складывались драматически и даже трагически. Борьба шла не только между разными литературными течениями и группировками, но и в пределах одной группировки. И личные привязанности в этой непримиримой идейной борьбе нередко приносились в жертву политическим идеалам.

История писательской «дружбы-вражды» Андреева и Горького показывает нам, по каким путям шло развитие русской демократической и реалистической литературы. Путь от общедемократической революционности к социализму, к партийности, к пролетарскому искусству, — это был путь Максима Горького, основоположника литературы социалистического реализма. Андреев не пошел вслед за Горьким, но и он с колебаниями и отклонениями продолжал почти до конца служить великим демократическим и гуманистическим идеалам русской литературы.

## А. М. ГОРЬКИЙ И КУБУ

З. Г. Минц

Работа М. Горького на посту председателя Петрокубу (Петроградской Комиссии по улучшению быта ученых), разумеется, уже привлекала внимание исследователей: слишком заметной была эта деятельность по спасению русских ученых, русской науки. Некоторые из материалов, связанных с работой КУБУ, были опубликованы в Собрании сочинений М. Горького<sup>1</sup>, в «Ленинских сборниках»<sup>2</sup>, в сборниках «В. И. Ленин и А. М. Горький»<sup>3</sup>, «Горький и наука»<sup>4</sup>; отдельные публикации в 1920—начале 1930-х гг., а также в течение последнего десятилетия появились в периодических изданиях, в том числе — и в провинциальных. Около трех десятков документов, взятых из архива М. Горького в ИМЛИ, опубликовано в «Летописи жизни и творчества М. Горького»<sup>5</sup> (ниже — ЛГ).

К публикациям писем Горького примыкают воспоминания о нем других деятелей КУБУ и ЦЕКУБУ (В. Д. Бонч-Бруевича, С. Ф. Ольденбурга, Ф. Н. Петрова, А. П. Пинкевича, Б. Е. Райкова)<sup>6</sup>, а также писателей, близко знавших М. Горького в 1919—21 гг. (в первую очередь — мемуары К. Чуковского)<sup>7</sup>. Все мемуаристы единодушно отмечают огромную роль Горького в организации пореволюционного быта научных работников, свидетельствуют о постоянном интересе В. И. Ленина к работе КУБУ и его регулярной помощи М. Горькому: «Владимир Ильич постоянно справлялся как о деятельности ЦЕКУБУ, так, в частности, и о деятельности Алексея Максимовича»<sup>8</sup>; «В 1918, 1919,

<sup>1</sup> См. М. Горький, Собрание сочинений в 30 тт., т. 29, М., ГИХЛ, 1955, стр. 392, 394, 395.

<sup>2</sup> См., например, «Ленинский сборник», XXXV, 1945.

<sup>3</sup> См.: В. И. Ленин и А. М. Горький, изд. 2, М., изд. АН СССР, 1961.

<sup>4</sup> См.: Горький и наука, М., «Наука», 1964.

<sup>5</sup> «Летопись жизни и творчества М. Горького», т. III, (1920—22 гг.), М., изд. АН СССР, 1959.

<sup>6</sup> Большинство воспоминаний ученых собрано в упоминавшемся сборнике «Горький и наука». Там же — указания на первые публикации.

<sup>7</sup> Корней Чуковский, Горький, в кн., Современники. Портреты и этюды, М., «Молодая Гвардия», 1962.

<sup>8</sup> В. Д. Бонч-Бруевич, Горький и организация ЦЕКУБУ, в сб.: Горький и наука, стр. 231.

1920 г. ученые гибли один за другим, не выдерживая небывалого напряжения жизни и тяжелых лишений того исключительного времени. И тогда два человека подняли свой голос перед страной — Ленин и Горький, они громко провозгласили, что страна, идущая по великому пути нового, социалистического строительства, не может терять тех, кто составляет ее мозг, на работе которых должно основываться новое строительство»<sup>9</sup> и т. д. В ряде мемуаров упоминаются и более конкретные аспекты деятельности Горького в КУБУ: борьба за организацию нормального питания ученых, за охрану неприкосновенности их жилищ, культурно-просветительная деятельность КУБУ и т. д.<sup>10</sup>

Публикации документов и мемуаров, естественно, составляют ту реальную базу, на которой основываются авторы довольно многочисленных работ на тему «Горький и ученые», «Горький и наука»<sup>11</sup>. Среди них — по особой выделенности аспекта «Горький в КУБУ» — должна быть отмечена интересная монография А. Г. Слонимского<sup>12</sup>. В своей книге Слонимский посвящает большой раздел (гл. III, раздел I, стр. 74—105) работе Петрокубу. История возникновения КУБУ дана здесь на широком социально-историческом фоне: автор уделяет много внимания общему анализу обстановки в стране, деятельности родственных Комиссии учреждений (например, «Дома искусств»). Воссоздавая историю Петрокубу, Слонимский привлекает значительное число архивных документов (из ЦГАОР и СС, ГАОРСС ЛО и др. хранилищ). В результате можно утверждать, что работа Слонимского дает, по сравнению с другими исследованиями на интересующую нас тему, наиболее полный анализ как работы Горького в КУБУ, так и истории Комиссии. Однако, поскольку автора интересовала вся деятельность Горького в эпоху Гражданской войны, отдельным аспектам этой деятельности уделено внимание, пожалуй, все же недостаточное. В частности, и деятельность КУБУ изучена пока с отнюдь не исчерпывающей полнотой. Несмотря на обилие материалов, документы привлекаются подчас не как основа для выводов, а как иллюстрация заранее заданных общих положений. Поэтому интересно начатая А. Г. Слонимским работа по изучению деятельности Горького в 1918—21 гг. может и должна

<sup>9</sup> С. Ф. Ольденбург, Максим Горький и ученые, там же, стр. 244.

<sup>10</sup> См., в особенности: Б. Е. Райков, Мои встречи с Горьким, «Горький и наука», стр. 253—259.

<sup>11</sup> См.: Дороватовский, Горький и наука, — «Наука и жизнь», 1936, № 8; Быков, Горький и наука, — «Звезда», 1937, № 6; С. Д. Балухатый, Горький и культура, Вестник АН СССР, 1938, № 2—3; Он же, Творческий путь Горького, «Известия АН СССР», 1938, № 5; Н. К. Пиксанов, Горький и наука, 1948; Юнович, К. Н. Хатов, Горький и историческая наука.

<sup>12</sup> А. Г. Слонимский, Горький в борьбе за создание советской интеллигенции в годы военной интервенции и Гражданской войны, Сталинабад, 1956.

быть расширена и продолжена. И, в первую очередь, речь следует вести именно о расширении круга документов и фактов, вводимых в научный оборот.

Мемуаристы — современники Горького — уже высказывали мысль о том, что следы деятельности писателя в КУБУ должны были сохраниться в архивах страны. Так, Корней Чуковский пишет: «Я думаю, если бы во всех учреждениях собрать все письма, в которых Горький ходатайствовал в ту пору о русских писателях, получилось бы, по крайней мере, томов шесть его прозы, потому что он тогда не писал ни романов, ни повестей, ни рассказов, а только эти бесконечные письма»<sup>13</sup>. Высказывались и предположения о том, где следует искать эти горьковские документы. Так, В. Д. Бонч-Бруевич свидетельствует: «Алексей Максимович <...> прекрасно организовал и отчетность. Каждый месяц от него поступали бумаги с точным бухгалтерским отчетом всех средств и материалов, а также целый ряд записок, в которых он пояснял все те дела, которые ему были поручены. Все эти документы тщательно мною сохранялись в Архиве Управления делами Совнаркома»<sup>14</sup>.

Приведенная выше цитата из мемуаров Чуковского содержит не менее ценный совет — искать горьковские материалы в архивах тех учреждений, куда они были направлены в виде отношений, ходатайств, отчетов и т. д.

Совершенно естественно, однако, что начинать выявление интересующих нас материалов следует в архиве самого Петрокубу. Архив этот (использованный, как уже указывалось, в работе Слонимского), сохранился в фонде № 2995 (КУБУ), в ГАОРСС ЛО. В целях изучения фонда студент (ныне — преподаватель) ТГУ, И. Чернов, в 1962 году был направлен в Ленинград, в Ленинградское отделение Государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства. Даже первый, беглый просмотр дал поразительные результаты: в фонде КУБУ сохранилось огромное количество подписанных Горьким и еще не опубликованных документов! Для полного выявления этих материалов было решено провести в 1963 г. летнюю архивную практику студентов ТГУ в ГАОРСС ЛО. В результате полного описания горьковских материалов в фонде КУБУ обнаружено около 600 документов, не введенных еще в научный оборот и позволяющих уже с более ни менее достаточной полнотой восстановить масштаб и основные направления деятельности М. Горького.

Деятельность Горького на посту председателя Петрокубу была, действительно, необычайно интенсивной и многогранной: М. Горький рассматривал в день подчас свыше 10 различных

<sup>13</sup> Корней Чуковский, ук. соч., стр. 327.

<sup>14</sup> В. Д. Бонч-Бруевич, ук. соч., стр. 231.

дел, составляя и подписывая соответствующее число разнообразных документов. Полная характеристика и оценка работы Горького в Комиссии — дело будущего. Мы попытаемся лишь указать на те аспекты деятельности КУБУ, которые представляются основными и наиболее четко отражены в публикуемых ниже документах.

И мемуаристы, и исследователи на первый план совершенно справедливо выдвигают задачу снабжения голодающих ученых Петрограда продуктами, задачу, от решения которой зависели жизни сотен людей: «Вследствие расстройств путей сообщения прекратился подвоз продуктов <...> и Ленинград <...> попал в положение голодающего города. Выдача хлеба по карточкам снизилась до 200 граммов на человека, временами вместо хлеба выдавали немолотый овес <...> Случаи голодной смерти получили массовый характер. <...> Население Петрограда за три года сократилось с двух миллионов до 800 тысяч человек»<sup>15</sup>. В этих условиях наука несла особенно тяжелые потери: умерли акад. А. А. Шахматов, акад. Е. С. Федоров, проф. Х. Я. Гоби, В. Л. Бианки, геолог А. А. Иностранцев и мн. др. Естественно, что задача организации питания стала первоочередной для созданной в начале 1920 г. Петроградской Комиссии по улучшению быта ученых. Двенадцатого января М. Горький постановлением Петроградского Исполкома был назначен Председателем Петрокубу — 14 января он уже подписал решение КУБУ о норме пайка для ученых. В первый год работы КУБУ значительная, если не большая, часть подписанных Горьким документов касается вопросов снабжения. Здесь и борьба за получение 2000 «ученых» (усиленных) пайков, вместо 1800, установленных Петросоветом, и просьбы о получении дополнительных продуктов к праздникам, и возмущенные письма по поводу реквизиций и обложений со стороны Петрокоммуны тех продуктов, которые доставались для КУБУ, и резолюции на многочисленных заявлениях с просьбой о зачислении на паек... Среди мероприятий по снабжению особенно следует выделить два: создание столовой при Доме ученых и посылки так наз. «закупочных организаций» в различные районы страны. Последнее было, по-видимому, и очень важным, и очень сложным делом. Получая продукты из провинции, КУБУ могло выдавать весьма значительные дотации к пайкам ученых.

Выше уже отмечались регулярные контакты М. Горького с В. И. Лениным, с Совнаркомом и с ЦЕКУБУ. На этом уровне Горький встречал поддержку и понимание важности стоящих перед Петрокубу задач, что постоянно подчеркивал в своих письмах и заявлениях об общих задачах КУБУ (Ср.: «Наука и техника со всею присущей им энергиею должна <так! — З. М.> встать в непосредственную связь с трудовой жизнью.

<sup>15</sup> Б. Е. Райков, Ук. соч., стр. 253.

Это не только мое мнение, так думает Ильич, <...> Красин и все наши лучшие рабочие» (Письмо к Начальнику Сибраспреда т. Гутцац от 31. I. 1921 г., см. стр. 237). Однако практическое осуществление задач КУБУ (и даже тех дел, которые были прямо поддержаны лично Лениным или СНК) зависело от местных — Петроградских и иных — советских организаций и учреждений. И здесь часто возникали весьма значительные трудности, вовсе не всегда сводящиеся ни к простым случайностям военного времени, ни к «вредительству» или бюрократической волоките, как считают некоторые исследователи, а отражавшие куда более серьезные противоречия эпохи. Льготы для «спецов» подчас казались несправедливыми даже людям субъективно честным и бескорыстным. Отсюда — трения и с Петросоветом, и с Петрокоммуной, и с городскими профсоюзными организациями. По существу, здесь столкнулись две различные концепции того общества, которое должно было возникнуть в результате победы революции. И если, с точки зрения М. Горького, гибель науки, ее практических приложений и ее рассадников — Научных учреждений и высших учебных заведений — знаменует перерыв культуры в стране и ставит крест на деле ее хозяйственно-экономического возрождения» (см. стр. 242), то, с другой стороны, постоянно вызывались к жизни и иные — утилитарные — представления о насущных задачах Революции, о соотношении революции и культуры. Отсюда — те резкие столкновения Горького с местным руководством, которые зачастую принимали напряженно-драматический характер. Ср., например, эпизод с арестом уполномоченного КУБУ С. П. Невяровича, посланного на заготовку продуктов для КУБУ и арестованного Рязанским Губчека за... спекуляцию (см. стр. 202), или — «Срочно продовольственную» телеграмму «Сопровождающего Гудкова» М. Горькому от 29/X. 1921 г.: «Вагон № 3643 дубликату 000055 станции Новониколаевск отгруженный Тюшевским Ваш адрес сливочным маслом задержан станции Тюмень ОДТЧК точка я арестован выдачу взятки а груз намерены реквизируют сделайте распоряжение направлении груза адресу»<sup>16</sup>.

Несмотря, однако, на огромные трудности, деятельность КУБУ по снабжению петроградских ученых продовольствием принимала все более широкий размах. В 1921 г., после окончания Гражданской войны, создается возможность послать закупочные организации в Среднюю Азию и Сибирь (см. стр. 224, 228 и др.). Значительную помощь оказывали КУБУ также ученые Англии, Финляндии и др. стран.

К этому времени положение КУБУ настолько упрочивается, что Комиссия имеет возможность часть своих (разумеется, тоже

---

<sup>16</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995 (КУБУ), оп. 1, ед. хр. 254, л. 251.

весьма ограниченных!) средств отчислить через Помгол в помощь ученым голодающих губерний и их семьям.

Однако вопросы продовольственного снабжения были далеко не единственным аспектом деятельности Комиссии. Весьма остро стоял и вопрос о ставках для ученых специалистов (ср. весьма резкое по тону отношение М. Горького в Петроградский Губпрофсоюз Всеработпроса от 1921 г., по вопросу о спецставках, см. стр. 242), и вопрос о квартирах. Последний занимает особенно значительное место в деловой переписке Председателя КУБУ. Домовые Комитеты Петрограда проводили уплотнения — переселения рабочих с окраин в центры. При этом, однако, Домкомы (особенно — их председатели) далеко не всегда делали различие между буржуа, владельцем комфортабельной квартиры, и ученым, имеющим огромную библиотеку и нуждающимся в отдельном кабинете для работы. В десятках отношений в Горжилотдел и райжилотделы г. Петрограда Горький неустанно разъясняет это различие, отстаивает право ученых на дополнительную жилплощадь.

Занимается Горький и другими вопросами, связанными с бытом ученых и стоявшими тоже в достаточной мере остро. Такова, например, длительная борьба Горького за снабжение ученых топливом: зимой в Петрограде это подчас было вопросом жизни или смерти. С этой борьбой связан эпизод, представляющий особый интерес для историка Советского государства. В фонде КУБУ сохранилась заверенная Зав. отделом снабжения КУБУ копия письма В. И. Ленина Заведующему топливным отделом Петрокоммуны от 10. IX 1920 г.

Петроград, т. Рудакову  
Зав. топливом Петрокоммуны.  
Копия Исполкому Петросовета

Прошу Вас снабдить дровами Комиссию по улучшению быта ученых. Если есть какие-либо разногласия насчет количества или какие-либо возражения, прошу черкнуть мне два слова.

Председатель Совнархоза  
Ульянов (Ленин)<sup>17</sup>

Около этого времени Горькому — снова с помощью В. И. Ленина — удается добиться мобилизации Петроградских красноармейцев на заготовку топлива для КУБУ. В записке М. Горького зав. топливным отделом Петрокоммуны тов. Рудакову читаем: «Вопрос о тысяче красноармейцев поставлен Ильичом сегодня в заседании Малого Совнаркома. Своею властью В<ладимир> И<льич> решить вопрос этот отказался, но уверен, что в заседании это будет решено в желательном смысле. О решении я буду знать от него после заседания, т. е. сегодня.

Жму руку. А. Пешков».

<sup>17</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 128, л. 8.



На записке Горького находим и ответ: «Совнарком постановил отпустить в распоряжение Рудакова 1500 красноармейцев, а также часть гражданского населения»<sup>18</sup>.

Занимался Горький и другими вопросами быта, например, снабжением ученых одеждой. Среди документов, подписанных М. Горьким, мы находим и просьбу в Райпродукт о выдаче преподавателю Военно-Медицинской Академии М. С. Лисицыну ордера на сапоги с галошами или валенки для его дочери, не имеющей к зиме никакой обуви (см. стр. 202), и отношение на приобретение валенок и теплых чулок для страдающего ревматизмом ученого хранителя Азиатского музея С. Е. Винера (см. стр. 203), и документ о замене ордера на зимнее пальто, на складе отсутствующее, ордером на летнее пальто (см. стр. 192), столь напоминающий известное место из поэмы Вл. Маяковского «Хорошо» о замене «шубы широкого потребления» «головным убором», и мн. др.

Заботилась КУБУ — в меру своих возможностей — и об охране здоровья ученых: было создано два Дома отдыха и санаторий; в 1921 г. Горький добился возможности посылать больных ученых в санатории Финляндии. В том же году открылся Дом для престарелых ученых и врачей, попасть в который многие старые петроградцы считали в те годы — счастьем (ср. письмо Л. Б. Бертенсона, стр. 240). КУБУ заботилась и о членах семей ученых (ср. просьбы Горького о пенсиях, ходатайства о разрешении выехать за границу и т. д.), и о тех не поддающихся перечислению бытовых «мелочах», без которых была бы невыносима работа сотен ученых Петрограда (ср. переписку по поводу доставки стекол для очков, исходатайствование Горьким для ученых права проезда в трамвае с передней площадки, а также просьбу о передаче КУБУ нескольких извозчичьих бричек для доставки лекторов к месту работы и т. д., и т. п.).

И, наконец, еще один, очень существенный, аспект работы М. Горького в КУБУ. В весьма запутанной обстановке, сложившейся в Петрограде в 1920—21 гг., ученые нередко подвергались необоснованным арестам — иногда по простому недоразумению, чаще же — по неумению отделить политические (подчас весьма поверхностные и не существенные с точки зрения общего смысла их работы) симпатии и антипатии ученых от основного содержания их деятельности. В десятках писем Горький не просто «заступается» за ученых: он разъясняет работникам Петрогубчека тт. Семенову и Озолину значение ученых в жизни страны, невозможность наладить без них экономику России. Отношения М. Горького в Петрогубчека по вопросу

---

<sup>18</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 128, л. 9.

о гарантировании личной безопасности ученых — любопытная страница его деятельности 1919—21 гг.

Занятость КУБУ, по преимуществу, созданием для ученых в годы Гражданской войны минимальных бытовых удобств не исключала и иных — собственно культурных — аспектов работы Комиссии.

Так, в 1921 г. М. Горький много занимается созданием библиотеки при Доме ученых (см. стр. 201, 231). Ему удается наладить обмен научной литературой с учеными Финляндии, получить — при посредстве Г. Уэллса<sup>19</sup> — множество ценнейших книг из Англии, организовав в России их рецензирование, реферирование и перевод (см. стр. 203). При КУБУ — особенно в последние годы работы Горького — налаживается регулярная и очень интересная культурно-просветительная работа, составившая, без сомнения, любопытную веху в культурной жизни Петрограда, а подчас — и в истории науки. Эта сторона деятельности Комиссии не всегда прямо, в дошедших до нас документах, связана с именем М. Горького, а потому в приводимых ниже «Дополнениях к летописи жизни и творчества Горького» (ниже — ДЛГ) она почти не нашла отражения. Однако, совершенно очевидно, что инспирирована культурно-просветительная работа КУБУ была, в первую очередь, именно Горьким и что без учета этой стороны работы Комиссии характеристика ее значения будет неполной<sup>20</sup>. Горький вел, однако, не только «внешние» дела КУБУ. Документы свидетельствуют, что он постоянно занимался вопросами подбора сотрудников, защиты их интересов, общей организацией работы Комиссии и ее отделов (см., например, подписанную М. Горьким структурную схему КУБУ, стр. 196). В ведении М. Горького находились и финансовые дела Комиссии (см. стр. 190, 198 и др.).

Как бы ни было, однако, велико значение практической работы Горького по ведению различных дел Комиссии, воп-

---

<sup>19</sup> См.: М. Горький, Собр. соч. в 30 тт., т. 29, М., ГИХЛ, 1955, стр. 395, а также: Ю. Ковалев, Помощь Уэллса русским ученым, «Русско-европейские литературные связи», М.—Л., «Наука», 1966.

<sup>20</sup> В фонде КУБУ сохранилось несколько весьма объемистых единиц хранения, содержащих планы и отчеты Культурно-просветительного стола КУБУ. Среди имеющихся здесь материалов особое внимание привлекают тезисы докладов, читавшихся в Доме ученых в 1921—23 гг. Одних только конспектов и планов литературоведческих докладов здесь несколько десятков. Среди них: А. С. Архангельский, М. Е. Салтыков-Щедрин и его сатира (оп. 1, ед. хр. 156, стр. 168); А. А. Гизетти, Шелли, его личность и поэтическое творчество (оп. 1, ед. хр. 156, стр. 175); П. П. Аникиев, Ф. М. Достоевский как художник и мыслитель (там же, стр. 231); Г. Г. Синюхаев, Островский и народная поэзия (там же, стр. 59); Б. Энгельгардт, Чехов и символисты (там же, стр. 48); С. Д. Протопопов, В. Г. Короленко как человек и писатель (там же, л. 50) и мн. др.

В дальнейшем представляется вполне целесообразной публикация всех этих материалов.

рос нисколько не исчерпывался ею. Не меньшую (если не большую) роль, чем умелое составление М. Горьким тех или иных отношений, писем и т. д., играл сам престиж его имени, весомость его подписи под документом. Совершенно очевидно, что, в глазах большинства работников местных советских, профсоюзных и т. п. организаций, документ, идущий от лица безвестной КУБУ, и документ, подписанный именем М. Горького, — бумаги, несоизмеримые по степени их значимости. Не случайно, документы, которые написаны в период отъездов М. Горького в Москву и подписаны кем-то из сотрудников Комиссии, постоянно фиксируют внимание адресата на том, что речь идет о КУБУ, руководимой М. Горьким (см. стр. 198 и др.). То же находим, к примеру, и в сохранившемся в фонде Комиссии отношении уполномоченного КУБУ А. А. Тюшевского в Сибпродком от 7. V. 1921 г.:

«Прилагая копию мандата КУБУ на мое имя, прошу Сибпродком отпустить для КУБУ вагон масла в адрес: Петроград, Петрокоммуна, для КУБУ. За отпущенное Сибпродкомом масло КУБУ обязуется доставить эквивалентные товары.

Настоящая просьба вызывается тем, что ученые в Петрограде — люди в большинстве случаев зрелого возраста и истощенные недоеданием, — крайне страдают от отсутствия жиров. Смертность среди ученых все возрастает, и Республика рискует потерять людей науки ранее, чем они смогут создать себе заместителей.

Позволю себе указать, что до сих пор аналогичные просьбы М. Горького, который стоит во главе КУБУ, встречали отклик не только в пределах Республики, но и за границей.

С товарищеским приветом А. Тюшевский»<sup>21</sup>

Столь же большую роль играл личный авторитет Горького и в других делах КУБУ (например, в финансовых; характерно, что счет КУБУ в Наркомпросе именуется «счетом Горького»), и, особенно, в международных связях Комиссии. Создание в Америке организации «Gorki Fund», налаженные через Г. Уэллса связи с английскими учеными, через Мансикка — с Финлян-

---

<sup>21</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 254, л. 264 и 266. Обращает на себя внимание и влияние горьковских мотивировок (и стиля?) на документ, составленный сотрудником КУБУ.

Документы фонда КУБУ позволяют отметить, в связи со сказанным, еще одно любопытное обстоятельство. Употребление в качестве подписи фамилии (А. Пешков) или псевдонима («Горький», «М. Горький») становится для самого Горького семантически значимым и вполне четко разграничивается. «А. Пешков» стоит на документах, имеющих хождение внутри Комиссии (например, резолюции в Пайковую Комиссию) или на письмах к близким знакомым (А. Н. Семашко). «М. Горький» — это подпись, стоящая на различных отношениях и отчетливо рассчитанная на увеличение авторитетности документа.

дией и т. д., и т. п. — все эти, уже вошедшие в научный оборот, факты, вполне возможно, не имели бы места в истории Комиссии, если бы во главе ее не стоял Горький.

Работа в КУБУ, отнимавшая, наряду с другими общественными обязанностями, в течение двух лет все свободное время Горького, не оставлявшая ни минуты для творчества, в то же время, чрезвычайно много давала писателю. Горький прекрасно понимал роль и значение КУБУ в истории советской России. Так, в письме Н. А. Семашко от 22 июня 1920 г. Горький называет КУБУ «одним из самых интересных учреждений советской власти» (см. ниже, стр. 236). Эту роль Комиссии писатель неоднократно разъяснял в различных обращениях к тем или иным общественным организациям — от международных ассоциаций ученых до отделов снабжения. «Республика рискует потерять всех деятелей науки, если мы не найдем возможность поддерживать их силы, истощаемые голодом» — пишет он в июле 1921 г. Начальнику Сибраспреда (стр. 242); «помочь им <ученым — З. М.>, поддержать их в эти трудные дни — естественная и неоспоримая обязанность разумной политики», — развивает он эту же мысль в обращении к Председателю Сибпродкома (стр. 241). Это понимание роли и значения собственной деятельности превратило работу в КУБУ в весьма существенный фактор эволюции М. Горького. Если, с одной стороны, помощь Горького петроградским ученым отчетливо вытекала из его концепций 1917—18 гг. о роли культуры в исторической жизни России, то, с другой, логика практической деятельности постоянно сближала писателя с В. И. Лениным, превращала его в общественного деятеля пореволюционной, советской России<sup>22</sup>.

В заключение следует отметить, что документы фонда КУБУ интересны не только как горьковские материалы. Это — значительные и яркие памятники эпохи. Сухие, написанные «по форме» протоколы и отношения говорят о живых человеческих судьбах, подчас исполненных глубочайшего драматизма, и являются интереснейшими документами из истории русской культуры первых лет Советской власти.

\* \*  
\*

Собственно-горьковские материалы КУБУ, сохранившиеся в Ленинградском отделении ГАОРСС, дошли до нас в документах шести типов:

1. Документы, написанные рукой Горького и подписанные им (ниже — рукопись-автограф — РПА).

---

<sup>22</sup> Ср. мысль В. Д. Бонч-Бруевича о роли КУБУ в налаживании отношений Горького с В. И. Лениным (Горький и наука, стр. 229). Разумеется, ту же или близкую роль играли и другие культурные начинания Горького (например, издательство «Всемирная литература»).

2. Подписи-автографы Горького (обычно — с краткими резолюциями), сделанные на разного рода бумагах (письмах учених, заявлениях и т. п. — ниже ПА).

3. Машинописные тексты за подписью-автографом А. М. Горького (ниже — МПА).

4. Архивные копии с документов типа ПА, РПА, МПА, оригиналы которых были взяты из ГАОРСС ЛО и хранятся в архиве А. М. Горького в Москве (соответственно — АК ПА, АК РПА, АК МПА).

5. Канцелярские копии с документов типа МПА (изредка, вероятно, и РПА), машинописные или от руки, где подпись Горького заверена зав. канцелярией или кем-либо из работников канцелярии КУБУ (ниже — КК). Оригиналы этих документов были в свое время отправлены различным организациям и лицам, и канцелярские копии могут стать важным средством обнаружения оригиналов горьковских автографов в архивах соответствующих учреждений.

6. Пересказы выступлений М. Горького на заседаниях Президиума КУБУ (ниже — ПЗ), перечни подписанных им документов в Журналах входящих бумаг (ниже — ЖВБ), упоминания о его деятельности в разного рода отчетах и т. д.

В принципе, все эти документы (а первых четырех групп — без всякого сомнения) можно считать там самым дополнением к Собранию сочинений М. Горького, о котором писал К. Чуковский.

Следует, вместе с тем, отметить, что приводимые ниже материалы, по-видимому, не исчерпывают всего написанного М. Горьким от лица и по поводу КУБУ и еще не вошедшего в научный оборот. Не говоря уже о принципиальной возможности пропусков при просмотре нескольких сотен объемистых папок<sup>23</sup>, сами тексты дошедших до нас документов свидетельствуют о том, что Канцелярия КУБУ (в целом работавшая, видимо, весьма исправно), иногда все же не подшивала к делам тех или иных справок, ходатайств и т. п. Так, изредка (см. стр. 203) встречаются повторные, судя по их тексту, отношения, при отсутствии первичных; иногда явно не хватает писем к Горькому, на которые он отвечает, и т. д., и т. п. Все эти случаи нами зафиксированы и также могут способствовать дальнейшим поискам горьковских материалов.

Несмотря на справедливость сказанного выше о возможной равной степени причастности Горького к созданию документов типа РПА, МПА и КК, все же, разумеется, это — документы

---

<sup>23</sup> Мы старались избежать таких «огрехов», подвергнув весь фонд двойному просмотру. Пользуюсь случаем поблагодарить работников ГАОРСС ЛО за их неизменно дружественную помощь в работе.

разной ценности (располагаем их в порядке убывания значимости). Кроме того, документы фонда КУБУ имеют разную ценность в зависимости от:

а. Значимости содержания (ср. расписки М. Горького в получении денег для КУБУ — и письма, излагающие взгляды Горького на общие задачи Комиссии).

б. Стиля документа (ср. отношения и ходатайства, написанные по общим правилам составления канцелярских бумаг, часто однотипные, различающиеся только названиями учреждений и фамилиями, — и документы отчетливо-горьковского индивидуального стиля, синтаксиса и т. д.).

в. Лица, в котором составлена бумага (ср.: «КУБУ ходатайствует...» — и «Я прошу Вас, товарищ...»).

В связи с этим находится и форма воспроизведения документов КУБУ в нашей публикации. Разумеется, в идеале, все документы названных выше пяти типов должны были бы быть воспроизведены полностью; однако, из соображений объема работы приходится прибегать к довольно значительным сокращениям: часть Горьковских материалов публикуется полностью, часть — в виде сокращенных пересказов (с возможно большим количеством цитат и максимально близко к тексту), — в разделе «Дополнения к Летописи жизни и творчества М. Горького» (ниже — ДЛГ). Полностью опубликованы все РПА (объемные — во II разделе, небольшие, типа резолюций — в ДЛГ), а также все идущие за подписью Горького документы важного содержания, несущие следы индивидуального стиля писателя или же написанные от I лица.

Документы фонда, не вышедшие из-под пера Горького, но представляющие значительный интерес для исследователя, можно подразделить на 3 группы:

1. Документы с упоминанием имени М. Горького, интересные, в первую очередь, для «горьковедов» (фамилия «Председателя КУБУ Горького» в документах, идущих из КУБУ или в КУБУ, официальные письма к М. Горькому и т. д. и т. п.);

2. Материалы по истории КУБУ, так или иначе связанные с темой «Горький и КУБУ», но представляющие и сами по себе значительный интерес (Уставы, протоколы заседаний с фиксацией выступлений С. Ф. Ольденбурга, А. Ферсмана и др.);

3. Материалы по истории русской культуры, науки (в частности — литературоведческой) и литературы, часто имеющие первостепенное значение (письма различных ученых, писателей и т. д. в КУБУ или к М. Горькому, анкеты, *sigillum vitae*, списки опубликованных работ, проспекты лекций для Культпроса КУБУ и др.)

При описании документов в ДЛГ применяется система сокращенных обозначений: названия архива (ГАОРСС ЛО) и фонда (2995) опускаются, первая цифра обозначает № описи,

вторая — единицу хранения, третья и дальше — листы. Номера «дел» по старой нумерации (канцелярии КУБУ) и номера отношений, «исходящие» и «входящие» и т. п. — для краткости опущены. Перед цифрами — одно из названных выше сокращенных названий типа документа, подписанного Горьким (ПА, РПА, МПА, АК РПА, АК ПА, АК МПА, КК, ПЗ, ЖВБ). Тип документа без горьковского автографа обычно выясняется из пересказа содержания («Отношение А. С. Роде . . .», «Отношение Председателя Петрокоммуны . . .») и, во избежание путаницы с горьковскими автографами, более детально не характеризуется.

Описание архивных источников полностью публикуемых писем М. Горького (раздел II), ввиду их особой важности, дается без сокращений.

# I.

## ДОПОЛНЕНИЯ К «ЛЕТОПИСИ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА М. ГОРЬКОГО»

По материалам фонда КУБУ (2995) в ГАОРСС ЛО

1920

Январь, 12.

М. Горький входит в Петроградскую Комиссию по улучшению быта ученых, созданную по постановлению Президиума Петроградского исполкома.

ПЗ; 1, 7, 83.  
ЛГ, 158.

Январь, 18.

Председатель исполкома Петросвета и Нарком просвещения А. В. Луначарский подписывают Постановление Президиума исполкома Петроградского Совета рабочих, красноармейских и крестьянских Депутатов о составе, обязанностях, правах и средствах КУБУ. Руководство Петрокубу учреждено в составе М. Горького, Г. Циперовича, З. Г. Гринберга, М. И. Кристи, А. Л. Апатова, И. И. Манухина, С. Ф. Ольденбурга, П. С. Осадчего, А. П. Пинкевича, В. Н. Тонкова, А. Е. Ферсмана, В. М. Шимкевича, тт. Зеликсона, Лилиной, А. Е. Бадаева, Зорина и М. Ф. Андреевой.

1, 7, 83.

Январь, 19.

М. Горький подписывает отношение к Председателю правления Петрокоммун с просьбой срочно распорядиться о передаче КУБУ продуктов на 1800 ученых.

КК; 1, 6, 234.

Февраль, 14.

Присутствует на заседании и подписывает журнал № 48 Петроградского КУБУ.<sup>1</sup>

ПЗ; 1, 4, 20 об.

Февраль, 28.

Участует в заседании Президиума КУБУ. Президиум постановляет просить А. М. Пешкова и заведующего Госконтролем т. Николаева об урегулировании в Госконтроле пайковых списков.

ПЗ; 1, 6, 227.

Февраль, 28.

Накладывает резолюцию: «Удовлетворить» на заявление заведующего канцелярией Н. Ал. Меркулова в отдел Распределения КУБУ с просьбой освободить его от исполнения служебных обязанностей.

РПА; 1, 32, 409.

---

<sup>1</sup> Т. о., Горький приезжает в Петроград, после очередной поездки в Москву, не позже 14. II. 1920 (ср. ЛГ, стр. 161).



Февраль, 30.

Присутствует на заседании Петрокубу. Подписывает протокол заседания № 41.

АК ПА; 1, 4, 12а, 12б, 13.

Март, 1.

Присутствует на заседании Петрокубу.

ПЗ; 1, 4, 20а.

Март, 9.

Подписывает отношение председателю Петрокоммуну тов. А. Е. Бадаеву о выдаче КУБУ сливочного масла по установленной норме.

ПА; 1, 60, 378.

Март, 24.

Подписывает письмо председателю Исполкома Петросовета с просьбой оказать поддержку гг. Н. В. Ивановскому и З. Ф. Кану, назначив им усиленный паек.

КК; 1, 60, 246.

Март, 29.

Подписывает отношение в Петрокоммуну тов. Бадаеву с просьбой выдать 1800 ученым белую муку по установленной норме, а также отпустить указанным лицам яйца и творог «к предстоящей Пасхе».

МПА; 1, 60, 328.

Март, 29.

Подписывает отношение в Петрокоммуну тов. Бадаеву с просьбой выдать хлеб 1800 ученым на срок с 8 по 15 апреля и не оставить ученых на праздники без хлеба.

МПА; 1, 60, 327.

Март, 29.

Подписывает ходатайство КУБУ о выдаче продуктов в связи с Пасхой.

МПА; 1, 32, 382.

Март, 29.

Подписывает ходатайство в Петрокоммуну тов. Бадаеву о выдаче работникам КУБУ продуктов и белой муки в связи с Пасхой.

МПА; 1, 32, 384.

Апрель, 23.

Подписывает протокол КУБУ о роспуске штата сотрудников Петрокубу по г. Москве в связи с тем, что Петрокубу имеет прямой контакт с Москвой.<sup>1</sup>

АК ПА; 1, 7, 62.

Апрель, конец.

Подписывает справку о выдаче служащим Дома Ученых продуктов на май 1920 г.

М ПА; 1, 32, 314.

Май, 3.

Подписывает отношение в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой о срочном допросе Н. Н. Мартиновича и быстром освобождении в случае доказательства его невиновности.

КК; 3, 3, 73.

Май, 3.

А. С. Роде телеграфирует из Берлина заместителю А. М. Горького т. Тонкову о создании Берлинского отделения Петрокубу.

Май, 5.

М. Горький подписывает отношение в Комиссариат Труда о строительстве мастерских для нужд КУБУ.

КК; 1, 21, 42.

<sup>1</sup> Речь идет, в частности, и о частых поездках в Москву А. М. Горького.

- М а й, 5.  
Подписывает письмо в Губком с просьбой об отпуске материалов для починки обуви ученым.  
КК; 1, 20, 54.
- М а й, 5.  
Подписывает отношение о включении в паек тт. Ивановского и Кана.  
ЖВБ; 1, 25, 7 об.
- М а й, 10.  
Подписывает Удостоверение личности гр. Ивановой, Екатерине Николаевне; письмо в ЧК о снятии печати с домашнего телефона А. Ф. Курляндского.  
КК; 1, 32, 266.
- М а й, 13.  
Подписывает отношение члену Правления Петрокоммуны тов. Троекурову о выдаче сапог тов. Курляндскому.  
КК; 1, 32, 242.
- М а й, 14.  
Подписывает письмо в Особую Столичную Комиссию по отсрочкам при Губвоенкомпете об отсрочке призыва на военную службу т. Чекалина М. И.  
КК; 1, 19, 93, 94, 96.
- М а й, 14.  
Подписывает удостоверение гр. Илларины Владимировны Амфитеатровой о том, что она с 1/II по 15/V 1920 г. служила в КУБУ в качестве заведующей клуба ученых и столовой.  
КК; 1, 36, 49.
- М а й, 19.  
А. С. Роде в отношении в Детскосельский жилищный отдел просит оказать содействие т. Чекалину Михаилу Ивановичу, при поисках дачи для М. Горького, «необходимой ему, по совету врачей, для отдыха после перенесенной болезни».  
1, 21, 41.
- М а й, 21.  
КУБУ направляет председателю Детскосельского исполкома тов. Колесову письмо с просьбой не отказать в предоставлении М. Горькому дачи гр. Скороспехова на углу Леонтьевского и Бульварной.  
1, 21, 39.  
1, 32, 220.
- М а й, 21.  
Финотдел Наркомздрава (расходная смета 1920 г.) направляет в Финотдел Петроградского Губисполкома переводное требование с просьбой открыть кредит М. Горькому.  
1, 14, 54.
- М а й, 22.  
Горький подписывает письмо в отдел народного питания Петрокоммуны с просьбой разрешить открыть столовую при Доме ученых.  
КК; 1, 18, 47.
- М а й, 24.  
Подписывает отношение КУБУ в Петрокоммуну, товарищу Троекурову, с просьбой привести в исполнение постановление Центральной комиссии при СНК от 17 мая 1920 г.  
КК; 1, 60, 216.
- М а й, 24.  
Подписывает Удостоверение о возбуждении перед Особой Центральной комиссией при Реввоенсовете ходатайства КУБУ об отсрочке от призыва гр. Чекалина.  
КК; 1, 19, 91.

М а й, 25.

Подписывает отношение коменданту 10 запасного стрелкового полка об откомандировании рабочих Григория Гукова и Павла Иванова для обслуживания сапожных мастерских КУБУ.

КК: 1, 32, 212.

М а й, 26.

Получает телеграмму от Совета Рабоче-крестьянской обороны с сообщением о постановлении коллегии высшего геодезического управления по принятию мер к сохранению жизни и восстановлению работоспособности тяжело больного проф. Д. Д. Сергиевского. В телеграмме содержится просьба выдать Д. Д. Сергиевскому академический паек.

1, 60, 416.

М а й, 26.

Подписывает ходатайство в Петрокоммуну с просьбой к тов. Бадаеву о выдаче разрешения на заготовку и доставку в Петроград продуктов для Кубу.

АК ПА;

М а й, 26.

Подписывает ходатайство Председателю Петрокоммуны тов. Бадаеву с просьбой отпустить 2000 лицам мясные консервы на июнь месяц, а также — для выдачи больным и особо нуждающимся ученым, — отпустить 300 банок сгущенного молока.

АК ПА; 1, 60, 211.

М а й, 26.

Подписывает ходатайство командиром 1 стрелкового полка об откомандировании работников Слобошина Н., Голубева А., Ухова П., Чернолобова И., Иванова Д. для обслуживания сапожных мастерских КУБУ.

КК; 1, 32, 207.

М а й, 26.

Подписывает ходатайство комиссару Петроградского Военного округа тов. У. Битке об откомандировании из воинских частей 10 портных и сапожников в распоряжение КУБУ.

КК; 1, 32, 209.

М а й, 28.

Посылает письмо замнаркомпросу М. Н. Покровскому с сообщением, что академик Д. Сергиевский получает ученый паек уже с февраля месяца (см. запись от 26 мая).

КК; 1, 60, 418.

М а й, 29.

Заведующий отделом распределения КУБУ подписывает отношение Председателю Правления Петрокоммуны тов. Бадаеву с просьбой о выдаче продуктов для 2000 ученых на июнь месяц, согласно заявлению председателя комиссии тов. Горького.

1, 60, 197.<sup>1</sup>

И ю н ь, 2.

М. Горький подписывает заявление Председателю Правления Петрокоммуны тов. Бадаеву о разрешении КУБУ организовать поездку в Сибирь и во внутренние губернии для заказа и закупки 5.000 пар валеных сапог к зиме.

КК; 1, 67, 102.

И ю н ь, 7.

Подписывает просьбу заведующему Подстделом Управления лагерями принудительных работ тов. Каплуну о присылке в КУБУ чернорабочих из лагеря принудительных работ № 1.

КК; 1, 32, 185.

<sup>1</sup> Заявление Горького написано 24. V. 1920; хранится в Архиве Горького в ИМЛИ (ср. ЛГ, стр. 175).

- Июнь, 10.  
Подписывает просьбу в Московский совет об освобождении дачи П. А. Иванова от реквизиции.  
КК; 1, 32, 83.
- Июнь, 10.  
Подписывает отношение в Петрокоммуну с просьбой о выдаче для 15 членов НКП, приехавших из Москвы, и 20—25 работников КУБУ, живущих в Петрограде, необходимого количества продуктов для изготовления обедов и ужинов.  
КК; 2, 48, 1, 1 об.
- Июнь, 10.  
Подписывает отношение в Петрокоммуну тов. А. Е. Бадаеву с просьбой выдать полную норму пайка для 2000 ученых за II половину июня.  
АК ПА; 1, 60, 171.
- Июнь, 10.  
КУБУ направляет отношение председателю Детскосельского Исполкома т. Колесову с просьбой предоставить т. Горькому на летний сезон 2-ой этаж дачи Скороспехова.  
1, 5, 523, то же 524.
- Июнь, начало.  
М. Горький подписывает смету расходов по оборудованию санатория.
- Июнь, 12.  
Подписывает просьбу КУБУ в Петроградский горфинотдел о выдаче денег на содержание санатория для ученых.  
МПА; 1, 14, 52.
- Июнь, 16.  
Председатель Коммуны т. Бадаев направляет М. Горькому телефонограмму № 2513 с сообщением о необходимости сократить паек научным специалистам ввиду ограниченности запасов хлеба и продуктов. Предлагается также сократить списки ученых, получающих пайки.  
1, 60, 169.
- Июнь, 18.  
Исполком Петроградского городского Совета рабочих и крестьянских депутатов сообщает об открытии кредита на имя председателя Комиссии по Улучшению была ученых А. М. Пешкова.  
1, 14, 53.
- Июнь, 20.  
М. Горький направляет отношение в Петрокоммуну с просьбой разрешить КУБУ послать закупочную организацию в Нижегородскую и Рязанскую губернию.  
КК; 1, 60, 45.
- Июнь, 21.  
Управление общего распределения Наркомпроса сообщает М. Горькому о разрешении на выдачу 2000 ученых пайков.  
1, 60, 33.
- Июнь, 28.  
М. Горький подписывает т. Шигульскому удостоверение о том, что ему поручается организовать отделение сапожной мастерской Комиссии.  
КК; 1, 20, 51.
- Июнь, 29.  
Подписывает отношение в РГЧК, тов. Благодравову, с просьбой не отказать в отпуске сырья для сапожных мастерских КУБУ.  
КК; 1, 20, 50.
- Июнь, 29.  
КУБУ направляет отношение тов. Балагурову (отдел Распределения Петрокоммуны) с просьбой выдать груз, прибывший на имя А. М. Горького-Пешкова.  
1, 60, 99.

Июнь, 29.

М. Горький подписывает отношение в Президиум Исполкома Петросовета об организации Дома отдыха ученых на 50 человек и о выдаче продовольствия для нужд Дома отдыха.

АК ПА; 1, 60, 100.

Июнь, 30.

Подписывает отношение в отдел Распределения Петрокоммуны с просьбой отпустить продукты и чайное довольствие на срок с 25 июня по 3 июля для 2-х лиц, которые работают в Комиссии по организации Уральского и Туркестанского госуниверситетов.

КК; 2, 48, 2.

Июнь, 30.

Подписывает отношение в Петрокоммуну с просьбой разрешить посылку торговой организации в Харьковскую, Полтавскую, Киевскую и Херсонскую губернии в целях закупки продуктов для КУБУ.

КК; 1, 60, 92.

Июнь, 30.

Подписывает отношение в Петрокоммуну с просьбой разрешить посылку торговой организации в Сибирь в целях закупки продуктов для КУБУ.

КК; 1, 60, 94.

Июнь, 30.

Подписывает отношение в Петрокоммуну с просьбой о разрешении посылать на Кавказ организацию для закупки овощей и фруктов.

КК 1, 60, 96.

Июль, 1.

Подписывает справку о помощи продуктами всем служащим Дома ученых на июль месяц.

М ПА; 1, 32, 119.

Июль, 2.

Подписывает отношение в Отдел питания с просьбой о помощи в доставке оборудования для кухни Дома ученых.

КК; 1, 18, 42.

Июль, 3.

Пишет записку к А. С. Родэ: «Адольф Сергеевич! Необходимо устроить на паек товарища Боричевского. Это очень важно. Будьте добры сделать это. А. Пешков».

Р ПА; 1, 60, 76.

Июль, 5.

А. С. Родэ направляет записку М. Горького (с просьбой зачислить на паек Т. Боричевского) к тов. Ферсману.

1, 60, 76.

Июль, 8.

Комиссар т. Егоров направляет телеграмму к А. С. Родэ с просьбой выслать с т. Бильгреем письмо М. Горького к т. Аванесову по делу об аресте сотрудника КУБУ [С. П. Невяровича? — З. М.].

1, 31, 94.

Июль, 12.

КУБУ направляет объяснительную записку Председателю Исполкома Петросовета с уведомлением о том, что на заседании КУБУ в присутствии М. Горького было постановлено считать недопустимым уменьшение количества пайков.

КК; 1, 60, 60.

Июль, 13.

Подписывает отношение в Комитет по делам кожевенной промышленности с просьбой о помощи в починке обуви для ученых.

КК; 1, 20, 49.

Июль, 16.

Подписывает мандат М. В. Егорову на присяжание в г. Слуцке помещения для Дома отдыха КУБУ.

КК; 1, 5, 507.

КК; 1, 32, 57.

Июль, 20.

Направляет в Петрокоммуну просьбу о разрешении послать в Нижегородскую и Рязанскую губ. закупочную организацию для приобретения продуктов, т. к. число ученых, нуждающихся в пайке, значительно превосходит 2000.

КК; 1, 60, 45.

Июль, 21.

Подписывает докладную в Петрокоммуну с требованием немедленно выдать имущество проф. В. Н. Гатовского его владельцу.

М ПА; 1, 61, 172.

Июль, 21.

Тт. Капылов и Вышинский направляют М. Горькому телеграмму о необходимости выдачи 2000 ученых пайков и проверки списков.

1, 60, 30.

Июль, 21.

М. Горький подписывает мандат казначею КУБУ Виктору Петровичу Крючкову на получение из Петрокоммуны 1 000 000 руб. на оборудование столовой для Дома Ученых.

КК; 1, 18, 38.

Июль, 22.

Подписывает отношение в Наркомздрав с просьбой оставить в Петрограде доктора М. Е. Лемберга как незаменимого работника КУБУ. На отношении — приписка рукой М. Горького, адресованная Н. А. Семашко (см. приложение II).

Июль, 22.

Подписывает отношение председателю Коллегии Совнархоза тов. Михайлову с просьбой о предоставлении Комиссии старого железа от сломанных домов, печей и т. п. на предмет изготовления на зимний сезон кухонных очагов для нужд 4000 ученых.

КК; 2, 48, 3.

Июль, 23.

Подписывает удостоверение о командировке в Москву П. А. Иванова.

КК; 1, 32, 42.

Июль, 26.

Присутствует вместе с Родэ и др. на заседании закупочной подкомиссии КУБУ.

ПЗ; 1, 13, 29—30.

Июль, 28.

Подписывает отношение в электротехнический отдел Петрограда с просьбой выдать удостоверение на право пользования электричеством самой КУБУ, а также ее ответственным работникам.

М ПА; 2, 48, 4.

Июль, 28.

То же.

КК; 2, 48, 5.

Июль, 28.

Подписывает мандат в Наркомпрод А. С. Родэ.

КК; 1, 32, 22, 23, 24.

Июль, 29.

Присутствует на заседании КУБУ и подписывает журнал заседаний.

АК ПА; 1, 4, 3—3а.

Июль, 29.

Подписывает командировку в санаторий для ученых сестре милосердия Е. М. Савик.

КК; 1, 32, 16-а.

Июль, 31.

Подписывает заявление в Совет народного хозяйства с просьбой не отказать КУБУ в выдаче кровельного железа на хозяйственные нужды.

КК; 1, 67, 29.

Июль, 31.

Подписывает заявление в Отдел утилизации Совета народного хозяйства с просьбой не отказать КУБУ в выдаче старого кровельного железа на хозяйственные нужды.

КК; 1, 67, 39.

Июль, 31.

Подписывает В. Н. Тихонову удостоверение о том, что он состоит консультантом при КУБУ.

КК; 1, 32, 16.

Июль, 31.

Касса КУБУ извещает, что по счету М. Горького поступило на прих. орд. № 201 из выданных ему Р. — 23 000 000.

1, 133-а, 1.

Июль.

Подписывает П. В. Александрову удостоверение о том, что он состоит консультантом по делу питания при КУБУ.

КК; 1, 32, 26.

Июль.

КУБУ сообщает о создании Отдела снабжения. Отдел организован с целью доставления ученым и их сотрудникам различных предметов питания и домашнего обихода, сверх получаемых ими по академическому или иным пайкам. Сообщается также о получении Отделом прачечной ссуды на имя М. Горького.

1, 8, 25.

Август, 1.

М. Горький подписывает отношение КУБУ в Центропечать с просьбой отпустить А. К. Николаевой литературу для вновь создаваемой при Доме Ученых библиотеки.

МПА, 2, 48, 6.

Август, 3.

Народный Комиссариат Здравоохранения сообщает в Петроградское Отделение Рабоче-крестьянской инспекции о согласии на выдачу денег (2.500.000 руб.) А. М. Пешкову (М. Горькому) для устройства санатория и Домов отдыха в Детском Селе.

1, 14, 51.

Август, 11.

М. Горький подписывает отношение в Центральный Жилищный отдел с просьбой не выселять научного сотрудника Высшей академии материальной культуры т. Рихарда Рихардовича Фасмера.

КК; 1, 61, 183.

Август, 11.

Подписывает отношение в Петрокоммуну о выдаче под отчет комиссии до 20 ученых пайков на предмет предоставления их приезжающим из других городов делегатам <различного рода конференций и т. д. — З. М.>.

МПА; 1, 60-а, 26.

Август, 12.

Подписывает отношение в Петрокоммуну с просьбой о разрешении на заготовки продуктов в Орловской, Тверской, Гомельской, Самарской и Уфимской губерниях «для 15 000 едоков».

КК; 1, 5, 494.

Август, 12 (?)

Подписывает удостоверение т. М. Е. Жданко — председателю ревизионной комиссии по делам КУБУ.

КК; 1, 8, 7.

Август, 13.

Подписывает просьбу КУБУ в Петрозавк не отказать в исполнении резолюции Наркомздрава тов. Семашко об оставлении доктора Лемберга в Военно-лечебном заведении в Петербурге (см. прилож. II).

КК; 1, 28, 626.

Август, 16.

Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Петроградском Совете Рабочих и Красноармейских Депутатов сообщает в ответ на ходатайство М. Горького об освобождении Н. И. Аносовой, что «ходатайство отклонено».<sup>1</sup>

3, 1, 8.

Август, 17.

М. Горький подписывает ходатайство в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, заведующему судебно-следственным отделом тов. Озолину, о том, что КУБУ поддерживает ходатайство проф. К. А. Поссе и просит освободить гражданку Второву на поруки.

КК; 3, 1, 27.

Август, 21.

Делаю приписку на заявлении кандидата физико-математических наук Н. В. Попова с просьбой пересмотреть решение КУБУ и выдать Попову ученый паек. На заявлении, в левом верхнем углу, рукой Горького написано: «К делам по протесту против постановления Контрольной комиссией А. П[ешков]».

РПА; 1, 97, 123.

Август, 21.

Подписывает Охранную грамоту Петрокубу в том, что квартира д-ра С. С. Жихарева не подлежит уплотнению, а имущество — реквизиции.

МПА; 1, 61, 248

Сентябрь, 3.

Присутствует на заседании Особой комиссии при СНХ по улучшению быта ученых, где разбирается вопрос о проверке списков лиц, получающих академический паек.

АК ПА; 1, 7, 70.<sup>2</sup>

Сентябрь, 3.

Народный комиссариат по просвещению (отдел Высших Учебных Заведений) просит М. Пешкова принять меры к организации составления Петроградского списка литераторов на получение ими пайка.

1, 7, 10.

Сентябрь, 8.

Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов сообщает т. Горькому о том, что Дмитрий Дмитриевич Ларионов, заключенный 2-го Лагерь принудительных работ, не может быть освобожден.<sup>3</sup>

1, 28, 527.

3, 1, 56.

Сентябрь, 10.

Председатель СНК В. Ульянов (Ленин) направляет в Петрокомму письмо о помощи КУБУ.

КК подписи В. И. Ульянова (Ленина).; 1, 128, 8, 27.

<sup>1</sup> Ходатайство М. Горького не сохранилось.

<sup>2</sup> Ср.: ЛГ, стр. 186.

<sup>3</sup> Ходатайство М. Горького в архиве КУБУ не сохранилось



- Сентябрь, 12.  
М. Горький подписывает ходатайство в Наркомфин и в Комиссию по выдаче вещей из ссудной казны с просьбой оказать содействие при выдаче вещей проф. Опелю.  
КК; 1, 62, 526.
- Сентябрь, 13.  
Подписывает письмо в Петрокоммуна, в Отдел предметов первой необходимости Петроградского района, об ускорении выдачи вещей гражд. Карташеву.  
КК; 1, 28, 372.
- Сентябрь, 13.  
Подписывает заявление в Комгорхоз тов. Михайлову с просьбой рассмотреть дело о квартире профессора Н. Глубоковского.  
КК; 1, 62, 527.
- Сентябрь, 14.  
Подписывает ходатайство в Отдел недвижимых имуществ с просьбой отсрочить выселение из квартиры врача Кочневой.  
Сентябрь, 14.  
Подписывает ходатайство в Центральный Жилищный отдел и в Отдел Петроградской стороны с просьбой сделать распоряжение о невселении жильцов в квартиру проф. Р. Вейнберга, а также А. П. Вейнберг, занятых научной работой.  
КК; 1, 62, 637.
- Сентябрь, 15.  
Подписывает отношение в Отдел высших учебных заведений Комиссариаата народного просвещения с просьбой оказать содействие в перемене квартиры проф. А. К. Мордвилко.  
КК; 1, 62, 516.
- Сентябрь, 15.  
Подписывает ходатайство в Райбюро с просьбой о замене ордера на летнее пальто, выданного инженеру Колосову, ордером на зимнее пальто, так как склад летними пальто не располагает.  
КК; 2, 48, 9.
- Сентябрь, 15.  
Подписывает отношение в Комиссариаат народного просвещения с заявлением о необходимости встать на защиту интересов пр. Ивановского и пр. Гримма и сохранить занимаемые ими квартиры.  
КК; 1, 62, 499.
- Октябрь, 15.  
Подписывает отношение в Отдел Управления Исполкома Петросовета, тов. Каппун, с просьбой оказать содействие Н. Н. Торнау в учреждении грязелечебницы.  
КК; 1, 5, 458.
- Сентябрь, 17.  
Союз пролетарских писателей в письме в КУБУ просит утвердить список Союза для получения академических пайков. Письмо подписано председателем П. Арским и секретарем Я. Бердниковым.  
1, 7, 65.
- Сентябрь, 21.  
А. М. Горький упоминается в журнале заседаний КУБУ: «Благодаря хлопотам М. Горького в Москве, <...> оказалось возможным организовать <...> закупочные партии <...> и в частности в Туркестане». «Дрова будут доставлены для 5 000 человек».  
ПЗ; 1, 6, 217, 217 об., 218.
- Сентябрь, 23.  
Подписывает отношение в Петроградский губернский Комитет по всеобщей трудовой повинности с просьбой сделать распоряжение об освобождении хозяек в семьях ученых от трудовой повинности.  
КК; 2, 48, 10, 10 об.

Сентябрь, 27.

Делает пометку на письме З. Гринберг в КУБУ по поводу лишения М. С. Гинзбурга академического пайка. В верхнем углу рукой Горького сделана приписка: «Пайковой комиссии. А. П[ешков]».

РПА; 1, 113, 75.

Сентябрь, 28.

Подписывает заявление в Петрозавк с просьбой оказать содействие возвращению в Лагвию, больного туберкулезом Г. Ю. Гольдсберга (лично знакомого Горькому).

КК; 2, 48, 11.

Сентябрь, 28.

Подписывает отношение в Жилищный отдел 1-го городского района с просьбой сделать распоряжение о невселении посторонних в квартиру С. Л. Будо, занятого выполнением научной работы по философии религии; вселение невозможно и потому, что 3 комнаты квартиры Будо занимает библиотека.

КК; 1, 62, 576.

Сентябрь, 28.

Подписывает ходатайство в Жилищный отдел с просьбой сделать распоряжение об ограждении квартиры пр. Глубоковского от уплотнения.

МПА; 1, 62, 566.

Сентябрь, 28.

Подписывает ходатайство в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, заведующему судебно-следственным отделом тов. Озолину, с просьбой сделать распоряжение о срочном допросе гр. Стойновского и освобождении его в случае обнаружения виновности.

КК; 3, 1, 98.

Сентябрь, 28.

Подписывает ходатайство в Центральный жилищный отдел с просьбой сделать распоряжение о восстановлении за гражд. С. М. Данини права на исключительное пользование квартирой и о выселении из этой квартиры гражд. Мидель.

КК; 1, 62, 578.

1, 162а, лл. не пронумерованы.

Сентябрь, 28.

Подписывает отношение в Центральный Жилищный отдел с просьбой сделать распоряжение об ограждении квартиры Глубоковского от уплотнения т. к. Н. Глубоковский — профессор Петроградского Университета и 2 комнаты его квартиры заняты библиотекой.

КК; 1, 62, 582.

Сентябрь, 28.

Подписывает ходатайство в Центральный жилищный отдел с просьбой оградить квартиру проф. З. З. Вулиха от дальнейшего уплотнения: в одну из его комнат уже вселены две гражданки, а ученому непременно нужна комната для занятий.

КК; 1, 62, 583, 584.

Сентябрь, 28.

Подписывает ходатайство в Жилищный отдел Петроградского района с просьбой сделать распоряжение о невселении в квартиру И. И. Толстого по адресу: Песочная улица, д. 26, Петроградская сторона — посторонних лиц. И. И. Толстой имеет большую библиотеку.

КК; 1, 62, 585.

Сентябрь, 29.

Подписывает ходатайство в Отдел народного образования 1-го городского района с просьбой сделать распоряжение о приостановке выселения из занимаемой ими квартиры членов семьи В. Н. Малыгина до возвращения в Петроград из научной командировки на Белое море самого Малыгина.

КК; 1, 62, 571.

- Сентябрь, 29.  
Подписывает ходатайство в Комиссариат Народного просвещения (Отдел средних учебных заведений) с аналогичной просьбой.  
МПА; 1, 62, 569.
- Сентябрь, 29.  
Подписывает отношение в Жилищный отдел Василеостровского района с просьбой выдать Е. Е. Костычевой ордер на подыскание квартиры из 4-х комнат по адресу: Вас. остров, Большой Проспект, д. 35, кв. 2.  
КК; 1, 62, 572.
- Сентябрь, 29.  
Подписывает ходатайство в Петрокоммуну с просьбой сделать распоряжение о признании за гражд. Бауэром права на оставленное им имущество (книги, манускрипты и др. бумаги личного характера) и о выдаче ему разрешения на право вывоза имущества.  
КК; 1, 62, 570.
- Сентябрь, 29.  
Подписывает удостоверение тов. Лазарю Ефимовичу Бильгрею, командируемому в Москву.  
М ПА; 1, 28, 470.
- Сентябрь, 30.  
Подписывает командировку в Москву архитектору КУБУ Сильвио-Валентину Амбросиевичу Данини.  
КК; 1, 28, 437.
- Сентябрь, 30.  
Подписывает письмо в Губвоенкомпет, об отсрочке призыва в армию заведующего питанием Дома Ученых М. И. Чекалина.  
КК; 1, 19, 72.
- Сентябрь, 30.  
Подписывает ходатайство в Исполком Петросовета с просьбой сделать распоряжение о выдаче проф. Н. М. Каринскому разрешения на вывоз принадлежащей ему обстановки в Вятку (для личного пользования и для канцелярии Института) и в Вятку о пайке для него.<sup>1</sup>  
КК; 1, 62, 565, 567.
- Сентябрь, 30.  
Подписывает командировку в Москву секретарю Информационного Бюро при КУБУ Елене Сергеевне Самойловой.  
КК; 1, 28, 438.
- Сентябрь, 30.  
Подписывает командировку в Москву члену Президиума КУБУ проф. Александру Леонтьевичу Апатову.
- Сентябрь, 30.  
Подписывает удостоверение об отсрочке призыва в войска И. П. Рейднера.  
КК; 1, 19, 73.
- Октябрь, 1.  
Подписывает ходатайство КУБУ в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, тов. Озолину, с просьбой сделать распоряжение о возвращении проф. Тимашеву взятой у него пишущей машинки системы «Ундервуд». Замена взятой машинки предложенной ученому взамен машинкой системы «Ремингтон» не удовлетворяет проф. Тимашева.  
КК; 1, 62, 622.

<sup>1</sup> Ср. ЛГ, стр. 188. Автограф ходатайства в Вятский губисполком с просьбой выдать Н. М. Каринскому ученый паек находится в обл. архиве Кировской обл. (там же).

Октябрь, 1.

Подписывает отношение в Губвоенкомпет об оставлении ассистента А. Ф. Малова на службе в Академии Истории Материальной культуры в Петрограде.

КК. 2, 48, 12, 12 об.

Октябрь, 1.

Подписывает ходатайство председателю Комиссии по выдаче вещей из ссудной казны с просьбой не отказать в выдаче ценных вещей, хранящихся в казне, проф. Полетике, приехавшему из Москвы на короткий срок по делам.

КК; 1, 62, 558.

Октябрь, 1.

Подписывает заявление Народному комиссару финансов с просьбой принять проф. Полетику по вопросу о выдаче вещей из ссудной казны некоторым представителям Петроградской профессуры.

КК; 1, 62, 559.

Октябрь, 1.

Подписывает ходатайство в Петрокоммуну с просьбой сделать распоряжение о сохранении за С. В. Фарфаровским права пользования квартирой, вещами и книгами, вопреки заявлению председателя Домкомбеда о том, что вещи и книги приобретены гр. Фарфаровским незаконно.

КК; 1, 62, 560.

Октябрь, 1.

Подписывает ходатайство в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, зав. судебно-следственным отделом тов. Озолину, с просьбой об освобождении О. А. Виндельбандт в случае обнаружения ее невиновности.

Октябрь, 1.

Подписывает члену Президиума КУБУ проф. А. Л. Апатову мандат, удостоверяющий, что он является полномочным представителем КУБУ в деле сношений с ПУР по вопросу о мобилизации преподавателей Высшей школы.

КК; 3, 2, 26.

Октябрь, 1.

Подписывает ходатайство в Центральный жилищный отдел с просьбой сделать распоряжение об оставлении квартир, занимаемых профессорами М. И. Тихвинским, Н. Н. Карелиным и Д. Ф. Селивановым, в их пользовании и заселении этих квартир посторонними лицами в целях уплотнения.

КК; 1, 62, 561.

Октябрь, 1.

Подписывает ходатайство в Жилищный отдел Василеостровского района с аналогичной просьбой.

КК; 1, 62, 563.

Октябрь, 1.

Подписывает отношение в Исполком Петросовета с просьбой о выдаче ассистенту Сельскохозяйственного института В. Ф. Соколову принадлежащих ему комнатных вещей и небольшого количества книг из 1-го Городского ломбарда, согласно квитанции № 11036.

КК; 1, 62, 562.

Октябрь, 2.

Отдел народного образования Первого городского района сообщает Председателю комиссии Горькому о выселении из квартиры гр. Малыгина ввиду необходимости данного помещения для вселения туда воспитательского персонала Детского Дома. Отдел народного образования может лишь отсрочить выселение гр. Малыгина до 20 октября и берет на себя обязательство вывезти имущество гр. Малыгина по указанному им адресу (ср. стр. 193).

1, 25, 55 об.

- Октябрь, 5.  
М. Горький подписывает структурную схему Комиссии по улучшению быта ученых.  
Р \* ПА; 1, 14, 148.
- Октябрь, 5.  
Подписывает письмо в Петроградский губернский комитет по трудовой повинности с просьбой об освобождении ряда лиц <ученых и работников КУБУ — З. М.> от трудовой повинности.  
М ПА; 1, 28, 412.
- Октябрь, 5.  
Подписывает отношение в штаб Западного фронта с просьбой сообщить сведения о местонахождении В. В. Вахтина (19 лет). Комиссии необходимо знать, когда он состоял на службе в гор. Смоленске и куда переведен.  
КК; 2, 48, 13.
- Октябрь, 6.  
Подписывает ходатайство в Петроградский отдел социального обеспечения с просьбой оказать возможное содействие благоприятному окончанию хлопот К. А. Иностранцева об утверждении его в правах наследства, оставшегося после смерти родителей.  
КК; 2, 48, 7.
- Октябрь, 6.  
Подписывает отношение в Петрокоммуну, тов. Куклину, с просьбой опустить сверхурочно продукты для 20 человек.  
КК; 1, 28, 403.
- Октябрь, 6.  
Подписывает отношение в Исполком Петросовета с просьбой о национализации обстановки известного профессора хирургии Н. Н. Петрова, состоящего ныне при Военном госпитале в Екатеринодаре, и передаче этой обстановки Институту Усовершенствования врачей.  
КК; 1, 62, 540.
- Октябрь, 6.  
Подписывает отношение в Петрокоммуну с просьбой о закреплении двух ножных точных токарных станков ученому механику-оптику Военмора А. А. Ремерту, работающему над исправлением и изготовлением точных физических приборов для лекционных нужд.  
КК; 1, 62, 545.
- Октябрь, 6.  
Подписывает ходатайство в Отдел народного образования Петроградского исполкома с просьбой сделать распоряжение о невыселении из квартиры гр. Новосельского-Пранского т. к. в его квартире находятся принадлежащие КУБУ книги и карточные каталоги.  
КК; 1, 62, 546.
- Октябрь, 6.  
Пишет письмо тов. Межину: «Прошу Вас, товарищ, отнестись снисходительно к обвиняемому в грубости инженеру Михаилу Гроссман, начальнику 7-ого участка Север<ной> Жел<езной> дор<оги>. Он человек нервный, но очень хороший работник и честный парень.  
М. Горький»  
Р ПА; 2, 48, 15.
- Октябрь, 7.  
Подписывает отношение в Петроградский Совет Профессиональных союзов с пояснением, что исполнительным органом КУБУ является канцелярия с ее подотделами, работа которых носит культурно-просветительный характер и подлежит зачислению в Культпросветсоюз.  
КК; 2, 48, 8.

\* Рукой М. Горького — только подпись (карандаш).

Октябрь 8.

Финансовый отдел народного комиссариата Здравоохранения в переводном требовании Финотдела Наркомздрава (расходная смета 1920 г.) просит Финотдел Горсовета открыть кредит председателю комиссии КУБУ А. М. Пешкову на содержание здравницы и санатория.

1, 14, 50.

Октябрь, 8.

М. Горький подписывает просьбу в Комтруд об освобождении от трудовой повинности работника комиссии М. В. Эльковского, заведующего сапожной мастерской КУБУ.

КК; 1, 28, 391.

Октябрь, 8.

Подписывает ходатайство в Районную Тройку по проведению дровяной повинности I-го городского района с просьбой об отсрочке выполнения дровяной повинности гр. М. В. Эльковским, заведующим сапожной мастерской КУБУ.

КК; 1, 28, 396.

Октябрь, 9.

Подписывает ходатайство в Центральный Жилищный отдел с просьбой сделать распоряжение о невселении сторонних лиц в квартиру проф. С. О. Максимовича.

КК; 1, 62, 536.

Октябрь, 11.

Делает приписку на письме юриста Казанского с просьбой о лайке: «Пайковой комиссии. А. П. П[ешков]».

РПА; 1, 68, 14.

Октябрь, 12.

Подписывает ходатайство в Центральный Жилищный отдел и в Жилищный отдел I городского Района с просьбой оставить в распоряжении Е. А. Старицкой 3 комнаты.

КК; 1, 62, 531.

Октябрь, 12.

Подписывает ходатайство в Райпродукт с просьбой выдать врачу Н. В. Красновской-Колосовой ордер на приобретение зимнего пальто.

М ПА; 1 62, 529.

Октябрь, 12.

Подписывает ходатайство в Государственное издательство с просьбой выдать весьма спешно необходимые для научных исследований книги по экономическим вопросам: 1. Маниковский «Боевое снабжение <...>», 2. Фолькнер «Современная конъюнктура <...>»

КК; 2, 48, 16.

Октябрь, 13.

Подписывает удостоверение заведующему административно-хозяйственной частью КУБУ А. С. Родэ о командировке в Москву.

МПА; 1, 28, 247.

Октябрь, 13.

Получает удостоверение о командировке председателя КУБУ М. Горького в Москву.

1, 28, 377.

Октябрь, 13.

Подписывает удостоверение личности заведующему административно-хозяйственной частью КУБУ А. С. Родэ.

КК; 1, 28, 376.

Октябрь, 13.

Подписывает удостоверение о командировке особоуполномоченного Петроградской КУБУ Лазаря Ефимовича Бильгрея в Москву.

КК; 1, 28, 370.

Октябрь, 13.

Подписывает ответ КУБУ на заявление проф. Военно-инженерной академии Ушакова с сообщением, что КУБУ не может выселить тов. Беляева.

КК; 1, 62, 521.

Октябрь 22.

КУБУ выдает по личному счету М. Горького (расх. ордер № 124 от 22. X.) деньги агенту Шахову, передавшему члену Комиссии В. П. Крюкову (Москва) р. — 8 500 000.

1, 133-а, 24.

Октябрь, 26.

СНК посылает М. Горькому копию постановления о том, что все продукты, отпускаемые Петрокубу, не подлежат ни проверке со стороны Петрокоммуну, ни реквизиции, ни зачетам в счет нормы.

Октябрь, 30.

Подписывает совместно с Управделами КУБУ Курляндским отношение в Комгорхоз (по отделу коммунального хозяйства) с просьбой предоставить в распоряжение Комиссии 500 билетов на право входа с передней площадки для профессоров и ученых, которые должны пользоваться трамваем.

КК; 2, 48, 23.

Ноябрь, 1.

Зампредглавтопа посылает в Петропавловск телеграмму с просьбой срочно начать снабжение ученых дровами.

1, 7, 15а.

Ноябрь 2.

М. Горький (совместно с управделами КУБУ Курляндским) подписывает ходатайство в Президиум Петросвета с просьбой о предоставлении КУБУ в постоянное пользование трех лошадей с экипажами для передвижения по Петрограду, т. к. пользование трамваем вызывает неоправданную трату времени (ожидание в очереди и т. д.).

КК; 2, 48, 17.

Ноябрь, 3.

Отдел заготовок Наркомпрода посылает в Екатеринбургский Губпродком разрешение представителям КУБУ, которая работает под председательством М. Горького, заготовить и вывезти 100 пудов меда.

1, 129, 19, 22, 46.

Ноябрь, 6.

М. Горький подписывает письмо к тов. З. Г. Гринбергу об оказании помощи тов. М. Е. Ратьковой.

АК МПА, 1, 128, 1.

Ноябрь, 6.

Яично-птичный отдел Наркомпрода направляет в Челябинский Губпродком разрешение представителям Петроградской КУБУ под руководством М. Горького самостоятельно заготавливать ненормированные продукты.

1, 129, 21 (то же — лл. 23, 24, 27, 28, 30, 48, 49).

Ноябрь, 6.

Яично-птичный отдел Наркомпрода направляет в Екатеринбургский Губпродком разрешение КУБУ под председательством М. Горького заготовить и вывезти 2500 пудов дикой птицы и зайцев.

1, 129, 22.

Ноябрь, 6.

Яично-птичный отдел Наркомпрода направляет в Челябинский Губпродком разрешение аналогичного содержания.

1, 129, 25; то же — лл. 26, 29, 47, 50

Н о я б р ь, 9.

Проф. В. Н. Тонков на заседании КУБУ под председательством М. Горького предлагает выразить от лица комиссии чувство радости по поводу счастливого избавления А. М. Горького и А. С. Родэ от опасности при крушении поезда, в котором они возвращались из Москвы в Петроград. КУБУ просит Горького «по-прежнему защищать интересы ученых со свойственной ему настойчивостью и доброжелательностью».

АК ПЗ; 1, 6, 211; 1, 4, 9.

Ср.: ЛГ, стр. 195.

Н о я б р ь, 9.

Горький докладывает на заседании Петрокубу о результатах поездки в Москву. В докладе сообщается о том, что В. И. Ленин передал с М. Горьким просьбу «охранить интересы ученых». Там же рассказывается о результатах некоторых ходатайств по делам Дома Ученых.

АК ПЗ; 1, 6, 211а, 211б; 1, 4, 9, 9 об.

Ср.: ЛГ, стр. 195.

Н о я б р ь, 10.

Подписывает ходатайство в Райпродукт с просьбой выдать студенткам Уральского университета гг. Леонтьевой и Ивановой некоторые вещи (шубу, драповое пальто, белье, шляпы и т. д.) взамен сгоревших в поезде № 3, следовавшем по направлению к Петрограду. Обе студентки были командированы в Петроград за предметами оборудования для Уральского университета.

КК; 2, 49, 18

Н о я б р ь, 11.

Подписывает письмо тов. Зорину с уведомлением о том, что заседания пленума КУБУ происходят еженедельно по вторникам в Доме ученых (ул. Халтурина, 27) и что присутствие его на дальнейших заседаниях является чрезвычайно желательным.

КК; 2, 48, 19.

Н о я б р ь, 11.

Подписывает письмо заведующей подотделом Единой Трудовой школы Петроградского Наробраза З. И. Лилиной (аналогичного содержания).

КК; 2, 48, 20.

Н о я б р ь, 11.

Подписывает письмо заведующей Подотделом театров и зрелищ Петроградского Наробраза М. Ф. Андреевой (аналогичного содержания).

КК; 2, 48, 21.

Н о я б р ь, 11.

Подписывает письмо Председателю Петроградского Совета Профсоюзов Г. Циперовичу (аналогичного содержания).

КК; 2, 48, 22.

Н о я б р ь, 11.

СНК <вторично? см. запись от 26 октября. — З. М.> принимает 8. XI решение о том, что все ненормированные продукты, отпускаемые Петрокубу, не подлежат со стороны Петрокоммуны ни проверке, ни реквизиции, ни зачетам в счет нормы.

1, 7, 22, 23.

Н о я б р ь, 11.

Подписывает ходатайство в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, заведующему судебно-следственным отделом тов. Озолину, и в Рабоче-Крестьянскую инспекцию, тов. Михайлову, с просьбой обратить особое внимание на дело об аресте Н. Л. Шуман.

КК; 3, 1, 137.

Н о я б р ь, 11.

Подписывает отношение в Особый отдел при управлении Петросовета



с просьбой сделать распоряжение о сохранении за В. Ф. Соколовым его квартиры.

КК; 1, 62, 477.

Н о я б р ь, 11.

Проф. Кривошеин в заявлении в КУБУ сообщает о невыдаче ему норвежских продуктов и просит сообщить Горькому о его протесте.

1, 25, 79.

Н о я б р ь, 12.

Подписывает отношение в Петрогубкоммуну с просьбой об отпуске продуктов для оборудования и устройства столовой Дома ученых.

КК; 1, 18, 27.

Н о я б р ь, 17.

Подписывает доверенность Чрезвычайному уполномоченному и заведующему административно-хозяйственной частью комиссии А. С. Родэ в том, что Родэ имеет право подписываться под всеми приходными и расходными финансовыми документами за председателя комиссии.

КК; 1, 28, 271.

Н о я б р ь, 19.

Подписывает удостоверение члену Президиума и члену КУБУ проф. А. Л. Апатова о командировке в Москву.

КК; 1, 28, 258.

Н о я б р ь, 23.

Ак. Ольденбург сообщает на заседании Петрокубу о представлении в Совнарком доклада Российской Академии Наук по поводу тяжелого положения науки в России.

ПЗ; 1, 4, 11.

Н о я б р ь, 27.

Касса КУБУ фиксирует, что на счет М. Горького поступило по приходному ордеру № 971, 27/XI, полученных им от Наркомпроса р. — 25 000 000.

1. 133а, 61.

Н о я б р ь, 30.

М. Горький подписывает отношение в отдел Петрогубисполкома, в Центральный жилищный отдел и в жилищный отдел I-го Городского района с просьбой не подвергать уплотнению квартиру Ю. Г. Родэ.

КК; 1, 62, 425.

Н о я б р ь, 30.

Подписывает письмо в Губвоенкомпет, в Особый отдел по отсрочкам, с просьбой об отсрочке призыва гр. Грошковского.

АК ПА; 1, 19, 33.

Н о я б р ь, 30.

Подписывает удостоверение о том, что перед Особой Центральной комиссией при Реввоенсовете возбуждено ходатайство об отсрочке С. Я. Грошковского по призыву в войска.

1, 19, 37.

Н о я б р ь, 30.

Подписывает мандат-поручение т. Егорову, Михаилу Васильевичу на получение для КУБУ предметов первой необходимости из Главпродукта Совнархоза и Наркомпрода.

КК; 1, 28, 199.

Н о я б р ь.

Подписывает именной список незаменимых работников и служащих КУБУ на С. Я. Грошковского.

КК; 1, 19, 36.

Н о я б р ь.

Посылает телеграмму: «Москва, Пешковой, Машков переулок, дом 1, кв. 16. Гейнце принята Академию. Отец».

РПА; 1, 5, 421

Декабрь, 1.

Подписывает отношение в Петрогубкоммуну с просьбой о дополнительном отпуске продуктов для оборудования и устройства столовой при Доме ученых.

КК; 1, 18, 26

Декабрь, 2.

Подписывает ходатайство в Наркоминдел с просьбой о выдаче пропуска для возвращения из Эстонии в Россию П. В. Нестерову, научному сотруднику и специалисту по зоологии и сравнительной анатомии.

КК; 2, 48, 24.

Декабрь, 2.

Подписывает отношение в Центральный жилищный отдел и в отдел управления Петрогубисполкома с просьбой сделать распоряжение о не-вселении в квартиру инженера М. К. Васбейна сторонних лиц.

КК; 1, 62, 422.

Декабрь, 3.

Подписывает отношение в Губвоенкомпет, в Особый отдел по отсрочкам с просьбой об отсрочке по призыву в войска гр. П. И. Богданова.

КК; 1, 19, 30.

Декабрь, 3.

Подписывает удостоверение гр. П. И. Богданову о возбуждении ходатайства об отсрочке по призыву в войска.

КК; 1, 19, 29.

Декабрь, 4.

Подписывает отношение в Губземотдел о выделении фонда огородных земель Петроградским ученым.

АК ПА; 1, 10, 11—12.

Декабрь, 7.

Подписывает удостоверение личности управляющему делами К. О. Карнищкому.

КК; 1, 28, 144.

Декабрь, 7.

Присутствует на заседании и подписывает журнал заседания Петроградской КУБУ № 42. На заседании Горьким было сделано сообщение о предстоящем прибытии в Россию первого транспорта с научной литературой, приобретенной за границей при содействии Г. Д. Уэллса.

АК ПА; 1, 4, 136, 14, 14а.  
ср. ЛГ, стр. 198.

Декабрь, 7.

Подписывает отношение в Центральный жилищный отдел и в Жилищный отдел Петроградской стороны о не-вселении посторонних лиц в квартиру доктора Н. П. Лихачевой, нуждающейся в двух комнатах для врачебного кабинета и приемной для больных.

КК; 1, 62, 419.

Декабрь, 7.

Подписывает ходатайство в Вологодский Губернский Земельный отдел с просьбой поручить дочери математика А. Н. Коркина, Введенской, надзор за усадьбой отца и признать усадьбу подлежащей особой охране.

КК; 1, 62, 401.

Декабрь, 9.

Сибирский продкомиссар направляет отношение в Омский Губраспред с предложением передать вагон битой птицы в счет мясного наряда Центра и отправить его в Петроградскую КУБУ для М. Горького.

1, 129, 67 и 68.

Декабрь, 9.

М. Горький подписывает отношение КУБУ в Жилищный отдел Рождественского района с просьбой сделать распоряжение о бронировании квартиры проф. Военно-Инженерной Академии И. Г. Малюги.

КК; 1, 62, 421.

Декабрь, 10.

Подписывает ходатайство в Центральный жилищный отдел с просьбой о выдаче Палестинскому обществу разрешения на перевозку библиотеки проф. Дмитровского, который задерживается в Астрахани

КК; 1, 62, 415.

Декабрь, 11.

Подписывает письмо особо уполномоченному КУБУ Л. Е. Бильгрею об аресте уполномоченного комиссии П. С. Невяровича с просьбой выяснить обстоятельства дела.

МПА; 1, 11а, 6. КК; 1, 11а, 7.

Декабрь, 11.

Отвечает на телеграмму об аресте уполномоченного комиссии С. П. Невяровича; просит сообщить обстоятельства ареста.

МПА; 1, 11а, 6.

Декабрь, 11.

Подписывает письмо заместителю председателя Рязанского Губчека тов. Ширяеву с запросом о причинах ареста Уполномоченного Комиссии С. П. Невяровича.

МПА; 1, 28, 124.

КК; 1, 11а, 2.

Декабрь, 11.

Подписывает отношение в Райпродукт с просьбой выделить преподавателю Военно-Медицинской академии Михаилу Семеновичу Лисицыну ордер на приобретение сапог с галошами или валенок для дочери, которая не имеет никакой обуви.

КК; 1, 82, 121.

Декабрь, 11.

Подписывает отношение в Центральный жилищный отдел с просьбой сделать распоряжение об ограждении квартиры доктора философии и экономических наук П. И. Каценельсона от дальнейшего вселения посторонних лиц, т. к. ученому нужен отдельный кабинет для занятий.

КК; 1, 62, 409.

Декабрь, 11.

Подписывает отношение в жилищный отдел 1 городского района (с аналогичной просьбой).

КК; 1, 62, 410.

Декабрь, 11.

Подписывает отношение в Центральный жилищный отдел с просьбой дать распоряжение о невселении в квартиру пр. Серебренникова сторонних лиц с целью уплотнения, т. к. часть помещения профессора занята библиотекой и он нуждается в отдельной комнате для работы.

1, 62, 412.

Декабрь, 14.

Подписывает заявление в Комиссию по выдаче вещей из ссудной казны о том, что КУБУ считает себя обязанной помочь пр. П. С. Осадчому и просит дать распоряжение о скорейшей выдаче ученому предметов домашнего обихода, крайне необходимых ему.

КК; 1, 62, 404.

Декабрь, 14.

Подписывает письмо в Центральную комиссию по улучшению быта научных специалистов при Совнаркомом о задачах КУБУ по обеспечению ученых пайком с просьбой о срочной помощи.

КК; 1, 60а, 11.

Декабрь, 14.

Подписывает отношение КУБУ с просьбой не прерывать научной работы В. Н. Козловского дальнейшим уплотнением жилплощади, т. к. в его трехкомнатной квартире в двух комнатах уже живет гр. Наумова и вселение в третью комнату гр. Матвеева полностью лишит Козловского возможности работать.

КК; 1, 62, 406.

Декабрь, 14.

Подписывает отношение в Райпродукт с просьбой выдать ученому хранителю Азиатского музея Самуилу Еремеевичу Винеру, страдающему ревматизмом, ордер на приобретение валенок и теплых чулок.

КК; 1, 82, 119.

Декабрь, 14.

Губраспред отправляет в Сибтранспорти отношение с просьбой выдать наряд на подачу одного вагона к ветке бойни (бывшей Зайцева) для перегрузки и отправки по адресу: Петроград, Петрокоммуна, для М. Горького.

1, 129, 71, то же, 72, 73.

Декабрь, 14.

М. Горький делает сообщение на заседании Петроградской КУБУ об ассигновании Британским Королевским научным обществом 40 000 фунтов стерлингов на предмет закупки научной литературы для России.

АК ПЗ; 1, 4, 15а.

Ср. ЛГ, стр. 198.

Декабрь, 14.

Подписывает повторное \* ходатайство в Петроградский отдел социального обеспечения о пенсии вдове проф. Капустина.

КК; 2, 48, 25.

Декабрь, 17.

Получает извещение из Ревеля («в Москву, Чичерину, для Горького») о том, что Шведская виза проф. Щербатскому разрешена.

1, 26, 21.

Декабрь, 17.

Подписывает заявление в Петрокоммуну об обеспечении 5 человек, членов экспедиции под руководством акад. А. Е. Ферсмана, теплыми валенками.

КК; 1, 82, 108.

Декабрь, 17.

Подписывает просьбу Народному Комиссару Внешней Торговли тов. Ложову о принятии мер к приобретению за границей стекол для очков и пенсне в количестве приблизительно 2500 штук.

КК; 1, 82, 112.

Декабрь, 17.

Подписывает просьбу начальнику Государственного стекольного завода об отпуске для нужд комиссии 2500 штук оптических стекол.

КК; 1, 82, 116.

Декабрь, 17.

Подписывает отношение в Центральный Жилищный отдел и в Жилищный отдел Петроградского района с просьбой дать распоряжение о восстановлении прав инженера В. Я. Яцына на исключительное пользование квартиры и о невселении в нее сторонних лиц.

КК; 1, 62, 399.

Декабрь, 17.

Подписывает письмо в Жилищный отдел Первого городского района с просьбой оказать содействие гр. Дмитрию Суворову и Михаилу Коневу в выдаче им квартиры.

КК; 1, 28, 86.

\* Первое ходатайство, от 26/X 1920, нами не обнаружено.

Декабрь, 17.

Подписывает письмо в Райпродукт с просьбой о выдаче т. Карнищкомв ордера на приобретение сапог.

КК; 1, 28, 87.

Декабрь, 17.

КУБУ извещает, что срок отъезда председателя комиссии Горького в Москву пока еще не определен.

1, 11а, 8.

Декабрь, 19.

М. Горький получает записку от зам. Наркомпроса Н. М. Покровского вместе с составленным Покровским проектом декрета СНК об «Усиленном довольствии специалистам тех научных отраслей, которые являются существенными» для «поднятия производительности народного хозяйства и наиболее целесообразного обеспечения нужд Рабоче-Крестьянской обороны».

Рукописный автограф Н. М. Покровского; 1, 60, 46, 47.

Декабрь, 20.

Получает письмо тов. П. Лазарева из Москвы. В письме сообщается об откомандировании в Петроград тов. Урусова для налаживания отношений между ЦеКУБУ и Петрокубу и содержится просьба оказать помощь Ю. Д. Урусову.

1, 5, 380.

Декабрь, 21.

Подписывает отношение в Жилищный отдел Коломенского района и в Центральный Жилищный отдел с просьбой дать распоряжение о сохранении за С. Н. Писаревым, научным сотрудником по изучению естественно-производительных сил России, данной ему комнаты.

КК; 1, 62, 397.

Декабрь, 21.

Подписывает ходатайство в Президиум Петросовета с просьбой оказать содействие скорейшему освобождению из-под ареста и возвращению на место службы в Петроград гр. Ухтомского.

КК; 3, 1, 105.

Декабрь, 21.

Подписывает отношение в отдел Управления Петросовета с просьбой о бронировании квартиры геолога Тихановича и о передаче охраны квартиры Евд. Ил. Стреловой, ныне проживающей в помещении гр. Тихановича.

КК; 1, 62, 395.

Декабрь, 21.

Л. Б. Бертенсон направляет М. Горькому из Одессы письмо с просьбой помочь ему переехать в Петроград. В письме — упоминание о предстоящих встречах Бертенсона и М. Горького в Гаспре у Л. Толстого, о переписке Бертенсона и Горького и о сотрудничестве Бертенсона в «Летописи» (см. Приложение II).

2, 48, 47.

Декабрь, 23.

Подписывает отношение заведующему 10-й трудовой школой с просьбой предоставить профессору И. В. Ивановскому некоторый срок для подыскания пригодной для жилья квартиры.

КК; 1, 62, 390.

Декабрь, 23.

Подписывает ходатайство в Архангельский Губчека с просьбой дать распоряжение о срочном допросе арестованного В. В. Мельникова и об освобождении его в случае необнаружения виновности.

КК; 3, 1, 59.

Декабрь, 23.

Подписывает отношение в Центральный Жилищный отдел и в Жилищный отдел Нарвско-Петергофского района с просьбой дать распоряже-

ние о невселении в квартиру доктора медицины Р. И. Тувима сторонних лиц с целью уплотнения.

КК; 1, 62, 392, 393.

Декабрь, 24.

Подписывает письмо в завком фабрики «Быстроход» о необходимости организовать починку обуви для нуждающихся.

КК; 1, 20, 21.

Декабрь, 24.

Подписывает отношение в Центральный жилотдел и в Жилотдел Василеостровского района о невселении в квартиру И. С. Симонова сторонних лиц с целью уплотнения.

КК; 1, 62, 387.

Декабрь, 24.

Подписывает ходатайство в Губвоенкомитет, в Особый отдел по отсрочкам, с просьбой вновь пересмотреть дело о призыве в войска П. И. Богданова.

МПА; 2, 10, 522.

Декабрь, 24.

Приписывает на тексте докладной записки А. Родэ: «Согласен с текстом».

РПА, 1, 5, 380.

Декабрь, 24.

Пересылает письмо П. Лазарева [см. запись от 20 декабря, стр. 204] к А. С. Родэ с припиской: «Адольф Сергеевич! Будьте добры принять Ю. Д. Урусова и отнестись к нему со всяким возможным вниманием. А. П<ешков>».

РПА; 1, 5, 380.

Декабрь, 25.

Подписывает отношение в Исполком Петросвета с просьбой выдать проф. И. Е. Евсееву надлежащее разрешение на вывоз имущества из Петрограда.

КК; 1, 62, 381.

Декабрь, 25.

Подписывает отношение КУБУ в Жилищный отдел Первого городского района с просьбой дать распоряжение о невселении в квартиру М. Н. Лилье сторонних лиц с целью уплотнения.

КК; 1, 62, 384, 385.

Декабрь, 25.

Подписывает письмо в Губкож с просьбой о помощи в ремонте обуви для ученых.

КК; 1, 20, 30.

Декабрь, 25.

Подписывает отношение тов. Бадаеву и тов. Молвину с просьбой снабдить тов. Тонкова продовольствием на все время пребывания его в Москве по делам Медицинской Академии и КУБУ.

КК; 2, 48, 26.

Декабрь, 28.

Подписывает отношение в Петроградский Горздравотдел с просьбой срочно распорядиться в Петроградском Губфинотделе о перечислении отпущенных Наркомздравом сумм в размере 2 500 000 по переводному требованию со счета Горздравотдела на счет КУБУ в распоряжение Горького.

КК; 2, 48, 28.

Декабрь, 29.

Подписывает отношение в Наркомфин об оказании содействия к удовлетворению просьбы гр. Померанцевой о выдаче сданного ею на хранение ящика.

КК; 1, 62, 379.

Декабрь, 30.

Подписывает отношение в Жилищный отдел Коломенского района с просьбой дать распоряжение об оставлении квартиры врача Щиперской без уплотнения.

КК; 1, 62, 375.

Декабрь, 30.

Подписывает ходатайство в Петрокоммуна, в отдел Бесхоз, с просьбой оказать содействие в выдаче Ф. И. Вальеру сданных им на хранение вещей.

КК; 1, 62, 377.

Декабрь, 30.

Подписывает ходатайство в Наркомфин с просьбой оказать содействие в возврате крайне необходимых серебряных вещей их владельцу инженеру А. М. Нечаеву, преподавателю курсов Архитектурных знаний.

КК; 1, 62, 373.

Декабрь, 30.

Подписывает тов. Петру Ивановичу Богданову удостоверение в том, что тот добросовестно выполнял свои обязанности.

КК; 1, 28, 21.

Декабрь, 30.

Подписывает ходатайство в Районную <нрзб> комиссию с просьбой допросить и в случае невиновности освободить из-под ареста врача Е. П. Таубе и юрисконсульта Е. Ф. Королева.

КК; 3, 1, 102.

Декабрь (конец)

Подписывает именной список незаменимых работников и служащих КУБУ (на П. И. Богданова) об отсрочке по призыву в войска.

МПА; 1, 19, 88.

КК; 1, 19, 31.

Декабрь.

Подписывает удостоверение председателю отдела служащих КУБУ и коменданту Дома Ученых Михаилу Васильевичу Егорову о командировке в Москву.

КК; 1, 28, 108.

Декабрь.

Получает копию отношения Наркомпрода в Омский Губраспред и Омскую Продбазу об отправке продуктов в Петроград, в адрес Петрокоммуны, для КУБУ, для М. Горького.

1, 129, 78.

1920 г., конец.

Получает копию отчета о работе Объединенного Совета КУБУ за 1920 г. В отчете констатируется, что «стремление Объединенного совета во главе с тт. Луначарским и А. М. Горьким к получению хотя бы некоторых правовых гарантий неприкосновенности ученых и их жилищ не привели к цели» и что «во избежание полной катастрофы в области науки, техники и высшего образования, без существования коих нельзя мыслить правильного хода восстановления народного хозяйства и дальнейшего развития государственного строительства. Объединенным Советом совместно с А. М. Горьким было решено принять решительные меры и выставить категорические требования перед высшей государственной властью в обеспечении научной работы и жизни ученых в России. Об этом было заявлено представителем Объединенного Совета тов. председателя академиком В. Н. Тонковым на аудиенции у тов. Ленина летом 1919 года» (см. записи от 23 ноября и 14 декабря).

1, 280, 162 об.—165 об.

1920

Составляет письмо о своем участии в работе Контрольной комиссии.

РПА; 1, 60, 4.

Январь, 3.

М. Горький подписывает ходатайство в Военный комиссариат с просьбой отсрочить на 2 недели освидетельствование гражд. В. П. Крючкова.  
КК; 2, 10, 565.

Январь, 3.

Присутствует на заседании Президиума Петроградской КУБУ и подписывает журнал заседания.

АК ПА; 1, 6, 204.

АК ПА; 1, 13, 48.

Январь, 4.

Подписывает просьбу об официальной регистрации прачечной и парикмахерской, занимающихся исключительно обслуживанием ученых, которые создаются по решению КУБУ ввиду расширения сферы ее деятельности.

КК; 2, 48, 27.

Январь, 5.

Подписывает письмо Народному Комиссару Просвещения А. В. Луначарскому с просьбой разрешить проф. П. С. Осадчому получить из судной казны сданные на хранение вещи.

КК; 1, 62, 371.

Январь, 9.

Пишет письмо в Экспертную комиссию, в книгоиздательство Гржебина, в Дом искусств, в книгоиздательство «Всемирная литература» (копия Курляндскому) о том, что все документы по делам продовольственных организаций, выданные за его, М. Горького, подписью, объявляются им недействительными.

КК; 2, 48, 51.

Январь, 9.

Пишет записку управляющему канцелярией КУБУ А. Ф. Курляндскому: «Александр Федорович, препровождаю при сем копию заявления, посланного мною в Экспертную комиссию, в издательство всемирной литературы, прошу Вас отобрать у перечисленных учреждений все упомянутые в означенном заявлении документы. Об исполнении прошу сообщить мне. М. Горький.»

М ПА; 2, 48, 50.

КК; 2, 48, 51.

Январь, 11.

Подписывает ходатайство в Жилотдел Первого Городского района с просьбой распорядиться об оставлении проф. А. А. Лихачеву его квартиры.

КК; 1, 62, 361.

Январь, 11.

Подписывает ходатайство в Кашинский Губисполком с просьбой сделать распоряжение о неприкосновенности вещей проф. Н. К. Чижева.

КК; 1, 62, 363.

Январь, 11.

То же в Тверской Губисполком.

КК; 1, 62, 364.

Январь, 11.

Подписывает удостоверение уполномоченному по финансовым делам комиссии И. В. Шатило в том, что он уполномочен ходатайствовать по делам Комиссии во всех центральных учреждениях.

КК; 2, 10, 544.

Январь, 11.

Подписывает отношение на Московскую телефонную станцию междугородных сообщений с просьбой предоставить пр. В. Н. Тонкову право внеочередных переговоров с Петроградом.

КК; 1, 5, 364.



Январь, 11.

Подписывает ходатайство в Вятской Губисполком с просьбой не подвергать реквизиции книги и домашние вещи проф. Петроградского университета В. С. Серебренникова.

КК; 1, 62, 366.

Январь, 11.

Подписывает (вместе с Управляющим делами КУБУ Курляндским) отношение во Всероссийскую Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой о срочном допросе М. Е. Грум-Гржимайло и о быстром его освобождении в случае невиновности.

КК; 3, 3, 31.

Январь, 13.

Подписывает удостоверение проф. В. П. Полетика в том, что он командирован по делам Объединенного Совета в Москву: в Наркомпрос, Наркомздрав и Центральную комиссию при Совнаркоме. Срок командировки — 12 дней.

М ПА; 2, 48, 29.

Январь, 13.

Подписывает проф. А. Л. Апатову удостоверение аналогичного содержания.

М ПА; 2, 48, 30.

Январь, 13.

Подписывает проф. А. Л. Апатову и т. Блакштейну совместное удостоверение аналогичного содержания.

М ПА; 2, 48, 31.

Январь, 13.

Подписывает просьбу в Исполком Петрогубсовета о разрешении доценту Военно-медицинской академии Е. М. Курдиновскому на вывоз обстановки в гор. Пермь.

КК; 1, 62, 360.

Январь, 14.

Подписывает отношение секретарю ВЦИК с просьбой помочь проф. Апатову в организации средств передвижения.

КК; 1, 5, 509.

Январь, 14.

Подписывает отношение Управляющему делами Совнаркома тов. Горбунову с просьбой дать проф. Апатову «средства передвижения: автомобиль или лошадь».

КК; 1, 5, 375.

Январь, 14.

Подписывает отношение в Московское Потребительское общество, тов. Бадаеву, с просьбой не отказать в выдаче тов. Апатову продуктов («хлеба по 1½ фунта в день, масла — 2 ф., сыру 3 ф., сахару 3 ф., рыбы 6 ф., монпасе 1 ф., крупы 6 ф., чаю 1/8 ф., соли 1/2 ф., и папирос 300 штук») на срок его командировки в Москву.

КК; 2, 48, 32.

Январь, 15.

Подписывает отношение проф. Полетике аналогичного содержания.

КК; 2, 48, 33.

Январь, 15.

Подписывает мандат Уполномоченному по отделу снабжения С. П. Невяровичу в том, что он командирован в Рязанскую губ. для производства заготовок, закупок и отправки в Петроград продовольствия для нужд ученых.

М ПА; 1, 247, 96, 96 об.

Январь, 15.

Подписывает удостоверение для представления в Петрогубчек о том, что С. П. Невярович командирован в Рязанскую губернию.

КК; 2, 10, 531.

Январь, 18.

Присутствует на заседании Петроградской КУБУ и подписывает журнал заседаний № 46.

АК ПЗ; 1, 4, 17 б., 18.

Январь, 18.

Подписывает повторное отношение в Отдел авто-гужевого транспорта с просьбой о предоставлении в распоряжение Комиссии трех лошадей с экипажем для передвижения по Петрограду, т. к. Отдел авто-гужевого транспорта уведомил, что впредь они смогут удовлетворить это ходатайство.

КК; 2, 48, 35.

Январь, 18.

Подписывает (совместно с Ольденбургом) телеграмму в Москву, в Наркомпрос, Луначарскому: «Понедельник будем Москве точка просьба если возможно задержать Ваш отъезд Петроград Горький Ольденбург».

КК; 2, 48, 34.

Январь, 20.

Подписывает секретарю КУБУ М. П. Зигомала удостоверение в том, что он командирован в Москву.

КК; 2, 10, 519.

Январь, 20.

Подписывает сотруднику КУБУ М. К. Куликову удостоверение аналогичного содержания.

КК; 2, 10, 520.

Январь, 20.

Подписывает удостоверение Чрезвычайному уполномоченному КУБУ А. С. Родэ аналогичного содержания.

КК; 2, 10, 521.

Январь, 20.

Подписывает ходатайство в Петрогубкоммуну, в отдел Распределения предметов первой необходимости тов. Лашкомоеву, с просьбой выдать костюм К. С. Корницкому.

КК; 2, 10, 524.

Январь, 20.

Подписывает удостоверение Уполномоченному отделом снабжения при КУБУ С. П. Невяровичу в том, что он командирован по делам комиссии в Москву: в Наркомпрос, Совнарком, Наркомздрав. Срок командировки — 2 недели.

КК; 2, 48, 37.

Январь, 20.

Подписывает проф. П. С. Осадчому удостоверение в том, что он командирован по делам комиссии в Москву: в Наркомпрос, Совнарком, Наркомздрав. Срок командировки — 2 недели.

КК; 2, 48, 36.

Январь, 20.

Подписывает Вице-президенту Российской Академии Наук С. Ф. Ольденбургу удостоверение аналогичного содержания.

КК; 2, 48, 38.

Январь, 20.

Подписывает академику В. А. Стеклову удостоверение аналогичного содержания.

КК; 2, 48, 39.

Январь, 20.

Подписывает проф. Тонкову удостоверение аналогичного содержания.

КК; 2, 48, 40.

Январь, 20.

Подписывает отношение в Московское Потребительское общество, тов. Бадаеву, с просьбой не отказать в выдаче проф. Тонкову продуктов

(хлеба, масла, сыру, сахару, мяса, рыбы, монпасье, крупы, соли, папирос) на срок его командировки.

КК; 2, 48, 41.

Январь, 20.

Подписывает отношение в Округ путей сообщения, инженеру Кондрагеву, с просьбой предоставить Председателю КУБУ и некоторым ее членам один классный вагон для поездки в Москву и прицепить его к поезду, отходящему от Николаевского вокзала 22. I. 1921 г.

КК; 2, 48, 43.

Январь, 21.

Подписывает ходатайство в Петроградский Губернский конский запас с просьбой о предоставлении в распоряжение КУБУ по надобности до 10 подвод «из числа свободных от своей прямой работы».

КК; 1, 250, 18.

Январь, 21.

Подписывает письмо в Петроградский Губернский конский запас с просьбой о предоставлении 10 подвод для доставки ученым дров и предметов первой необходимости.

КК; 1, 5, 363.

Январь, 21.

Подписывает отношение в Особую столичную комиссию с просьбой об отсрочке по призыву в войска И. П. Рейднера, М. В. Егорова, Е. С. Зимиша.

КК; 1, 5, 361.

Январь, 21.

Подписывает Именной список незаменимых работников и служащих Комиссии на Сергея Яковлевича Грошковского.

АК МПА; 1, 19, 14.

Январь, 24.

Подписывает ходатайство в Автогуж с просьбой посодействовать приобретению в собственность КУБУ двух ломовых лошадей из числа предназначенных к продаже.

КК; 1, 250, 17.

Январь, 24.

Подписывает письмо в Губвоенкомитет, в Особый отдел по отсрочкам, о предоставлении гражд. П. И. Богданову отсрочки по призыву в войска.

КК; 1, 19, 17.

Январь, 24.

Подписывает письмо в Совет Народных Комиссаров с просьбой о скорейшем утверждении проекта декрета об обеспечении научно-исследовательской работы в республике.

КК; 1, 22, 1.

Январь, 25.

Подписывает отношение в Особую Столичную комиссию с просьбой о предоставлении т. Зимину отсрочки по призыву в войска.

АК МПА; 1, 19, 22, 100.

Январь, 25 (?).

Подписывает Именной список незаменимых работников и служащих КУБУ на Богданова, Петра Ивановича.

АК МПА; 1, 19, 27.

Январь, 31.

Пишет письмо к Начальнику Сибраспреда т. Гутцац с благодарностью за помощь т. Корб и КУБУ и просьбой о новой помощи петроградским ученым (см. прилож. II).

КК; 1, 116, 1.

Январь.

Ставит резолюцию на заявлении проф. Н. А. Холодковского с просьбой о пособии: «По 30 т<ысяч> р. в месяц. М. Горький».

ПА; 1, 68, 67.

Февраль, 1.

А. П. Семенов-Тянь-Шаньский от имени Собрания Уполномоченных от ученых Учреждений и Высших учебных заведений при КУБУ выражает благодарность М. Горькому за работу и труд в деле улучшения быта ученых.

1, 149, 21.

Февраль, 5.

М. Горькому посылают выписку из протокола заседания Малого Президиума СНК от 2 февраля 1921 г. с извещением, что заседание рассмотрело ходатайство КУБУ об организации дома-убежища для ученых-инвалидов и постановило предложить отделу социального обеспечения приспособить один дом для ученых-инвалидов.

КК; 1, 7, 32.

Февраль, 7.

Касса КУБУ отмечает, что по счету Горького поступило по приходному ордеру 1447, 7. II, от Наркомпроса в Москве, привезенных уполномоченным И. О. Шатиль, р. — 10 000 000.

1, 133а, 112.

Февраль, 9.

Подписывает мандат уполномоченному т. С. И. Корбу в том, что он командировается в Сибирь для производства заготовок и закупок.

МПА; 1, 129, 110.

Февраль, 10.

Правление ОСНОВУЗ решает организовать торжества по случаю годовщины работы КУБУ.

1, 143, 5.

Февраль, 16.

Подписывает отношение в Народный Комиссариат Просвещения с просьбой разрешить вдове проф. С. Я. Терешина выезд к дочери в Америку.

КК; 1, 5, 334.

Февраль, 16.

Получает письмо из Народного Комиссариата внешней торговли о стекле для очков.

1, 26а, 74.

Февраль, 17.

Проф. Тонков и Стеклов выступают на заседании ОСНУЧ с отчетами о поездке в Москву и о приеме делегации Объединенного Совета тов Лениным.

ПЗ; 1, 143, 2.

Февраль, 18.

М. Горький (совместно с Управляющим делами Корницким) подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, т. Озолину, с просьбой срочно допросить гражд. Л. Я. Штернберга и А. К. Болдырева и, в случае невиновности, немедленно их освободить.

КК; 3, 3, 15.

Февраль, 18.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, тов. Озолину, с просьбой срочно допросить гр. Н. А. Рожкова и, в случае невиновности, быстро освободить.

КК; 3, 3, 110.

Февраль, 28.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой срочно допросить И. Т. Скорбова, П. А. Шуркевич, П. И. Холуянова, Р. Б. Куровского, О. И. Равинга и О. Б. Катерфельда.

КК; 3, 3, 49.

Февраль, 28.

Народный Комиссариат по просвещению направляет в Петрогубисполком и в Петроградский Губернский отдел народного образования извещение о том, что в Петрограде образованы две дополнительные подкомиссии по распределению академических пайков (для ученых специалистов и для работников искусств) и что Председатель Петрокубу тов. Горький входит в состав обеих комиссий.

1, 7, 75.

Февраль.

Группа служащих посылает А. М. Горькому телеграмму-поздравление с первой годовщиной КУБУ.

1, 149, лл. 1.

Март, 1.

М. Горький присутствует на заседании КУБУ и подписывает журнал заседаний № 49.

АК ПЗ; 1, 4, 20а, 20б, 21.

Март, 2.

М. Горький подписывает отношение заведующему коммунальными театрами г. Петрограда с просьбой предоставить театральные билеты для распределения среди ученых.

КК; 1, 5, 326.

Март, 2.

М. Горький подписывает отношение Управляющему Петроградскими Академическими театрами с просьбой предоставить 20 билетов для распределения между учеными, «идя навстречу справедливым пожеланиям ученых посещать театр и тем самым быть в курсе достижений в области театра».

КК; 1, 5, 325.

Март, 3.

Касса КУБУ сообщает, что по счету М. Горького поступило по приходному ордеру № 1551 через уполномоченного И. Шатила от Наркомпроса в Москве р. — 9 000 000.

1, 133а, 129.

Март, 4.

Присутствует на заседании Президиума Петроградской КУБУ и подписывает журнал заседаний № 50.

АК ПЗ; 1, 4, 216, 22.

Март, 4.

Подписывает ходатайство в Наркомздрав, тов. Семашко, с просьбой выдать врачу Бертенсону и состоящей при нем сестре милосердия разрешение на возвращение в Петроград и обеспечить им нормальные условия переезда, учитывая, что Бертенсону уже 70 лет (см. прилож. II).

КК; 2, 48, 47.

Март, 5.

Подписывает ходатайство в отдел Учреждений и Высших Учебных заведений с просьбой выдать заграничную командировку К. Гриту.

КК; 2, 48, 48.

Март, 7.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Корницким) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, тов. Озолину, с просьбой срочно начать процесс по делу М. А. Блоха и в случае невиновности быстро освободить его.

КК; 3, 3, 10.

Март, 7.

Подписывает ходатайство в Управление коменданта гор. Петрограда с просьбой предоставить указанным в нем лицам право ходить по улицам города после 9 час. вечера.

КК; 2, 10, 337.

- М а р т, 7.**  
Подписывает ходатайство в Центральный жилотдел и в Жилогдел Первого Городского района с просьбой сделать распоряжение о выдаче С. Л. Будю разрешения пользоваться вещами, оставленными судом в его собственность.  
КК; 1, 62, 324.
- М а р т, 8.**  
Получает официальное заявление от врача Бертенсона с просьбой обеспечить ему приезд в Петроград из Одессы вместе с его сиделкой (см. стр. 212).  
ЖВБ; 1, 171, 7.
- М а р т, 8.**  
Подписывает заявление в Отдел медицинского снабжения Наркомздрава с просьбой отпустить для нужд Комиссии возможное количество оптических стекол.  
КК; 1, 82, 87.
- М а р т, 8.**  
Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, т. Озолину, с просьбой срочно допросить В. И. Колпачева и Л. И. Новикова и в случае установления невиновности быстро их освободить.  
КК; 3, 3, 54.
- М а р т, 9.**  
Присутствует на заседании филиальной подкомиссии по распределению академических пайков.  
КК; 1, 7, 77.
- М а р т, 11.**  
Подписывает ходатайство старшему врачу Мариинской больницы С. В. Гольдбергу с просьбой оказать содействие принятию в больницу М. Минина.  
КК; 2, 16, лл. не нум.
- М а р т, 12.**  
Присутствует на заседании Филиальной подкомиссии по распределению академических пайков.  
КК; 1, 7, 77.
- М а р т, 13.**  
Присутствует на заседании Филиальной подкомиссии по распределению академических пайков.  
КК; 1, 7, 77.
- М а р т, 16.**  
Подписывает ходатайство в Центральную Комиссию при Совнарком с просьбой создать нормальные условия работы профессорам и студентам Бакинского университета.  
КК; 1, 62, 319.
- М а р т, 16.**  
Присутствует на заседании КУБУ, подписывает Журнал заседаний № 51. Делает сообщение о получении партии книг научного содержания из Англии и о прибытии из Наркомпрода телеграммы о невозможности освободить от реквизиций продукты, полученные КУБУ с Украины.  
АК ПЗ; 1, 4, 226, 23, 236.  
Ср. ЛГ, стр. 216.
- М а р т, 17.**  
Подписывает ходатайство в Петрогубсовет с просьбой рассмотреть претензию проф. А. И. Введенского по поводу уплотнения его квартиры.  
КК; 1, 62, 317.
- М а р т, 17.**  
Подписывает отношение в Комитет Оборона Петрограда с просьбой (несмотря на общее запрещение Комитетом устраивать собрания) допу-

стить проведение тех заседаний, которые нужны для ведения текущей научной работы.

КК; 2, 48, 49.

М а р т, 18.

Присутствует на заседании Филиальной подкомиссии по распределению академических пайков и подписывает общую сводку заседаний подкомиссии от 9, 12, 13, 15, 18 и 22 марта.

КК; 1, 7, 77.

М а р т, 19.

Подписывает (совместно с управделами Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, тов. Озолину, с просьбой сделать распоряжение о срочном допросе Ф. И. Зубарева и в случае невинности быстро освободить его.

КК; 3, 3, 34, 35.

М а р т, 19.

Касса КУБУ сообщает о поступлении по счету М. Горького, через уполномоченного И. Шатиль, полученных им из Москвы (из Наркомпрода) р. 54 000 000.

1, 133а, 141.

М а р т, 22.

Подписывает ходатайство в жилотдел Петроградского района с просьбой распорядиться о неуплотнении квартиры М. Д. Зорина.

КК; 1, 62, 312.

М а р т, 22.

Присутствует на заседании КУБУ и подписывает журнал заседания № 52.

АК. ПЗ; 1, 4, 24—25.

М а р т, 23.

Подписывает ходатайство в жилотдел Второго городского района о не-вселении в квартиру М. и В. Жирмунских сторонних лиц.

КК; 1, 62, 307.

М а р т, 23.

Подписывает ходатайство в жилотдел Васильевского острова с просьбой не применять принудительного выселения М. Е. Жданко.

КК; 1, 62, 310.

М а р т, 23.

Подписывает Удостоверение Председателю местного комитета служащих при КУБУ М. В. Егорову в том, что он командирован в Москву.

КК; 2, 10, 280.

М а р т, 23.

Подписывает Удостоверение курьеру КУБУ М. К. Куликову (аналогичного содержания).

КК; 2, 10, 282.

М а р т, 23.

Подписывает Удостоверение курьеру КУБУ К. Е. Румянцеву (аналогичного содержания).

КК; 2, 10, 283.

М а р т, 23.

Подписывает Удостоверение Чрезвычайному Уполномоченному КУБУ А. С. Родэ (аналогичного содержания).

КК; 2, 10, 284.

М а р т, 23.

Подписывает Удостоверение заведующей общежитием и Домом отдыха Дома Ученых Н. Н. Воскобойниковой (аналогичного содержания).

КК; 2, 10, 285.

Март, 24.

Подписывает ходатайство в жилотдел Московского района с просьбой сделать распоряжение о невселении в квартиру В. С. Райковского сторонних лиц с целью уплотнения.

КК; 1, 62, 309.

Март, 24.

Подписывает ходатайство в жилотдел Василеостровского района с просьбой сделать распоряжение о невселении в квартиру проф. Петроградского Университета С. П. Костычева сторонних лиц с целью уплотнения.

КК; 1, 62, 308.

Март, 25.

Старший ассистент Сельскохозяйственного ученого комитета Владимир Генерозов сообщает Горькому в частном письме о том, что на имя М. Горького поступила из-за рубежа посылка с одеждой и пищей для В. Генерозова.

1, 5, 198.

Апрель, 9.

Подписывает ходатайство в Отдел управления Петрогубсовета с просьбой в срочном порядке сделать распоряжение о забронировании квартиры В. К. Лисенко.

КК; 1, 62, 271.

Апрель, 9.

Подписывает ходатайство в жилотдел Первого Городского района с просьбой сделать распоряжение об исключении квартиры А. Ф. Шидловского из списка помещений, подлежащих уплотнению.

КК; 1, 62, 276.

Апрель, 9.

Подписывает ходатайство в Жилотдел Василеостровского района с просьбой «приостановить осуществление постановления о вселении посторонних лиц в квартиру В. К. Лисенко».

КК; 1, 62, 275.

Апрель, 9.

Подписывает просьбу в Отдел управления Петрогубисполкома приостановить распоряжение о выселении А. М. Васюточкина.

КК; 1, 62, 281.

Апрель, 9.

Подписывает просьбу распорядиться о невселении в квартиру преподавателя Института живого слова Н. А. Энгельгардта сторонних лиц с целью уплотнения.

КК; 1, 62, 279.

Апрель, 11.

Получает в КУБУ удостоверение в том, что он командирован по делам комиссии в Москву, в Наркомпрос, сроком на 2 недели.

1, 169, 7.

Апрель, 11.

Подписывает Дополнительный список сотрудников Экспертной комиссии при Наркомвнешторге.

ПА; 1, 70, 56а.

Апрель, 11.

Подписывает письмо Экспертной комиссии при Петроградском отделении Наркомиссариата внешней торговли о включении 30 человек в список членов закупочной организации при КУБУ.

ПА; 1, 70, 56.

Апрель, 11.

Подписывает удостоверение служащему КУБУ С. П. Невяровичу в том, что он командирован по делам Комиссии в Москву.

МПА; 2, 10, 206.



Апрель, 12.

Подписывает удостоверение на имя А. С. Родэ в том, что находящиеся у Родэ деньги принадлежат КУБУ и вручены ему для взноса в казначейство.

КК; 1, 5, 289.

Апрель, 12.

Экспертная комиссия при Петроградском отделении Народного Комиссариата внешней торговли направляет М. Горькому письмо с уведомлением о ликвидации конфликта по вопросу взымания пошлины на привозимые из-за границы для КУБУ продукты.

1, 158, 3.

Апрель, 12.

Подписывает мандат Михаилу Николаевичу Левину в том, что он командировается в Москву по делам КУБУ.

КК, 1, 253, лл. не нумерованы.

МПА; 1, 253, лл. не нумерованы.

Апрель, 12.

Подписывает ходатайство в Жилотдел Василеостровского района с просьбой сделать распоряжение об исключении квартиры инженера В. М. Розенталя из списка квартир, подлежащих уплотнению.

КК; 1, 62, 270.

Апрель, 14.

М. Горький (совместно с акад. Ферсманом) направляет отношение в Архангельский Губчек с просьбой облегчить участь арестованного врача Старокодамского.

КК; 33, 3, 112.

Апрель, 15.

Подписывает мандат уполномоченному КУБУ А. М. Данилову в том, что он командировается в гор. Нижний-Новгород, Ярославль и др. места закупать, заготавливать продукты питания для нужд ученых.

ПА; 1, 135, 5.

Апрель, 16.

Подписывает (совместно с управделами КУБУ Курляндским) отношение в Петрогубсовет т. Комарову с просьбой сделать распоряжение о возвращении проф. Н. С. Таганцеву принадлежащих ему вещей, указанных в описи.

КК; 3, 3, 125, 126.

Апрель, 16.

И. П. Павлов направляет отношение в Комиссию по способствованию научных работ в лабораториях с просьбой выдать врачу В. В. Строганову соответствующий паек.

Автограф И. П. Павлова

1, 181, 99.

Апрель, 23.

Горький упоминается в ходатайстве КУБУ в отдел Управления, тов. Тринклеру, с просьбой оказать содействие при выдаче разрешения на поездку в служебную командировку в г. Бежецк агенту Комиссии, М. С. Сергееву.

2, 10, 142.

Апрель, 25.

Подписывает справку Л. Е. Бильгрею об освобождении его от обязанностей особоуполномоченного КУБУ по гор. Москве и о необходимости отпуска штата особоуполномоченного в течение 2 недель.

КК; 1, 36, 130.

Апрель, 28.

КУБУ направляет ходатайство в Авто-конюшенную базу № 254 Отдела транспорта с просьбой о предоставлении в распоряжение Комиссии 2 легковых лошадей (одну — для А. М. Горького, другую — для А. С. Родэ), в связи с приездом членов комиссии 28 апреля из Москвы.  
КК; 1, 250, 28.

Май, 3.

КУБУ дает удостоверение Уполномоченному по заграничным заготовкам М. Я. Генкину на получение 1 ящика книг, прибывших из Лондона с пароходом «Серезина» на имя председателя Комиссии М. Горького.  
1, 130, 82.

Май, 3.

Присутствует на заседании КУБУ, подписывает журнал заседаний № 58, выступает с сообщением о прибывающих из Финляндии при посредстве проф. Тигерштедта и художника Галлена продуктах для Дома ученых и о том, что Совнарком впредь будет рассматривать лишь те проекты, касающиеся организации быта ученых, которые направляются от имени КУБУ.

АК ПЗ; 1, 4, 32.  
Ср.: ЛГ, стр. 226.

Май, 4.

Получает письмо от Управделами СНК с сообщением о приостановке денационализации огородного дела.

1, 10, 19.

Май, 4.

Подписывает просьбу секретарю Исполкома Петросовета тов. Комарову об оказании содействия к восстановлению прав на квартиру проф. И. Т. Павлицкого.

КК; 1, 62, 235.

Май, 5.

Подписывает просьбу о возвращении проф. А. Е. Элькину его имущества и о выдаче ему удостоверения о бронировании комнаты.

КК; 1, 62, 234.

Май, 6.

Подписывает письмо тов. Семашко с просьбой препроводить 2 пакета с бумагами КУБУ в Кисловодск с посылаемым на Кавказ курьером.

КК; 1, 5, 277.

Май, 6.

Подписывает ходатайство с просьбой сделать распоряжение об исключении квартиры геолога М. Б. Едемского из списка помещений, подлежащих уплотнению или заселению.

КК; 1, 62, 230.

Май, 6.

Подписывает просьбу относительно квартиры литератора Д. Я. Айзмана и лечащего врача Р. С. Айзман (аналогичного содержания).

КК; 1, 62, 228.

Май, 6.

Подписывает ходатайство относительно квартиры проф. Ф. А. Кудринского (аналогичного содержания).

КК; 1, 62, 231.

Май, 6.

Подписывает ответ на телеграмму тов. Чичерина — список членов КУБУ — и делает к нему приписки: «Гарантия правильности распределения <функций членов КУБУ от Наробраза и Совета Профсоюзов — З. М.> вполне достаточная. М. Горький» — и (после текста телеграммы): «Послать Чичерину сегодня».

РПА; 1, 5, 295.

- М а й, 6.  
Подписывает просьбу главному бухгалтеру Петрокоммуны тов. В. Н. Сухаревскому об откомандировании С. А. Кагана-Раппопорта в распоряжение КНП.  
МПА. 1, 32, 290.
- М а й, 7.  
Подписывает заявление в Совет Профессиональных Союзов, в Отдел снабжения, о недостатках в работе сапожных мастерских г. Петрограда и о необходимости возобновить работу ряда мастерских.  
КК; 1, 20, 12.
- М а й, 7.  
Подписывает письмо гражд. С. А. Кагану-Раппопорту с рекомендацией его как ценного сотрудника по финансово-счетной и бухгалтерской части и пожеланием ему успеха на новом служебном поприще.  
КК; 2, 10, 59.
- М а й, 8.  
Подписывает вторичное отношение в Особую Столичную комиссию по отсрочкам при Губвоенкомитете об отсрочке тов. Чекалина.  
КК; 1, 19, 98.
- М а й, 9.  
Подписывает удостоверение М. К. Куликову о командировке в Москву.  
КК; 2, 10, 47.
- М а й, 9.  
Подписывает удостоверение Д. А. Григорьеву (аналогичного содержания).  
КК; 2, 10, 48.
- М а й, 9.  
Подписывает удостоверение Е. И. Васильевой (аналогичного содержания).  
КК; 2, 10, 49.
- М а й, 9.  
Подписывает удостоверение Чрезвычайному уполномоченному КУБУ А. С. Родэ (аналогичного содержания).  
М ПА; 2, 10, 50.  
КК; 2, 10, 51.
- М а й, 10.  
Подписывает письмо секретарю Исполкома Петросовета тов. Комарову с просьбой пересмотреть постановление Центрального жилищного отдела о передаче здания бывшего санатория в введение Наркомпроса.  
ПА; 1, 62, 223.
- М а й, 10.  
Присутствует на заседании КУБУ и подписывает журнал заседаний № 59. Выступает с сообщением об ожидающемся прибытии из-за границы (от правительства Финляндии, от финских методистов, из Англии) продуктов для Дома Ученых.  
АК ПЗ; 1, 4, 33, 33а.
- М а й, 11.  
Подписывает ходатайство в Наркомздрав, тов. Первухину, с просьбой содействовать отправке в санаторий служащей комиссии М. И. Ракецкой.  
КК; 2, 10, 36.
- М а й, 12.  
Подписывает просьбу в Жилотдел 2-го городского района сделать распоряжение об исключении квартиры Н. А. Орлова и Н. С. Соколовой из списка помещений, подлежащих уплотнению.  
КК; 1, 62, 219.

М а й, 12.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, тов. Озолину, с просьбой сделать распоряжение о срочном допросе В. К. Ловчиновского и о быстром его освобождении в случае невинности.

КК; 3, 3, 69.

М а й, 12.

Подписывает (совместно с А. Курляндским) отношение Ф. Э. Криммеру о том, что, в связи с отъездом его, М. Горького, в Москву по делам КУБУ, он просит оказать содействие заpredкбу проф. В. Н. Тонкову в получении продуктов, поступивших из Финляндии на имя Горького.

КК; 1, 5, 272.

М а й, 12.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, тов. Озолину, с просьбой сделать распоряжение о срочном допросе В. И. Иохельсона и о быстром его освобождении в случае невинности.

КК; 3, 3, 36.

М а й, 18.

СНК сообщает М. Горькому об отклонении его просьбы.

1, 21, 7.

М а й, 19.

М. Горький подписывает мандат Михаилу Николаевичу Левину в том, что он командировается в Москву.

ПА; 1, 253, 48.

М а й, 21.

Подписывает удостоверение Особоуполномоченному КУБУ Л. Е. Бильгрею о командировке его в Москву с целью срочного получения наряда для экспедиции Комиссии на юг России.

КК; 2, 11, лл. не нум.

М а й, 21.

Отдел транспорта КУБУ направляет начальнику Автоконюшенной базы тов. Б. Б. Горюдько ходатайство о предоставлении 28 мая к 11 ч. 30 м. утра двух лошадей на Николаевский вокзал к скорому поезду, для встречи приезжающих из Москвы председателя комиссии М. Горького и Чрезуполкбу Родэ.

1, 250, 45.

М а й, 21.

М. Горький подписывает ходатайство в Жилотдел Петроградского района с просьбой сделать распоряжение об исключении квартиры Е. Е. Шпилевой из списка помещений, подлежащих уплотнению.

КК; 1, 62, 183.

М а й, 24.

Присутствует на заседании КУБУ.

ПЗ; 1, 6, 190, 191.

М а й, 24.

А. Е. Ферсман на заседании КУБУ, в заключительном слове, вносит предложение поместить в заграничной прессе сообщение об огромной роли Горького «в деле облегчения участи русского ученого и положения науки в России за последние 2 года и о глубокой и искренней признательности за это дело со стороны всех русских ученых».

КК ПЗ; 1, 6, 190, 191.

М а й, 24.

В. Мансикка, присутствующий на заседании КУБУ, делает сообщение о прибытии в Петроград одного вагона с продовольствием и книгами в адрес М. Горького для Дома Ученых.

КК ПЗ; 1, 4 36; 1, 6, 190.

М а й, 25.

Касса сообщает, что на счет М. Горького поступило по приходному ордеру 1359, 25. V., через уполномоченного Шатиля, полученных от Наркомпроса из г. Москвы р. — 65 000 000.

1, 133а, 101.

М а й, 26.

М. Горький подписывает (совместно с Родэ и Курляндским) письмо члену коллегии Наркомпроса З. Г. Гринбергу с просьбой о выдаче суммы, ассигнованной Наркомпросом КУБУ для закупки продуктов и предметов первой необходимости.

КК; 1, 5, 255.

М а й, 26.

Подписывает ходатайство в жилотдел Первого Городского района с просьбой сделать распоряжение об исключении квартиры доктора К. П. Сапожкова из списка помещений, подлежащих уплотнению.

КК; 1, 62, 200.

М а й, 26.

Подписывает ходатайство в жилотдел Московского района с просьбой сделать распоряжение об исключении квартиры М. Я. Брейтман из списка помещений, подлежащих уплотнению.

КК; 1, 62, 201.

М а й, 26.

Подписывает удостоверение М. В. Егорову в том, что он командирован в Москву по делам Комиссии сроком на 20 дней.

КК; 2, 11, лл. не нум.

М а й, 26.

Подписывает отношение в Петроградскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой освободить под поручительство КУБУ арестованного 23. V. 1921 г. зав. продуктовой кладовой и клубом ученых А. П. Плетницкого, заявившего себя за время работы в Комиссии честным тружеником.

КК; 2, 11, лл. не нум.

М а й, 27.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой о скорейшем допросе проф. Осипова и его освобождении в случае невинности.

КК; 3, 3, 95, 95 об.

М а й, 28.

Подписывает письмо во Внешторг, тов. Ф. Э. Криммеру, с просьбой разрешить провоз в Финляндию вагона с книгами и брошюрами, изданными в РСФСР и предназначенными для финских ученых, согласно их просьбе.

КК; 1, 5, 249.

М а й, 28.

Подписывает письмо во Внешторг, тов. Ф. Э. Криммеру, с просьбой ускорить получение вещей, посланных на имя Горького Иорданским от имени «Американского союза писателей»; «сведений о судьбе этого вагона у меня нет», а «нужда в этих вещах крайне острая».

КК; 1, 5, 250.

М а й, 30.

Подписывает ходатайство в жилотдел Первого городского района с просьбой об исключении квартиры проф. И. Х. Озерова из списка помещений, подлежащих принудительному уплотнению.

КК; 1, 62, 190.

М а й. 30.

Подписывает ходатайство относительно квартиры Л. Л. Владимирова (аналогичного содержания).

КК; 1, 62, 191.

М а й. 30.

Подписывает ходатайство в жилотдел Первого Городского района относительно квартиры Е. М. Браудо (аналогичного содержания).

КК; 1, 62, 192.

М а й. 30.

Подписывает отношение в Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой о срочном допросе Б. С. Мартынова и о быстром его освобождении.

КК; 3, 3, 77.

М а й. 30.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой о срочном допросе А. К. Мордвилко и о быстром его освобождении в случае невиновности.

КК; 3, 3, 85.

М а й. 30.

Подписывает (вместе с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой о срочном допросе М. А. Тихоновой и ее освобождении в случае невиновности.

КК; 3, 3, 135.

М а й. 30.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой о скорейшем допросе проф. университета Л. В. Щербы и быстром его освобождении в случае невиновности.

КК; 3, 3, 148.

М а й. 30.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией с просьбой сделать распоряжение о быстром допросе проф. Щукевича и освобождении его по установлении невиновности.

КК; 3, 3, 199.

М а й. 30.

Пишет письмо в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией тов. Семенову, с просьбой освободить проф. Ю. П. Новицкого, арестованного по очевидному недоразумению, и с характеристикой научной деятельности д-ра И. И. Манухина (см. прилож. II).

Р ПА; 3, 3, 68.

М а й. 31.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой о срочном допросе О. В. Лавровой и о быстром ее освобождении в случае невиновности.

КК; 3, 3, 63.

М а й. 31.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой сделать распоряжение о срочном допросе Ф. Ф. Лендера и о быстром его освобождении в случае установления невиновности.

КК; 3, 3, 65.

М а й. 31.

Подписывает ходатайство в жилотдел Первого городского района с просьбой об исключении квартиры доктора Р. Б. Жуховецкого из списка помещений, подлежащих уплотнению.

КК; 1, 62, 186.

М а й, 31.

Подписывает просьбу о квартире Ученого секретаря и преподавателя статистики Пожарного института В. Ф. Эрастова (аналогичного содержания).

КК; 1, 62, 180.

М а й, 31.

Подписывает отношение о квартире инженера К. С. Немешаева (аналогичного содержания).

КК; 1, 62, 181.

М а й, 31.

Присутствует на заседании и подписывает журнал № 62 заседания президиума КУБУ.

КК; 1, 4, 38, 38 об.

М а й, 31.

Подписывает просьбу об исключении квартиры преподавателя Института народного хозяйства Марголиса из списка помещений, подлежащих уплотнению.

КК; 1, 62, 178.

М а й, 31.

Подписывает ходатайство в жилотдел Первого городского района с просьбой сделать распоряжение о квартире проф. Н. И. Андогского (аналогичного содержания).

КК; 1, 62, 187.

И ю н ь, 3.

Подписывает телеграмму в Наркомпрос, завфинотделом Рубинштейну, с просьбой выдать КУБУ аванс.

КК; 1, 5, 240.

И ю н ь, 3.

Посылает телеграмму, в Наркомпрос, Гринбергу: «Ввиду острой нужды прошу выслать ассигнованный КУБУ аванс Горький».

КК; 1, 5, 239.

И ю н ь, 4.

Получает (во время пребывания в Москве) телеграмму от КУБУ с сообщением о выезде в Москву Осадчего, Ферсмана и Родэ.

1, 169, 54.

И ю н ь, 4.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией с просьбой предоставить Н. С. Таганцеву право свободного выхода и входа в квартиру его сына.

КК; 3, 3, 128.

И ю н ь, 6.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) удостоверение Е. М. Васильеву в том, что он командирован в Москву по делам Комиссии сроком на 2 недели.

КК; 2, 11, лл. не нум.

И ю н ь, 6.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) удостоверение Д. А. Григорьеву (аналогичного содержания).

КК; 2, 11, лл. не нум.

И ю н ь, 6.

Зам. Наркомфин посылает согласованное с М. Горьким отношение в Петроградский Губфинотдел с просьбой о предоставлении КУБУ денежной ссуды.

1, 153, 9.

И ю н ь, 6.

Подписывает удостоверение Е. М. Васильеву в том, что он командирован в Москву по делам Комиссии сроком на 2 недели.

КК; 2, 11, лл. не нум.

Июнь, 7.

Присутствует на заседании и подписывает журнал заседаний КУБУ № 63. Выступает с сообщениями: а) о технике доставки продуктов из Финляндии (обмен вагонами); б) об организации индивидуальных посылок из Норвегии.

ПА; ПЗ, 1, 4, 39, 39 об.  
ПЗ; 1, 6, 188, 188 об.

Июнь, 7.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) удостоверение Н. А. Шварц в том, что она увольняется в отпуск по болезни. Удостоверение дано для получения Н. А. Шварц разрешения на право жительства у матери на ст. Графской, Финляндской железной дороги.

КК; 2, 11, лл. не нум.

Июнь, 7.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) удостоверение А. И. Панову в том, что он командирован в Москву по делам Комиссии, Наркомпроса и Наркомпрода сроком на 10 дней.

КК; 2, 11, лл. не нум.

Июнь, 7.

Подписывает мандат А. С. Ивановой и А. М. Апатовой на использование лошади из Конбазы для поездки по делам Комиссии.

КК; 1, 5, 225.

Июнь, 8.

Подписывает удостоверение Н. И. Воскобойниковой в том, что она командирована в Москву по делам Дома отдыха.

ПА; 2, 11, лл. не нум.

Июнь, 10.

КУБУ направляет отношение Председателю Совнаркома Азербайджанской республики тов. Мусабекову с просьбой оказать помощь в получении продовольствия для КУБУ. Это «является делом государственной важности, на стороне интересов которого стоит М. Горький».

КК; 1, 249, 21.

Июнь, 13.

Подписывает отношение в Отдел Народной Связи с просьбой забронировать КУБУ два телефона для переговоров с представителями центральной власти, а также с членами комиссии, находящимися в Москве.

КК; 1, 5, 221.

Июнь, 13.

Подписывает талон на получение для КУБУ ссуды размером в 150 000 000 руб.

ПА; 1, 153, 18.

Июнь, 14.

Центральная комиссия по снабжению рабочих при Наркомпросе посылает отношение Петроградской Губернской Комиссии по снабжению рабочих тов. Авдееву, копия председателю КУБУ Горькому, с просьбой сообщить, что сделано во исполнение постановления особой Временной комиссии по улучшению быта ученых.

КК; 1, 7, 95.

Июнь, 14.

Присутствует на заседании КУБУ и подписывает журнал заседаний № 63.

АК ПА; 1, 6, 186, 187.

Июнь, 14.

Присутствует на заседании КУБУ и подписывает журнал заседаний № 64.

ПЗ; 1, 4, 40, 40 об.



Июнь, 14.

Направляет письмо Председателю Сибпродкома с просьбой помочь уполномоченному комиссии тов. Корбу выполнить наряд по снабжению учебных продуктами (см. прилож. II).

КК; 1, 129, 234.

Июнь, 15.

Пишет письмо в Петроградский Губпрофсоюз Всеработпроса о крайне тяжелом положении ученых Петрограда и о необходимости предпринять практические меры по улучшению быта ученых (см. прилож. II).

АК ПА; 1, 5, 207, 207а, 207б, 208.

ЛГ, стр. 231.

Июнь, 16.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией с просьбой сделать распоряжение о возврате проф. Н. Н. Таганцеву принадлежащих ему вещей, согласно приложенной описи.

КК; 3, 3, 126.

Июнь, 16.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение Народному Комиссару Здравоохранения тов. Семашко с просьбой об утверждении врача заведующим 13-ой коммунальной амбулатории Второго Городского района.

АК ПА; 2, 11, лл. не нум.

Июнь, 17.

Подписывает удостоверение А. Н. Самарину в том, что он командирован сроком на 10 дней в Москву, в Главтоп, по вопросу о самостоятельной заготовке дров для ученых.

КК; 2, 11, лл. не нум.

Июнь, 21.

Присутствует на заседании КУБУ и подписывает протокол заседания № 65. На заседании ставится вопрос о замещении должности Председателя КУБУ на время отъезда Горького в Москву. Заместителем избран С. Ольденбург.

АК ПА ПЗ; 1, 6, 185, 185 об.

То же.

КК; 1, 4, 41, 41 об.

Июнь, 21.

Управделами КУБУ Курляндский на заседании Уполномоченных ученых учреждений и высших учебных заведений сообщает, что Горьким получена копия запроса о деятельности в помощь КУБУ со стороны Петроградской Губернской комиссии по снабжению рабочих.

1, 13, 19, 20.

Июнь, 21.

М. Горький подписывает мандат уполномоченному по отделу снабжения С. П. Невяровичу в том, что он командирован в Ямбургский район для производства заготовок, закупок и отправки в Петроград предметов продовольствия!

М ПА; 1, 247, 91, 91 об.

То же.

КК; 1, 247, 93, 93 об.

Июнь, 25.

Подписывает удостоверение И. О. Шатилю в том, что он командирован в Москву по делам Комиссии сроком на 2 недели.

КК; 2, 11, лл. не нум.

Июнь, 26. 1921.

Подписывает доверенность Л. О. Рубинштейну на получение от Наркомпроса денег для КУБУ с целью заготовки продуктов и предметов первой необходимости.

КК; 1, 5, 257.

Июль, 1,

Отдел транспорта КУБУ направляет в Эксплуатационный отдел Автогужа просьбу предоставить тов. Горькому легковую лошадь на воскресенье, 3 июля 1921 г. к 10 ч. 30 м., на Николаевский вокзал.

КК; 1, 250, 62.

Июль, 4.

Чрезуполкубу Родэ посылает М. Горькому в Москву деловую телеграмму.

1, 5, 204.

Июль, 5.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией с просьбой сделать распоряжение о срочном допросе Н. Н. Пунина и освобождении его в случае невиновности.

КК; 3, 3, 107.

Июль, 9.

Подписывает дополнение к приказу № 35 с предписанием управляющему снабженческой частью В. И. Иванову выдать лицам, услугами которых пользуется КУБУ, продукты (за плату и бесплатно).

МПА; 1, 30, 104.

Июль, 12.

КУБУ направляет отношение в Москоммуну с просьбой об отпуске продуктов М. Горькому (в период пребывания его в Москве).

1, 169, 84.

Июль, 12.

КУБУ получает из Туркестана и Бухарской республики продукты на имя М. Горького.

ПЗ; 1, 6, 177—179.

Июль, 15.

Подписывает отношение в Курский губисполком с просьбой об улучшении условий жизни наблюдателя обсерватории Института А. И. Лифкова (?)

КК; 1, 162а, лл. не нум.

Июль, 15.

Отдел транспорта КУБУ направляет ходатайство в Авто-конюшенную Базу о предоставлении почтовому поезду, к 10 ч. утра 17 июля, двух легковых закладок (Председателю комиссии Горькому и Родэ) и одной линейки (для приезжающей из Москвы комиссии профессоров).

1, 250, 51.

Июль, 16.

Отдел транспорта КУБУ направляет, во изменение предыдущего, новое ходатайство в Авто-конюшенную базу с просьбой о предоставлении лошадей для тт. Горького и Родэ, а также для комиссии профессоров, на 18 июля, к 10 ч. утра, к почтовому поезду на Николаевский вокзал, ввиду вновь поступивших сведений о прибытии комиссии из Москвы не в воскресенье, а в понедельник.

1, 250, 44.

Июль, 22.

КУБУ направляет П. Н. Верховинскому письмо с сообщением о том, что вопрос об экспедиции в Персию будет обсуждаться по приезде в Петроград М. Горького.

1, 152, 280.

Июль, 25.

М. Горький присутствует на заседании Президиума КУБУ, на котором обсуждается вопрос о распределении 89 пудов продуктов, прибывших из Туркестана в личное распоряжение Горького.

ПЗ; 1, 13, 56.

Июль, 26.

Получает письмо от Председателя комитета Дома литераторов с просьбой содействовать правильному распределению продуктов между писателями.

1, 152, 278.

Июль, 26.

Подписывает постановление КУБУ об отчислении продуктов в помощь детям голодающих губерний и направляет сообщение о нем телеграфом в Москву. Председателю Всероссийского комитета помощи голодающим.

АК ПА; 1, 154, 6.

КК; 1, 154, 5.

Июль, 26.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в жилищный отдел Московского района с просьбой оставить за А. А. Романко-Романовским занимаемую им квартиру.

КК; 1, 162а, лл. не нум.

Июль, 26.

Направляет письмо представителю Американской администрации помощи Брауну. Перед текстом (на англ. яз.) пометка рукой Горького — надпись: «Рига, Представителю американской администрации помощи Браун».

РПА; 1, 154, 4.

КК; 1, 154, 3.

Июль, 26.

Присутствует на заседании закупочной подкомиссии КУБУ.

КК; 1, 6, 165, 165 об., 166.

ПЗ; 1, 13, 29.

Июль, 26.

Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) — отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой сделать распоряжение о срочном допросе и освобождении А. И. Горбова.

КК; 3, 3, 29.

Июль, 27.

Служащему комиссии П. В. Смирнову выдается удостоверение в том, что, по распоряжению Председателя комиссии А. М. Горького, ему поручается получить 2 ящика с продуктами.

КК; 1, 130, 95, 96.

Июль, 30.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой сделать распоряжение о скорейшем допросе С. А. Ухтомского и быстром его освобождении в случае невиновности.

КК; 3, 3, 139.

Июль, 30.

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой сделать распоряжение о срочном допросе Н. Ф. Потребова и В. И. Яворского и быстром освобождении в случае невиновности.

КК; 3, 3, 102.

- Август, 2.  
Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой ускорить рассмотрение дела проф. Вислоуха и его освобождение и ходатайство о помещении в санаторий В. Дорошевича.  
КК; 3, 3, 24.  
КК; 1, 6, 155.
- Август, 4.  
Получает удостоверение о командировке в Москву.  
1, 169, 77.
- Август, 4.  
Подписывает отношение в Центросоюз «с убедительной просьбой не отказать КУБУ в выдаче наряда на получение из пределов губернии Курской» продуктов сельского хозяйства (овощей) в количестве 20 вагонов.  
МПА; 1, 132, 21.
- Август, 4.  
Подписывает отношение в Центросоюз «с убедительной просьбой не отказать в выдаче наряда на получение из пределов губернии Костромской» продуктов сельского хозяйства в количестве 15 вагонов.  
М ПА; 2, 5, 1.
- Август, 4.  
Подписывает А. И. Корбу мандат на получение из Наркоминдела 3 ящиков книг, пришедших на имя Горького.  
КК; 1, 138, 97.
- Август, 4.  
Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение Председателю Петроградского Совета коммунального хозяйства т. Иванову с просьбой обеспечить всемирно известному инженеру путей сообщения Белелюбскому возможность спокойного пользования квартирой.  
КК; 1, 162а, лл. не нум.
- Август, 4.  
Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение с просьбой создать для проф. Белелюбского возможность пользоваться квартирой (см. прилож. II).  
КК; 1, 162а, лл. не нум.
- Август, 6.  
Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в Жилотдел с просьбой при уплотнении квартир сохранить за Ф. И. Седенко (Витязевым) право пользования двумя комнатами.  
КК; 1, 162а, лл. не нум.
- Август, 6.  
Подписывает мандат Надежде Ивановне Воскобойниковой в том, что она командирована в Москву, Киев и др. города для производства заготовок.
- Август, 8.  
Подписывает (совместно с Управделами КУБУ Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой поместить проф. А. И. Горбова в больницу, в силу его преклонного возраста (63 года) и болезненного состояния.  
КК; 2, 5, 6.  
КК; 3, 3, 30.
- Август, 8.  
Подписывает отношение во Всеукраинскую Чрезвычайную комиссию в г. Харькове с просьбой срочно допросить А. Н. Кириченко, ввиду его болезненного состояния после сыпного тифа и, если можно, освободить его.  
М ПА; 3, 3, 50, 51.

Август, 8.

Пишет письмо заместителю председателя Особого отдела В. Ч. К. тов. Я. Г. Озолину с просьбой содействовать разрешенному Наркоминделом выезду вдовы проф. С. Я. Терешина за границу к дочери.

КК; 2, 48, 53.

Август, 9.

Присутствует на заседании КУБУ, подписывает протокол заседания.

АК ПЗ; 1, 6, 133—135.

Август, 12.

Подписывает отношение Народному Комиссару Просвещения тов. Луначарскому с сообщением о том, что Финляндский комитет оповестил о согласии финляндского правительства не отказывать в визе ученым, отправляемым Комиссией в финляндские санатории, и с просьбой содействовать отправке в эти санатории нуждающихся в лечении ученых.

КК; 2, 48, 55.

Август, 16.

Пишет письмо Наркому продовольствия Туркестана тов. Малютину с благодарностью за оказанную помощь и с просьбой о новой помощи ученым Петрограда (см. прилож. II).

КК; 2, 48, 54.<sup>1</sup>

Август, 16.

Присутствует и председательствует на заседании КУБУ, на котором было заслушано сообщение о готовящемся съезде ботаников и о помощи в его подготовке. «А. М. Горький указал, что посуду может предоставить экспертная комиссия <...> Что касается продовольствия, то, вероятно, Петрогубкоммуна будет отпускать его участникам съезда по академической норме». Ходатайствует о выдаче О. Д. Форш продовольственного пособия. Подписывает протокол заседания.

КК; 1, 6, 127—129.

Август, 17.

Подписывает приказ № 44 о перемещении административных работников КУБУ по службе в связи с тем, что заграничная командировка А. С. Роде откладывается.

КК; 1, 27, 202. КК; 1, 30, 20.

Август, 18.

Роде направляет от имени Горького телеграмму Дмитрию Григорьеву о немедленном возвращении его в Петроград, к месту службы.

1, 253, 24.

Август, 19.

Получает разрешение на проезд до ст. Белоостров и обратно<sup>2</sup>

1, 169, 92.

Август, 23.

Подписывает письмо в Информационный отдел Коминтерна о передаче библиотеки.

КК; 1, 21, 5.

Август, 23.

Присутствует и председательствует на заседании КУБУ. Выступает с сообщением об отправке в Казань проф. Васильева, который предлагает доставить голодающей профессуре Казанского университета продукты (19 пудов), «каковые, согласно постановлению КУБУ, решено было доставить нуждающейся профессуре местных университетов».

АК ПЗ; 1, 6, 117—120.

Август, 23.

<sup>1</sup> Ср. ЛГ, стр. 244.

<sup>2</sup> Ср. письмо Е. П. Пешковой от 24 авг. 1921 г. о трехдневном отдыхе в Белоострове (ЛГ, стр. 245).

Подписывает отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой срочно допросить проф. А. А. Калачева и, в случае невинности, быстро освободить.

КК; 3, 3, 42.

Август, 24.

Подписывает отношение Председателю Всероссийского Комитета помощи голодающим т. Каменеву с уточнением, что отчисляемые КУБУ в помощь голодающим продукты предназначаются для ученых голодающих местностей и их детей.

На тексте отношения приписка: «Согласен с текстом. М. Горький».

КК; 1, 5, 510.

РПА; 1, 5, 510

Август, 29.

Подписывает мандат КУБУ Уполномоченному по снабженческой части И. О. Канторовичу, командированному в г. Орел для производства заготовок продуктов.

КК; 1, 257, 7, 7 об.

Август, 29.

Подписывает мандат КУБУ И. О. Канторовичу в том, что он командирован в Минск.

КК; 1, 131, 55, 55 об.

Август, 29.

Подписывает ходатайство в Пепо с просьбой не отказать в выдаче разрешения на ввоз в Петроград из района Белоострова молока для больных и престарелых ученых, а также для детей ученых, находящихся на изживении КУБУ.

КК; 1, 247, 89.

Август, 30.

Пишет (совместно с Курляндским) отношение в Отдел управления Петросовета, тов. Булину, с просьбой о возвращении квартиры профессору Белелюбскому (см. прилож. II).

КК; 1, 162а, лл. не нум.

Август, 30.

Подписывает (совместно с Курляндским) отношение в Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией с просьбой о срочном допросе и, если возможно, освобождении геофизика А. Каминского, ведущего большую научную работу.

КК; 1, 162а, лл. не нум.

Август, 30.

Подписывает отношение в Губземаотдел с просьбой предоставить в распоряжение КУБУ для питания находящихся в здравницах КУБУ ученых один из совхозов, расположенный в районе Детского Села.

КК; 1, 5, 163.

Август, 30.

Председательствует на заседании КУБУ, подписывает протокол заседания.

АК ПА ПЗ; 1, 6, 114—117, 117а.<sup>1</sup>

Сентябрь, 1.

Подписывает отношение Народному Комиссару Просвещения Луначарскому с сообщением о том, что Финляндское правительство не будет отказывать в визе ученым, отправляемым КУБУ в финляндские санатории.

КК; 2, 48, 56.

<sup>1</sup> Ср. ЛГ, стр. 246.

Сентябрь, 8.

Зам. Наркомфин сообщает в Наркомпрос, т. Гринбергу, что на счет КУБУ переведено по запросу Горького 500 000 000 р.

1, 153, 24, 26.

Сентябрь, 8.

М. Горький подписывает удостоверение Уполномоченному КУБУ И. О. Канторовичу о том, что он командировается в Дагестан через Москву.

АК ПА; 1, 249, 53, 54.

Сентябрь, 9.

КУБУ направляет ходатайство в Авто-конюшенную Базу отдела Транспорта с просьбой о предоставлении двух легковых закладок: для Горького и Родэ на воскресенье, 11 сентября, к 10 ч. утра, на Николаевский вокзал к скорому поезду.

КК; 1, 250, 58.

Сентябрь, 10.

Выписка из протокола № 30 заседания коллегии ОКТЧК: «Слушали: Переписка о неполучении риса Максимом Горьким. Постановили: настоящую переписку сдать в Архив и дела не продолжать».

1, 152, 270.

Сентябрь, 13.

Присутствует на заседании Петроградской КУБУ; сообщает о скором своем отъезде за границу, говорит о необходимости избрания, на время его отсутствия, зам. председателя КУБУ и предлагает кандидатуру А. П. Пинкевича.

АК ПА ПЗ; 1, 6, 110, 110а, 110б.

Сентябрь, 14.

Подписывает мандат КУБУ уполномоченному по снабженческой части Тушевскому в том, что он командировается в Сибирь для производства заготовок и отправки продуктов первой необходимости.

КК; 1, 254, 298.

Сентябрь, 15.

Подписывает отношение в Книжную палату с просьбой оказать содействие в организации библиотеки при Доме Ученых.

КК; 2, 48, 57.

Сентябрь, 17.

Подписывает запрос в Совет Народных Комиссаров с просьбой дать разъяснение Пепю, надлежит ли ей понимать постановление Совнаркома о выдаче проф. Немешаеву пайка как распоряжение о одновременном продуктивном пособии или речь идет о постоянном обеспечении ученого.

КК; 2, 48, 58.

Сентябрь, 21.

КУБУ направляет по указанию Горького отношение в Экспертную комиссию с просьбой предоставить столовую посуду во временное пользование для обеспечения питания участников съезда ученых-ботаников.

1, 5, 158.

Сентябрь, 23.

КУБУ направляет письмо в Комиссию помощи голодающим с информацией об отправке продуктов в помощь голодающим Поволжья. КУБУ сообщает, что, по распоряжению Горького, продукты переданы в Комиссию для временного хранения.

1, 152, 271.

Октябрь, 3.

М. Горький подписывает мандат КУБУ особоуполномоченному Комиссии по отделу снабжения Э. И. Кузе в том, что он командировается в г. Харьков для производства заготовок.

М ПА; 1, 259, 59.

- Октябрь, 4.  
Подписывает удостоверение уполномоченному КУБУ И. О. Канторовичу.  
КК; 1, 161, 81.
- Октябрь, 4.  
Подписывает удостоверение уполномоченному КУБУ М. П. Цитверу.  
КК; 1, 161, 80.
- Октябрь, 5.  
Подписывает мандат уполномоченному КУБУ И. О. Канторовичу.  
КК; 1, 161, 82.
- Октябрь, 6.  
Уполномоченный КУБУ по Сибири А. А. Тюшевский направляет в Сиб-продком просьбу о продовольственной помощи КУБУ, руководимой М. Горьким.  
1, 254, 266.
- Октябрь, 12.  
КУБУ составляет, по инициативе Горького, отношение в Петрокоммуну, в котором просит не отказать в помощи М. И. Брусняниной, находящейся в тяжелом материальном положении.  
1, 199, лл. не нум.
- Октябрь, 12.  
А. Апатов выдает удостоверение И. О. Канторовичу в том, что он командирован Президиумом Комиссии из Москвы в Петроград для получения дополнительной инструкции от Председателя Комиссии М. Горького.  
КК; 1, 249, 1.
- Октябрь, 12.  
А. Апатов выдает удостоверение И. Сергееву в том, что он, впредь до исполнения командировки Комиссии в Дагестан, командирован в Петроград, в распоряжение Председателя Комиссии Горького, для получения дополнительных сумм.  
1, 249, 97.
- Октябрь, 15.  
М. Горький подписывает отношение в Книжную палату с просьбой оказать содействие в организации библиотеки для Дома Ученых по различным отраслям научного знания.  
КК; 2, 48, 57.<sup>1</sup>
- Октябрь, 17.  
Подписывает благодарность тов. Старчакову за внимание и содействие, которое он оказывал Комиссии в выполнении стоящих перед нею задач.  
КК; 2, 48, 59.<sup>2</sup>
- Октябрь, 17.  
Подписывает телеграмму Раковскому с благодарностью за содействие русским ученым.  
КК; 1, 5, 117.
- Октябрь, 17.  
Подписывает благодарность тов. М. К. Владимирову за неизменно доброе и заботливое отношение к нуждам ученых, выразившееся в присылке им продовольственной помощи, сохраняющей их здоровье.  
КК; 2, 48, 60.
- Октябрь, 17.  
Подписывает благодарность тов. Абрамовичу за содействие и благожелательное отношение к нуждам Комиссии, без чего крайне затрудни-

<sup>1</sup> Ср. ЛГ, стр. 250.

<sup>2</sup> Этот и нижеследующие документы, по-видимому, подписаны М. Горьким до 16 октября — до отъезда за границу.



тельно было бы осуществлять стоящие перед Комиссией задачи поддержания ученого мира России.

КК; 2, 48, 61.

Октябрь, 17.

Отправляет телеграмму: «ВЦИК. Товарищу Михаилу Калинину Прошу примите меры случае отрицательного приговора делу Пермского Железнодорожного Кассационного Второго Департамента — профессора Урал-Университета Налетова точка Прощение ВЦИК помиловании подано начале сентября ректором университета Пинкевичем точка Убеден судебной ошибке. М. Горький.

КК; 1, 5, 116.

Октябрь, 18.

Подписывает приказ № 57 о своем отъезде в заграничную командировку и о передаче своих обязанностей Председателя КУБУ А. П. Пинкевичу.

МПА; 1, 30, 71.

КК; 1, 138, 49.

КК; 1, 27, 190

Октябрь, 18.

А. П. Пинкевич телеграфирует в Берлин, в Русскую миссию Лодыжинову об отъезде Горького 16 октября за границу, в Хельсинки, и о предполагаемом продолжении поездки Горького (на нем. и русск. яз.).

1, 5, 109, 110.

Октябрь, 22.

А. Ферман направляет отношение в Петрокоммуну с просьбой удовлетворить ходатайство М. Горького о возможном содействии М. И. Брусяниной, находящейся в тяжелом материальном положении.

1, 199, лл. не нум.

Октябрь, 24. (?)

Выдает Б. Б. Крючкову расписку: «Пятьсот тысяч заимообразно получил от Б. Б. Крюčkова 24 октября 1921 г. А. Пешков».

РПА; 2, 8, 24. 1

Октябрь, 29.

Продовольственный агент КУБУ Гудков в телеграмме М. Горькому просит его сделать распоряжение о направлении груза КУБУ, задержанного на ст. Тюмень, по петроградскому адресу.

КК; 1, 254, 251.

Ноябрь, 2.

М. Горький подписывает от имени 138 служащих при КУБУ просьбу прислать инструктора и агитатора для фиксации правильности проводимых в КУБУ выборов в Петроградский Совет.

КК; 2, 48, 62,

1921.

Подписывает отношение Начфинотделу Л. О. Рубинштейну с просьбой ассигновать деньги на покупку продуктов и предметов первой необходимости для КУБУ.

КК; 1, 5, 254.

1922

Январь, 31.

Проф. Тонков делает на заседании Петрокубу сообщение о том, что с 30 января 1922 г. он приступил к временному исполнению обязанностей председателя КУБУ.

КК ПЗ; 1, 6, 79.

Февраль, 14.

КУБУ направляет М. Горькому в Берлин письмо к 30-летию со дня начала его творческой деятельности.

1, 281, 239, 240.

<sup>1</sup> Датировка и обстоятельства написания записки неясны: 24 октября М. Горький был в Гельсинфорсе (см. ЛГ, стр. 252).

Март, 21.

М. Горький приказом Цекубу от 21 марта 1922 г. утвержден на должности председателя Петрокубу: «Постановили. Утвердить нижеследующий состав Петроградской КУБУ: председатель — А. М. Горький; зам[еститель] предс[едателя] — А. П. Пинкевич (по В[ысшим] Пед[агогическим] Уч[ебным] Зав[едениям]); члены от[ученых] учреждений — акад[емик] С. Ф. Ольденбург; акад[емик] А. Я. Ферсман; от технич[еских] уч[ебных] зав[едений] — проф[ессор] Б. К. Правдзик; от Ун[иверситета] — акад[емик] В. М. Шимкевич и проф[ессор] Ю. А. Филиппенко; от Высш[ей] Медич[инской] школы — Тонков и проф[ессор] А. Л. Апатов; от Петрогр[адского] Губ[ернского] Отд[ела] Народн[ого] образов[ания] — тов. Невский; зав[едующий] научн[ыми] учр[еждениями] Петрограда — Кристи; зав[едующий] Губздравотделом — тов. Первухин и от Петрохладбазы тов. Цыпкин».

ПЗ; 1, 6, 61.; 1, 7, 116.

Июнь, 20.

А. П. Пинкевич передает членам КУБУ привет от М. Горького, который предполагает осенью возвратиться в Петроград.

1, 3, 21 об.

Июль, 5.

Участники заседания КУБУ получают повторное сообщение о возможном приезде М. Горького в Россию к 1 октября 1922 г.

ПЗ; 1, 6, 41, 42.

Август, 15.

То же (о приезде М. Горького в сентябре).

ПЗ; 1, 6, 33 об.

Август, 22.

М. Горький упоминается в протоколе заседания Петрокубу как член комиссий при КУБУ.

ПЗ; 1, 6, 31.

Сентябрь, 21.

Управляющий Общим Отделом Петрокубу и управляющий Общей канцелярией Петрокубу подписывают сообщение о КУБУ в редакцию справочника «Весь Петроград»: «... Президиум. Личный состав: Председатель А. М. Пешков (М. Горький), Кронверкский пр., д. № 23».

1, 281, 342, 342 об.

Сентябрь, 26.

Президиум Петрокубу получает письмо А. М. Горького о том, что, ввиду плохого здоровья, он сможет вернуться в Россию не ранее весны будущего года. Об этом же информирует президиум возвратившийся из-за границы А. П. Пинкевич. Президиум Петрокубу постановил письмо М. Горького принять к сведению, «с выражением глубокого сожаления, что здоровье А<лексея> М<аксимовича> не позволяет ему вернуться в Россию».

ПЗ; 1, 6, 21.

Октябрь, 1.

М. Горький упоминается в обзоре деятельности Петрокубу как инициатор создания и председатель Петрокубу; должность эту во время пребывания М. Горького за границей замещает ректор Петроградского педагогического института проф. А. П. Пинкевич.

1, 291, 110.

Октябрь, 24.

А. М. Горький упоминается на заседании КУБУ как член президиума.

ПЗ; 1, 6, 11 об.

Н о я б р ь, 14.

Президиум КУБУ получает от М. Горького извещение о собранных в Америке для фонда М. Горького 1000 долларах и обсуждает вопрос об их распределении. Деньги эти решено направить через Берлинское отделение Петрокубу. Торгпреду РСФСР в Финляндии тов. Игнатьеву на закупку продовольствия для петроградских ученых.

ПЗ; 1, 6, 10.

Н о я б р ь, 16.

А. П. Пинкевич сообщает Ивану Ивановичу [?] «что в Америке образовался Союз помощи русским ученым, задавшийся целью составить фонд имени А. М. Горького, которому уже посланы первые восемьсот долларов. В последнем заседании Петрокубу было единогласно постановлено просить А. М. Горького перевести эти деньги в распоряжение Вашего представительства в Гельсинфорсе».

1, 16, 57.

Д е к а б р ь, 15.

А. П. Пинкевич сообщает Торгпреду СССР в Финляндии, что деньги, собранные в Америке для фонда имени Горького, будут переведены Горьким в распоряжение Торгпредства для нужд КУБУ.

1, 16, 62.

1922, конец.

А. П. Пинкевич направляет от имени КУБУ телеграмму М. Горькому в день празднования 3-летия Петрокубу: «День празднования трехлетия Петрокубу шлет председателю горячий привет, благодарно вспоминая творящую инициативу, надеясь скорое возвращение прерванной работе Пинкевич».

1, 281, 170 об. 171 об.

1923

Я н в а р ь, 10.

М. Горький направляет письмо президиуму Дома ученых в Петрограде с просьбой переслать профессору Х. В. Л. Дану расписку в получении 1000 долларов и с извещением о получении в фонд Горького еще 1000 долларов (см. приложение II).

Р ПА; 1, 16, 37.

Ф е в р а л ь, 27.

Заседание Комснаба КУБУ заслушивает письмо-уведомление М. Горького о том, что американские ученые пожертвовали в пользу русских ученых еще одну тысячу долларов, и запрос М. Горького, как поступить с этими деньгами.

ПЗ; 1, 276, 145.

М а р т, 2.

А. П. Пинкевич телеграфно просит М. Горького вновь перевести указанные 1000 долларов Торгпреду СССР в Финляндии тов. Игнатьеву.

1, 16, 76, 77.

М а р т, 2.

А. П. Пинкевич сообщает Торгпреду СССР в Финляндии А. М. Игнатьеву: «Мною получено извещение А. М. Горького, что из собранного в Америке фонда его имени ныне поступила в распоряжение Алексея Максимовича еще одна тысяча долларов. Мы единогласно постановили просить А<лексея> М<аксимовича> перевести эти деньги Вам для последующей второй отправки продовольствия петроградским ученым. Учитывая настоящую надобность, я просил бы Вас по получении от А. М. Горького упомянутой новой тысячи долларов выслать нам тем же порядком, как и какао, груз сахарного песку (сколько можно оплатить эту сумму)».

1, 16, 73, 74.

Март, 13.

Президент Петрокубу В. Тонков направляет письмо проф. Х. В. Л. Дану с распиской в получении Петрокубу одной тысячи долларов, собранной фондом Горького для помощи русским ученым при обществе «Друзей русских ученых».

1, 16, 41, 42.

Март, 16.

Управление делами Цекубу направляет письмо в Петрокубу, Б. М. Казанскому, с просьбой сообщить, когда вручен М. Горькому именной экземпляр годового отчета Цекубу «Год работы», препровожденный в Петроград 5 января 1923 г.

1, 281, 80—80 об.

Март, 20.

Секретарь президиума Петрокубу сообщает в ответ на вопрос Цекубу от 16 марта, что годового отчет Цекубу «Год работы» направлен М. Горькому в Берлин 27 января 1923 г. через Наркоминдел.

1, 281, 79.

Март, 23.

А. П. Пинкевич направляет М. Горькому письмо с благодарностью за 1000 долларов и за заботу о Петроградских ученых.

1, 16, 46.

Март, 29.

Президент Петрокубу Тонков в письме в «Общество друзей русских ученых» сообщает о передаче Горьким второй 1000 долларов через фонд Горького для КУБУ.

1, 16, 44.

## II. Письма и отношения М. Горького по вопросам работы КУБУ

### 1. <Отношение в> Наркомздрав<sup>1</sup>

22 июля 1920 г.

Врач Михаил Евгеньевич Лемберг, старший ординатор Центрального Красноармейского госпиталя, в течение всего времени функционирования Комиссии по улучшению быта ученых является полезным и незаменимым работником, в непосредственном введении и руководстве которого находятся Дома отдыха и Санатория Комиссии в Детском селе. Всякое замещение доктора Лемберга, принимавшего непосредственное участие в создании и организации как самой Комиссии, так и ее Лечебно-санитарных отделов, другим лицом, несомненно, самым невыгодным образом отразилось бы на пользе дела.

В виду сего усердно прошу об оставлении доктора Лемберга в Петрограде, в случае каких-либо могущих последовать перемещений по военно-санитарной службе.

Председатель Комиссии М. Горький

<sup>1</sup> Оригинал: ГАОРСС ЛО, Ф, 2995 (КУБУ), оп. 1, ед. хр. 32, лл. 44—44 об. Отношение отпечатано на машинке, на бланке со штампом КУБУ и подписью М. Горького; вызвано отправкой на фронт большой группы петроградских врачей.

Дорогой Николай Александрович!<sup>1</sup>  
Очень прошу Вас оставить Лемберга в Петрограде, ибо он действительно необходим в деле, которое, все расширяясь, становится одним из самых интересных учреждений Советской власти.

Жму руку. А. Пешков.

2. <Письмо> товарищу Рудакову<sup>2</sup>

Вопрос о тысяче красноармейцев поставлен Ильичом сегодня в заседании Малого Совнаркома. Своею властью В<ладимир> И<льич> решить вопрос этот отказался, но уверен, что в заседании это будет решено в желательном смысле. О решении я буду знать от него после заседания, т. е. сегодня.

Жму руку. А. Пешков.

3. <Письмо в КУБУ о распределении ученых пайков><sup>3</sup>

В виду того, что лица, исключенные из списка получающих паек, обращается <так! — З. М.> к М. Горькому, [с] жалуясь на несправедливость, допущенную в отношении к ним, М. Горький заявляет, что не он [исключал] сокращал количество пайков, а Кон<тро>льная Комиссия, на всех заседаниях которой Горький присутствовал только как докладчик, не принимая участия в суждениях о квалификации ученых и, по мере сил, защищал права [всех лиц] на паек всех лиц, вошедших в список двух тысяч. М. Горький.

---

<sup>1</sup> Николай Александрович — Н. А. Семашко, народный комиссар здравоохранения. Приписка к Н. А. Семашко написана Горьким от руки. На этом же документе — на полях — резолюция: «Т. Петрову. Оставить д-ра Лемберга в военно-лечебном заведении в Петрограде — для возможности совместительства. 29. VII. Н. Семашко» — и печать Наркомздрава. Копия публикуемого отношения в Наркомздрав была отправлена Начеваку 20 августа 1920 г. с просьбой выполнить резолюцию Семашко (см. оп. 1, ед. хр. 28, л. 609).

<sup>2</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 128, л. 9. Канцелярская копия. Связано с письмом В. И. Ленина т. Рудакову, заведующему топливным отделом Петрокоммуны, от 10 ноября 1920 г., и написано, по-видимому, в конце 1920 г. На письме — оповещение о резолюции Совнаркома по данному вопросу: «Совнарком постановил отпустить в распоряжение Рудакова 1500 красноармейцев, а также часть гражданского населения». Речь идет, по-видимому, о мобилизации красноармейцев и населения на доставку топлива для КУБУ (см. стр. 175—176).

<sup>3</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995 (КУБУ), оп. 1, ед. хр. 60, л. 4. Письмо — карандашный автограф (синий карандаш), с множеством зачеркиваний; в середине текста, между строк, — перевернутая роспись Горького. Датируется по содержанию — 1920 г.

4. <Письмо Павлу Петровичу (?)><sup>1</sup>

Уважаемый товарищ  
Павел Петрович!<sup>2</sup>

Состоящая под моим председательством Комиссия по улучшению быта ученых, озабочиваясь дать в настоящее тяжелое по продовольствию время возможность получать ученым обеды, желает открыть в имеющемся в Доме ученых (ул. Халтурина 27) соответствующем помещении столовую, предполагаемая способность которой до 2 тысяч едоков ежедневно. — Зная Ваш обширный опыт в деле общественного питания, прошу Вас не отказать Комиссии в Вашем ценном совете и содействии в деле организации этой столовой и в помощи скорейшему ее оборудованию.

С товарищеским приветом  
Горький

5. <Письмо Начальнику Сибраспреда т. Гутзац><sup>3</sup>

Уважаемый т. Гутзац!

Приношу Вам сердечную благодарность от своего лица и от лица Петроградской Комиссии улучшения быта ученых за Вашу щедрую помощь т. Корб.

Не преувеличивая, скажу Вам, что помочь сейчас русским техникам и ученым — дело огромной важности, ибо теперь, когда страна переходит к мирному труду, — наука и техника со всею присущей им энергией должна <так! — З. М.> встать в непосредственную связь с трудовой жизнью. Это не только мое мнение, так думает Ильич, Рыков, Красин и все наши лучшие рабочие.

В г<ороде> Петрограде положение продовольствия критическое и так называемый «ученый» паек — фикция. Поэтому — Вы можете представить себе, как существенно <так! — З. М.> помощь, оказанная Вами! Решаюсь просить Вас и еще раз о помощи КУБУ. Сделайте все возможное и будьте уверены, что Вы делаете дело первостепенной важности.

Считаю нужным прибавить, что лично я не заинтересован в этом деле с материальной стороны, ибо пайка не получаю, но — заинтересован морально и всей душою служу процессу возрождения нашей страны.

31. I. 1921

Москва

Крепко жму Вашу руку.

Привет! М. Горький.

<sup>1</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 18, л. 48. Документ представляет собой сделанную от руки (неустановленным лицом) копию письма А. М. Горького. Датируется 25 мая 1920 г., — периодом организации столовой при Доме ученых.

<sup>2</sup> Павел Петрович — лицо не установленное.

<sup>3</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 116, л. 1. Дошло в виде копии, заверенной Зав. канцелярией отдела снабжения.

6. <Письмо> Председателю Петроградской  
Чрезвычайной Комиссии т. Семенову<sup>1</sup>

30. V. 21

Уважаемый товарищ!

Мне сообщили, что в ночь с 28 на 29 число сего месяца в квартиру доктора Ивана Ивановича Манухина<sup>2</sup> по Сергиевской улице д. 83 явились агенты ЧК с ордером на арест Манухина, а так как его дома не оказалось, то в квартире оставлена за-сада, в которую, между прочим, попал больной профессор Уни-верситета Юрий Петрович Новицкий, пришедший, должно быть, на освещение рентгеном к заместительнице Манухина док-тору Соколовой.

Полагая, что в распоряжение об аресте И. И. М<ан>ухина вкралось какое-то недоразумение, считаю нужным осведомить Вас, товарищ, о следующем:

1. Манухин 4 месяца тому назад уехал в командировку в Париж, в институт Пастера, для работ по туберкулезу, испан-ской болезни и тифу. Командировка дана Комздравом и Ком-просом.

2. Если Манухин подозревается в том, что он страдал каде-тизмом. — это ошибка. С 903 по 907-ой он был большевиком, а с 1907-го занимался исключительно научной деятельностью, не принимая в политике никакого участия. О характере его мнений и настроений Вы можете справиться у Ивана Петрова Бакаева, агентов ЧК, которые лечились у [него] Манухина от туберкулеза.

3. В кабинете Манухина на Сергиевской остался рентгенов-ский аппарат — вещь очень нужная и едва ли не единственная в Петрограде. С этим аппаратом работает заместитель Ма-нухина доктор Соколова. Я очень прошу Вас принять все зависящие от Вас меры к охране аппарата от порчи, поломки или пропажи его частей, а также от поломки рентгеновских тру-бок — их у нас в России нет.

Прошу принять во внимание, что у председателя домо-вого комитета — личное неприязненное отношение к Манухину

5. [4.] Командировка Манухину продолжена.

---

<sup>1</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 3, ед. хр. 3, лл. 68—68 об. Письмо — чер-новой рукописный автограф рукой М. Горького (черные чернила). Зачерки-вания — красными чернилами. В той же ед. хр., л. 70, — чистовой, машино-писный вариант письма.

<sup>2</sup> Манухин, Иван Иванович (р. 1882) — врач, лечивший М. Горького, ученый-терапевт. Командировка Манухина в Париж была организована при деятельном участии М. Горького, просившего В. И. Ленина в письме от 2 апреля 1920 г. способствовать посылке Манухина в Институт Пастера для работ по созданию разного рода сывороток (против сыпняка, «испанки» и др.) — См.: Горький и наука, М., «Наука», 1964, стр. 107, 110—111 и др.

6. [5.] Прошу убедительно, выпустите из засады профессора Новицкого — если он еще не выпущен — и других больных, которые сидят в квартире Манухина, голодные.

Приветствую. М. Горький

7. <Отношение> в Наркомздрав,  
тов. Семашко<sup>1</sup>

4/III — 21 г.

Известный не только в Петрограде, но и по всей России врач Лев Бернардович Бертенсон в начале октября месяца 1917 года, вследствие тяжких страданий от грудной жабы, решил на время оставить Петроград и переехать на юг вместе с сестрой милосердия, бывшей своей пациенткой. В настоящее время Л. Б. Бертенсон проживает в Одессе, по Ясной улице, д. 2, кв. 9, в тяжких условиях и при плохом питании. В квартире Бертенсону предоставлена лишь одна комната, в которой температура в зимнее время держится от 0° до 4°; выдаваемый Бертенсону паек и обед не могут служить достаточным питанием, так как приходится делиться с состоящей при нем сестрой милосердия.

Создавшиеся условия жизни в Одессе побуждают Л. Б. Бер-

---

<sup>1</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 2, ед. хр. 48, л. 47. Канцелярская копия. Письмо Горького — ответ на личное письмо к нему Л. Б. Бертенсона от 21 декабря 1920 г. Приводим это письмо как имеющее отношение и к биографии М. Горького.

Алексей Максимович,

Мы познакомились в бытность мою у Л. Н. Толстого, в Гаспре. Затем раза два или три мы по различным поводам обменялись письмами, и наконец, последнее между нами общение было (по поводу Льва Николаевича) на страницах Вашей «Летописи». В силу того, а также исходя из предположения, что, как деятель, я Вам не безызвестен, я решаюсь беспокоить Вас в крайне тяжкое для меня время личной просьбой. Дело в следующем:

В начале октября 1917 г. (еще до учреждения Советского большевистского Правительства), вследствие тяжких страданий от грудной жабы, решил оставить на время СПб, где меня всячески мучили, и переехать на юг.

Задумано — сделано.

Около половины окт<ября>, в сопровождении доморощенной сестры милосердия (или сиделки), благородной пациентки, решившей бросить семью и свой очаг ради ухода за мною, я приехал в Одессу с расчетом при первом улучшении здоровья вернуться в СПб. Не тут-то было. Идет уже 4-ый год, что я в отвратительной Одессе, где, проделав всякие, не поддающиеся описанию, чисто инквизиционные ужасы и всякого рода лишения, продолжаю и сейчас терпеть всякие терзания и муки. Мне пошел 71-ый год, я продолжаю страдать упомянутой сердечной болезнью, хотя (странно!) в меньшей степени, нежели в СПб; при этом я тяжело страдаю от голода, холода и других лишений, проистекающих от недостатка средств. Пенсии, которую прежде правительство мне за 42-летнюю службу назначило еще в 1913 году, меня лишили.

На советской службе я хотя и числюсь (консультант Од<есского> Курортного управления), но жалованья не получаю; выдают мне только



тенсона ходатайствовать о разрешении вернуться в Петроград, где осталась его семья.

Входя в положение врача Бертенсона, Комиссия по улучшению быта ученых просит Вас не отказать в выдаче врачу Л. Б. Бертенсону и состоящей при нем сестре милосердия разрешение на возвращение в Петроград, обеспечив ему возможные нормальные условия переезда; при этом Комиссия предполагает, что хотя Бертенсону 70 лет, но, обеспечив ему в Петрограде более гигиенические условия жизни, Комиссия вернет к врачебной и научной деятельности известного диагностика.

Председатель Комиссии: Горький  
Заведующий Канцелярией: Курляндский

весьма скромный (скажу — мизерный) паек и предоставляют на льготных условиях 1 обед (конечно, более чем скромный), который я делю со своей изголодавшейся сиделкой. Как врач, я имею право на 2½—3 комнаты, но занимаю лишь одну, в другой живет сиделка. В наших комнатах от 3 до 4° тепла, тогда, когда топим (3 раза в неделю) дровами, подаренными мне в скромном количестве одним великодушным коллегой; в остальные дни около 0°; я провожу все время в постели, закутанный, как мумия, и к работе, холодный, голодный и нравственно истерзанный, я совершенно не способен. Другими словами, я ничего не зарабатываю, а тратить приходится чрезвычайно много — на себя и на сиделку.

Приходится жить и мне, и сиделке на продаваемые вещи из гардероба: а этот источник становится с каждым днем скуднее. Повторяю, что испытываемые муки не поддаются описанию, не говоря уже о моральных, обусловливаемых оторванностью от нежно и горячо любимой семьи (жена, замужная дочь, 2 сына, 2 внука), которая в СПб, в свою очередь, терпелась всякого рода лишения и терзания.

Теперь к сути моего дела. Дальше жить так, как я живу, я не в состоянии, особенно в виду своей физической немощности и беспомощности. В прошлом году я уже покушался на самоубийство, но, к несчастью, неудачно. Я бы повторил покушение, если бы добыл хороший яд; кроме того, от этого шага меня удерживают 2 мотива:

- 1) трагическое положение благородной и великодушной девушки, посвятившей мне свою жизнь,
- 2) отсутствие средств на похороны. Но со вчерашнего дня мои мысли, под влиянием хороших писем, полученных из СПб, получили несколько лучшее направление, и это-то и служит поводом к настоящему обращению. Считаю Вас благороднейшим и нелицеприятным человеком и потому обращаюсь к Вам.

Мне сообщили, что в СПб организован Дом приют для ученых и врачей и что в нем уже хорошо живет А. Ф. Кони и много другим.

Мои СПб. друзья настаивают на том, чтобы я хлопотал о помещении меня в этом доме. Je ne demande pas mieux, но как это сделать? На подачу прошения и на прохождение сквозь строй всяких формальностей, т. е. оправдательных документов и пр., я не согласен, да на это, по старости, хворости и немощности, я не способен. Вот мне и пришло в голову, что Вы, всеильный, меня можете устроить, особенно, если шепнете словечко Ленину, который, быть может, хотя бы в память помощи, оказанной ему моим лучшим учеником и бывшим ассистентом доктором Н. Н. Мамоновым, захочет мне помочь.

Ведь жить мне остается недолго, но хочется мне умереть около родных и оставшихся в живых близких, с которыми в СПб меня связывает моя полувековая разносторонняя деятельность.

Умоляю Вас поэтому о 2 вещах:

8. <Письмо> Председателю Сибпродкома<sup>1</sup>

Уважаемый товарищ,

в качестве Председателя утвержденной Совнаркомом КУБУ и ссылаясь на наряд Наркомпрода — обращаюсь к Вам с убедительной просьбой помочь уполномоченному Комиссии т. Корбу выполнить наряд.

Не стану говорить Вам о том, что положение Петрограда почти катастрофическое — продуктов питания нет, развивается цынга и другие болезни, возникающие на почве недоедания.

Особенно страдают люди, наименее приспособленные к борьбе за жизнь и в то же время наиболее ценные для Республики, — наши ученые.

Помочь им, поддержать их в эти трудные дни — естественная и неоспоримая обязанность разумной политики.

Уверен, что Вас не нужно убеждать в этом. Позвольте надеяться, что Вы поможете мне в этом деле всем, что возможно.

14 июня 1921 г. Привет. М. Горький.

1) Обеспечьте мне приезд в СПб, в Дом ученых и врачей,

2) (Что еще более важно,) — обеспечьте сносный (в смысле культурных условий) переезд в сопровождении сиделки в СПб. Сделайте доброе дело — помогите глубоко несчастному и обездолженному 71-летнему старику, заслуживающему лучшей участи ...

Обоснованием для Вашего обо мне ходатайства могут послужить следующие данные:

1) Я не контрревол<юционер>, не буржуй и не «всякий»!

2) у меня 2 минуса:

а) в тюрьмах не сживал, и в моем старом формуляре значатся 2 неподход<ящие> клички: чин действ<вительного> советника тайного, чин лейб-медика.

Что касается тюрем, то сам я не сидел, но зато многим, весьма многим политическ<им>, облегал всячески их сидение. О кличках говорить не стоит, раз они уничтожены.

3) Плюсов у меня больше, но говорить о них самому трудно. Ограничусь тем, что отмечу следующее: около 1/2 века служил человечеству — обществу и государству — как честный, культурный человек, причем в профессии врача отдавал больше своего «дорогого» времени обществ<енным> и госуд<арственным> задачам, нежели практике. Между моими пациентами были всякого рода «люди» (я служил рабочим, фабричным, солдатам, писателям, ученым всяких профессий, артистам и всем, кто ко мне обращался), дел и задач, которым я служил, было столько, что перечисление их заняло бы десятка два страниц.

Ученых трудов у меня свыше 80. Я почетный член 9 русских и 7 иностранных ученых и просветит<ельских> обществ и учреждений.

Простите, дорогой Ал<ексей> Мак<симович>, за длинную и скучную рацею. Крепко жму Вашу руку.

Искренний почитатель

Л. Бертенсон.

Не заставьте меня томиться ожиданием Вашего ответа!

(Ф. 2995, оп. 2, ед. хр. 48, л. 47. Черновик — 1,151, лл. 1—2 тоже (копия) лл. 3—3 об.

Горький предпринимает, кроме приведенного выше письма, и еще ряд попыток вернуть Л. Б. Бертенсона в Петроград (см. стр. 212).

<sup>1</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 129, л. 234 Канцелярская копия. По содержанию связано с № 5.

9. <Письмо> Начальнику Сибраспреда<sup>1</sup>

Уважаемый тов. Горский. Сердечно прошу Вас помочь агенту КУБУ Корбу выполнить возложенные на него обязанности.

Не буду говорить о том, как тяжело сейчас положение Петрограда, скажу кратко, что республика рискует потерять всех деятелей науки, если мы не найдем возможность поддержать их силы, истощаемые голодом.

Я надеюсь, тов.<арищ>, что Вы сделаете все, зависящее от Вас, чтобы помочь крупнейшим ученым нашим пережить это тяжелое время.

Крепко жму руку.

М. Горький.

10. <Отношение> в Петроградский Губпрофсоюз  
Всработпроса<sup>2</sup>

15 июля 1921 г.

I.

Прогрессивно ухудшаются условия производства научных ценностей и работы в высшей школе Петрограда. За последнее время процесс принимает катастрофический характер и грозит полным прекращением деятельности Ученых учреждений и Высших учебных заведений. Создавшееся положение объясняется, прежде всего, полной необеспеченностью работы и быта ученого и деятелей Высшей школы. Продолжается по-прежнему вымирание ученых; академический паек получает лишь половина ученых Петрограда, к тому же за последнее время самые существенные части пайка (хлеб, мясо, масло) заменяются селедкой. Жалование ученого в среднем едва достигает по общему тарифу 20—30 тысяч в месяц и не выплачивается иногда по три месяца и более. Между тем, цена на фунт хлеба 4 тысячи, хлеб можно достать с трудом. У ученого в большинстве случаев есть неработоспособные члены семьи, которых надо содержать.

Высшая государственная власть идет навстречу тяжелому положению ученого, не останавливаясь перед исключительными мероприятиями, памятуя, что гибель науки, ее практических приложений и ее рассадников — Научных учреждений и высших учебных заведений — знаменует перерыв культуры в стране и ставит крест на деле ее хозяйственно — экономического возрождения. Из этих соображений созданы Комиссии по улучшению быта ученых в Москве и Петрограде, уста-

<sup>1</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 129, л. 234. Канцелярская копия. По содержанию связано с № 5 и с предыдущим письмом и может быть датировано как написанное одновременно или почти одновременно с ним, т. е. около 14 июня 1921 г.

<sup>2</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 5, лл. 207—208. Архивная копия с машинописи за подписью М. Горького.

новлены академические пайки, они забронированы, наконец, издан Совнаркомом декрет от 16-ого декабря прошлого года в форме «Положения об оплате труда специалистов», которое позволяет для ученых и профессоров, применяя действующие тарифные правила, повышать размеры получаемого ими денежного вознаграждения (20—30 тысяч) примерно раз в десять, пятнадцать.

В настоящее время, когда в Москве большая часть ученых и специалистов получают подобные увеличенные оклады и тем самым спасают себя и свои семьи от голода и вымирания, продолжая неизменно добросовестно вести свою научную работу, в Петрограде Профсоюзные тарифные инстанции чинят всемерные препятствия к утверждению законно-требуемых учреждением персональных окладов — «спецставок» своим ученым сотрудникам.

## II.

Губпрофсоветом и Петроградским отделом Всеработпроса вводятся особые постановления (см. постан<овление> Петрогубпрофсовета от 21 февр<аля> с<его> г<ода>), идущие в разрез с упомянутым декретом Совнаркома от 16/ХII п<рошлого> г<ода>.

Вводятся нарочито ограничительные толкования порядка утверждения спецставок. Ставки, подлежащие, согласно § 7 упомянутого «Положения», рассмотрению Губотдела в трехдневный срок, уже совершенно неправильно задерживаются в Петроградском Губотделе по несколько месяцев. Научные учреждения государственного значения относятся к Губотделу под действием таблицы спецставок промышленных предприятий II-ой группы. Не доверяя тарифно-расценочным комиссиям и руководящим Ученым коллегиям Науч<ных> учр<еждений> и Высш<их> уч<ебных> зав<едений>, деятели Петроградского отдела Всеработпроса входят в переоценку научного значения трудов ученых таких специальностей, в коих они ничего не понимают и, может быть, понимать не должно <так! — З. М. > по своему назначению. Наконец, благоприятное для Н. У. и В. У. З. толкование тарифных правил и предписания Московского Цекпроса и ВЦСПС, согласованное с практикой Москвы, Петроградским Губотделом просто игнорируется, так, например, в ответ на предложение Отдела Нормирования Труда Цекпроса «ввести специальные ставки в ВУЗ Петрограда за лекционно-преподавательскую деятельность» (см. служ<ебную> записку О.Н.Т.Ц.К. В.С.Р.П. и С.К. в Отдел нормирования труда Петроградского Губотдела Всеработпроса за № 175 от 2 апр<еля> с<его> г<ода>), Губотдел стал утверждать спецставки лишь тем из профессоров, кои несут административ-

ные обязанности по своему учреждению, а некоторых и без всяких оснований вычеркивают из списка сотрудников учреждений, для коих испрашиваются спецставки.

Не лучше обстоит дело с утверждением так называемых переработков и премиальных, причем и тут Губотдел действует в разрез с установленными тарифн<ыми> правилами, премсистемами, разъяснениями Цекпроса и практикой Москвы.

Подобный образ действий Петрогр<адского> Губотдела Всеработпроса свид<етельствует> о недостат<очном> понимании Союзом своего назначения защищать профессиональные интересы работников Просвещения, а тем самым содействовать продуктивности работы Н. У. и В. У. З.

Подобная система отношений Губотд<ела> к нуждам сотрудников этих учреждений незаконномерно <так! — З. М.> и идет в разрез с самой идеей исключит<ельных> мероприятий Высш<ей> Гос<ударственной> власти в России, направленных к охране и развитию Научных достижений страны и культуры высшего специального знания, поэтому система Союза преступна перед страной, ее культ<урным> будущим и долее терпима быть не может. Однако КУБУ, призванное в чрезвычайном порядке Высшей Властью к охране быта и работы ученых, не склонно видеть в обрисованном хар<акте>ре отн<ошений> Петрогр<адского> Губотдела Всеработпроса к нуждам Н. У. и В. У. З. черт преднамеренного саботажа и проявления враждебной науке и просвещению воли, а объясняет ненормальность направления и постановки тарифно-нормировочного дела Губотдела просто отсутств<ием> организационного умения, недостатком у Губотдела по тарифным вопросам научно-квалифиц<ированных> сотрудников и несовершенством канцелярского аппарата Союза.

В силу всего изложенного, КУБУ считает своим долгом предложить Петроград<скому> Губотделу Всеработпроса свое содействие в деле урегулирования вопроса оплаты труда деятелей Науки и Высшей школы Петрограда.

Представляется целесообразным, по мнению КУБУ, ввести в жизнь следующую примерную организацию всего дела.

1. При отделе Нормир<ования> Тр<уда> Петрогуботдела Всеработпроса образуется Особая комиссия по тарифным делам Научных учреждений и Высших Уч<ебных> завед<ений> в след<ующем> составе:

- 5 представителей професс<оров> и ученых от КУБУ
- 2 от Петрогуботд<ела> Всеработпроса
- 1 ОНТ Петропрофсовета
- 1 П/О Н. У. Компроса
- 1 Петропрофобра
- 1 Рабкрина

2. Комиссии должно быть предоставлено право окончательного разрешения вопросов оплаты труда деятелей науки и высшей школы в пределах установленных ВЦСПС тарифных законоположений.

3. Комиссия, следовательно, назначает спецставки, утверждает обычные тарифные ставки, переработок, премиальные, сдельную оплату труда, сверхурочные и т. п.

4. Комиссия выработывает новые проекты оплаты труда научных деятелей и проводит их в жизнь в установленном порядке.

5. КУБУ берет на себя всю черновую работу делопроизводства по тарифным делам Н. У. и В. У. З.

6. Порядок решения дел и делопроизводства, равно как и свою внутреннюю конструкцию, Комиссия определяет самостоятельно.

7. При Комиссии образуется специальное Бюро 20-ти ученых экспертов, по 10-ти научным специальностям, к коим могут относиться все Н.У. или В.У.З., или их отделения, по своему научному назначению.

8. Персональные ставки предварительно должны быть рассмотрены в экспертных заседаниях из 2-х соответствующих экспертов, одного представителя Губотдела и одного представителя заинтересованного учреждения.

Окончательное утверждение принадлежит Комиссии по Тарифным делам Н.У. и В.У.З., причем О.Н.Т. Губпрофсовета, обусловленное § 10 Положения об оплате труда специалистов, должно быть О.Н.Т. Губпрофсоветом передано своему представителю в Комиссии.

Таков проект основных положений предполагаемой к образованию Комиссии по тарифным делам Н.У. и В.У.З.

КУБУ обращается в Петропрофсовет и в Петрогуботдел Все-работпроса с настоятельной просьбой дать ответ по существу настоящего предложения в течение этой недели.

Неполучение ответа к следующему заседанию КУБУ, во вторник, 21-го июня, будет считаться равносильным отказу и повлечет за собою ряд энергичных выступлений со стороны КУБУ в Высших Государственных Установлениях Республики; ибо время не ждет, положение для деятелей Н. У. и В.У.З. создалось грозное.

Председатель КУБУ: Горький  
Секретарь: Четвериков  
Управдел: Курляндский

11. <Письмо> Заместителю председателя  
Особого отдела В. Ч. К. т. Озолину<sup>1</sup>  
8/VIII — 21.

Уважаемый товарищ Янис Германович!

Петроградская Комиссия по улучшению быта ученых возбудила совместно с Наркомпросом ходатайство о разрешении вдове профессора Военно-Медицинской академии С. Я. Терешина Елизавете Терешиной выезда за границу. Принимая во внимание, что покойный профессор 30 лет проработал на научном поприще и создал себе почетное имя не только в России, но и за границей и что вдове 54 года, и она больна и совсем не способна к труду, и в Америке проживает ее дочь, Наркоминдел разрешил ей выезд за границу.

Я обращаюсь к Вам с просьбой посодействовать к выезду ее за границу всеми способами, которые Вы найдете возможными.

С товарищеским приветом  
Горький

12. <Письмо> Наркому продовольствия  
Туркестана товарищу Малютину<sup>2</sup>

Примите, дорогой товарищ, мою сердечную благодарность за солидную Вашу помощь КУБУ и за те 89 пудов продуктов, которые предоставлены Вами в мое распоряжение для раздачи работникам науки, наиболее истощенным голодом. Все продукты благополучно прибыли и временно оказали заметную помощь крупнейшим ученым нашим.

Но продовольственное положение Петрограда за последние месяцы настолько ухудшилось, что я принужден вновь послать сотрудников КУБУ к Вам в Туркестан за помощью и — убедительно прошу Вас о ней.

Мне тяжело злоупотреблять вниманием Вашим, но не можем же мы, сложив руки и бездействуя, наблюдать, как один за другим исчезают крупнейшие представители научных сил республики, люди, которые, несмотря на тяжесть бытовых условий, продолжают свою работу с великим успехом.

Позвольте надеяться, что Вы сделаете все возможное в помощь им, и поверьте, что эта помощь — важное государственное дело.

Еще раз — спасибо Вам.

Привет сердечный.

М. Горький

16/VIII — 21 г.

<sup>1</sup> ГАОРСС, ф. 2995, оп. 2, ед. хр. 48, л. 53. Канцелярская копия (машинопись) письма Горького.

<sup>2</sup> ГАОРСС, ф. 2995, оп. 2, ед. хр. 48, л. 54. Канцелярская копия (машинопись) письма Горького.

### 13. Письмо в Туркпуть<sup>1</sup>

Уважаемый товарищ,

Прошу Вас убедительно предоставить сотрудникам Петроградской КУБУ вагоны для погрузки продовольствия.

Ваша помощь в этом совершенно необходима.

Я не стану убеждать Вас в том, как важно для республики поддержать в эти тяжелые дни истощенные физические силы русских ученых — Вы сами прекрасно понимаете важность этой задачи.

Итак, помогите возможно скорее, ибо каждый день промедления — грозит смертью людям ценнейшим.

Привет Вам.

16/VIII — 21 г.

### 14. <Отношение> в Отдел управления Петро-совета тов. Булину<sup>2</sup>.

Комиссия по Улучшению Быта Ученых отношением от 4 августа 1921 г. за № 2361 вошла с представлением в Президиум Петрогубсовета по следующему делу:

Всемирно-известный инженер путей сообщения и заслуженный профессор Института Инженеров Путей Сообщения Белелюбский вернулся ныне, после продолжительного отсутствия (с августа 1918 г.) в Петроград и застал свою квартиру по Бронницкой ул. д. № 14-а кв. 3 занятой председателем Домкомтруда и все его научные редкие книги, технические альбомы и другие бумаги его работ сваленными в беспорядке в одной комнате.

Комиссия по Улучшению Быта Ученых просит сделать распоряжение о возвращении квартиры Белелюбскому и о выселении из нее гр. Юдина.

Обстоятельства настоящего дела заключаются в следующем.

Профессор Белелюбский, как указано выше, выехал в августе 1918 г. вместе со своей женой в Киев для участия в работе

<sup>1</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 251, л. 1. Канцелярская копия, без подписи. Авторство определяется:

а) По сходству его содержания и адресата с письмом № 12, датированным также 16 августа 1921 г.,

б) По характерно горьковскому эпистолярному стилю (инверсии: «людям ценнейшим», «прошу Вас убедительно» и т. д.) и синтаксису (тире перед простым сказуемым);

в) По сделанной Горьким сверху слева приписке: «Туркестан».

<sup>2</sup> ГАОРСС, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 162-а, лл. не нумерованы. Канцелярская копия (машинопись) с письма М. Горького и Курляндского. Вверху слева — приписка черными чернилами: «д. № 35, 2956» и дата — 30. VIII. 21 г. В той же ед. хр. — сокращенный вариант отношений в Петрокомхоз и в президиум Петрогубсовета по этому делу за подписью Горького и Курляндского (канцелярские копии) от 4 августа 1921 г.



Комиссии по мостам в Николаеве. Вернуться в Петроград проф. Белелюбский не мог, вследствие своей и жены болезни, в чем имеется удостоверение врачей. После выздоровления проф. Белелюбский продолжал работу консультанта при Южных ж. д. и в Наробразе. Во время отсутствия проф. Белелюбского гр. Юдин занял первоначально в квартире профессора из пяти комнат две, а затем еще две, а в конце 1920 г. заявил родственнице проф. Белелюбского, что он, Юдин, намерен занять пятую комнату, в которую уже были сложены книги, альбомы и рукописи из других комнат, и заявил требование о вывозе этого имущества из квартиры. Получив сообщение о <с>ем, проф. Белелюбский обратился за защитой к тов. Луначарскому и НКП тов. Борисову о сохранении неприкосновенной этой комнаты. В результате проф. Белелюбский получил охранное свидетельство Подотдела Ученых учреждений и высших учебных заведений по секции Научных библиотек от 17 января 1921 г. за № 112 на свою библиотеку, что дало возможность сохранить эту комнату.

Вернувшись в Петроград, проф. Белелюбский хочет вновь занять свою квартиру, т. к. гр. Юдин не согла<шается> ее очистить, а между тем совместное проживание проф. Белелюбского с гр. Юдиным не осуществимо уже по одному тому, что для проживания в своей квартире и для продолжения своих научных работ предстоит необходимость разобрать всю техническую библиотеку большой научной ценности свыше 8000 названий и расположить по квартире на прежние места.

Профессор Белелюбский имеет в настоящее время поручение по вопросам железно-бетонных шпал и по заделке отверстий в затонувших судах. Выполнить такие серьезные научные работы проф. Белелюбский может только при соответствующих условиях, гарантирующих ему возможность вос<пользоваться> необходимыми его научными пособиями. Кроме того, прежняя инженерная работа и необходимость использования знаний и опыта проф. Белелюбского требует обеспечения ему спокойного пользования жилищем и предоставления ему спокойных условий жизни.

По распоряжению Петрогубсовета был послан для обследования квартиры инструктор Царьков, который в заключение своего обследования пришел к выводу, что выселение гр. Юдина признается им несправедливым, так как квартира была забронирована и оставаться пустой в продолжение трех лет она не могла.

По поводу этого заключения гр. Царькова подлежит заметить, что проф. Белелюбский выехал из Петрограда в 1918 г., тогда как положение о бронировании квартир было издано лишь в ноябре 1920 г., в силу чего Белелюбский не мог выпол-

нить формальность, требуемую положением о бронировании квартир.

Опуская формальную сторону настоящего дела и не отрицая оснований, по которым гр. Юдин пользуется квартирой Белелюбского, Комиссия по Улучшению Быта Ученых тем не менее настаивает на предоставлении проф. Белелюбскому бывшей его квартиры, как по основаниям, приведенным выше, так и потому, что за невозможностью дальнейшего проживания престарелого проф. Белелюбского в занимаемой им квартире на 5-ом этаже переезд его на друг<ую> квартиру неизбежно привел бы к полному <нрзб> всего книжного имущества, являющегося спец<ифической> ценностью и служащего материалом для научных <работ>.

Придавая таким образом в данном случае преобладающее значение элементу общественному, Комиссия полагала бы справедливым предоставить проф. Белелюбскому его прежнюю квартиру, а гр. Юдину дать другое, соответствующее его семейному положению, помещение.

Председатель Комиссии (Горький)  
Управляющий Канцелярией (Курляндский)

15. Письмо Президиуму «Дома ученых»  
в Петрограде<sup>1</sup>

Президиуму Дома Ученых. Петроград.

Милостивые Государи!

Профессор Н. W. L. Dana извещает меня письмом от 22-го января, что им все еще не получена от «Дома ученых» расписка на 1000 долларов, посланных им для нужд «Дома» мне, а мною пересланных в Финляндию 800 и на ликвидацию Берлинского отделения 200 долларов.

Очень прошу Президиум послать расписку по адресу, при сем прилагаемому:

Gorki Fund

for the Relief of Russian Scientists Maintained by the «Friends of Russian Scientists».

Campaign organization founded in the Summer of 1922, in Boston, Mass., in affiliation with the «Circle of Boston».

Campaign for 10.000 Treasurer: Prof. N. W. L. Dana, 105, Brattle St. Cambridge. Mass.<sup>2</sup>

<sup>1</sup> ГАОРСС ЛО, ф. 2995, оп. 1, ед. хр. 16, л. 37. Письмо — чистовой рукописный автограф на тетрадном листе, черными чернилами; написано по старой орфографии. Английский текст — печатный — подклеен к письму. В верхнем правом углу — дата прибытия письма: «26/VII — 23 г.», входящий № 532 на штампе КУБУ и ряд мелких служебных помет карандашом и чернилами. Дата написания — «10-е января» — подчеркнута карандашом и отмечена знаком вопроса.

<sup>2</sup> Подчеркнуто М. Горьким.

Затем извещаю, что вчера мною получен еще чек на 1000 долларов<sup>1</sup> и прошу сообщить мне, куда я должен перевести эти деньги.

Свидетельствую мое искреннее уважение.

10-е января 23 г.

А. Пешков<sup>2</sup>

Saaraw, Fürstenwalde

---

<sup>1</sup> Подчеркнуто М. Горьким.

<sup>2</sup> В ответ на письмо М. Горького Пинкевич посылает ему 2 марта 1923 г. телеграмму (см. стр. 234), а 13 марта 1923 г. пишет:

«Глубокоуважаемый Алексей Максимович,  
Петроградская Комиссия по улучшению быта ученых, уведомляя Вас о получении Вашего письма от 10 января с. г., в коем Вы извещаете о поступившем к Вам новом чеке на 1000 долларов, приносит Вам самую искреннюю признательность за Ваши неустанные и столь ценные заботы о нуждах петроградских ученых.

Вместе с тем, Комиссия считает своим долгом уведомить Вас, что, согласно Вашему указанию, ею послано письмо профессору Дана по сообщенному Вами адресу (копия письма прилагается), в каковом письме Комиссия сообщает о получении через Вас первых 1000 долларов.

Относительно вторых 1000 долларов Комиссия уже своевременно по телеграфу Вас просила перевести их Торгпреду в Финляндии Игнатьеву на предмет закупки для Дома Ученых продовольственных продуктов.

С горячим приветом

А. Пинкевич».

(Там же, л. 46).

Тогда же, 13 марта 1923 г., Президент Петрокубу В. Тонков отправляет Председателю Общества «Друзей русских ученых» извещение о получении от М. Горького одной тысячи долларов, собранной Фондом Горького для помощи русским ученым, поддерживаемым «Друзьями русских ученых». (Там же, лл. 41—42 об.) Сведения о переписке по поводу использования и второй тысячи долларов см. на стр. 234—235.

## РЕРИХ И ГОРЬКИЙ

П. Ф. Беликов

Деятельность известного русского художника, академика живописи Николая Константиновича Рериха (1874—1947) далеко не ограничивалась сферой изобразительного искусства. О Рерихе уже создана обширная литература на многих языках мира. Однако даже его художественное наследие, насчитывающее около 7000 произведений, до сих пор полностью не выявлено и не систематизировано. Тем большие трудности возникают в деле изучения культурно-просветительной, общественной и научной работы Рериха. Это, прежде всего, объясняется тем, что разносторонняя деятельность художника и ученого протекала во многих странах и частых передвижениях. Поэтому многочисленные ее исследователи, соприкасаясь с разрозненными материалами, были вынуждены довольствоваться разбором отдельных, часто не связанных между собою аспектов.

Первым опытом научного обобщения творчества и деятельности Рериха следует считать монографию о художнике кандидата искусствоведения В. П. Князевой<sup>1</sup>.

В. П. Князева проделала большую работу по сбору и научной обработке материалов о Рерихе, логически объединила русский и зарубежный периоды жизни и творчества художника и указала направление для дальнейших исследований. Это направление тесно связано с историей русской культуры первой половины XX века. Многолетнее пребывание за рубежом немало нарушило принадлежности Рериха к русской культуре. Вне ее было бы бесполезным искать не только истоков самобытного творчества художника, но и развития всей деятельности Рериха до последних дней его жизни.

Рерих оставил после себя ценнейшее художественное наследие, представленное в лучших музеях мира, и обширное литературное наследие, содержащее много сведений о деятелях русской культуры, в том числе и о Горьком.

---

<sup>1</sup> В. П. Князева, Н. Рерих, Л.—М., «Искусство», 1963.

Специально Горькому были посвящены два очерка Рериха: «Горький», написанный 12 июля 1936 года, и «Голос Горького», написанный 19 июня 1941 года, оба в Кулу (Индия).

Первый очерк был включен Рерихом в два своих сборника: «Нерушимое» (изд. «Угунс», 1936, Рига) и английский сборник «Himavat» (Kitabistan. Allahabad, 1947), а также публиковался в некоторых зарубежных периодических изданиях. Второй очерк впервые был опубликован сыном художника Юрием Николаевичем<sup>2</sup> уже в Советском Союзе в журнале «Октябрь» (1958, № 10).

Сведения о сотрудничестве и связях Рериха с Горьким приводятся в упомянутой монографии В. П. Князевой (стр. 65—67) и заметке А. Примаковского «Горький и Рерих» (журнал «Москва», 1960, № 9).

В. П. Князева останавливается на совместной работе Рериха с Горьким в предреволюционный период и указывает на общность взглядов художника и писателя, способствовавших их сближению.

А. Примаковский дает краткий обзор многолетнего знакомства и сотрудничества Рериха с Горьким. В частности, в его заметке приводятся одно письмо Рериха Горькому от 4 ноября 1916 года и личные воспоминания Ю. Н. Рериха о встречах его отца с Горьким.

Более подробных сведений о том, как Рерих относился к Горькому и какое значение придавал его творчеству и деятельности, — в нашей печати не появлялось. Между тем, художник проявлял к Горькому большой и неизменный интерес, указывающий на глубокие мировоззренческие корни его возникновение.

Сам Рерих о встречах с Горьким писал: «Многие ценные черты Горького выяснятся со временем. Мне приходилось встречаться с ним многократно как в частных беседах, так и среди всяких заседаний комитетов, собраний... Пришлось мне встретиться с Горьким и в деле издательства Сытина (Москва), и в издательстве «Нива». Предполагались огромные литературные обобщения и просветительные программы. Нужно было видеть, как каждая условность и формальность коробили Горького, которому хотелось сразу превозмочь обычные формальные затруднения. Он мог строить в широких размерах. Взять хотя бы выдвинутые им три мощных культурных построения. Имею в виду «Дом Всемирной Литературы», «Дом Ученых» и «Дом

---

<sup>2</sup> Юрий Николаевич Рерих (1902—1960) — старший сын Н. К. Рериха, известный востоковед. В 1957 году возвратился из Индии в Советский Союз. Возглавлял Сектор истории религии и философии Индии в Институте востоковедения (Москва) и тибетологическую группу в Институте китайоведения АН СССР. Автор многочисленных трудов по востоковедению и языкознанию.

Искусств». Все три идеи показывают размах мысли Горького, стремившегося через все трудности найти слова вечные, слова просвещения и культуры. Нерасплесканной он пронес свою чашу служения человечеству»<sup>3</sup>.

Нет ни одного прогрессивного течения русской культурной жизни начала нашего века, которое осталось бы вне поля зрения Горького, и ни одного прогрессивного деятеля, с которым Горький не имел бы контактов. Сведения о таких контактах, подчас содержащие интереснейшие данные о самом Горьком, далеко еще не собраны, а источники, где эти сведения можно было бы подчерпнуть, не выявлены и не изучены.

Архивы и публикации Рериха и о Рерихе содержат богатейшие материалы по истории русской культуры, говорят о большом патриотизме художника и о той скрытой, но напряженной и упорной борьбе, которую вел Рерих на фронте столкновения двух идеологий — обреченной на гибель идеологии собственничества и идеологии нового человеческого общества. Эта борьба проходила в очень сложных и трудных условиях. О ней мало что известно широкой общественности. Но в этой борьбе Рерих считал себя союзником Горького и писал по этому поводу: «Послал статью о Горьком в «Сколяр». Хотелось бы написать больше и о нем и о многом, но не такие теперь времена. Все, что угодно, может быть подведено под закон о защите Индии. Не оберешься! Но тяжел стал эзопов язык. Наверное, друзья удивляются, почему из писаний ушло яркое, точно бы все делается по уровню полицейского. Вот из «Алтай Гималаев» пришлось выкинуть больше трети книги, — могло кому-то не понравиться. И без того около года бились, пока не получили обратную визу в Индию. Но ведь о этих битвах друзья не знают. Многое им представляется совсем иначе. Сколько раз бывало, что хорошие люди сожалительно качали головой, говоря: «А нам-то все казалось по-другому. Расстояния и обстоятельства перекрашивают многое по-своему»<sup>4</sup>.

Это писалось в июне 1941 года, за несколько дней до вероломного нападения немецких фашистских полчищ на Советский Союз. Капиталистическая бойня была уже развязана, и Альбион, томимый горькими предчувствиями, удвоил бдительность над своими колониями.

Статья О Горьком увидела свет, и 30 декабря 1941 года Рерих записывает: «В «Сколяр» появился «Горький». В «Модерн Ревю» послан «Иконный терем». В двух цейлонских журналах «Шамбала». В «Вижен» — «Радж Раджесвари», «Ца-

<sup>3</sup> Н. К. Рерих, Нерушимое, стр. 331 и 333.

<sup>4</sup> Н. К. Рерих, Голос Горького, — «Октябрь», 1960, № 10, стр. 231.

рица Небесная» и «Мир». В «Пиес» — «Здоровье». Повсюду сочетались две темы — Русь и Гималаи»<sup>5</sup>.

Русская тема неизменно сопутствовала всем начинаниям Рериха и, в связи с этим, имя Горького неоднократно повторяется в публикациях и личной переписке художника. Особо хочется отметить, что в своем последнем письме к В. Ф. Булгакову, которое одновременно оказалось и последней записью художника для «Листов дневника. Моя жизнь», Рерих вспоминает о Горьком: «Грабарь пишет много о благоустройстве жизни художества. Между прочим, он сообщает, что моя серия «Красный всадник» (привезенная нами в Москву в 1926 году) находится в Музее Горького в Горках, где он жил и скончался. Вдвойне я этому порадовался. Во-первых, Алексей Максимович высказывал мне много дружества и называл великим интуитивистом. Во-вторых, семь картин «Красного всадника» — Гималайские, и я почуял, что в них Алексей Максимович тянулся к Востоку. Не забуду его рассказ о встрече с факиром на Кавказе»<sup>6</sup>.

Рерих не принадлежал к тем эмигрантским кругам русской интеллигенции, представители которой, искренне осознав свои ошибки, отдали остаток своей жизни Родине. Рерих никогда не считал себя эмигрантом, не принял иностранного подданства и дело служения Родине всегда являлось для него главным делом, в какой бы стране он ни находился.

В 1926 году Николай Константинович с женою Еленой Ивановной и сыном Юрием Николаевичем посетил Советский Союз, побывали в Москве и на Алтае и продолжили свою научную экспедицию через Тибет в Индию при непосредственной помощи Советского правительства<sup>7</sup>.

Рерих всегда стремился поддерживать активную связь с советскими культурными и научными организациями. Он внимательно следил за всем происходящим на Родине и искренне радовался успехам советского народа. Все это получило отражение в литературном и эпистолярном наследии художника. Можно привести следующий эпизод, характеризующий настроения Рериха, его стремления фиксировать и распространять сведения о достижениях Советского Союза.

Николай Константинович и его сыновья Юрий Николаевич и Святослав Николаевич внимательно следили за советской ли-

---

<sup>5</sup> Н. К. Рерих, Выставки. Архив И. М. Богдановой. Публикуется впервые.

<sup>6</sup> В. Ф. Булгаков. Великому народу — великое будущее, — «Молодая гвардия». 1960, № 10, стр. 228.

В. Ф. Булгаков — последний секретарь Л. Н. Толстого. Организатор Русского культурно-исторического музея в Збраславе (под Прагой). Многие годы состоял в переписке с Н. К. Рерихом.

<sup>7</sup> С. Зарницкий, Л. Трофимова, Путь к Родине, — «Международная жизнь», 1965, № 1, стр. 96.

тературой. Но получать книги в Индию, тогда еще английскую колонию, непосредственно из Советского Союза было невозможно. В результате приходилось производить розыски через многие страны. Шли книги для Рерихов и через Прибалтику. Художник писал в Таллин: «Граматику Поппе Юрий уже получил из Парижа и потому второй экземпляр ее уже не нужен. А вот Монгольский словарь, о котором мы писали, был бы полезен. Списки имеющихся в продаже книг я передал Юрию и если что потребуется — он напишет»<sup>8</sup>; «Присланный Монгольский словарь оказался очень полезным и отлично составленным. Интересна и книга о стране. Граматику Поппе больше не нужно, ибо ее прислали из Парижа, достав, как видно из штемпеля, на Дальнем Востоке»<sup>9</sup>.

В 1938 году Рериху была послана книга о строительстве канала Москва—Волга. Получив книгу, Николай Константинович пишет: «Спасибо Вам и тем таллинским друзьям, которые прислали мне книгу «Волга идет в Москву». Меня очень тронуло понимание друзей моих патриотических направлений. Действительно мы должны знать все преуспевания. Такие монументальные сооружения, как описанный в книге канал, принадлежат уже всей нации, каждому русскому»<sup>10</sup>.

Получение книги отражается в переписке с другими корреспондентами: «Одновременно с Вашим письмом мне прислали из Ревеля новую книгу «Волга идет на Москву», посвященную новому грандиозному каналу, он уже есть. Уже идут новые пароходы, и страна обогатилась новым нервом. Хотелось бы скорее быть там и принести русскому делу опыт и познание»<sup>11</sup>.

И, наконец, эта же книга служит поводом к написанию очерка «Стихия». Очерк заканчивается словами: «Многообразно народное творчество. Русский народ дал и мудрейшие пословицы, и былины, и плач, и радость. Эпохи запечатлеваются не убогою роскошью, но строительством. Историк и археолог, вскрывая дальние города, отмечают прежде всего монументальные здания, водоснабжения, каналы, пути сообщения и все те общественные проявления, которые обозначали сущность этого строительства. По взрывам души народной, по истинным взлетам последующее поколение исчисляет мощь потенциала. Обветшавшие умы пытаются представить даже лучшие человеческие достижения лишь миражом, подделкою, а то и просто выдум-

---

<sup>8</sup> Из письма Н. К. Рериха П. Беликову от 1 декабря 1938 г. Архив автора. Публикуется впервые.

<sup>9</sup> Из письма Н. К. Рериха П. Беликову от 7 января 1939 г. Архив автора. Публикуется впервые.

<sup>10</sup> Из письма Н. К. Рериха П. Беликову от 19 июля 1938 г. Архив автора. Публикуется впервые.

<sup>11</sup> В. Ф. Булгаков, Великому народу — великое будущее, — «Молодая гвардия», 1960, № 10, стр. 224.



кой. Смелые летчики завоевали новые пространства. И таких радостей общечеловеческих очень много. Порадуемся»<sup>12</sup>.

Записями, отмечающими позитивные факты советской действительности, изобилуют еще не изданные «Листы дневника» Рериха. По своему духу они близки идеям Горьковского журнала «Наши достижения» и полностью соответствуют реальным строительным позициям и политическим убеждениям самого художника.

Рерих никогда не упускал случая упомянуть о Горьком в своих публикациях или выступлениях. К чему это иногда приводило в условиях враждебного отношения ко всему советскому, видно из следующего отрывка письма художника: «... Помню, когда на одной лекции на Дальнем Востоке я тепло упомянул Горького, то раздалось человеконенавистническое рычание, а разве Горький не русский, а разве русский народ не остается таковым»<sup>13</sup>.

В данном случае речь идет о выступлениях Рериха в Харбине, во время его пребывания там в 1934 году. Рерих воспользовался случаем поддержать антифашистски настроенную русскую молодежь. Но в эти годы в Харбине развили активную деятельность самые реакционные элементы русской эмиграции. Они подняли против Рериха бешеную компанию и добились у местной цензуры запрещения выхода в свет уже напечатанного сборника Рериха «Священный дозор». Одной из причин запрета послужил включенный в книгу очерк «Светлой памяти короля Александра». Югославский король Александр в 1934 году был убит фашистами. После этого убийства фашистские круги страны пошли на сближение с гитлеровской Германией, чему противился Александр. Выступить в это время с похвальной статьей в память убитого Александра значило объявить себя врагом фашизма и врагом прогерманских тенденций, насаждавшихся среди русской эмиграции. На Дальнем Востоке прогерманские тенденции автоматически переходили в прояпонские антисоветские тенденции. Поэтому вполне понятна та непрекращающаяся кампания преследования Рериха из Харбина, о которой он сам замечает в одном из своих писем: «... Брань мракобесов для всех нас является лучшей похвалой. Вот в Харбине целая банда японских наймитов вроде Василия Иванова, Юрия Лукина, епископа Виктора, Аристарха Пономарева клеветет ценою на все тридцать серебрянников. Когда же русское дело освободится от всех этих невежественных мракобесов»<sup>14</sup>.

<sup>12</sup> Н. К. Рерих, Стихия. Архив И. М. Богдановой. Публикуется впервые.

<sup>13</sup> В. Ф. Булгаков, Великому народу — великое будущее, — «Молодая гвардия», 1960, № 10, стр. 224.

<sup>14</sup> Из письма Н. К. Рериха П. Беликову от 19 октября 1938 г. Архив автора. Публикуется впервые.

Нет никакого сомнения в том, что Рериха с Горьким сближали не случайные контакты на поприще общественной деятельности, а общность многих их взглядов и интересов, в том числе и взглядов политических. Оба они были страстными борцами за мир и непримиримыми антифашистами.

Горькому, непосредственно наблюдавшему возникновение фашизма, была ясна опасность военного нападения на Советский Союз со стороны стран, где фашизм захватывал власть в свои руки. На эту опасность указывала не только военная подготовка, но и активная идеологическая борьба, начавшаяся задолго до реальной угрозы военных конфликтов. Знаменательно, что в своем очерке «Горький» Рерих приводит предсмертные фразы Алексея Максимовича: «Будет война . . . Надо готовиться . . . Надо быть застегнутыми на все пуговицы . . .»<sup>15</sup>.

Тема обороны Родины занимает в литературных трудах Рериха видное место. Широко известны его очерки «Оборона» (1936), «Чаша неотпитая» — Оборонцам в укрепление (1937), «Оборона Родины» (1941), но мало кто знает о преследованиях, которым он подвергался. Сам Рерих вспоминает об этом:

«Немало призраков во всех концах земли. Пугали призраки, что в Карелии умрем с голода. В Швеции на выставку явился таинственный господин с невнятной фамилией. Спрашивает: «Вы собираетесь в Англию?» «Откуда вы это знаете?» «Мы многое знаем и пристально следим. Не советуем ехать в Англию. Там искусство не любят и ваше искусство не поймут. Другое дело в Германии. Там ваше искусство будет оценено и приветствовано. Предлагаем ваши выставки устроить по всей Германии и гарантировать большую продажу. А чтобы не было сомнения, можно сейчас же подписать договор и выдать задаток». Призрак с задатком!

Во Франции призрак настойчиво советовал повидаться с генералом иезуитов, суля всякие небесные и земные блага. Другой обхаживал ласково, прельщая Мальтою и Родосом. В Харбине русские фашисты (какие отбросы) с угрозами вымогали деньги. Призрак твердил о встрече в Иерусалиме (где я никогда не был). Из Италии призрак советовал всецело передать наш пакт об охране культурных сокровищ в руки Муссолини, который проведет и утвердит его.

Многие наскоки призраков! Одни призраки с именами, а другие безымянные. Кто они? Но каждый из них в той или иной форме в конце концов инсинуировал и угрожал, мол, пожалесте, если не согласитесь. Мы видели и месть признаков»<sup>16</sup>.

---

<sup>15</sup> Г. К. Рерих, *Нерушимое*, стр. 330.

<sup>16</sup> Н. К. Рерих, «Призраки». Архив И. М. Богдановой. Публикуется впервые.

Рерих никогда не принимал прямого участия в политической жизни тех стран, где он проживал, в том числе и в дореволюционной России. Он был далек от организованных сил русского революционного движения. Тем не менее его искусство и его литературная и общественная деятельность не были аполитичными и не могли быть использованы как идеологическая поддержка политической реакции. Этому препятствовали широкие прогрессивные взгляды художника. Его гуманизм опирался на веру в народ, а его патриотизм не имел ничего общего с ограниченным национализмом. В годы первой империалистической войны как Горький, так и Рерих не поддались шовинистической пропаганде русских reactionеров. Вокруг Горького в те годы группируется антиимпериалистически настроенная творческая интеллигенция, к рядам которой Горький относит и Рериха.

На выставке «Мира Искусства» в 1915 году Рерих показывает свою так называемую «предвоенную» серию картин. Одну из них — «Град обреченный» приобретает для себя Горький. Именно за эту серию картин, в которых художник предугадал грядущую военную катастрофу и крушение господствующих порядков, Горький и называет Рериха «величайшим интуитивистом».

Стоя во главе Школы Общества Поощрения Художеств, Рерих обращает особое внимание на художественное просвещение рабочей молодежи. Отмечая реформы, проведенные в этой школе Рерихом, А. Бенуа пишет: «Достойны еще внимания пригородные отделения школы Общества Поощрения. В них обучаются преимущественно дети фабричных, и прямая цель их дать руководство для технического рисования (машин и всяких орудий). Но в то же время этой фабричной молодежи дают возможность выучиться смотреть на мир и передавать его прелесть. Несколько этюдов, сделанных самым примитивным образом, но не без вкуса, и не без некоторых уже знаний, показывают, что дело преподавания поставлено в этих пригородных отделениях правильно, и что они со временем могут принести большую пользу как в чисто техническом, так и общекультурном смысле»<sup>17</sup>.

Идеи народного просвещения были одинаково дороги Рериху и Горькому. Работа в этой области во многом их сближала, и в своих воспоминаниях Рерих часто упоминает Горького именно в этой связи.

Когда в 1926 году Рерих путешествовал по территории Советского Союза, у него было много встреч и бесед с попутчиками. Вспоминая поездку по Иртышу, Рерих пишет: «Народ русский испокон веков задавался вопросом о том, как надо

<sup>17</sup> А. Бенуа, Школа Общества Поощрения Художеств, «Речь», 14 мая 1910 г.

жить. К этому мы имеем доказательства уже в самой древней литературе нашей. Странники всегда были желанными гостями. Хожалые люди не только находили радушный ночлег, но и должны были поделиться всеми своими накоплениями. Сколько трогательной народной устремленности можно было находить в таких встречах. Нередко при отъезде какой-то неожиданный совопросник, полный милой застенчивости, стремился проводить, чтобы еще раз, уже наедине, о чем-то допросить. Горький рассказывает, как иногда на свои вопросы он получал жестокие мертвенные отказы. Невозможно отказывать там, где человек приходит, горя желанием знать. В этом прекрасном желании спадает всякое огрубение, разрушаются нелепые средостения и соприкасаются дружно и радостно сущности человеческие»<sup>18</sup>.

В конце 1917 года Рерих опасно заболел и по предписанию врачей поселился в Карелии. О революции до художника доходили самые противоречивые сведения, подчас весьма его волновавшие. Особенно беспокоили Рериха раздуваемые слухи о разрушениях культурных памятников и предметов искусства. Рерих первым поднял в России и в международных масштабах вопрос о защите памятников культуры. Совместно с Горьким он принимал активное участие в созданной в начале 1917 года Комиссии по вопросам искусства при Исполнительном Комитете Совета рабочих и солдатских депутатов. Предреволюционные годы были наиболее интенсивным периодом тесного сотрудничества Рериха с Горьким. Горький обсуждает с художником свои планы по реорганизации журнала «Нива» в научно-популярный литературно-художественный журнал и по изданию серии книг по искусству в издательстве Сытина. Все это говорит о прогрессивных взглядах Рериха, о его вере в преобразующую силу революции. В происходящих революционных событиях художник многого, конечно, не учитывал и многое оценивал только со своих позиций деятеля культурно-просветительного фронта. Рерих не выступал на политической арене за революцию или против революции. Но он оставался верен тому делу, которое считал правым, и это всегда приводило его в лагерь тех, кто шел с народом и боролся за благо народа.

Почему же в таком случае в 1918 году Рерих не предпринял попытки вернуться в Советский Союз, а направился в Швецию, Англию и дальше в Америку? По этому поводу делались разные предположения. Проще и «логичнее» всего было ссылаться на то, что художника привлекли американские доллары. К сожалению, в двадцатые и тридцатые годы такие безответственные, абсолютно ничем не подкрепляемые доводы проникали на страницы наших изданий. Между тем, вся зарубежная жизнь художника является прямым опровержением этих нелепых до-

---

<sup>18</sup> Н. К. Рерих, Народ. Архив автора. Публикуется впервые.

мыслов. Не только архивные документы, но даже опубликованные литературные произведения Рериха явно доказывают, что Европу и Америку Рерих считал для себя только кратковременной остановкой на пути в Азию. Художник не переминул воспользоваться этой остановкой, чтобы обрушить гневные слова в адрес золотого тельца и его верных служителей.

Деятельность Рериха за рубежом — это самостоятельная тема, которая со временем займет значительное место в истории ознакомления Запада с достижениями русской культуры. Рерих имел полное право писать в 1923 году из Америки в Советский Союз: «Вы правы, полагая, что за эти годы мною много сделано. Поработано во славу русского искусства много. Везде наше знамя осталось высоко»<sup>19</sup>.

Среди русских, оказавшихся после революции за рубежом, вполне справедливо укрепилось убеждение, что отношение тех или иных лиц к Горькому определяет и их отношение к Октябрьской революции и Советскому Союзу. Пример Рериха еще раз подтверждает эту сложившуюся закономерность. В связи с этим полезно остановиться на некоторых малоизвестных фактах, раскрывающих отношение Рериха к Октябрю и его подлинные намерения при выборе в 1918 году западного пути следования.

О глубоких раздумьях художника в дни Октябрьской Революции свидетельствуют два еще не публиковавшихся документа.

Первый — черновые фрагменты к автобиографической аллегории «Пламя», вошедшей в сборник Рериха «Пути благословения». Фрагменты относятся к концу 1917 года и содержат следующие записи, отсутствующие в опубликованном варианте: «Вот стоим перед темной. Вот верим в истину народа и свободы. Не знаю происходящее. Вспомнил бывшее ... О звере и человеку надо сказать ... О друзьях Куинджи, Григоровиче, Бенуа, Яремиче, Химоне, Рылове, Тенешевой, Мартене, Д. Роше, Ремизове, Горьком, Андрееве ... Лишь подвигом движима русская жизнь. И подвиг самый непреложный — подвиг народного просвещения. Культ самовластья, тирании, культ мертвого капитала может смениться лишь светлым культом знания ...»<sup>20</sup>.

Характерно, что и здесь, в очень напряженное для себя время, Рерих вспоминает о Горьком как о своем друге.

Второй документ — написанное Рерихом в ноябре 1917 года драматическое произведение «Милосердие». Пьеса отражает

---

<sup>19</sup> Из письма Н. К. Рериха И. М. Степанову. Цитируется по книге: В. П. Князева, Н. Рерих, стр. 72.

И. М. Степанов — активный деятель Красного креста в России. С 1917 по 1929 гг. — секретарь Общества Поощрения Художеств.

<sup>20</sup> Н. К. Рерих, Черновые записи к очерку «Пламя». Архив Г. Р. Рудзитис. Публикуется впервые.

многие тревоги Рериха, но заканчивается мажорным аккордом вольного переложения стихотворения Тагора «Где души бестрепетны» (Книга «Дары», 1901 г.):

Где мудрость страха не знает.  
Где мир не размельчен ничтожными  
домашними стенами.

Где знание свободно.  
Где слова исходят из правды.  
Где вечно стремление к совершенству.  
Где Ты приводишь разум к священному единству —  
В тех небесах свободы, Могущий, дай  
проснуться моей Родине<sup>21</sup>.

Первая Мировая война помешала Рериху осуществить свои планы поездки в Индию. Октябрьская Революция надолго закрыла ему путь в Индию через Россию. У Рериха не возникает намерений покинуть свою Родину и отказаться от нее. Он разрабатывает проекты дальнейшей работы в России, составляет программу реорганизации возглавляемой им художественной школы, для чего в январе 1918 года на несколько дней приезжает в Петроград, пишет из Финляндии письма родным и знакомым. Однако, в связи с окончанием войны, мысль о поездке на Восток все больше и больше овладевает Рерихом. Теперь эта мысль принимает более конкретные формы, т. к. у Рериха возникают непосредственные контакты с Индией. В тех же неопубликованных фрагментах к «Пламени» появляется следующая запись художника, датированная октябрём 1917 года: «Де-лаю земной поклон учителям Индии. Они внесли в хаос нашей жизни истинное творчество и радость духа и тишину рождающую. Во время крайней нужды они подали нам зов. Спокойный, убедительный, мудрый знанием. Культ истинного знания ляжет в основу ближайшей жизни, когда растает в пространстве все зло, рожденное человекоубийством и грабежом последних лет»<sup>22</sup>.

Опубликованный вариант «Пламени» — аллегорического письма к другу в Россию, заканчивается словами:

«Мы увидимся. Непременно увидимся.

Не только увидимся, но после работы еще поедем с тобою или в . . . . . или на берега . . . . . в . . . . . Туда, где нас ждут, где ждет нас работа. Ведь об этой гармонии жизни уже работают реально и, в братстве, возводят ступени храма.

Звучит благовесть. Даже сюда залетают зовы.

Кончу словами белой книги. Помнишь, ее мы любили вместе читать:

<sup>21</sup> Там же. Публикуется впервые.

<sup>22</sup> Там же. Публикуется впервые.

— «Знай, что то, которым проникнуто все сущее — неразруσιμο. Никто не может привести к уничтожению то Единое, незыблемое. Преходящи лишь формы этого Воплощенного, который вечен, неразрушим и необъятен. Поэтому — сражайся.»

Милый, веди свою битву! Мощно веди! Разве мы не увидимся? Знаем, где ждут нас.

Душевно с тобою . . .»<sup>23</sup>.

Уже здесь мы находим то сочетание «двух тем — Русь и Гималаи», о которых Рерих говорит впоследствии. Взятая Рерихом в кавычки цитата из «белой книги» является 17 и 18 шлоками одиннадцатой главы «Бхагавдгиты».

Вполне очевидно, что заветная мечта Рериха о посещении Индии явилась основным стимулом, побудившим его в конце 1918 года направиться через Европу в Америку, т. к. после войны только одна Америка могла предоставить реальные возможности для осуществления дальней и дорогостоящей экспедиции, планы которой Рерих разрабатывал уже с 1913 года. Это подтверждают многие архивные материалы и литературные произведения Рериха того времени. Но свои намерения Рерих не представлял альтернативой — Индия или Россия. Рерих решал эту проблему для себя как Индия и Россия и, даже, *Индия для России*. Все это подтверждается его посещением Советского полпредства в Берлине в 1924 году<sup>24</sup> и его завещанием 1926 года, предусматривающим передачу имущества экспедиции, в том числе и картин, в случае его гибели, в собственность русскому народу<sup>25</sup>.

Совокупность этих фактов говорит о том, что Рерих никогда не отделял своей судьбы от судеб России и считал Октябрьскую Революцию прогрессивным явлением исторического процесса развития человеческого общества. Стремясь на Восток, тщательно оберегаемый колониальными державами от всех революционных веяний, Рерих, конечно, много должен был не договаривать, многое складывал в свой архив для будущего. Но художник никогда не скрывал своего отношения к Горькому, которому отводил одно из виднейших мест в культурной жизни новой, Советской России и о котором писал: «Через все уклоны жизни, всеми путями своего разностороннего таланта Горький шел путем русского народа, вмещаая всю многогранность и богатство души народной»<sup>26</sup>.

<sup>23</sup> Н. К. Рерих, Пути благословения, стр. 55.

<sup>24</sup> С. Зарницкий, Л. Трофимова, «Путь к Родине, — «Международная жизнь», 1965, № 1, стр. 98.

<sup>25</sup> Там же, стр. 104.

<sup>26</sup> Н. К. Рерих, Нерушимое, стр. 332.

В полной мере эти слова можно отнести и к самому Рериху. И становится вполне понятным, почему, находясь за границей, художник так часто вспоминал о Горьком, так часто обращался к его авторитету, так часто ссылался на него в своих книгах, выступлениях, переписке.

Уже в первой книге Рериха, изданной за рубежом в 1921 году в пользу голодающих в России (сборник стихов «Цветы Мории») в предисловии упоминается имя Горького:

«Эти поэтические сюиты Л. Н. Андреев назвал «Северное сияние», А. М. Горький назвал «Письмена», считая Рериха величайшим интуитивистом современности»<sup>27</sup>.

Когда в Риге печатался сборник Рериха «Пути благословения», он писал из Индии В. А. Шибаеву:

«Пошлите два экземпляра книги (в русском новом правописании) Горькому в Берлин с приложенным письмом (адрес в издательство Гржебина)»<sup>28</sup>.

В 1924 году Рерих, в целях подготовки экспедиции, на короткое время покидает Индию. Ему предстоит далекое и сложное путешествие в малоисследованные области Азии. Перед этим путешествием Рерих ищет встречи с Горьким и сообщает В. А. Шибаеву: «... встречайте меня в Париже около 20 декабря ... не узнаете ли, там ли Горький?»<sup>29</sup>.

Посетив в 1926 году Советский Союз, Рерих оставляет в Москве серию своих картин, которые по приезде в Советский Союз Горького попадают в его распоряжение. Относительно этих картин В. М. Ходасевич сообщает:

«В один из приездов в 1935 году в Горки, в столовой я увидел развешанными на стенах восемь картин Н. Рериха. Они озарили довольно неуютную большую столовую и поражали (как всегда рериховские вещи) каким-то свечением красок. Эти картины в основном запомнились по цвету — золотисто-лимонному, оранжевому и багряному. Как мне сказали, Рерих был проездом через СССР из Гималаев в Америку и оставил эти вещи в Москве. Картины эти нравились Алексею Максимовичу. Правда, он говорил про них лишь: «любопытные вещи». Более ранние работы Рериха Горький больше ценил и отдавал ему должное, как одному из крупнейших самобытных русских художников»<sup>30</sup>.

---

<sup>27</sup> Н. К. Рерих, Цветы Мории. Предисловие.

<sup>28</sup> Из письма Н. К. Рериха В. А. Шибаеву от 23 июля 1924 г. Архив Г. Р. Рудзитис. Публикуется впервые.

В. А. Шибаев — автор ряда статей о Н. К. Рерихе, в течение нескольких лет состоял его секретарем.

<sup>29</sup> Из письма Н. К. Рериха В. А. Шибаеву от 15 августа 1924 г. Архив Г. Р. Рудзитис. Публикуется впервые.

<sup>30</sup> Горький и художники. Составитель И. А. Бродский, М., «Искусство», 1964, стр. 75.



Впоследствии, по указанию Горького, эта серия картин Рериха, вместе с картинами других художников, была передана Горьковскому государственному художественному музею (гор. Горький), где и находится в настоящее время.

Свой очерк «Горький» Рерих написал через три недели после смерти писателя. В этом очерке художник приводит многочисленные отклики, появившиеся на смерть Горького в советской и зарубежной прессе и дает высокую оценку личности и всей деятельности Алексея Максимовича.

Поводом к другому очерку — «Голос Горького» послужила Московская радиопередача, отмечавшая пятилетие со дня смерти писателя. На следующий день после передачи Рерих садится за очерк и пишет:

«В Гималаях звучал голос Горького. Среди снежных вершин русский голос. Хорошие призывные слова наполнили пространство ... Мудро, что голос Горького прозвучал и еще раз напомнил о том, что так неотложно и так выполнимо. Друзья, ко всем, всем художникам обращался Алексей Максимович. В 1934 году он сказал о том, что всегда было нужно.

Пусть эти заветы прежде всего будут выполнены в русском народе. Претерпел, преодолел народ и может, среди победного — «Город строят», улыбнуться взаимно улыбкой доверия и уважения. Широко прозвучал голос Горького, и зов любимого писателя будет жить в сердце народа»<sup>31</sup>.

В «Листах дневника» и других своих очерках Рерих неоднократно упоминает имя Горького рядом со славнейшими русскими именами: «Уже приходилось писать о Пантеоне русского искусства и науки ... Почтены имена Павлова, Глазунова, Горького. Даже на далеких островах Океании звучит Мусоргский, Римский-Корсаков, Бородин. Есть какая то благородная, самоотверженная щедрость в этом всемирном даянии»<sup>32</sup>.

Широкий диапазон деятельности Рериха и Горького во многом отвечали друг другу. Искренние взаимные симпатии художника и писателя выходили за пределы личных взаимоотношений и отражали те великие идеи человечности, носительницей которых всегда выступала русская культура. Поэтому тема «Рерих и Горький» затрагивает много интересных проблем, исчерпывающий обзор которых потребует более детального ознакомления с отечественными и зарубежными архивами.

Остановившись на некоторых малоизвестных фактах биографии Рериха, так или иначе связанных с именем Горького и объясняющих близость писателя и художника, настоящая заметка ставит своей целью обратить внимание на литературное

<sup>31</sup> Н. К. Рерих, Голос Горького, — «Октябрь», 1960, № 10, стр. 230.

<sup>32</sup> Н. К. Рерих, Нерушимое, стр. 247.

наследие известного русского художника. Литературное наследие Рериха является богатейшим, но до сих пор недостаточно исследованным источником, содержащим обширные сведения о многих деятелях русской культуры, в том числе и о Горьком.

\* \*  
\*

Приложение

## БИБЛИОГРАФИЯ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Н. К. РЕРИХА

Обширное литературное наследие академика живописи Николая Константиновича Рериха еще мало изучено. Единственная библиография вышла на английском языке (Nicholas K. Roerich Bibliography, Karachi, «The Young Builder» Press, 1936). В ней приводится 20 изданий книг (из них 9 на русском языке) и 108 публикаций отдельных статей до 1936 года (из них только 33 на русском языке). Содержание сборников, состоящих из статей и очерков разных лет, не расшифровано.

В своих литературных трудах Н. К. Рерих в основном прибегал к форме очерка и пользовался русским языком. Публикации на иностранных языках являются авторизованными переводами с русского, в которые автор, считаясь с профилем издания, где они печатались, вносил иногда некоторые изменения.

Целью настоящей библиографии является выявление и систематизация литературного наследия Н. К. Рериха. Поэтому многочисленные повторные публикации отдельных его произведений в русской и иностранной периодической печати не приводятся. Регистрация неизданных трудов Н. К. Рериха произведена с учетом той систематизации, которую придал им сам автор. Начиная с 1934 года Н. К. Рерих группирует свои очерки в три подборки: «Листы дневника» (222 очерка), «Моя жизнь. Листы дневника» — первая подборка (92 очерка) и «Моя жизнь. Листы дневника» — вторая подборка (659 очерков).

Около 700 очерков из этих трех подборок до сих пор еще не опубликовано.

Материалы «Моей жизни» являются основным фондом неизданного литературного наследия Н. К. Рериха. Сын художника С. Н. Рерих, в распоряжении которого находится полный комплект подборок, сообщил: «Николай Константинович сам пронумеровал статьи «Моей жизни» и он хотел, чтобы они вышли именно так». (Из письма С. Н. Рериха П. Ф. Беликову от 19 марта 1965 года).

Н. К. Рерих не вел постоянных дневников. Большинство материалов автобиографического характера сосредоточено в очерках двух подборок «Моей жизни». Вторая из них начинается

с воспоминаний о раннем детстве и дает наиболее полное освещение жизни и деятельности автора. Последняя запись за № 659 — «Булгаков» является письмом Валентину Федоровичу Булгакову, который сообщил о своей послевоенной переписке с Н. К. Рерихом: «Их (послевоенных писем — П. Б.) было три в 1946 году и четыре в 1947 году. К 1946 году относятся письма от 24 июня, 7 и 29 ноября. К 1947 году письма от 14 февраля, 3 марта (коротенькая записочка с выражением признательности за привет, переданный мною Николаю Константиновичу от осматривавшей его картины группы советских архитекторов), 6 июня и 10 октября». (Из письма В. Ф. Булгакова П. Ф. Беликову от 8 декабря 1965 г.).

Очевидно два письма В. Ф. Булгакову от 1947 года, считаясь с значительностью затронутых в них тем, Н. К. Рерих включил в подборку «Моя жизнь» за №№ 629 и 659. За № 658 в этой подборке значится письмо Э. Грабарю от 9 октября 1947 года. Таким образом письмо В. Ф. Булгакову от 10 октября 1947 года следует считать последней записью Н. К. Рериха для «Моей жизни» и, возможно, последним его письмом на родину. Текст этого письма опубликован В. Ф. Булгаковым в журнале «Молодая Гвардия» (1960, № 10).

Чтобы не нарушать плана систематизации, которой придерживался сам художник, и облегчить ориентацию при дальнейших исследованиях, все литературные труды Н. К. Рериха разбиты на четыре раздела:

*1. Книги Н. К. Рериха, изданные на русском языке.*

В данный раздел включены все книги Н. К. Рериха, изданные на русском языке в России и за границей. В отличие от ранее публиковавшихся библиографических сведений, впервые приводится полное содержание его сборников, составленных из отдельных очерков. Списки очерков даются в алфавитном порядке. Это облегчает нахождение дублирований одних и тех же работ в разных книгах (в русских изданиях их очень мало) и сопоставление содержания книг на иностранных языках с русскими публикациями.

*2. Списки сборников, подготовленных Н. К. Рерихом к изданию на русском языке.*

В данный раздел включены книги, подготовленные самим Н. К. Рерихом к изданию на русском языке, выпуск которых не состоялся. Если подготовленная книга издавалась на иностранном языке, то ее содержание приводится в соответствующем (третьем) разделе.

В тех случаях, когда отдельные очерки включались в изданные сборники на русском или иностранном языках с нарушением первоначальной авторской систематизации («Листы днев-

ника» и «Моя жизнь») или публиковались в периодической печати, делается ссылка на соответствующее издание.

Все списки составлены в алфавитном порядке. В циклах «Листы дневника» и «Моя жизнь» приводятся порядковые номера, присвоенные очеркам самим автором.

*3. Книги Н. К. Рериха, изданные на иностранных языках.*

В данный раздел включены все книги Н. К. Рериха, изданные на иностранных языках, с обзором их содержания.

*4. Литературные произведения, не вошедшие в изданные или подготовленные автором к изданию книги.*

В данный раздел включены литературные произведения (статьи, очерки, стихотворения, драматические произведения), которые остались за рамками книг и систематизации, проведенной самим Н. К. Рерихом. Список произведений дается в алфавитном порядке. О их публикациях приводятся ссылки на соответствующие издания. Повторные публикации не указаны.

Благодаря непосредственной помощи С. Н. Рериха, И. М. Богдановой, Г. Р. Рудзитис и З. Г. Фосдик, за которую составитель выражает последним глубокую признательность, первые три раздела настоящего исследования представлены с достаточно исчерпывающей полнотой. Что касается последнего, четвертого раздела, то не исключена возможность дальнейшего его пополнения. К Н. К. Рериху часто обращались с просьбами написать предисловие к той или иной книге, отозваться статьей на какое-либо явление культурной жизни и т. п. Художник далеко не всегда регистрировал незначительные по объему работы такого специального назначения и даже не всегда имел возможность проследить за их появлением в печати. Поэтому первый опыт исследования литературного наследия Н. К. Рериха не может претендовать на абсолютную полноту этого раздела его литературного творчества.

За пределами исследования осталось также эпистолярное наследие Н. К. Рериха, исключая тех случаев, когда сам автор включал свои письма в подборку «Моя жизнь».

Помимо собственного архива, составитель пользовался следующими источниками:

1. Данными архива Н. К. Рериха, любезно предоставленными сыном художника С. Н. Рерихом (Бангалур, Индия).

2. Архивом Ю. П. Рериха, находящимся в распоряжении И. М. Богдановой (Москва).

3. Указаниями вице-президента Нью-Йоркского музея Н. К. Рериха З. Г. Фосдик (Нью-Йорк, США).

4. Архивом филолога Г. Р. Рудзитис (Рига).

# 1. КНИГИ Н. К. РЕРИХА, ИЗДАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. **Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца**, СПб., 1899, 31 стр., рисунки автора.

2. **Экскурсия Археологического института 1899 г. в связи с вопросом о финских погребениях С. Петербургской губернии**, СПб., 1900, 14 стр.

3. **Некоторые древности пятин Деревской и Бежецкой**, СПб., 1903, 30 стр.

4. **По старине**, СПб., 1904, 18 стр., рисунки автора.

5. **Каменный век на озере Пирос**, СПб., изд. «Русского археологического об-ва», 1905.

6. **Собрание сочинений**, кн. 1, М., изд. Сытина, 1914, VIII+(4)+ +335 стр.

Содержание (по алфавиту): 1) Великий Ключарь (1906); 2) Великий Новгород (1910); 3) Вождь (1904); 4) Восстановления (1908); 5) Враги (1908); 6) Врубель (1905); 7) Всенародное (без даты); 8) Глаз добрый (1913); 9) Гольгофа искусства (1906); 10) Города пустынные (1910); 11) Граница царства (1910); 12) Гримр Викинг (1899); 13) Девассари Абунту (1905); 14) Дедушка (1913); 15) Детская сказка (1899); 16) Дрезнейшие финские храмы (1907); 17) Заклятия (1910); 18) Замки печали (1906); 19) Земля обновленная (1911); 20) Из Варяг в Греки (1899); 21) Иконный терем (1899); 22) Иконы (1910); 23) Индийский путь (1913); 24) К природе (1901); 25) Клады (1912); 26) Куинджи (1910); 27) Лаухми Победительница (1908); 28) Лют великан (1908); 29) Марес и Беклин (1906); 30) Марфа Посадница (1906); 31) Миф Атлантиды (1912); 32) На кургане (1898); 33) Обеднели мы (1905); 34) Отличия (1911); 35) Памятник Св. Ольги (без даты); 36) По старине (1903); 37) Подземная Русь (1911); 38) Радость искусству (1908); 39) Серов (1912); 40) Спас Нередица (1906); 41) Старинный совет (1906); 42) Странный музей (1906); 43) Страхи (1911); 44) Тихие погромы (1909); 45) Художественная промышленность (1908); 46) Царица Небесная (1910); 47) Церковь Ильи Пророка в Ярославле (1912); Японцы (1906).

*Примечание.* Датировка статей в сборнике отсутствует. У В. А. Смионова (Москва) сохранился экземпляр книги, в котором даты проставлены самим Н. Рерихом по просьбе бывшего владельца книги А. П. Иванова. Эта датировка принята за основание.

7. **Цветы Мории**, Берлин, изд. «Слово», 1921, 128 стр. Сборник стихов.

Содержание: 1. Священные знаки: Заклятие (1911); Священные знаки (1915); Увидим (1915); На последних вратах (1916); Нищий (1916); Тропинки (без даты); Поверить? (без даты); Завтра? (без даты); Время (без даты); В толпу (1913); Напрасно (1918); В танце (1916); Взойду (1917); Увидишь (1917); Привратник (без даты); Ключи от ворот (1917); К Нему (1920); Наш путь (1917); Не открою (1917).

2. **Благословенному**: Капли (1920); Пора (1916); Уводящий (1916); Утром (1916); Благодать (1918); Открой (1917); Оставил (1918); Свет (1918); Как устремлюсь? (1916); Улыбка твоя (1918); Не поняв (1920); Я сохранию (1917); И любовь (1917); Бездонно (1918); Любовь (1920); Не удалялся (1919); Замечая (1919); Жемчуг (1920); Нам? (1920); Веселился (1918); Улыбкой? (1921).

3. **Мальчик**: Вечность (1916); Свет (1916); Жезл (1915); Послан (1916); Украшай (1915); В землю (1916); Не можем (1916); Не убить? (1916); Не считай (1916); Не закрой (1916); Под землю (1907); Тогда (1916); Поможет (1916); Бог даст (1916); При всех (1919); О вечном (1917);

Повторяешь (1918); Детские замки (1920); Не убьют (1916); Вижу я (1916); Захочешь (1917); Подвиг (1916).

4. **Наставление ловцу, входящему в лес, 1921.**

Сборник «Цветы Мории» включает подавляющее большинство стихотворных произведений Рериха. Некоторые из них публиковались в других сборниках, периодических изданиях и книгах (монографиях) о Рерихе.

8. **Пути Благословения**, Рига, изд. «Алатас», 1924, 157 + (8) стр., с портретом (рисунком С. Н. Рериха).

Содержание (по алфавиту): Адамант (1920); Действие (1922); Звезда Матери Мира (1924); Неотпитая чаша (1916); Новая Эра (1922); Одеяние духа (1921); Пламя (1918); Похвала врагам (1924); Право входа (1923); Пути благословения (1921); Свобода вещей (1924); Струны земли (1924).

9. **Сердце Азии**, Нью-Йорк, изд. «Алатас», 1929, 139 стр.

Содержание: Часть I — Сердце Азии. Часть II — Шамбала.

10. **Держава Света**, Нью-Йорк, изд. «Алатас», 1931, 280 стр., с портретом автора (фотография).

Содержание (по алфавиту): Адамант (К ассоциации Оригена при об-ве им. Рериха) (1931); Благословенная Иерархия (1931); Венок Дягилеву (1930); Весна Священная (Обращение в аудитории Ваннамекера на собрании Лиги Композиторов) (1930); Вехи культуры (Германскому об-ву им. Рериха в Берлине) (1930); Виджайя Тагор (К 70-летию Р. Тагора) (1931); Гималаи (Гималайскому об-ву им. Рериха) (1931); Держава Культуры (Декларация Комитету французского об-ва) (1931); Держава Света (1930); Духовные сокровища (1931); Живая мудрость (Ассоциации Спинозы при об-ве им. Рериха) (1931); Заботливый Хранитель (Конференции музейных экспертов в Риме) (1930); Здоровье (1931); Здоровье духа (Вашингтонскому об-ву им. Рериха) (1931); Знамя Мира (1930); Знамя Мира (Для Висва-Бхарати, Шантиникетан) (1931); Зов о Культуре (К об-ву Друзей Культуры) (1930); К женщинам (Единению Женщин об-ва им. Рериха) (1931); К открытию французского об-ва им. Рериха) (1931); Конференция в Брюгге (Письмо к К. Тюльпину) (1931); Кооперация (Британскому об-ву им. Рериха) (1931); Корни Культуры (К 10-летию Института Объединенных Искусств музея Рериха) (1931); Культура (1930); Латвийскому об-ву им. Рериха (1931); Легенды (1931); Любовь непобедимая (К Ассоциации св. Франциска) (1931); Master Virgo inter Virgines (Институту Искусства в Чикаго) (1931); Мир всему живущему (Об-ву Маха Бодхи в Калькутте) (1930); Мир и Культура (Буддийской Ассоциации молодежи в Коломбо) (1931); Мудрость радости (1931); На пороге десятилетия (Совету Музея Рериха в Нью-Йорке) (1931); Наследие Майев (Южно-американским об-вам им. Рериха) (1930); Обществу Славянской культуры (1931); Памяти Марии Клавдиевны Тенишевой (1929); Правильный путь (Южно-американскому об-ву им. Рериха) (1931); Прекрасное (Приветствие Школе Дальтона) (1930); Преображение жизни (1931); Привет к открытию Болгарской Ассоциации (1930); Привет конференции в Брюгге (1931); Привет Франции (1930); Путь твердый (Колумбийскому об-ву им. Рериха) (1931); Свет Пустыни (Листы экспедиции) (1928); Священные основы (Обращение к Академии Творческих Наук) (1931); Семь святых (Предисловие к книге «Фламбо») (1930); Слава самураев (Японскому об-ву им. Рериха) (1931); Слово на освящение часовни Св. Препод. Сергия в Чураевке, штат Коннектикут (1931); Собрание (1931); Сожжение тьмы (Привет молодым) (1930); Созидательная работа (Комитету французского об-ва им. Рериха в Париже) (1930); Сокровище Дома (Конвенции библиотекарей Нью-Йорка) (1931); Стража Матери Мира (Федерация Женских клубов штата Нью-Йорк) (1931); Творящая мысль (Обращение к студентам Ховарда Джайльса) (1931); Хвала художникам (Вступление к книге «Художники Америки») (1930); Чары Финляндии (Финляндскому об-ву им. Рериха) (1931).

11. **Женщинам**. Обращение по случаю открытия Об-ва единения женщин, Рига, изд. Об-ва Рериха, 1931, 15 стр., 1 репродукция.

12. **Твердыня Пламенная**, Париж, изд. «Всемирная Лига Культуры», 1932 <1933>, 383 + (5) стр.

Содержание (по алфавиту): Ангелиус (1933); Бог (1932); Богатая бедность (1932); Боль планеты (1933); Будьте благословенны (1932); Великая Мать (1928); Второй конференции Международного Союза Пакта Охранения Памятников Искусства и Знания Привет! (1932); Гёте (1931); Городу Брюгге (1933); Град Светлый (без даты); Декада (1931); Душа народов (1932); Женскому сердцу (1932); Закрытый глаз (1932); Звучание народов (1933); Знамя (1932); Качество (1933); Клевета (1931); Конвенция Знамени Мира (1933); Корона Мунди (1931); Красный Крест Культуры (1932); Культура — почитание Света (без даты); Культура — сотрудничество (без даты); Культурность (без даты); Легенда Азии (1931); Любите книгу (1931); Майтрейя (1931); Маха Бодхи (без даты); Меч Гессар-Хана (1932); Молодое движение (без даты); Музыка сфер (1931); Mutatis Mutandis (без даты); «Не убий» (1933); О Культуре и Мире моление (без даты); Обмен (1933); Огонь претворяющий (1932); Огни очага (1932); Окостенение (1932); Оружие Света (1932); Остров слез (1932); Пантеон русской культуры (1931); Пашня Культуры (без даты); Переоценка (1932); Печать Века (1931); Поем глухим (Sanitus Surdis) (1932); Познавание Прекрасного (1932); Привет нашим Обществам Культуры (без даты); Разнообразие (1932); Расхищенное сердце (1932); Риши (1932); Сады прекрасные (1932); Силомеры (1932); Синтез (без даты); Славной Ермака годовщине (1932); Слово Индии (без даты); Сопrotивление злу (1931); Спешность часа (1932); Спиноза (1931); Твердыня Пламенная (1932); Терпимость (1932); Урусвати (1931); Учительство (без даты); Художники жизни (1931); Экспедиция Сигроэна (1932); Царь Соломон (1928).

*Примечание.* В опубликованных библиографических материалах «Твердыня Пламенная» датируется 1932 годом издания. Ввиду того, что в сборник входят несколько статей, написанных Н. Рерихом в 1933 году, годом издания «Твердыни Пламенной» следует считать последнюю дату.

13. **Священный Дозор**, Харбин, 1934, 156 стр.

Содержание (по алфавиту): Венец женщины (1934); Государь Иконный Терем (без даты); Да процветут пустыни (1934); Дом милосердия (1934); Духовные сокровища (1934); Изучение жизни (1934); Каменный дождь (1934); Конвенция «Знамени Мира» (входит в сборник «Твердыня Пламенная») (1933); Матери городов (без даты); Огни испытания (1934); Пределы (1934); Работы (без даты); Русскому Комитету в Париже (1934); Русскому Комитету Пакта Рериха в Харбине (1934); Русскому Комитету Пакта Рериха в Харбине 4 ноября (1934); Самоотвержение зла (1934); Светлой памяти короля Александра (1934); Священный дозор (1934); Славное Сибирское казачество (1934); Слово друзьям (1934); Спас (без даты); Строительство (без даты); Тьма против Света (1934); Утверждение (1934); Черта мира (1934).

*Примечание.* Год издания, указанный на обложке книги «Священный Дозор», не соответствует фактическому выходу. По настоянию прояпонски настроенных эмигрантских кругов, сборник был задержан цензурой. Только в 1936 году часть отпечатанного тиража удалось вывезти из Харбина в Париж.

14. **Врата в Будущее**, Рига, изд. «Угунс», 1936, 326 стр.

Содержание (по алфавиту): Бичи (1935); Болезнь клеветы (1935); Великое наследие (1934); Врата в будущее (1936); Время (1935); Гималаи (1935); Гора сужденная (1935); Даржан Бейле (1935); Держатели (1935); Доверие (1935); Женщина (1935); Жестокосердие (1935); За Великой Стеной (1935); Институт Объединенных Искусств (1935); Иран (1935); Итоги (1935); Калган (1935); Каменный век (1935); Камень (1935); Corason (1935); Крылья (1934); Летопись искусства (1935); Лихочасье (1934); Лучшее будущее (1935); Membra Disjecta (1935); Молодёжь (1935); Монголия (1935); Монголы (1935); Мухобоязнь (1935); Напутствие (1935); Наран Обо (1935);

Народный учитель (1935); Неизвестные (1935); О мире всего мира (1934); Олун Суме (1935); Открытые врата (1935); Переселение искусства (1935); Песни Монголии (1935); Письмена Азии (1935); Питание (1935); Подвижность (1935); Польза доверия (1935); Помощь (1935); Порадуемся (1935); Постоянная забота (1935); Продвижение (1935); Радуйся (1935); Рождение скуки (1935); Самонужнейшее (1935); Сеятели (без даты); Следы мысли (1935); Содружество (1935); Старинные лекарства (1935); Страшный зверь (1934); Строитель (1935); Судьба (1935); Теснины (1935); Труд (1935); Удача (1935); Ученые (1935); Фан Мемориал (1935); Флора (1935); Эрдени Мори (1935); Ценность Прекрасного (1935); Чанлогия Упанишады (1935); Школы (1935); Шри Рамакришна (1935); Ягиль (1935).

15. **Нерушимое**, Рига, изд. «Угунс», 1936, 349 стр.

Содержание (по алфавиту): Архивы (1935); Безмянное (1935); Безумия (1935); Бережливость (1935); Бесстрашие (1934); Благожелательство (1934); Благоухание (1935); Борьба с невежеством (1936); Будем радоваться (1935); Великий Облик (1935); Взаимность (1935); Видебимус (Videbimus) (1935); Влечение (1935); Внимательность (1935); Возрождение (1935); Волны жизни (1935); Вперед (1935); Врата в будущее (1935); Глаз дальний (1934); Горький (1936); Достоинство (1935); Древние источники (1935); Естество (1935); Желанный труд (1935); Засуха (1935); Звезда смерти (1935); Зверье (1935); Злата Прага (1936); Знак Эры (1936); Знамя (1935); Значительность (1935); И это пройдет (1935); Испытания (1935); Истинная сила (1935); Истоки (1935); Катакомбы (1935); Книга-Эль-Иган (1935); Король Альберт (1935); Крылатая чума (1935); Культура Победительница (1934); Легкие трудности (1935); Лики (1935); Мир (1936); Монсальват (1935); Невидимки (1935); Неисчерпаемость (1935); Неповторимое (1935); Неприязнь (1935); Нереченное (1935); Нерушимое (1935); Новые грани (1935); Оборона (1936); Оeuvre (1935); Печата (1935); Пирровы победы (1935); Письмо (1935); По лицу Земли (1935); Подражание (1935); Предсказания (1935); Пример (1935); Промедление (1935); Россия (1935); Самогубительство (1934); Самое простое (1935); Свет опознанный (1935); Serencipity (1935); Серов (1935); Сказки (1935); Совершенно новое (1935); Сравнение (1935); Средневековье (1935); Стойкость (1935); Сущность (1935); Тайны (1935); Tactica Adversa (1935); Фредум (1935); Художники (1935); Эопова басня (1934); Эпидемии (1935).

## II. СПИСОК СБОРНИКОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ, Н. К. РЕРИХОМ К ИЗДАНИЮ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

1. **Алтай — Гималаи**. Издана на английском языке. Содержание приводится в третьем разделе. Русского издания не состоялось.

2. **Шамбала**. Издана на английском языке. Содержание приводится в третьем разделе. Русского издания не состоялось.

3. **Да процветут пустыни**. Сборник предполагалось издать в Нью-Йорке, но издание не состоялось. Частично очерки данного сборника были включены в книгу «Священный Дозор», изданную в Харбине в 1934 году. Содержание (по алфавиту): Бесстрашие (1934); Великое наследие (1934); Венец женщины (1934); Глаз дальний (1934); Да процветут пустыни (1934); Друзья сокровищ культуры (1935); Дом Милосердия (1934); Знаки жизни (1934); Зовы пустыни (1934); Каменный дождь (1934); Крылья (1934); Культура победительница (1934); Крылья (1934); Лихочасье (1934); Огни испытания (1934); О мире всего мира (1934); Опасность разрушений (1934); «Пакт Рериха» (Русскому Комитету Пакта в Харбине) (1934); Роботы (1934); Роскошь (1933); Самовольство (1934); Самогубительство (1934); Самоотвержение зла (1934); Светлой памяти короля Александра



(1934); Светочи (1934); Священное древо (без даты); Священный дозор (1935); Строеие (1934); Тьма против Света (1934); Цветы художества (1934); Черта Мира (1934).

4. **Листы дневника.** Подборка состоит из 222 очерков, которые частично включены в книги «Врата в Будущее» и «Нерушимое». Ниже приводится полное содержание подборки в алфавитном порядке.

После наименования статьи даются: порядковый номер, присвоенный очеркам самим Н. Рерихом, дата написания и, если статья публиковалась, — ссылка на издание.

Архивы (166, 1935, «Нерушимое»); Безмянное (142, 1935, там же); Безумия (45, 1935, там же); Бережливость (84, 1935, там же); Бесстрашие (9, 1934, там же); Бичи (104, 1935, «Врата в Будущее»); Благожелательство (18, 1934, «Нерушимое»); Болезнь клеветы (35, 1935, «Врата в Будущее»); Будем радоваться (177, 1935); Бывшее и Будущее (151, 1935); В рассеянии сущие (174, 1935, газ. «Старый Нарвский Листок», г. Нарва, 1. X. 1935); Везде (189, 1935); Великий Облик (161, 1935, «Нерушимое»); Великаны и карлики (97, 1935); Великое наследие (11, 1934, «Врата в Будущее»); Вехи (109, 1935); Взаимость (129, 1935, «Нерушимое»); Видебимус (146, 1935, там же); Видения (182, 1935); Влечение (127, 1935, «Нерушимое»); Внимательность (41, 1935, там же); Воздействия (48, 1935); Возобновление (39, 1935); Возрождение (195, 1935, «Нерушимое»); Волны жизни (92, 1935, там же); Восхождение (78, 1935); Вперед (95, 1935, «Нерушимое»); Врата в Будущее (160, 1935, там же); Время (171, 1935, «Врата в Будущее»); Все тихо (155, 1935); Гималаи (40, 1935, «Врата в Будущее»); Глаз верный (203, 1935); Глаз дальний (13, 1934, «Нерушимое»); Гора сужденая (184, 1935, «Врата в будущее»); Грозы (205, 1935); Дар небесный (114, 1935, «Гималаи — Обитель Света» /англ./); Дархан Бейле (191, 1935, «Врата в Будущее»); Дары Востока (154, 1935, «Гимават» /англ./); Движение Новой Жизни (27, 1935); Держатели (108, 1935, «Врата в Будущее»); Добрая память (55, 1935); Добро (217, 1935); Добрые вести (156, 1935); Доверие (170, 1935, «Врата в Будущее»); Достоинство (31, 1935, «Нерушимое»); Древние источники (24, 1935, там же); Друзья Сокровищ Культуры (28, 1935); Естество (211, 1935, «Нерушимое»); Желанный труд (176, 1935, там же); Женщина (207, 1935, «Врата в Будущее»); Жестокосердие (148, 1935, там же); Жизнь вечная (200, 1935); За Великой стеной (99, 1935, «Врата в Будущее»); Засуха (192, 1935, «Нерушимое»); Зачем? (209, 1935); Защита (69, 1935); Звезды смерти (47, 1935, «Нерушимое»); Зверьё (85, 1935, там же); Зигфрид (133, 1935); Знаки (62, 1935); Знаки Жизни (6, 1934, газ. «Рассвет», Чикаго); Знамя (115, 1935, «Нерушимое»); Значительность (165, 1935, там же); Зов Роланда (50, 1935); Зовы пустыни (10, 1934); И это пройдет (169, 1935, «Нерушимое»); Изуверство (81, 1935); Институт Объединенных Искусств (123, 1935, «Врата в Будущее»); Иран (36, 1935, там же); Искра (145, 1935, газ. «Рассвет», Чикаго, 26. X. 1935); Испытания (218, 1935, «Нерушимое»); Истинная сила (125, 1935, там же); Истоки (94, 1935, там же); Кавант Конзулес (204, 1935); Калачан (96, 1935, «Врата в Будущее»); Каменный век (44, 1935); Камень (212, 1935, «Врата в Будущее»); Катакомбы (187, 1935, «Нерушимое»); Книга—Эль—Иган (46, 1935, там же); Кольца (121, 1935); Корасон (Сердце) (75, 1935, «Врата в Будущее»); Ко времени (149, 1935); Король Альберт (168, 1935, «Нерушимое»); Крылатая чума (53, 1935, там же); Крылья (7, 1934, «Врата в Будущее»); Культура Победительница (16, 1934, «Нерушимое»); Легкие трудности (101, 1935, там же); Летопись искусства (164, 1935, «Врата в Будущее»); Лики (219, 1935, «Нерушимое»); Лихочасье (2, 1934, «Врата в будущее»); Лицемерие (91, 1935); Лучшее будущее (77, 1935, «Врата в Будущее»); Мембра Дис'пакта (214, 1935, там же); Молодежь (67, 1935, там же); Монголия (141, 1935, там же); Монголы (70, 1935, там же); Монсальват (113, 1935, «Нерушимое»); Мухобоязнь (124, 1935, «Врата в Будущее»); Мысль (117, 1935); Напутствие (86, 1935, «Врата в Будущее»); Наран Обо (186,

1935, там же); Народный учитель (159, 1935, там же); Насаждения (175, 1935); Нат ог Даг (118, 1935); Невидимки (87, 1935, «Нерушимое»); Неизвестные (197, 1935 «Врата в Будущее»); Неисчерпаемость (54, 1935, «Нерушимое»); Неотложное (58, 1935); Неповторимое (21, 1935, «Нерушимое»); Неприязнь (131, 1935, там же); Нереченное (128, 1935, там же); Нерушимая стена (162, 1935); Нерушимость (220, 1935, «Нерушимое»); Ни дня, ни часа (130, 1935); Новогодние Вести (22, без даты); Новые грани (90, 1935 «Нерушимое»); Нотр Дам (136, 1935); Нужное слово (157, 1935); О Кванта Аллегория (32, 1935); О мире всего мира (12, 1934, «Врата в Будущее»); Одичание (74, 1935); Ооувге (Эвр) (73, 1935, «Нерушимое»); Он (215, 1935); Основание (83, 1935); Останки (196, 1935); Открытые врата (206, 1935; «Врата в Будущее»); Охранение (43, 1935); Памятные дни (98, 1935); Переселение искусства (25, 1935, «Врата в Будущее»); Песни Монголии (173, 1935, там же); Печати (19, 1935, «Нерушимое»); Пировзы победы (120, 1935, там же); Письмена Азии (201, 1935, «Врата в Будущее»); Письмо (194, 1935, «Нерушимое»); Питание (183, 1935, «Врата в Будущее»); Пламень вещей (88, 1935); Победа (107, 1935); Подвижность (59, 1935); Подражание (144, 1935, «Нерушимое»); Пол века (42, 1935); Польза доверия (215, 1935 «Врата в Будущее»); Помощь (49, 1935, там же); Порадуемся (140, 1935, там же); Постоянная забота (64, 1935, там же); Построения (178, 1935); Потугостороннее (63, 1935); Почта (110, 1935); Правда нерушима (56, 1935); Предсказания (180, 1935); Преломления (61, 1935); Пример (105, 1935, «Нерушимое»); Продвижения (138, 1935, «Врата в Будущее»); Промедление (139, 1935, «Нерушимое»); Прощение (221, 1935); Пути золотые (106, 1935); Пьяные вандалы (34, 1935); Радуйся (23, 1935, «Врата в Будущее»); Расстояния (193, 1935); Рождение скуки (185, 1935, «Врата в Будущее»); Россия (126, 1935, «Нерушимое»); Сад будущего (93, 1935); Самовольство (14, 1934); Самогубительство (17, 1934, «Нерушимое»); Самое простое (79, 1935, там же); Самонужнейшее (150, 1935, «Врата в Будущее»); Свет неугасимый (19, 1934); Свет опознанный (80, 1935); Светочи (1, без даты); Свет побеждает тьму (222, 1935); Святослав (152, 1935); Священное древо (3, без даты); Священный дозор (147, 1935); Серенсипити (Serencipity) (158, 1935, «Нерушимое»); Серов (52, 1935, там же); Семидесятилетие (132, 1935); Сеятели (172, 1935, «Врата в Будущее»); Симфония жизни (137, 1935); Сказки (51, 1935, «Нерушимое»); Скорее (167, 1935); Следы мысли (33, 1935, «Врата в Будущее»); Совершенно новое (143, 1935, «Нерушимое»); Содружество (190, 1935, «Врата в Будущее»); Справедливость (65, 1935); Сравнение (153, 1935, «Нерушимое»); Средневековые (179, 1935, там же); Старинные лекарства (208, 1935, «Врата в Будущее»); Стойкость (57, 1935, «Нерушимое»); Страшный зверь (20, 1934, «Врата в Будущее»); Строитель (188, 1935, там же); Судьба (210, 1935, там же); Сущность (116, 1935, «Нерушимое»); Тайны (102, 1935, там же); Тактика Адверза (68, 1935, там же); Терпение (119, 1935); Теснины (29, 1935, «Врата в Будущее»); Тибет (89, 1935, там же); Требования (181, 1935); Труд (134, 1935, «Врата в Будущее»); Туман (72, 1935); У черты (198, 1935); Удача (83, 1935, «Врата в Будущее»); Урбанизм (202, 1935); Ученые (76, 1935); Фан Мемориал (26, 1935, «Врата в Будущее»); Флора (38, 1935, там же); Фредам (163, 1935, «Нерушимое»); Художники (66, 1935, там же); Эзопова басня (8, 1934, «Нерушимое»); Эпидемии (60, 1935, там же); Эпика скорби (15, 1934); Эрдены Мори (100, 1935, «Врата в Будущее»); Цветы художества (5, 1934, газ. «Сегодня», Рига, 23. VIII, 1937); Ценность прекрасного (37, 1935, «Врата в Будущее»); Чандогия Упанишады (112, 1935, там же); Чаша (111, 1935); Черви (135, 1935); Чутким сердцем (71, 1935); Чуткость (30, 1935); Школы (122, 1935, «Врата в Будущее»); Шри Рамакришна (213, 1935, там же); Ягиль (103, 1935, там же).

5. **Моя жизнь. Листы дневника.** Первая подборка — 92 очерка.

В 1936 году Н. К. Рерих начал группировку очерков под наименованием «Моя жизнь. Листы дневника». Первая подборка «Моей жизни» содержит 92 очерка, написанных в основном за период 1935—1937 гг. Полный комплект подборки хранится у С. Н. Рериха в Индии. Очерки приводятся в алфавитном порядке, после наименования следуют: порядковые номера, присвоенные очеркам самим Н. К. Рерихом, дата написания и справка о публикации.

Академия художеств (№ 92, 1938, «Октябрь», 1958, № 10); Александр Бенуа (75, 1936); Александр Яковлев (88, 1938); Беловодье (67, 1936); Будущее (17, 1935); Будь готов (34, 1935); Бывшее и будущее (41, 1935); Вандалы (90, газ. «Рассвет», Чикаго, 12. XI. 1938); Везде (51, 1935); Вехи (30, 1935, «Гимават» /англ./); Воздействия (16, 1935); Возобновления (13, 1935); Волны жизни (38, 1935); Восхождения (23, 1935); Все тихо (43, 1935); Грозы (56, 1935); Движение Новой Жизни (9, 1935); Добрая память (18, 1935); Добро (59, 1935); Добрые вести (44, 1935); Доктор Ф. Д. Лукин (74, 1936); Единение (65, 1936, «Прекрасное Единение» /англ./); Жизнь Вечная (53, 1935); Защита (61, 1936); Зачем? (57, 1935); Знаки (60, 1935); Знаки жизни (2, 1934, газ. «Новая Заря», Париж, 17. XI. 1937); Знамя (29, 1935); Зовы пустынь (4, 1934); Из Монголии (70, 1936); Искра (39, 1935, газ. «Рассвет», Чикаго, 26. X. 1935); Итоги (62, 1936); Caveant Consules (55, 1935); Ко времени (40, 1935); Кольца (33, 1935); Латвия (79, 1937, «Зельта Грамота», Рига, 1938); Литва (69, 1936, «Зельта Грамота», Рига, 1938); Мастерская Куинджи (71, 1936, «Октябрь», 1958, № 10); Мысль (32, 1935); На страже мира (82, 1937); Насаждения (48, 1935); Наскоки (8, 1935); Нерушимая стена (45, 1935); Новогодние вести (7, 1934); Новости (91, 1938); O Quanta Allegria (11, 1935); Он (58, 1935); Основания (24, 1935); Оттуда (77, 1937, газ. «Сегодня», Рига, 4. VII. 1937); Памятный день (26, 1935); Панацея (66, 1936, «Гимават» /англ./); Парапсихология (85, 1937, газ. «Сегодня», Рига, 5. IV. 1939); Победа (27, 1935); Победный Зов (36, 1935); Подтверждение (73, 1936); Полвека (15, 1935); Построение (49, 1935); Потустороннее (19, 1935); Почта (28, 1935); Привет друзьям (78, 1937); Прекрасное Единение (12, 1935); Радость о книге (64, 1936, газ. «Сегодня», Рига, 4. V. 1936); Расстояния (47, 1935); Роскошь (3, 1934); Сад Будущего (25, 1935); Самовольство (5, 1934); Святослав (42, 1935); Семидесятилетие (35, 1935); Симфония жизни (84, 1937); Скорее (46, 1935); Сознание Красоты спасет (72, 1936); Справедливость (20, 1935); Старые годы (63, 1936); Страшный зверь (6, 1934); Творчество (86, 1937, «Мысль», Рига, 1939, № 1); Толстой и Тагор (83, 1937, «Октябрь», 1958, № 10); Требование (50, 1935); Туман (22, 1935); Урбанизм (54, 1935); У черты (52, 1935); Цветы художества (1, 1934, «Сегодня», Рига, 23. VII. 1937); Ценность прекрасного (14, 1935); Цивилизация (89, 1938); Чаша (31, 1935); Чаша неотпитая (87, 1937, «Октябрь», 1958, № 10); Черви (37, 1935); Чурляны (68, 1936); Чутким сердцем (21, 1935); Чуткость (10, 1935); Эстония (80, 1937; «Зельта Грамота», Рига, 1938); Юон и Петров-Водкин (81, 1937, «Октябрь», 1958, № 10).

**6. Моя жизнь. Листы дневника.** Вторая подборка 659 очерков. Начата Н. К. Рерихом в 1937 году и включает в себя очерки последних лет. Полный комплект подборки хранится у С. Н. Рериха в Индии.

Аввакум (648, 1947); «А вор так ни в чем и не виноват?» (25, 1937); Азия (46, 1937); Академия (8, 1937); Академия (249, 1941); Америка (155, 167, 184, 194, 238, 240, 256, 268, 270, 279, 284, 288, 292, 299, 302, 305, 318, 324, 330, 334, 337, 344, 345, 352, 354, 357, 361, 363, 366, 368, 371, 373, 374, 377, 382, 389, 395, 401, 405, 410, 413, 415, 421, 423, 427, 430, с 1939 по 1946 гг.); Антиклеветин (527, 1945); Антифобин (202, 1940); А. П. Х. (638, 1947); АРКА (№№ 339, 381, 386, 391, 398, 428, 463, 467, 480, 516, 533, с 1942 по 1946 гг.); Армагеддон Культуры (550, 1945); Археология (12, 1937); Бабенчиков (592, 1945); Бедная земля (278, 1941); Безумие (186, 1940); Безумия (244, 1940); Бенуа (98, 1939); Бесспорное (266, 1941); Битва (24, 1937); Битва (275, 1941); Битва (494, 1944); Благодушно (633, 1947); Блок и

Врубель (28, 1937); Богатство (62, 1938); Болезнь лжи (522, 1945); Боль планеты (162, 1940); Большой год (142, 1939); Борис (536, 1945); Борис Григорьев (40, 1937); Борьба (239, 1941); Борьба за культуру (469, 1944); Будем бережливы (69, 1938); Будущее (149, 1939); Будущее (207, 1940); Будущее (286, 1941); Булгаков (590, 1946); Булгакову (614, 1946); Булгакову (616, 1946); Булгакову (629, 1947); Булгаков (659, 1947); Бывальщина (384, 1943); Бывшее (229, 1941); В Америку (208, 1940); В будущее (548, 1945); В грозе и молнии (272, 1941, «Октябрь», 1958, № 10); Вдаль (524, 1945); В Москву (380, 1943); В Москву (637, 1947); В Новый путь (281, 1941); В трудах (234, 1941); В Шанхай (582, 1946); Вазари (424, 1943); Вайчулянис (159, 1940); Взлеты (586, 1946); Века (82, 1939); Великий Новгород (74, 1939); Великому народу русскому (187, 1940); Великолепная работа (319, 1942); Велико добро (378, 1943); Верден (283, 1941); Верь — не верь (126, 1939); Весна (235, 1941); Вестник (585, 1946); Вестники (242, 1941); Весточка (923, 1947); Выбации (343, 1942); Вивите Фортес (517, 1945); Возражение (125, 1939); Военная тропа (541, 1945); Война (102, 1939); Воины (570, 1946); Во славу (464, 1944); Вперед (59, 1938, «Гимават» /на англ. яз./); Вперед (340, 1942); Вперед (501, 1944); Вперед (514, 1945); Вперед (525, 1945); Вперед (580, 1946); Вперед (644, 1947); Врачи (120, 1939); Вредители (150, 1939); Всеславянское (276, 1941, «Октябрь», 1958, № 10); Встречи (145, 1939); Встречи (181, 1940); Выдумки (41, 1940); Выдумщики (348, 1942); Выставка (309, 1941); Ганди (390, 1943); Герои (300, 1941); Герои (508, 1944); Героический реализм (451, 1944); Геростраты (400, 1943); Гималаи (392, 1943); Головин (30, 1937); Голод (282, 1941); Голос Горького (264, 1941, «Октябрь», 1958, № 10); Гонения (85, 1939); Города поглощенные (99, 1939); Грабарь (34, 1937); Грабарь (№№ 488, 537, 549, 560, 578, 579, 589, 598, 607, 618, 625, 630, 635, 639, 643, 645, 647, 650, 655, 658, с 1944 по 1947 гг.); Грабарю (611, 1946); Грабительство (192, 1940); Грамоты (129, 1939); Годовщина (198, 1940); Грозное время (574, 1946); Грозные дни (355, 1942); Грустно (646, 1947); Гусь лалчаты (298, 1941); Давно (569, 1946); 24 марта 1939 г. (81, 1939); 24 марта 1940 г. (169, 1940); 24 марта 1941 г. (231, 1941); 24 марта 1942 г. (327, 1942); 24 марта (465, 1944); Движение (584, 1946); Действительность (154, 1939, «Октябрь», 1958, № 10); Дела (561, 1945); Диковины (45, 1937); Динозавры (450, 1943, «Гимават» /на англ. яз./); Для будущего (58, 1938); Добрая мысль (454, 1944); Доброкачественность (110, 1939); Добрые вести (475, 1944); Договор (212, 1940); Дозор (471, 1944); Дозор (609, 1946); Дозор (626, 1947); Долой осудительство (230, 1941); Доколе? (226, 1941); Доплывем (558, 1945); Доплывем (656, 1947); Досмотры (228, 1941); Достоинство (254, 1941); Доступнее (296, 1941); Древности (440, 1943); Друг человечества (76, 1939, «Рассвет», Чикаго, март, 1939); Другу (156, 1939); Другу (564, 1945); Другу (565, 1945); Другу (610, 1946); Дружество (329, 1942); Дружно (615, 1946); Друзья (15, 1937); Друзья (236, 1941); Друзья (294, 1941); Друзья (552, 1945); Друзья Востока (311, 1942, «Гимават» /на англ. яз./); Друзьям (621, 1946); Друзьям (652, 1947); Друзьям художникам (116, 1939, «Мысль», Рига, 1939, № 1); Дума (269, 1941); Дума (409, 1943); Душа народа (262, 1941); Душевность (53, 1938); Душно лето (545, 1945); Дягилев (33, 1937); Единение (365, 1942); Единение или гибель (220, 1940); Единомыслие (108, 1939); Еще Америка (177, 1940); Еще гибель (75, 1939); Еще радости (71, 1939); Еще театр (117, 1939); Жарко (595, 1946); Живем (468, 1944); Живопись (9, 1937, «Октябрь» 1958, № 10); Жданные сроки (422, 1943); Ждать и надеяться (597, 1946); Ждем (606, 1946); Жизнь (1, 1937); Жизнь (539, 1945); Жуть (36, 1937); За Русь! (322, 1942); За культуру (512, 1945); За что? (199, 1940); Забота (136, 1939); Заботно (506, 1944); Забытый (431, 1943); Зажигайте сердца (542, 1945); Западни (38, 1937); Зарождение легенд (92, 1939); Земля обновленная (190, 1940); Знайте (111, 1939); Знаки (367, 1942); Знаменосцы (472, 1944); Знамя Мира (104, 1939); Знамя Мира (452, 1944); Знамя Мира (497, 1944);

Знамя Мира (556, 1945); Зов о Культуре (375, 1942); И так бывало (21, 1937); Игнатъев А. А. (460, 1944); Из письма (306, 1941); Индия (47, 1937); Индия (559, 1945); Истинность (369, 1942); К будущему (315, 1942); К будущему (457, 1944); К дальним (232, 1941); Каменный век (486, 1944); Камни проклятые (477, 1944); Катакомбы (347, 1942); Quaezets Quiet Devoret (91, 1939); Колебания (87, 1939); Конец войны (547, 1945); Корабль Культуры (534, 1945); Кормон (27, 1937); Красота (328, 1942); Красный флаг (218, 1940); Кредо (65, 1938, «Гимават» /на англ. яз./); Кредо (408, 1943); Крик пространства (119, 1939, «Гимават» /на англ. яз./); Круги (557, 1945); Кружные пути (164, 1940); Крылья (274, 1941); Крылья Победы (429, 1943); Куинджи (160, 1940, «Литературные записки», Рига, 1940, № 1); Культура (84, 1939); Культура? (223, 1940); Культура (289, 1941); Культура (358, 1942); Культура (434, 1943); Культура (437, 1943); Культура (441, 1943); Культура (444, 1943); Культура (446, 1943); Культура (449, 1943); Культура (453, 1944); Культура (456, 1944); Культура (478, 1944); Культура (482, 1944); Культура — где ты? (634, 1947); Курукшетра (287, 1941); Лада (54, 1938); Ладно ли? (503, 1944); Леонардо (290, 1941); Леонид Андреев (31, 1937); Летопись (458, 1944); Лига Культуры (316, 1941); Лик Америки (259, 1941); Лик Индии (48, 1937); Лист (134, 1939); Лонак (466, 1944); Любите Родину (509, 1944); Март (631, 1947); Мистерство (261, 1941); Мера искусства (376, 1942); Метеоры (403, 1943); Мечи (141, 1939); Мечты (80, 1939); Миражи (144, 1939); Мир в маске (94, 1939); Мир всему живущему (79, 1939); Мир движется (546, 1945); «Мир искусства» (122, 1939); Мистицизм (43, 1937); А. М. Л. (640, 1947); Много примеров (63, 1938); Могуча Русь (308, 1941); Мозаика (66, 1938); Мозаика (523, 1945, «Октябрь», 1958, № 10); Молодежи (222, 1940); Молодому другу (178, 1940, «Октябрь», 1958, № 10); Монгольская песня (654, 1947); Море волнуется (124, 1939); Москва (393, 1939); Мужество (285, 1941); Мусоргский (78, 1939); Мысль (11, 1937); Мясин (504, 1944); На вышке (484, 1941); Наггар (49, 1937); Нада (247, 1941); На дозоре (602, 1946); Найдите прививку (233, 1941); На острове (191, 1940); Напоминайте (533, 1945); Народ (51, 1938); Народная Академия (35, 1937); Народная Победа (312, 1942); Народность (168, 1940); Начало (6, 1937, «Октябрь», 1958, № 10); Наша Академия в Нью-Йорке (135, 1939); Наше Знамя (571, 1946); Наше Латвийское Общество (166, 1940); Небесное зодчество (138, 1939); Не болей (500, 1944); Неблагодарность (439, 1943); Недописанное (175, 1940); Недоумения (209, 1940); Не замай! (182, 1940, «Октябрь», 1958, № 10); Незаписанная повесть (303, 1941); Неисправимые (455, 1943); Непосланное (532, 1945); Несказуемое (42, 1937); Несправедливость (183, 1940); Не укради (513, 1945); «Новая Земля» (225, 1941); Новизна (100, 1939); Новое (622, 1946); Новый год (510, 1945); Новый год (566, 1946); Новый год (619, 1947); Новые друзья (593, 1946); «Новый Мир» (433, 1943); Нужда (131, 1939); Нумизматика (13, 1937); Нутро (196, 1940); О будущем (387, 1943); Обзоры искусства (157, 1939, «Литературные записки», Рига, 1940); Оборона Культуры (56, 1938); Оборона Родины (267, 1941, «Октябрь», 1958, № 10); Общее дело (23, 1937); Общее дело (521, 1945); «Огонь на меня» (435, 1943); Огрубение (402, 1943); Оковы мысли (291, 1941); Опасность (252, 1941); Оптимизм (587, 1946); Опять Америка (173, 1940); Опять война (132, 1939); Опять труд (624, 1947); Осолки (360, 1942); Особая весна (243, 1941); Особенное (68, 1938); Останки (114, 1939); Отец (5, 1937); Охраните (304, 1941); Охранителям культурных сокровищ (133, 1939); Охота (10, 1937); Оценки (14, 1937); Очаги Красоты (394, 1943); Ошибки истории (118, 1939); Париж (95, 1939); Памятка (445, 1943); Памятка (520, 1945); Памятка (596, 1946); Памятки (151, 1939); Памятки (201, 1940); Памятки (351, 1942); Памятный день (573, 1946); Пандитджи (338, 1942, «Октябрь», 1958, № 10); Паспорта (146, 1939); Первопечатник (26, 1937); Первое мая (253, 1941, «Октябрь», 1958, № 10); Переживем (293, 1941); Переживем (314, 1942); Переоценка (342, 1942); Переустройство мира (335, 1942); Пет-

ров-Водкин и Григорьев (83, 1939); Печаль (507, 1944); Письма Елены Ивановны (161, 1940); Письмо (588, 1946); Плач (511, 1945); Племя молодое (158, 1939, «Литературные записки», Рига, 1940); По дружбе (426, 1943); По заслугам (273, 1941); Победа (538, 1945); Победа радости (425, 1943); Повторения (396, 1943); Подвиг (323, 1942, «Гимават», /на англ. яз./); Подвиги (211, 1940); Подделки (18, 1937); Поддельная Европа (414, 1943); Подивитесь (502, 1944); Подробности (93, 1939); Подсчеты (179, 1940); Поздно (336, 1942); Показания (418, 1943); Полнота жизни (224, 1941); Посев (188, 1940); Посевы (52, 1938); Посевы (295, 1941); Посевы (407, 1943); Поспешим (495, 1944); Посылки (473, 1944); Потери (67, 1938); Почему? (411, 1943); Правильное задание (200, 1940); Прага (572, 1946); Предрассудки (205, 1940); Предубеждения (210, 1940); Прекрасный путь (491, 1944); Преодолевам (651, 1947); Преодоление (64, 1938); Преодолеваете (496, 1944); Препятствующие (115, 1939); Призраки (385, 1943); Причины (260, 1941); Проблемы (350, 1942); Проверка (353, 1942); Продажа душ (73, 1939, «Гимават» /на англ. яз./); Продажа кинжалов (148, 1939); Продвижение (562, 1945); Пройдет (577, 1946); Промыслы (412, 1943); Пророчества (172, 1940); Пропуск (147, 1939); Прочная работа (112, 1939); Психический каннибализм (185, 1940); Псков (96, 1939); Пуп Земли (448, 1943); Пути (313, 1942); Пути мира (245, 1941); Путники (221, 1940); Равнодушие (88, 1939); Радоваться (649, 1947); Радоваться вам (612, 1946); Радостно (397, 1943); Радость (4, 1937); Радость (70, 1939); Радость (567, 1946); Радость народа (317, 1942); Реализм (139, 1939, «Октябрь», 1958, № 10); Репин (490, 1944); Респице финем (416, 1943); Рим (432, 1943); Римский-Корсаков (476, 1944); Родина (543, 1945); Русская икона (60, 1938); Русская слава (121, 1939, «Литературные записки», Рига, 1940); Русский век (483, 1944); Русский Музей (57, 1938); Русский Музей (540, 1945); Русский язык (90, 1939, «Октябрь», 1958, № 10); Русскому Литовцу (442, 1943); Русскому народу (379, 1943); Русскому сердцу (462, 1944); Русскость (174, 1940); Русь (563, 1945); Русь — Индия (470, 1944); Рушин-Вроблевский (106, 1939); Рылов (479, 1944); Сад (601, 1946); Самое первое (2, 1937, «Октябрь», 1958, № 10); Самое утомительное (97, 1939); Самоцвет (257, 1941); Сантана (176, 1940); Санта фе (529, 1945); Сберегите (307, 1941); Сбережем (485, 1941); Сближение (170, 1940, «Литературные Записки», Рига, 1940); Сборы (217, 1940); Сверхъестественное (44, 1937); Светуку (518, 1945); Свобода познания (399, 1943); Семья художества (346, 1941); Сергиева Лавра (526, 1945); Сердце (519, 1945); Сятели (603, 1946); Сила народа (251, 1941, «Октябрь», 1958, № 10); Сильны, богаты (250, 1941); Сингапур (321, 1942); Синтез (237, 1941); Сказано (310, 1942); Сказка (89, 1939); Сколько? (362, 1942); Скорей (459, 1944); Скоро (498, 1944); Слава (383, 1943, «Гимават» /на англ. яз./); Скрыны (227, 1940); Скрябин (219, 1940); Славный уход (103, 1939); Славяне (481, 1944); Сложно (617, 1946); Сложности (333, 1942); Служители (29, 1937); Служители Индии (406, 1943); Случай (443, 1943); Слушайте (263, 1941); Смекалка (265, 1941); Смерч (248, 1941); Смятение (554, 1945); Собрания (530, 1945); Собиратели (20, 1937, «Гимават» /на англ. яз./); Собирательство (17, 1937, «Гимават» /на англ. яз./); Содружник (158, 1939); Сокровища Российские (127, 1939); Сокровище (575, 1946); Сокрывает (215, 1940); Сорок лет (297, 1941); Со-роковой (165, 1940); Сотрудники (553, 1945); Сотруднику (193, 1940); Сотруднику (613, 1946); Сотрудница (555, 1945); Сотруднице (581, 1945); Сотруднице (600, 1946); Сотруднице (608, 1946); Сотруднице (620, 1947); Сотруднице (627, 1947); Сотруднице (642, 1947); Спасительницы (140, 1939); Спеша (591, 1946); Спешим (599, 1946); Спешно (489, 1944); Спешно (531, 1945); Средства (130, 1939); Срывы (493, 1944); Старые друзья (143, 1939); Старые письма (123, 1939); Старые письма (474, 1944); Стихия (55, 1938); Столкновения (72, 1939); Странники (171, 1940); Странники (594, 1946); Странности (349, 1942); Странно! (628, 1947); Страсти (341, 1942); Стройка (576, 1946); Ступени (105, 1939); Судьба (19, 1937,

«Гимават» /на англ. яз./; Судьбы (152, 1939); Счастье (241, 1941); Тагор (195, 1940); Тагор (277, 1941); Тампи (214, 1940); Тартюф (320, 1942); Твердим (461, 1944); Театр (22, 1937); Тернии пути (86, 1939); Терпите (280, 1941); Терпите (487, 1944); Торнадо (641, 1947); Тревожно (206, 1940); Тридцатое царство (203, 1940); Три меча (3, 1937, «Октябрь», 1958, № 10); Труд (551, 1945); Трудно (258, 1941); Трудно (544, 1945); Трудно (636, 1947); Трудный сезон (605, 1946); Трудные дни (271, 1941); Трудные дни (356, 1942); Трудные дни (568, 1946); Туда и оттуда (180, 1940); Тушители (101, 1939); Уберегите (189, 1940); Ужас (301, 1941); Украина (653, 1947); Умудренность (197, 1940); Университет (7, 1937, «Октябрь», 1958, № 10); Упаси! (50, 1938); Урусвати (61, 1938); Утрясется (657, 1947); Учеба (16, 1937); Финляндия (37, 1937); Фрагменты (128, 1939); Флорентина Сутро (163, 1940); Флюгера (436, 1943); Хвосты и когти (370, 1942); Холст (499, 1944); Хорошее (528, 1945); Хорошо ли (505, 1944); Художники (535, 1945); Чайка (372, 1942); Чарльз Крэн (109, 1939); Час Культуры (326, 1942); Человечность (332, 1942); Четвертый год (359, 1942); Четверть века (325, 1942); Четверть века (515, 1945); Читра (213, 1940); Что же такое (404, 1943); Чутье (447, 1943); Шаляпин и Стравинский (32, 1937); Шамбала (388, 1943); Шанхай (604, 1946); Шанхай (632, 1947); Шатания (204, 1940); Шепот (246, 1941); Шептуны (420, 1943); Шестая колонна (419, 1943); Шествия (255, 1941); Шестой год (492, 1944); Шовинизм (107, 1939); Шум — звон (216, 1940); Шуко (77, 1939); Эволюция (438, 1943); Эллада (113, 1939); Эпизоды (137, 1939); Эфемериды (331, 1942); Югославия (39, 1937); Языки (364, 1942); Ярость (417, 1943).

*Примечание.* Материалы двух подборок «Моей жизни» являются основным фондом неизданного литературного наследия Н. К. Рериха.

Свыше 700 очерков двух подборок «Моей жизни» в русские сборники Н. К. Рериха уже не попали, т. к. последний из них («Нерушимое») был издан в 1936 году. Незначительное число очерков было включено в последние сборники Н. К. Рериха на английском языке и опубликовано в нескольких периодических изданиях.

Н. К. Рерих не вел систематических дневников. Автобиографические материалы, воспоминания, события и лица, с которыми соприкасался Н. К. Рерих в своей многосторонней деятельности, нашли свое отражение в «Моей жизни». Поводом для многих записей «Моей жизни» являлась обширная переписка художника.

Отдельные темы, затрагиваемые Н. К. Рерихом в своих письмах, он дорабатывал и придавал им форму законченных очерков. В последней подборке «Моей жизни» некоторые наименования неоднократно повторяются. Среди них больше всего: «Америка», «АРКА», «Грабарь», «Булгаков», — все это письма последнего периода, которые не получили окончательной очерковой доработки.

### III. КНИГИ Н. К. РЕРИХА, ИЗДАННЫЕ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

1. **Adamant**, New-York, Publ. "Corona Mundi", 1924, 139 стр. (англ.)
2. **Adamant**. Translated by Takenchi, Kyoto, 1925 (япон.)  
Содержание:

Adamant (1920); Shield (1920); Path of Blessing (1921); Homunculus (1921); Collectors (1921); Helpers (1921); Spectacle (1922); Garment of Spirit (1921); Truth (1922); Rhythm of Life (1922); Activity (1923); Watch Towers of America (1923); Beauty-The Conqueror (1923); Standard of Beauty (1923); Chauvinism (1923); The Right of Entrance (1923); New Era (1923); Joy of Art (1921); The Stone Age (без даты).

Книга «Adamant» составлялась автором почти одновременно с русской книгой «Пути Благословения». Из статей последней: «Адамант», «Пути Бла-

гословения», «Одеяние Духа», «Действие», «Право входа», «Новая Эра» — были включены в сборник «Adamant».

Таким образом, примерно половину текста книги «Adamant» составляют очерки, входящие в русский сборник «Пути Благословения».

3. *La Joie de l'Art. Le Vrai et le Beau*, Paris, 1928, 62 стр. (франц.)

4. *Altai Himalaya*, New-York, Publ. F. A. Stokes Co, 1929, 407 стр. (англ.)

#### Содержание книги:

India (1924); Sikhim. (1924); Pir—Panzal (1925); Ladak (1925); Lamayuru-Hemis (1925); Leh — Karakorum — Khotan (1925); Khotan (1925—1926); Takla Makan — Karashahr (1926); Karashahr — Dzungaria (1926); Altai (1926), Mongolia (1926—1927); Tibet (1927—1928).

Книге предпослано предисловие К. Брагдона.

5. *Shambhala — The Resplendent*, New-York, F. A. Stokes Co, 1930, 316 стр. (англ.)

#### Содержание книги:

Shambhala (1928), Treasure of the Snows (1928); Buddhism in Tibet (1928); Tibetan Art (1928); The Veils of Death (1927); Obsession (1927); Chingiz-Khan (1904); Lakshmi, the Victorious (1908); The Boundaries of the Kingdom (1910); Hidden Treasures (без даты); Jalnik, the Site of Compassion (без даты). Gayatri (1916); Dreams (без даты); The Desert Gities (1910); Lyut, the Giant (1908); Star of the Mother of the World (1924); Praise to the Enemies (1925); A Letter (1927); Urusvati (1929); Son of the King (1926); Subterranean Dwellers (1928); Light in the Desert (1928); Gods of Kuluta (1929); King Solomon (1928); The Great Mother (1928); Joi of Greation (1929); Guru — The Teacher (без даты); 106 стр. (англ.).

6. *Altai Himalaya*, London, Publ. Jarrolds, 1930 (англ.).

7. *Flame in Chalice*, New-York, Roerich Museum Press, 1930, 106 стр. (англ.).

Книга поэтических произведений Н. Рериха является переводом русского издания «Цветов Мории», вышедшего в 1921 г. в Берлине. Русское издание открывается стихотворением «Заклятие», разбитым на 3 части, за ним следует стихотворение «Священные Знаки». В английском издании каждая часть «Заклятия» и «Священные Знаки» раздельно озаглавлены: “Sacred Signs”. Кроме того в английском издании отсутствуют стихотворения «Оставил» и «Лакшми Победительница». В остальном английское издание идентично русским.

8. *Heart of Asia*, New-York, Roerich Museum Press, 1930, 171 стр. (англ.).

9. *El Corazon de Asia-Biblioteca*, Buenos Aires, “Nueva Era”, 1930 (испан.).

10. *Realm of Light*, New-York, Roerich Museum Press, 1932, 334 стр. (англ.).

11. *Fiery Stronghold*, Boston, Publ. Stratford Co, 1935, 549 стр. (англ.).

12. *Joy of Art. The Art*, Society Amritsar, 1942, 18 стр. (англ.).

Этому изданию предпослано предисловие С. Радхакришнана.

13. *Beautiful Unity*, Bombay, The Youths Art & Culture Circle, 70 стр. (англ.).

Сборнику предпосланы введение Б. Гарга и предисловие Абаниндранат Тагора.



### Содержание:

Beautiful Unity; Renaissance; Realization of the Beautiful; The Beautiful; Treasure of the Home; Guru -- The Teacher; Cultural Unity; Adamant; The Eternal Garment; Unity.

Очерки являются переводом русских текстов, частично опубликованных в сборниках «Пути Благословения», «Держава Света», «Твердыня Пламенная».

14. *Himavat*, Kitabistan Allahabad, 1947, 349 стр. (англ.).

### Содержание:

I. *Himavat*. *Himavat*; India; Friends of the East; Scriptures of Asia; Shambhala; The Stone; Holy Guardians; Erdeni Mori; Gifts of the East; The Sword of Ghessar Khan; Gods of Kuluta; Ancient Medicines; Greetings to the Great Artist Abanindranath Tagore; The Builder; Shri Ramakrishna; Tagore and Tolstoy; Guru -- The Teacher; Raj -- Rajesvari;

II. *The Beautiful Victory*. *The Beautiful Victory*; Credo; Armour of Light; The Hour; Creators; Struggle for the Beautiful; Fate; Academies of United Arts; Forward; Gateways to the Future; Beautiful Unity;

III. *Rossica*. *Podvig*; Understanding; Russian Silhouettes; *Rossica*; The Great Novgorod; Kiev; Collecting; Collectors; Russian Art; Gorky; Glory;

IV. *Pax Per Cultura*. Guard the Culture; The Red Cross of Culture; Dinosaurs; The Great Images; Realm of Culture; Civilisation; Hridaya; Youth; Chauvinism; Dangerous Diseases; Laudable Enemies; Moloch; The Selling of Souls; Steadfastness; Vandals; Terror Antiquus; Mission of Womanhood; Cultural Unity;

V. *New Era*. *Panacea*; Book-case; Way Signs; Space is Crying; Records of Thoughts; From Beyond; Essence; Parapsychology; Signs of our Era; Combating Ignorance.

*Примечание.* Сборник «*Himavat*» по своему объему превосходит другие книги Н. Рериха, изданные на иностранных языках. Этот сборник можно считать однотомником избранных сочинений, составленных самим автором. Он отражает всю основную тематику литературных работ Н. Рериха и в него вошли статьи из всех ранее изданных сборников и некоторые неопубликованные статьи, которые предназначались Рерихом для русских изданий «Листов Дневника» и «Моя Жизнь».

Темы Азии, Искусства, Культуры и Науки подобраны автором в соответствующих разделах книги. Отдельным разделом (*Rossica*) представлена русская тематика, подчеркивающая патриотизм автора и его зарубежную миссию пропагандиста русской культуры.

15. *Himalayas -- The Abode of Light*, Bombay, Nalanda Publications, 1947, 180 стр. (англ.).

### Содержание:

*Himalayas*; Heavenly Gifts; Treasure of the Snows; Sacred Ashrams; Ascending the Heights; Himalayan Song; From Kailas; Urusvati; Legends; In His Name; Mysteries; Rishis; Himalayan Prophecies; Shambhala; Abode of Light; Knowledge of Experience; Shambhale Lam; Sacred Land; Frontiers of Shambhala; Shambhala -- Monsalvat; Tibet; Light in the Desert; Maitreya; Legends of Stone.

*Примечание.* Статьи, вошедшие в сборник, большей частью публиковались ранее в других книгах: «*Shambhala*», «Сердце Азии», «Твердыня Пламенная», «Держава Света», «Врата в Будущее», «Нерушимое». В отличие от точных авторизованных переводов с русского на английский, к которым обычно Рерих прибегал, в сборнике «*Himalayas Abode of Light*» Рерих употребляет другой метод, который можно сравнить с методом повторения тем в его живописи последнего периода. Как последние варианты картин

Гималайского цикла, не меняя сюжета и наименования, значительно отличаются от первоначальных, так и статьи данного сборника носят следы авторской переработки. В основном она состоит в том, что автор выбирает из своих Гималайских записей отдельные места, по-новому их компоует, иногда несколько добавляя и перерабатывая. В результате такого отбора наиболее значительных моментов звучание многих тем усиливается.

Собрнику «Himalayas Abode of Light» суждено было стать последним прижизненным изданием книг Н. К. Рериха.

#### IV. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ИЗДАННЫЕ ИЛИ ПОДГОТОВЛЕННЫЕ АВТОРОМ К ИЗДАНИЮ КНИГИ

В большинстве случаев Н. К. Рерих систематизировал свои очерки для сборников. Однако некоторые публицистические и литературные произведения остались за рамками изданных или подготовленных им сборников. За малым исключением все они появились в периодических изданиях. Ссылки на повторные публикации и переводы на иностранные языки не приводятся.

Вандализм, газ. «Рассвет», Чикаго, 6. VII. 1937; Варяг, «Литературный сборник студентов Петербургского университета», СПб., 1896; Владычица Знамени Мира, стихотворение 1933 г., не публиковалось; Воспоминания о Талашкине, сборник «Талашкино», СПб., 1905; Всемирная Лига Культуры, 1932 г., не публиковалось; Встречи с Львом Толстым и Рабиндранатом Тагором, газ. «Сегодня», Рига, 17. I. 1937; Гайатри; Монография «Н. Рерих», Пг., изд. «Свободное искусство», 1916; Дневник охотника, журнал «Охотник», СПб., 1890; Дорогие друзья (обращение к конгрессу об-ва им. Рериха в Балт. странах), «Зельта Грамота», Рига, 1938; Древности Бежецкого конца, «Записки Русского Археолог. об-ва», СПб., 1904; Древности Водской пятины, «Вестник Археологического института», СПб., 1902; Древности Шелонской пятины, «Записки Русского Археолог. об-ва», СПб., 1901; Жальник, монография «Н. Рерих», Пг., изд. «Свободное искусство», 1916; Из книги (стихотворение), Эрнст С., «Н. Рерих», Пг., 1918; Из прошлой и настоящей жизни русского искусства, журнал «Искусство», 1905, №№ 4, 5; Иконы, газ. «Рассвет», Чикаго, 1936; Индийская точка зрения на этику и эстетику. Не публиковалась. Хранится среди материалов «Моей жизни», но в нумерацию сборника не включена; Искусство — воинам, 1915 г. (хранится в архиве Третьяковской галереи); Искусство и археология, журнал «Искусство и художественная промышленность», СПб., 1898, № 3; 1899, №№ 4, 5; Итальянская легенда, газ. «Слово», Нью-Йорк, 1926, № 137; Королевич, «Литературный сборник студентов Петербургского университета», СПб., 1893; Куинджи, газ. «Сегодня», Рига, 1936, № 309; Листки художника, журнал «Золотое Руно», М., 1906—1907; Мои воспоминания о Латвии и встречи с латвийскими деятелями, газ. «Сегодня», Рига, 1937, № 84; Мои встречи с Куинджи, Пурвитом, Богаевским, Рыловым и другими славными художниками, газ. «Сегодня», Рига, 1936, № 309; Моя поездка по Литве, газ. «Сегодня», Рига, 5. XI. 1937; Наши художественные дела; «Искусство и художественная промышленность», 1898, № 1—2; 1899; № 6; Об А. Бенуа, его славной семье, картинах, постановках и истории искусства, газ. «Сегодня», Рига, 21. II. 1937; Обитель Света (обращение к ученикам), 1930 г., не публиковалось; Письмо художника, сб. «Русская икона», 1914, № 1, Примат духа, газ. «Рассвет», Чикаго, 1936; Прошлое красоты, «Искусство», М., 1905, №№ 4, 5, 7; Пурвит, газ. «Сегодня», Рига, 1936, № 309; Русская икона, «Газета для всех», Рига, 25. XII. 1938; Рылов, газ. «Сегодня», Рига, 1936, № 309; Слово

на ответственное, газ. «Биржевые ведомости», Пг., 14. III. 1916; Служители прекрасного, газ. «Рассвет», Чикаго, 3. VIII. 1937; Сокровища старины, «Отчет Об-ва Поощрения художеств», СПб., 1904; Сон, монография «Н. Рерих», изд. «Свободное искусство», 1916; Со страдание (пьеса), 1917 г., не публиковалось; Стража у врат, монография «Н. Рерих», изд. «Свободное искусство», 1916; Суриков, «Русское Слово», 8. III. 1916; Талисман, «Последние новости», Париж, 1921; Ушкунники, «Звезда», СПб., 1891; Финские храмы, журн. «Старые годы», СПб., 1909; Художество в применении к древности, Лекции в Археологическом институте, СПб., 1898; Ценности деятельной красоты, газ. «Рассвет», Чикаго, 10. VIII. 1937; Яд земли, 1936., не публиковалось.

## Содержание

### М. Горький и Эстония

С. Г. Исаков. О попытке М. Горького и В. Брюсова издать в 1916—1917 гг. сборник эстонской литературы . . . . .	3
Б. Линде. Встречи с русскими писателями . . . . .	20
Х. Пуллеритс. О постановках пьесы М. Горького «На дне» на эстонской сцене (до 1940 года) . . . . .	31

### М. Горький и русская культура

П. С. Рейфман. Чернышевский, Писарев, Салтыков-Щедрин в оценке Горького (по материалам «Истории русской литературы») . . . . .	56
В. И. Беззубов. Леонид Андреев и Максим Горький . . . . .	85
З. Г. Минц. А. М. Горький и КУБУ . . . . .	170
I. Дополнения к «Летописи жизни и творчества М. Горького» . . . . .	183
II. Письма и отношения М. Горького по вопросам КУБУ . . . . .	235
П. Ф. Великов. Рерих и Горький . . . . .	251
Библиография произведений Н. К. Рериха . . . . .	265

Труды по русской и славянской филологии  
XIII

Горьковский сборник

На русском языке

Тартуский государственный университет  
ЭССР, г. Тарту, ул. Юликооли, 18

Ответственный редактор З. Минц  
Корректор Л. Аболдуева

Сдано в набор 30/VI 1967 г. Подписано к печати  
7/VII 1968 г. Бумага фабрики «Кохила», типо-  
графская № 3. 60×90, 1/16. Печ. листов 17,75.  
Учетн.-издат. листов 20,73. Тираж 500 экз.  
МВ-06669. Заказ № 126.

Типография им. Ханса Хейдеманна ЭССР.  
г. Тарту, ул. Юликооли, 17/19, 11

Цена 1 руб. 40 коп.